

СиБУПК
Сибирский университет
потребительской кооперации

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ им. ПРОФЕССОРА Н. Н. ПРОТОПОПОВА

в рамках II Юбилейного молодежного форума
«Траектория успеха», приуроченного к 70-летию со дня
основания Сибирского университета потребительской
кооперации (СиБУПК)

Сборник материалов

Часть 3

24–26 марта 2026 года

Новосибирск 2026

Автономная некоммерческая образовательная организация
высшего образования

Центросоюза Российской Федерации

СИБИРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ
МОЛОДЕЖНЫЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ
им. профессора Н. Н. ПРОТОПОПОВА
в рамках II Юбилейного молодежного
форума «Траектория успеха», приуроченного
к 70-летию со дня основания Сибирского
университета потребительской кооперации
(СибУПК)**

*Сборник материалов
Часть 3*

Новосибирск
24 – 26 марта 2026 года

Новосибирск 2026

УДК 001.12
ББК 72
В85

В85 Международные молодежные научные чтения им. профессора Н. Н. Протопопова в рамках II Юбилейного молодежного форума «Траектория успеха», приуроченного к 70-летию со дня основания Сибирского университета потребительской кооперации (СиБУПК) : сборник материалов (Новосибирск, 24–26 марта 2026 г.). Ч. 3 / [под ред. Э.А. Новосёловой]; АНОО ВО Центросоюза РФ «СиБУПК». Новосибирск, 2026. — 346 с.

ISBN 978-5-334-00371-2 (ч. 3)
ISBN 978-5-334-00368-2

В сборник вошли статьи участников Международных молодежных научных чтений им. профессора Н.Н. Протопопова, целью которых является представление результатов научно-исследовательской деятельности, поощрение активности обучающихся в научно-исследовательской работе. В третьей части сборника представлены результаты научных исследований по следующим направлениям: актуальные вопросы частного и публичного права; актуальные вопросы уголовного права, процесса и криминалистики; правовое регулирование труда и социального обеспечения граждан; теория и история государства и права.

УДК 001.12
ББК 72

Сборник рекомендован к изданию советом по науке Сибирского университета потребительской кооперации (СиБУПК), протокол от 24.09.2026 № 1.

ISBN 978-5-334-00371-2 (ч. 3)
ISBN 978-5-334-00368-2

© Сибирский университет
потребительской кооперации
(СиБУПК), 2026

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

<i>Агеев А. Д.</i> Исполнение исполнительного документа, не связанного со взысканием денежных средств в системе исполнительного производства Республики Беларусь: сущность и проблемные аспекты их исполнения.....	9
<i>Азаренков С. В.</i> Миграционные проблемы, связанные с потоками населения из «зон бедствий» в Африке и на Ближнем Востоке в страны Европы, и пути их решения	12
<i>Альшеевский В. Э.</i> Правовое регулирование электронных договоров	16
<i>Аишуров М. Ж.</i> Правовые модели регулирования использования искусственного интеллекта в образовании: риск-ориентированный подход в контексте новых нормативно-правовых актов Российской Федерации 2026 года	19
<i>Биган А. С.</i> Проблемы назначения выплат внебрачным детям участников специальной военной операции.....	23
<i>Болгунов Л. Д.</i> Правовая природа цифровых активов как объектов гражданских прав	27
<i>Бритько Д. Г.</i> Реализация публичных интересов при проведении государственной экологической экспертизы в области обращения с отходами в Республике Беларусь	31
<i>Василевич А. В.</i> Правовая природа и перспективы признания DAO как формы предпринимательской деятельности	35
<i>Веретенникова А. С., Свешников Д. М.</i> Правовой статус врача при принятии решений с помощью искусственного интеллекта: сохранение профессиональной автономии и ответственность.....	39
<i>Гашимов Г. З.</i> Юридическая природа и практическая реализуемость четвертого поколения прав человека: критический подход.....	42
<i>Глазков С. В.</i> Проблемы авторства и охраноспособности произведений, генерируемых искусственным интеллектом.....	45
<i>Горинов В. А.</i> Сложности взыскания убытков инвесторами в судебном порядке	49
<i>Гриценюк Е. П., Бондарчук А. В.</i> Правовое регулирование электронных повесток и цифровизации воинского учета: вызовы и перспективы.....	52
<i>Дьяченко В. А.</i> Конституционно-правовой статус беженцев в Российской Федерации: проблемы реализации и защиты	55
<i>Иванова И. Н.</i> О некоторых проблемах, возникающих в процессе рассмотрения и разрешения дел, связанных с признанием акций публичных акционерных обществ бесхозными	58

<i>Ильичёв С. А., Копытин А. А.</i> Досудебное урегулирование административных споров: между эффективностью управления и защитой прав личности.....	62
<i>Ильичёв С. А., Копытин А. А.</i> Система публичной администрации в современной правовой доктрине: структурно-функциональный анализ	65
<i>Кулакова П. С., Гергерт О. А.</i> Эвтаназия в фокусе законодательства России: между правовым запретом и конституционным правом человека....	68
<i>Лисовский Н. С.</i> Особенности снижения неустойки в отдельных видах предпринимательских договоров	71
<i>Майкич Д. М.</i> Соотношение права собственности с иными вещными правами.....	75
<i>Макаров М. И., Тюлюбаева С. А.</i> Правовая квалификация невзаимозаменяемых токенов (NFT) в системе объектов гражданских прав	78
<i>Паришиков В. А.</i> Актуальные проблемы международного коммерческого арбитража в условиях санкционных ограничений: коллизионные, процессуальные и материально-правовые аспекты	82
<i>Поляничко А. А.</i> Пределы вмешательства государства в частноправовые отношения: проблемы теории и практики	86
<i>Сергеева Е. С.</i> Правовое регулирование стандартизации и франчайзинга pet-friendly услуг в гостиницах РФ	90
<i>Таланова М. В., Максуров А. А.</i> Виды информационных правоотношений между судами и СМИ.....	94
<i>Томина Д. Д.</i> Глобализация и защита финансовых интересов: обзор механизмов разрешения споров (ЕС, ЕАЭС, ISDS)	97
<i>Филимонов Д. В.</i> Злоупотребление субъективными гражданскими правами: формы, правовые последствия и проблемы правоприменения....	100
<i>Хицунова В. П., Сурин Д. А.</i> Ответственность оператора каршеринга за вред, причинённый третьим лицам при использовании автомобиля	103
<i>Черных Е. М., Тахватулин К. С.</i> Зарубежный опыт правового регулирования цифровых и государственных услуг	107
<i>Щербакова В. С.</i> Право на отказ от цифровых сервисов как гарантия конституционных прав в условиях цифровой трансформации публичной власти	110

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

<i>Аглетдинова Д. И.</i> Роль компьютерно-технической экспертизы при расследовании неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру	114
--	-----

<i>Альшевский В. Э.</i> Мошенничество в сфере кредитования: квалификация и методы противодействия.....	117
<i>Анисимова А. Д.</i> Тенденции в преступлениях с участием несовершеннолетних.....	120
<i>Бабаева Д. Ю., Суворова В. А.</i> Проблемы реализации института отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (статья 82.1 УК РФ) и направления его совершенствования	124
<i>Бандаевский Е. А.</i> Проблемы квалификации и особенности привлечения к ответственности за размещение экстремистской информации в сети Интернет.....	127
<i>Брем Д. В.</i> Проблемы и особенности квалификации привилегированных составов мошенничества. Методы противодействия угрозе национальной безопасности	131
<i>Буйко Е. Е.</i> Алгоритм раннего выявления виктимных рисков и реагирования на попытки вовлечения несовершеннолетних в преступления.....	135
<i>Гризодуб А. М.</i> Проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве России: вызовы цифровой эпохи и поиск баланса.....	139
<i>Деханов Г. С., Калинин Д. Ю.</i> Проблемы квалификации и совершенствования состава статьи 106 УК РФ.....	142
<i>Егоров Р. С., Мельниченко Н. В.</i> Современные способы совершения контрабанды с использованием информационных технологий	145
<i>Захарова Е. А., Мусаткин В. А.</i> Отдельные вопросы совершенствования прав участников уголовного судопроизводства.....	148
<i>Золотухин И. П.</i> Уголовно-правовая охрана персональных данных	152
<i>Капранчук Д. К.</i> Вопросы уголовно-правовой оценки поджога релейных шкафов	155
<i>Качура Д. Ф.</i> Конституционно-правовые основы отказа прокурора от обвинения и их влияние на правоприменение	158
<i>Коржов Э. Э., Перенесенко В. Э.</i> Особенности военного уголовного процесса в мирное и военное время.....	161
<i>Коханова Ю. В.</i> Индивидуальная виктимологическая профилактика как метод предупреждения вовлечения несовершеннолетних в хулиганские действия	165
<i>Кувшинов И. Д.</i> Последствия за однократно совершённые по неосторожности преступления небольшой и средней тяжести и их обоснованность	169
<i>Максионович М. К., Перенесенко В. Э.</i> Коррозия личности.....	172
<i>Маркова В. А., Прозорова А. С.</i> Дипфейк как способ совершения мошенничества: проблемы квалификации	176

<i>Переведенцева А. В.</i> Особенности квалификации предмета состава преступления, предусмотренного статьей 327 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	179
<i>Подойма М. В.</i> Смертная казнь в России как вид уголовного наказания: проблемы сегодня.....	183
<i>Ракитянский Р. А.</i> Актуальные проблемы определения специального субъекта незаконной банковской деятельности.....	186
<i>Родак В. И.</i> Виктимогенные факторы личности как предикторы уязвимости к доведению до самоубийства: проблемы своевременного выявления.....	190
<i>Сергиенко А. Н., Панасицкая Ю. В.</i> Цифровой аватар адвоката и нейросеть-судья: перспективы допуска искусственного интеллекта к уголовному судопроизводству.....	194
<i>Ситников А. Е.</i> Институт отсрочки отбывания наказания в российском уголовном праве: проблемы правоприменения и пути совершенствования.....	197
<i>Тантакова Е. А.</i> Роль судебной практики и науки в формировании и реализации норм уголовного права.....	200
<i>Теслин А. В., Шадловский А. В.</i> Тенденции развития уголовной ответственности несовершеннолетних в действующем УК РФ.....	204
<i>Тимофеева А. Т., Кочубеева П. В.</i> Пределы действия уголовно-правового запрета на разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ).....	207
<i>Хорзова О. Е.</i> Реформирование прокуратуры и создание Следственного комитета Российской Федерации: ретроспективный анализ, современные проблемы.....	210
<i>Чернизов С. В.</i> Сравнительно-правовая характеристика собирания доказательств при производстве дознания в сокращенной форме.....	214
<i>Чернизова К. Д.</i> Особенности прокурорского надзора за исполнением законов при реализации уголовных наказаний.....	218
<i>Черных С. С.</i> Современные механизмы предупреждения рецидивной преступности в России.....	222
<i>Чернявский Е. В.</i> Актуальные вопросы уголовно-правового и криминологического противодействия преступности в условиях специальной военной операции.....	226
<i>Чичкина А. Н.</i> Проблемы и перспективы использования цифровых доказательств в компьютерных преступлениях.....	230
<i>Шевчук А. В., Кондраткова Н. В.</i> Похищение человека: вопросы квалификации и разграничения.....	234

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА И СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН

<i>Анисимов Д. М., Анисимова М. Е.</i> Обстоятельства, подлежащие доказыванию в спорах о признании гражданско-правовых отношений трудовыми.....	237
<i>Базаркина В. В., Ратникова И. Г.</i> Влияние международных норм на российское трудовое законодательство.....	240
<i>Безбородов Д. М., Левашова А. А.</i> Правовой статус многодетной семьи в Новосибирской области и проблемы реализации права социального обеспечения.....	244
<i>Болгунов Л. Д., Акимова Я. Ю.</i> Конкретизация рабочего места как обязательного условия трудового договора: проблема правовой неопределённости и пути законодательного решения.....	248
<i>Галиulina В. А., Егорычева А. А.</i> Анализ проблем использования материнского капитала на улучшение жилищных условий.....	251
<i>Давыденко Е. И., Шипунова К. В., Чельцова М. Г.</i> Правовое регулирование труда несовершеннолетних.....	255
<i>Егорова Е. Д.</i> Сравнительно-правовой анализ аутсорсинга и аутстаффинга.....	258
<i>Жигинас М. Д., Пилипчак Е. И.</i> Роль социально ориентированных некоммерческих организаций в системе социальной поддержки многодетных семей (на примере г. Новосибирска).....	262
<i>Истомина К. Э., Мазур Е. А., Жук Г. В.</i> Защита прав граждан на пенсионное обеспечение.....	265
<i>Казакова К. В., Госсен В. А., Евсикова Д. А.</i> Государственное страхование жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов: условия, случаи выплат, спорные ситуации.....	269
<i>Колесник Д. С., Чельцов М. В.</i> Проблемы эффективности мер комиссий по делам несовершеннолетних при привлечении к административной ответственности родителей за неисполнение обязанностей по воспитанию детей.....	273
<i>Кривчикова Е. К., Чельцова М. Г.</i> Нормативно-правовое регулирование в области социального обеспечения граждан.....	277
<i>Куликова А. С.</i> Отдельные проблемы обеспечения прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в жилищной сфере.....	280
<i>Синчишина А. Р., Яковлева Я. М.</i> Основные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей.....	284
<i>Трусихина А. В., Мазова М. Е.</i> Трудовые конфликты как причина проблем со страховыми выплатами при несчастных случаях на производстве.....	287

<i>Яковенко К. В., Плахотина Н. А.</i> Денежные выплаты после смерти работника: проблемы правового регулирования	291
--	-----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Алиева С. Ф., Штокалова А. А.</i> Эволюция понятия государственного суверенитета в теории и истории государства и права	295
<i>Бабкова П. В., Осипов Р. А.</i> Правовое прогнозирование как вид юридической деятельности	298
<i>Вахрушева В. М.</i> Интеграция искусственного интеллекта в учебный процесс	302
<i>Вильбик И. А.</i> Политические системы Древнего Китая в эпоху Цинь и Хань: причины большей устойчивости империи Хань	306
<i>Гашишникова Т. Д., Горин С. Г.</i> Феномен клипового мышления в образовательной среде: поиск интерактивных методов обучения	309
<i>Захарова В. Р.</i> Эволюция понятия «суверенитет»	313
<i>Зюзь А. А.</i> Проблемы правового злоупотребления в современной России... ..	317
<i>Капранчук Д. К.</i> «Мертвые нормы» в российском законодательстве: теоретические проблемы и практические аспекты	321
<i>Касьянова Э. А., Суворова В. А.</i> Обеспечение национальной безопасности как важнейшая функция современного государства	324
<i>Ковяткина Е. А.</i> Легизм в Древнем Китае: основные положения и влияние на политику империи Цинь	328
<i>Купцова С. А.</i> Теория государства и права в школьном курсе права (по материалам российских и казахстанских школьных учебников права)	332
<i>Тимошенко Е. А.</i> Принцип верховенства права в условиях чрезвычайного и военного положения: пределы ограничений	335
<i>Цыплаков С. Д.</i> Механизмы канонического регулирования отношений между поместными церквами в условиях геополитических трансформаций XX века	339
<i>Юданов Д. Д., Осипов Р. А.</i> Правовое прогнозирование института оказания бесплатной юридической помощи	342

УДК 355.241

**ИСПОЛНЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОКУМЕНТА,
НЕ СВЯЗАННОГО СО ВЗЫСКАНИЕМ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ
В СИСТЕМЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ: СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИХ
ИСПОЛНЕНИЯ**

А. Д. Агеев

Научный руководитель: Т. А. Корень, *канд. юрид. наук, доцент*
Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова
(МГУ им. А. А. Кулешова), г. Могилев, Беларусь
anton.ageev.2004@mail.ru

В работе рассмотрена сущность требований неимущественного характера, которые являются предметом исполнительного документа в системе исполнительного производства Республики Беларусь, а также определены проблемные аспекты при исполнении данных требований.

Ключевые слова: исполнительное производство, исполнительный документ, требования неимущественного характера, должник, взыскатель, споры о детях, восстановление на работе, выселение, вселение, административная ответственность.

Исполнительное производство является важной и заключительной стадией гражданского процесса. На данной стадии происходит процесс исполнения в добровольном или принудительном порядке вступившего в законную силу решения суда. В исполнительном документе, выданном на основании решения суда, может быть изложено как материальное требование к должнику, так и требование неимущественного характера, которое также может быть исполнено в принудительном порядке в случае неисполнения добровольно. Актуальность вопроса о понимании исполнения исполнительного документа, не связанного со взысканием денежных средств, обусловлена большим количеством поступающих в органы принудительного исполнения исполнительных документов, содержащих неимущественное требование. А выявление с помощью аналитического метода исследований проблемных аспектов данного направления может способствовать качественному исполнению данных требований.

Исполнительные документы неимущественного характера — это исполнительные документы, в которых установлена обязанность должника совершить определенные действия либо воздержаться от совершения определенных действий, не связанных с передачей денежных сумм или иного имущества.

Согласно главе 10 Закона Республики Беларусь № 439-З от 24 октября 2016 «Об исполнительном производстве» (далее — Закон «Об исполнительном производстве»), требования, изложенные в исполнительном документе, могут быть выражены в виде изъятия имущества у должника и передачи взыскателю, либо должник обязуется совершить определенные действия, выраженные в виде передачи или

отобрании ребенка, о порядке общения с ребенком, об участии в воспитании ребенка, о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа; о восстановлении на работе; о выселении должника, об освобождении нежилого помещения, земельного участка, о сносе капитального строения либо его части; о вселении взыскателя [1].

Анализ статей 113–118 главы 10 Закона «Об исполнительном производстве», регулирующих вопросы исполнения исполнительных документов, содержащие неимущественные требования, выявил ряд проблемных ситуаций.

Так, при передаче должником имущества взыскателю может отсутствовать имущество в натуре. Основная проблема заключается в том, что имущество, которое нужно передать, может не оказаться в наличии либо может быть испорчено, утеряно, продано должником. В этом случае судебный исполнитель лишь составляет акт, а взыскатель остается ни с чем и вынужден обращаться в суд за изменением способа исполнения: требовать сумму, которая соответствует цене отсутствующего имущества. Возможны проблемы с необходимостью хранения: имущество в наличии, но его нельзя сразу передать. Если взыскатель отсутствует, то судебный исполнитель назначает хранителя имущества. При этом возникают дополнительные расходы для должника или взыскателя, а также риск порчи имущества хранителем.

Другая проблема возникает при исполнении требования о передаче или отобрании ребенка, о порядке общения либо участии в его воспитании, о возвращении или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа. Согласно части 4 статьи 115 Закона «Об исполнительном производстве», если в процессе исполнения исполнительных документов о порядке общения либо воспитания ребенка, будет установлено, что должник в течение не менее 2 месяцев подряд не препятствует общению либо воспитанию взыскателя с ребенком, исполнительный документ возвращается взыскателю. Однако если должник по истечении 2 месяцев не препятствовал, а после возврата документа взыскателю перестает исполнять возложенные на него обязательства, то что делать взыскателю: обращаться в суд или снова инициировать исполнительное производство. Усугубляющим фактором служит отсутствие конкретных мер воздействия: административной ответственности в данной ситуации, а не общей нормы за неисполнение требований судебного исполнителя. Наличие такой ответственности могло бы удерживать должника от действий, препятствующих общению либо воспитанию ребенка взыскателем [1].

В вопросе восстановления на работе могут быть проблемы, связанные с тем, что исполненным считается тот исполнительный документ, когда взыскатель допущен к исполнению прежних трудовых обязанностей, и нанимателем отменен приказ об увольнении или переводе взыскателя. Однако в законе нет требования к нанимателю обеспечить реальную возможность трудиться, тем самым могут возникать ситуации, при которых формально допускают до работы, но нет возможности трудиться работнику-взыскателю. Также не определены последствия, если после восстановления работник не может приступить к работе по вине нанимателя: отсутствие инвентаря, ликвидация предприятия или сокращение должности, на которую восстанавливают, — ввиду чего могут создаваться правовые трудности.

При проведении выселения возникает ряд проблем: если должник отсутствует или отказывается забирать имущество, судебный исполнитель обязан его хранить 2 месяца, затем реализовывать. Это длительная и затратная процедура. Часто имущество низколиквидное, и расходы на хранение либо реализацию превышают его стоимость, при этом просто утилизировать его нельзя. При выселении не урегулирован вопрос, что делать с домашними животными, если должник их бросил. Назначение хранителя для животных создает само по себе ряд проблем, также не затронутые в законодательстве. При сносе капитального строения не решен вопрос о судьбе материалов, оставшихся после сноса. Возникает вопрос: должны ли они передаваться должнику или могут быть использованы для покрытия расходов?

При рассмотрении исполнения требований о вселении взыскателя отсутствует механизм обеспечения неоднократного принудительного вселения по одному исполнительному документу. Причиной тому служат случаи, когда после составления акта о вселении, должник может прогнать взыскателя или заблокировать дверь. Закон считает документ исполненным, и взыскателю приходится снова обращаться в суд, а не к судебному исполнителю.

Тем самым наличие нормы, позволяющей судебному исполнителю наложить на должника обязательство не создавать препятствия в будущем под угрозой привлечения к административной ответственности за нарушение, в данном случае служило бы гарантией для взыскателя, что должником не будут применены средства по противодействию его вселению.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод о наличии системных правовых коллизий между императивными предписаниями главы 10 Закона «Об исполнительном производстве» и фактической реализацией прав взыскателей по требованиям неимущественного характера. Законодательная конструкция статей 113–118 ориентирована на фиксацию однократного юридического факта исполнения, что не обеспечивает восстановление нарушенного права в тех правоотношениях, которые носят длящийся характер, такие как вселение, порядок общения с ребенком. Правоприменительная практика выявляет отсутствие эффективных механизмов, гарантирующих недопущение повторных нарушений со стороны должника, а также неопределенность в вопросах судьбы имущества и бремени расходов при выселении и сносе. Дефицит специальных мер ответственности и административных процедур, направленных на реальное, а не формальное исполнение, нивелирует потенциал принудительного исполнения, что требует совершенствования законодательной техники в части введения института ответственности за длящиеся нарушения и уточнения процессуального статуса участников исполнительного производства.

Список литературы

1. Об исполнительном производстве: Закон Респ. Беларусь от 24 окт. 2016 г. № 439-З: в ред. 12 июля 2025 г. № 87-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H11600439> (дата обращения: 20.02.2026).

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПОТОКАМИ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ «ЗОН БЕДСТВИЙ» В АФРИКЕ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В СТРАНЫ ЕВРОПЫ, И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

С. В. Азаренков

Научный руководитель: Я. Е. Борисов, *канд. юрид. наук, доцент*

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного
юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА),

г. Оренбург, Россия

cazarenkov@mail.ru

В тексте анализируется современный миграционный кризис в Европе, вызванный оттоком населения из «зон бедствия» в Африке и на Ближнем Востоке. Перечислены ключевые причины миграции и обозначены вызовы для принимающих стран. Рассматриваются правовые основы европейской миграционной политики, а в качестве решения предлагается создание центров межгосударственной поддержки и защиты в странах, граничащих с кризисными регионами: такие центры позволят регулировать потоки мигрантов, обеспечивать им базовые права и снижать нагрузку на инфраструктуру ЕС. Цель исследования — проанализировать современный миграционный кризис в Европе и разработать эффективное решение для управления миграционными потоками.

Ключевые слова: миграция, кризис, зоны бедствия, регулирование.

В XXI веке миграционные проблемы приобрели глобальный масштаб, превратившись в один из ключевых вопросов системы международных отношений. Для государств Европы миграционный кризис создал комплекс проблем системного характера. Возникли задачи, связанные с приёмом, размещением и оказанием первичной помощи значительному числу населения. Вместе с этим усилились проблемы с обеспечением общественной безопасности и контроля. Также наблюдается существенное увеличение социально-политической напряженности в принимающих странах. В обществе актуализировались вопросы, касающиеся определения пределов открытости границ для мигрирующего населения, оценки нагрузки на социальные институты, а также сохранения культурной идентичности населения принимающих государств.

Современный миграционный кризис представляет собой многоуровневый вызов для европейских государств, затрагивающий основы их правовой, социальной и политической систем. Следовательно, целью становится изучение причин и последствий данного явления, а также анализ эффективных механизмов управления миграционными потоками. В международном праве отсутствует единое определение термина «зона бедствия», однако существует определение «бедствия». Бедствие — разрушительное событие, которое серьезно нарушает жизнь местных сообществ и общества, является причиной жертв среди населения, а также обширного материального, экономического или экологического ущерба и воздействия, которое превосходит способность сообщества или общества справиться с ним собственными силами [1]. «Зона бедствия» — это географически локализованная территория, на которой в результате бедствия

масштаб последствий превысил внутренние возможности местных органов власти и экстренных служб, что требует привлечения внешней помощи на национальном или международном уровне.

Основными причинами миграции населения из стран Африки являются несколько факторов. Во-первых, экологический фактор. Ключевым здесь является опустынивание. Темпы опустынивания в Африке очень высокие [2], что ведет к сокращению площадей пахотных земель и пастбищ, значимых для аграрного сектора. Также важной проблемой является дефицит пресной воды, возникающий из-за климатических изменений. Во-вторых, экономический фактор. По данным на 2025 год, в список самых бедных стран мира входят: Южный Судан, Бурунди, Центральноафриканская Республика [3]. В-третьих, безработица. Согласно данным статистической службы Международной организации труда за 2024 год, в первой десятке стран мира с наивысшим уровнем безработицы девять позиций занимают государства Африки [4]. В-четвертых, вооруженные конфликты, формирующие прямую угрозу физической безопасности и жизни граждан.

На Ближнем Востоке, как и в Африке, формирование «зон бедствия» определяется комплексом взаимосвязанных факторов. Их характер в двух регионах схож. На Ближнем Востоке заметное влияние оказали массовые антиправительственные протесты. В условиях экономического упадка и политического кризиса протестные движения в Сирии, Йемене и Ливии переросли в длительные гражданские войны [5].

Регулирование миграционных потоков является одним из приоритетных векторов государственной политики европейских стран в настоящее время. Основу европейской миграционной политики составляет комплекс нормативных правовых актов, определяющих единые стандарты для всех стран — членов Европейского союза. Первоначальное и центральное положение занимает Женевская конвенция «О статусе беженцев» 1951 года. В 1967 году был принят «Протокол, касающийся статуса беженцев», устранивший географические и временные ограничения, благодаря чему действие нормативного режима защиты распространилось независимо от региона их происхождения. Следующим, не менее важным документом является Дублинский регламент. Он представляет собой правовой акт, устанавливающий критерии и механизмы определения того государства — члена ЕС, которое уполномочено рассматривать ходатайство о предоставлении убежища. Действие регламента распространяется на лиц, не являющихся гражданами стран — членов Европейского союза, включая апатридов. Регламент неоднократно подвергался критике. Последствия миграции в европейских странах характеризуются двойственным эффектом, включая в себя как позитивные, так и негативные аспекты. На основании проведенного анализа можно понять, что миграция представляет для Европейского союза существенный вызов. В этой связи актуализируется необходимость разработки и внедрения эффективных механизмов регулирования миграционных потоков.

В качестве одного из возможных решений нами предлагается создание центров межгосударственной поддержки и защиты. Данные центры формируются на принципах международного консорциума в странах, непосредственно

границах с «зонами бедствия». Основной целью является формирование системы контролируемой миграции. Ключевым элементом можно назвать предоставление специального временного международного защитного статуса, который будет реализован через специальные цифровые идентификационные платформы, что обеспечит правовую защиту и тем самым гарантированный доступ к базовым правам. Размещение центров в ближайших странах минимизирует культурный шок, а также облегчит последующую репатриацию. Обоснование преимуществ для государств, согласных на размещение центров, заключается в формировании комплексного механизма развития периферийных территорий в рамках концепции устойчивого развития. Принятие миграционных потоков в рамках предложенной идеи выступает как инструмент для привлечения иностранных инвестиций. Основным принципом должен стать временный характер центров. Они создаются исключительно до преодоления кризисных ситуаций. Финансирование преимущественно будет осуществляться за счет средств как привлеченных из бюджетов стран — участниц международного консорциума, международных организаций, так и частных инвесторов, что позволит снизить финансовую нагрузку на принимающие государства. Экономическая модель центров будет базироваться на официальной трудовой деятельности мигрирующего населения, что позволит сделать эти центры активным участником экономического процесса. В результате будут обеспечены стабильные налоговые поступления в бюджет страны. Для Европейского союза предлагаемая модель центров способна существенно оптимизировать миграционную политику путем решения основных проблем.

Таким образом, миграция из «зон бедствий» в Африке и на Ближнем Востоке представляет для Европы комплексный вызов, затрагивающий безопасность, социальную сферу, экономику и политическую стабильность. В качестве эффективного решения предлагается создание центров межгосударственной поддержки и защиты в странах, граничащих с кризисными регионами. Это позволит обеспечить защиту и базовые права мигрирующему населению на месте, сократив неконтролируемые потоки в страны Европейского союза, снизив нагрузку на его инфраструктуру и социальную систему.

Список литературы

1. Терминологический глоссарий по снижению риска бедствий // МСУОБ : официальный сайт. Женева: ООН, Международная стратегия по уменьшению опасности бедствий (МСУОБ / UNISDR), 2009. URL: <https://www.unisdr.org/we/inform/terminology> (дата обращения: 29.01.2026).
2. Гришина Н. В. Африка: борьба с опустыниванием в планах и действиях // Ученые записки Института Африки РАН. 2021. № 1 (54). С. 98 – 107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afrika-borba-s-opustynivaniem-v-planah-i-deystviyah> (дата обращения: 29.01.2026).

3. International Monetary Fund. World Economic Outlook, October 2025: Global Economy in Flux, Prospects Remain Dim. Washington, D. C.: International Monetary Fund, 2025. 176 p. URL: <https://www.imf.org/-/media/files/publications/weo/2025/october/english/text.pdf> (дата обращения: 30.01.2026).
4. International Labour Organization (ILO). ILOSTAT Data Explorer. Женева: Международная организация труда, 2024. URL: <https://rshiny.ilo.org/dataexplorer23/> (дата обращения: 30.01.2026).
5. «Арабская весна» // Большая российская энциклопедия. 2023. URL: <https://bigenc.ru/c/arabskaia-vesna-14e22d> (дата обращения: 30.01.2026).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОГОВОРОВ

В. Э. Альшевский

Научный руководитель: Е. А. Фесенко, *канд. социол. наук*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
vea.89.89@mail.ru

В работе проведен комплексный анализ правового регулирования электронных договоров и даны рекомендации по улучшению законодательства.

Ключевые слова: электронный договор, электронная форма сделки, цифровизация экономики, смарт-контракт, имущественные риски, волеизъявление, защита прав граждан, участники сделки.

Актуальность темы. Исследование вопроса о правовом регулировании электронных договоров является крайне важным в современных условиях. Стремительно развивающаяся цифровизация экономики является одной из ключевых тенденций развития современного гражданского законодательства. Закрывающиеся посредством электронных сетей, мессенджеров и цифровых платформ договоры стабильно используются в повседневной практике как у граждан, так и предпринимателей в сфере бизнеса. Удобство и простота применения делает электронную форму договоров все более популярной во многих сферах жизни, начиная от розничной торговли и заканчивая банковскими услугами. Часто скорость развития технологии значительно опережает темпы развития законодательной базы, что может порождать неопределенность и создавать имущественные риски.

Действующее гражданское законодательство в ст. 160, 434, ГК РФ [1] допускает заключение сделок в цифровых формах, однако сохраняется некоторая неопределенность, касающаяся разграничения многих понятий. В связи с вышеперечисленным исследование порядка заключения электронных договоров, их правовой природы и исполнения имеют особое значение для совершенствования законодательства и правоприменительной практики, а также избежания рисков, связанных с неточностью формулировок.

Цель исследования: провести правовой анализ электронного договора в системе гражданского права Российской Федерации, исследовать историю зарождения электронного договора, особенности действующего правового регулирования, исполнения электронного договора и его заключения. Вышеперечисленное создает потенциальные возможности для совершенствования законодательной базы. На основании исследования будут разработаны предложения по совершенствованию правовой базы действующего законодательства и правоприменительной практики.

Методы исследования: методологическую основу исследования составляют формально-юридический и сравнительно правовой методы.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в выработке предложений на основании Гражданского кодекса Российской Федерации [1], Федерального закона «Об электронной подписи» № 63-ФЗ [2] и Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ [3] по усовершенствованию законодательства в данной области.

Теоретическая значимость исследования заключается в анализе действующего законодательства, уточнении определений смарт-контракта, электронного договора, электронной сделки и выявлении пробелов в действующих законах, что может стать основой для будущих исследований в данной отрасли.

Вывод: В связи с отсутствием легальных определений для таких понятий, как электронный договор, смарт-контракт, электронная сделка предлагается ввести данные понятия в Гражданский кодекс РФ [1]. В ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3] ввести понятие цифровой документ для электронных сделок.

Электронную сделку можно определить как сделку, которая совершается путем обмена или передачи юридически значимых данных, составленных исключительно в электронной форме. Электронный договор можно определить как соглашение двух или нескольких лиц, подписанный электронной подписью и оформленный в электронной форме. Смарт-контракт предлагается выделить в отдельный вид договора и определить как договор, условия которого зафиксированы и выполняются автоматизировано при помощи программного кода. Цифровой документ предлагается определить как объём данных, который имеет юридическое значение, внесенный в информационную систему в единичном экземпляре и подписанный электронной подписью.

В качестве рекомендации к дополнению законодательства предлагается ввести отдельную статью в закон «Об электронной подписи» [2], которая установит регламент для электронного документооборота. С помощью данного дополнения можно четко определить момент отправки юридически значимого сообщения, а также где, как и при каких условиях данная сделка может считаться заключенной.

Проблемным моментом в смарт-контрактах является невозможность остановить алгоритм, если сделка начала выполняться. Дополнением в Гражданский кодекс РФ предлагается ввести законодательное обязательство для разработчиков смарт-контрактов добавить изменения в код, предусматривающие прекращение или изменения выполнения сделки. Еще одно предложение по совершенствованию гражданского законодательства связано с добавлением ответственности лиц, осуществляющих написание кода для смарт-контракта. Формулировка может звучать так: лица, которые профессионально выполняют обязанности по написанию кода для смарт-контракта, обязуются возместить имущественный вред, нанесенный вследствие некачественного написания кода для данного контракта.

В работе обоснованно, что действующее гражданское законодательство создает основу для использования электронных договоров, однако нуждается в усовершенствовании (подробной классификации, устранении пробелов,

разграничении понятий и др.) Остаются также вопросы о квалификации переписки в мессенджерах в качестве соблюдения простой письменной формы, а также правовой природе смарт-контрактов, которые содержат в себе как элементы договора, так и способа автоматизированного исполнения обязательств. Указанные проблемы создают риски для стабильности оборота и требуют дальнейшего осмысления и доработки законодательства. С учетом выявленных проблем представляется необходимым разграничение и закрепление таких понятий, как электронная форма сделки, смарт-контракт, простой письменной формы договора с указанием критериев соблюдения и др. Цифровизация гражданского оборота ставит перед современной наукой новые вызовы, связанные с переосмыслением таких категорий, как воля, волеизъявление и надлежущая форма сделки.

Выводы, полученные в работе, могут служить основой для дальнейших исследований и совершенствования будущей правоприменительной практики.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. 31.07.2025, с изм. 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения: 27.02.2026).
2. Об электронной подписи : ФЗ от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102146610> (дата обращения: 27.02.2026).
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. 24.06. 2025 г.). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108264> (дата обращения: 27.02.2026).

**ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАНИИ:
РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД
В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2026 ГОДА**

М. Ж. Ашуров

Научный руководитель: Р. Р. Шакиров, *руководитель юридической клиники,
ст. преподаватель*

Российский государственный университет социальных технологий (РГУ СоцТех),
г. Москва, Россия
ashurovmurod2@mail.ru

В работе на основе сравнительно-правового анализа нормативно-правовых актов (НПА) Российской Федерации 2026 года (Перечень поручений Президента РФ № Пр-22 от 03.01.2026, ГОСТ Р 72391 – 2025,) обосновывается необходимость риск-ориентированного регулирования искусственного интеллекта в образовании. Предлагается ввести трехуровневую модель градации рисков, адаптированную к российскому «мягкому» рамочному подходу, формулируются рекомендации по внедрению обязательного человеческого надзора в высокорисковых сценариях.

Ключевые слова: искусственный интеллект в образовании, риск-ориентированное регулирование, НПА РФ 2026 года, ГОСТ Р 72391 – 2025, Перечень поручений Президента РФ № Пр-22, защита прав обучающихся.

Актуальность исследования. Цифровизация высшего образования в Российской Федерации перешла в новую фазу с 1 января 2026 года: вступили в силу специализированные национальные стандарты ГОСТ Р 72391 – 2025 «Технологии искусственного интеллекта в образовании». Функциональная подсистема управления успеваемостью обучающихся и ГОСТ Р 72393 – 2025 [2], регламентирующие алгоритмы идентификации вовлеченности при онлайн-обучении. По итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» [1], 3 января 2026 года Президент РФ утвердил Перечень поручений № Пр-22 предусматривающий разработку национального плана внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в социальной сфере (включая образование) к 1 июня 2026 года. В феврале 2026 года Минцифры России представило концепцию рамочного закона о регулировании ИИ, основанного на «мягком» подходе. Несмотря на эти значимые НПА, в юридической литературе и практике отсутствует единая риск-ориентированная модель, учитывающая специфику образовательных отношений, регулируемых Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [3] и Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [4]. Особенно остро проблема стоит в кооперативных и социальных университетах, где ИИ применяется для персонализации обучения, но риски нарушения академической добросовестности, утечки данных и алгоритмической дискриминации остаются неурегулированными на уровне обязательных норм.

Цель исследования — разработать риск-ориентированную модель правового регулирования использования ИИ в сфере высшего образования, основанную на самостоятельном анализе вступивших в силу и разрабатываемых НПА РФ 2026 года, и сформулировать практические рекомендации по ее внедрению в деятельность вузов.

Методы и инструменты исследования. В работе применен комплекс методов юридической науки: формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный. Проведен детальный анализ текстов Перечня поручений Президента РФ № пр-22 [1], ГОСТ Р 72391–2025 [2], проекта рамочного закона Минцифры (февраль 2026), а также выполнено сопоставление с положениями Федеральных законов № 273-ФЗ [3] и № 152-ФЗ [4]. Использован метод моделирования для построения трехуровневой градации рисков (низкий, средний, высокий) применительно к конкретным образовательным процессам (прием, текущая аттестация, государственная итоговая аттестация).

Практическая и теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость заключается в разработке оригинальной классификации рисков применения ИИ в образовании, которая заполняет пробел между общими положениями национальной стратегии развития ИИ и спецификой образовательных правоотношений. Практическая значимость состоит в предложении конкретных механизмов внедрения: обязательной оценки рисков для систем управления успеваемостью (в соответствии с ГОСТ Р 72 391–2025) [2], фиксации решающей роли человека в high-risk решениях и создании в каждом вузе комиссии по этике ИИ. Модель может быть использована при подготовке локальных нормативных актов вузов и в процессе разработки национального плана внедрения ИИ до 1 июня 2026 года.

Правовое регулирование ИИ в образовании в мировой практике эволюционирует от чисто этических кодексов к жёстким обязательным требованиям. Европейский Союз принял Регламент (ЕС) 2024/1689 (EU AI Act), вводящий риск-ориентированный подход с чётким разделением систем на низкорисковые, высокорисковые и запрещённые. Образовательные применения ИИ, влияющие на доступ к образованию или оценку, отнесены к высокорисковым и требуют обязательной оценки воздействия (DPIA), технической документации и человеческого надзора.

В Великобритании Ofqual запретил использование ИИ как единственного маркера студенческих работ, но допускает его как вспомогательный инструмент при обязательном человеческом контроле. В США регулирование носит децентрализованный секторальный характер (NIST AI Risk Management Framework). Китай пошёл по пути жёсткого административного контроля генеративных сервисов (Interim Measures 2023).

В России, как справедливо отмечает Ю. Г. Арзамасов, преобладает гибридная модель: сочетание «мягкого» права (Кодекс этики ИИ 2021, национальные стандарты) и постепенного перехода к обязательным требованиям через ГОСТы и поручения Президента [5]. Федеральный закон № 273-ФЗ [3] в редакции 2026 года уже содержит отсылочные нормы к цифровым технологиям, однако не предусматривает специальных механизмов ответственности за решения, принятые ИИ.

На основе проведённого сравнительно-правового и формально-юридического анализа предложено ввести трехуровневую модель:

Низкий риск (генерация учебных материалов, чат-боты для консультаций) — мягкое регулирование: внутренние политики вуза, кодексы этики, добровольная маркировка (ГОСТ Р 71657–2024).

Средний риск (системы рекомендаций траектории обучения, прогнозирование отсева) — смешанное регулирование: обязательная оценка рисков по ГОСТ Р 72391–2025, договорные гарантии с провайдерами EdTech, внутренний аудит.

Высокий риск (автоматическое выставление оценок, решение о допуске к государственной итоговой аттестации, зачисление) — жёсткие обязательные требования: обязательный человеческий надзор (human-in-the-loop), независимая сертификация системы, право обучающегося на объяснение решения ИИ и его оспаривание, обязательное страхование ответственности вуза.

Модель полностью соответствует принципам, заложенным в Перечне поручений № Пр-22 и концепции рамочного закона.

Выводы и рекомендации. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что оптимальной для Российской Федерации является гибридная риск-ориентированная модель: мягкое регулирование (рекомендательные кодексы и ГОСТы) для низкорисковых инструментов (генерация учебных материалов) и жесткие обязательные требования для высокорисковых сценариев (автоматическое выставление оценок, решение о допуске к государственной итоговой аттестации). Учитывая вышеперечисленное, предлагается:

1) внести изменения в Федеральный закон № 273-ФЗ [3], закрепив обязательный человеческий надзор при принятии решений с помощью ИИ в высокорисковых процессах;

2) обязать вузы при внедрении систем управления успеваемостью проводить оценку рисков в порядке, предусмотренном ГОСТ Р 72 391–2025 [2];

3) создать в структуре каждого вуза постоянно действующую комиссию по этике и безопасности ИИ с участием представителей юридических служб, которая позволит предотвратить возможную «машинную» ошибку;

4) внедрить в локальные нормативные акты вузов требование обязательной маркировки ИИ-генерированного контента и фиксации факта использования ИИ в ведомостях и протоколах.

Реализация данных рекомендаций позволит обеспечить баланс между инновациями и защитой конституционных прав обучающихся на образование и неприкосновенность частной жизни.

Список литературы

1. Путешествие в мир искусственного интеллекта : перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам конференции : утв. Президентом РФ 03.01.2026 № Пр-22 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/78992> (дата обращения: 23.02.2026).

2. ГОСТ Р 72391 – 2025. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема управления успеваемостью обучающихся по программам магистратуры. Общие положения // Официальный сайт Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. URL: <https://protect.gost.ru/document1.aspx?control=31&id=269770> (дата обращения: 23.02.2026).
3. Об образовании в Российской Федерации : ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. 01.01.2026) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 23.02.2026).
4. О персональных данных : ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ (в ред. 01.01.2026) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 23.02.2026).
5. Арзамасов Ю.Г. Оптимальная модель правового регулирования в сфере искусственного интеллекта // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13, № 1. С. 485 – 502.

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ ВЫПЛАТ ВНЕБРАЧНЫМ ДЕТЯМ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

А. С. Биган

Научный руководитель: Л. В. Потапова, *канд. ист. наук, доцент*
Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации (КЮИ (ф) УП РФ),
г. Симферополь, Россия
annabigan26@mail.ru

В работе проведен анализ судебной практики по вопросу назначения выплат внебрачным детям участников специальной военной операции. Цель исследования — выявить проблемные стороны получения материальных средств внебрачными детьми военнослужащего и разработать рекомендации по их разрешению.

Ключевые слова: специальная военная операция (СВО), внебрачный ребенок, выплаты, члены семьи участника СВО, права детей.

В настоящее время одним из приоритетных направлений государственной политики в Российской Федерации является защита прав и законных интересов участников специальной военной операции (СВО) и членов их семей. На протяжении уже более трех лет принимаются нормативные правовые акты, регулирующие предоставление различных льгот и выплат данной категории граждан. Помимо этого, вносятся поправки и изменения в отдельные действующие законодательные акты, направленные на совершенствование правового механизма государства. Но, несмотря на активную государственную политику и законотворческий процесс, остаются нерешенными вопросы, связанные с такой категорией граждан, как «внебрачные дети участников СВО». До сих пор является неурегулированным их правовой статус, порядок назначения выплат, предоставления льгот и т. п., тем самым создавая правовой пробел в законодательстве и определенные ограничения для внебрачного ребенка на получения мер государственной поддержки.

Цель изучения темы заключается в анализе действующего законодательства по вопросам назначения выплат членам семьи военнослужащего, участвующего в СВО, а в частности детям, выявления пробелов и разработке рекомендаций по внесению изменений в нормативные правовые акты, регулирующие данную сферу общественной жизни. Особое внимание необходимо уделить разделу выплат между «законными» и «внебрачными» детьми путем изучения судебной практики по подобным спорам.

На одном из примеров гражданско-правового спора по вопросу назначения страховой выплаты после смерти военнослужащего, представляется возможным рассмотреть актуальную проблему раздела страховой выплаты между несовершеннолетними детьми участника СВО, в том числе рождёнными вне брака. У погибшего военнослужащего было два сына, мать одного из которых не состояла в зарегистрированном браке с отцом ребенка. После смерти

мужчины страховая компания выплатила всю страховую сумму только первому ребенку, который являлся «законным» сыном, рожденным в браке. Спустя время, когда отцовство на второго ребенка было подтверждено, его мать обратилась в страховую компанию за положенной по закону половиной страховой выплаты для сына, но получила отказ. Страховая аргументировала это тем, что вся сумма была выплачена ранее первому ребенку.

Дело дошло до Верховного Суда Российской Федерации, который отменил решения нижестоящих судов, отказавших в выплате «внебрачному» сыну. Суд в своем определении указал, что «при установлении отцовства в порядке, предусмотренном статьями 48–50 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ), дети имеют такие же права и обязанности по отношению к родителям и их родственникам, какие имеют дети, родившиеся от лиц, состоящих в браке между собой (ст. 53 СК РФ)» [1]. Вследствие чего ребенок, рожденный вне брака, после установления отцовства имеет такие же права на страховую выплату, как и ребенок, рожденный в браке, а право на страховую выплату возникает с момента рождения ребенка, а не с момента установления отцовства судом. Поэтому именно в обязанности страховой компании входит осуществление выплат каждому ребёнку в равных долях, в то время как ребенок, получивший всю денежную сумму, не должен возвращать половину другим несовершеннолетним.

При назначении и осуществлении выплат страховая компания должна тщательно проверять документы страхователя, наличие всех детей погибшего участника СВО и учитывать не только тех, которые были рождены в браке, но и внебрачных, так как оба ребенка, вне зависимости от того в каких отношениях состояли родители на момент их рождения, имеют равные права и интересы, которые должны быть в любом случае защищены. В случае если страховая компания не в полной мере выяснила все обстоятельства и допустила ошибку при установлении количества детей погибшего военнослужащего, она может переплатить денежные средства, когда спустя время появится информация о других внебрачных детях с документальным подтверждением родственных связей (установленным отцовством).

В своем определении Верховный Суд также обратил внимание на невозможность страховой компании требовать возврата части денежных средств у ребенка, получившего изначально деньги на законных основаниях. Данный факт не будет рассматриваться как неосновательное обогащение, так как ответственным лицом является именно страховая компания, а не выгодоприобретатели [2].

Таким образом, своим определением от 18 марта 2019 г. № 85-КГ18–22 Верховный Суд Российской Федерации урегулировал порядок назначения выплат внебрачным детям участников СВО. Данная судебная практика в первую очередь направлена на защиту законных прав и интересов всех детей погибшего военнослужащего и устанавливает ответственность страховых компаний при назначении выплат [3].

В то же время необходимо учитывать факты фальсификации при установлении отцовства с целью получения мер государственной поддержки, в том числе и страховых выплат, а также случаи, когда женщины не могут обратиться самостоятельно в суд в связи с тяжелым материальным положением,

правовой безграмотностью и по многим иным причинам. Следует учитывать, что процесс установления отцовства после гибели участника СВО является довольно сложным и долгим и может занимать 3–6 месяцев. Помимо этого женщинам по данной категории дел необходимо предоставлять в суд документы, подтверждающие наличие родственных связей, чаще всего в качестве доказательств выступает генетическая экспертиза (ДНК-тест). Однако если биологический материал отца отсутствует, а родственники умершего отказываются предоставить свой биоматериал, то у женщин возникают определенные сложности при установлении отцовства в суде [4].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в настоящее время существуют определённые проблемы, связанные с назначением выплат внебрачным детям военнослужащих, участвующим в СВО. Несмотря на наличие судебной практики по данному вопросу, которая урегулировала получение страховых выплат внебрачными детьми погибшего, имеются сложности в части процедуры установления отцовства. Поэтому для решения указанных проблем предлагается, во-первых, повысить правовую информированность среди граждан с целью установления отцовства до момента назначения выплат. Разработка и размещение информационных материалов в общественных местах и в сети Интернет позволит гражданам заблаговременно узнать о доступных и положенных им по закону мерах поддержки. Таким образом, если женщина обратится в суд и установит отцовство ранее, чем будут назначены выплаты их внебрачному ребенку, то это даст возможность не только избежать сложностей, бумажной волокиты, но и получить гарантированную законом выплату в установленный срок. Во-вторых, предлагается разработать методические рекомендации для государственных органов, страховых компаний, предоставляющих членам семьи участника СВО социальные выплаты, в целях единообразия их деятельности, обмена информацией и ускорения работы. В-третьих, необходимо упростить судебную процедуру установления отцовства, в частности проведение генетической экспертизы лицом, находящимся в тяжелом материальном положении.

Таким образом, назначение выплат внебрачным детям участников СВО является актуальной проблемой, которая в настоящее время остается неурегулированной. По закону все дети, вне зависимости от факта установления отцовства, имеют равные права, в том числе и на получение выплат, хотя на практике данное положение не всегда учитывается. Развитие общества, изменения в гражданско-правовых отношениях требуют соответствующие преобразования и в государственной сфере, в том числе в законодательной, что позволит урвать в правах внебрачных детей погибших участников СВО и повысить эффективность их социального обеспечения.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

2. Верховный Суд РФ: Как делится страховая выплата военнослужащего если есть внебрачный ребенок? URL: <https://krd.iusov.ru/verhovnyj-sud-rf-kak-delitsya-strahovaya-vyplata-voennosluzhashhego-esli-est-vnebrachnyj-rebenok/> (дата обращения: 14.02.2026).
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.03.2019 № 85-КГ18-22. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=577661#cr8bDBV0InNWK05k> (дата обращения: 14.02.2026).
4. «Это несправедливо» Внебрачным детям участников СВО положены выплаты за потерю отцов. Кто мешает им получить деньги? URL: <https://lenta.ru/articles/2024/09/19/otcovstvo/> (дата обращения: 16.02.2026).

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Л. Д. Болгунов

Научный руководитель: Е. А. Фесенко, *канд. социол. наук*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
leonidbolgunov@mail.ru

В работе исследуется правовая природа цифровых активов в системе объектов гражданских прав Российской Федерации. Проанализированы положения Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральных Законов, выявлены системные противоречия в регулировании цифровых прав и цифровой валюты, а также проблемы их квалификации и защиты. Сформулированы предложения по совершенствованию гражданского законодательства и формированию устойчивой модели правового режима цифровых активов.

Ключевые слова: цифровые активы, цифровые права, объекты гражданских прав, цифровая валюта, цифровые финансовые активы, защита гражданских прав, гражданско-правовая квалификация.

Актуальность темы обусловлена стремительным развитием цифровых технологий и их интеграцией в гражданский оборот. Экономическая ценность активов, существующих исключительно в электронной форме, постоянно возрастает. Они становятся предметом инвестирования, залога, судебных споров и наследования.

При этом действующее законодательство закрепляет лишь общие положения о цифровых правах, не формируя комплексной модели их правового режима. Вследствие этого в правоприменительной практике возникают сложности квалификации цифровых активов, определения их места в системе объектов гражданских прав и выбора адекватных способов защиты.

Наличие противоречий между фактическим оборотом цифровых активов и фрагментарностью их нормативного регулирования подтверждает необходимость углубленного научного анализа.

Цель исследования состоит в выявлении юридической природы цифровых активов и определении их места в системе объектов гражданских прав с формулированием конкретных предложений по совершенствованию законодательства.

Методы исследования: формально-юридический, системный, логический и сравнительно-правовой. Первый позволил выявить внутреннюю структуру норм гражданского законодательства, далее системный метод обеспечил рассмотрение самих цифровых активов в общем контексте конструкции объектов гражданских прав. Логический анализ применялся для выявления противоречий в законодательной модели. В заключение сравнительный подход позволил сравнить и сопоставить цифровые активы с традиционными имущественными правами.

Теоретическая значимость заключается в уточнении гражданско-правовой природы цифровых активов и разграничении их юридической сущности и технологической формы существования.

Проведенное исследование показывает, что цифровой актив сам по себе не образует отдельного вида имущества. По сути, он лишь выступает способом выражения уже существующего имущественного права. Такое уточнение позволяет снять существующие в доктрине разночтения и способствует выработке более последовательного подхода к правовой оценке новых цифровых инструментов.

Практическая ценность работы заключается в том, что на ее основе сформулированы конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства. Полученные выводы могут быть использованы при внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ), при формировании судебной практики по делам, связанным с цифровыми активами, а также при разработке внутренних правил операторов информационных систем. Особое значение имеет предложение о закреплении специального способа защиты права — восстановления записи в информационной системе, что позволяет повысить определенность процессуальных механизмов и обеспечить более надежную защиту участников цифрового оборота.

Такая практическая направленность усиливает требования к точности правовой квалификации соответствующих явлений.

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке изменений в ГК РФ, формировании судебной практики по спорам о цифровых активах, а также при разработке внутренних регламентов операторов информационных систем.

Предложенные меры по закреплению специального способа защиты — восстановления записи в информационной системе — позволяют обеспечить процессуальную определенность и повысить уровень правовой защиты участников цифрового оборота.

Выводы и рекомендации

Цифровая экономика перестала быть абстрактной перспективой и стала повседневной реальностью гражданского оборота. Активы, существующие исключительно в электронной среде, приобретают самостоятельную стоимость, отчуждаются, передаются по наследству, выступают предметом залога и судебных споров. В результате возникла необходимость встроить такие явления в систему гражданского права, не разрушая ее фундаментальных категорий [3].

Российский законодатель включил цифровые права в перечень объектов гражданских прав, дополнив ст. 128 ГК РФ. Дополнительно в ст. 141.1 ГК РФ закреплено определение цифрового права как обязательственного или иного права, содержание и условия осуществления которого определяются правилами информационной системы [1]. Эта формулировка демонстрирует двойственную природу явления: юридическая сущность остается традиционной, а форма существования становится цифровой [5].

Возникает принципиальный вопрос: образуют ли цифровые активы самостоятельную категорию имущества или представляют собой новую технологическую

оболочку уже известных субъективных прав?. Проведенный анализ позволяет утверждать, что законодатель избрал второй путь. Цифровой актив не является «вещью» в смысле вещного права, он не обладает материальностью, не подлeжит физическому владению, не существует вне соответствующей записи в информационной системе [4].

При этом экономическое значение цифровых активов объективно высоко. Они участвуют в инвестиционном обороте, используются как средство расчетов в ограниченных правовых режимах, становятся объектом корпоративных структур. Федеральный закон № 259-ФЗ закрепляет понятие цифровых финансовых активов, включая в него денежные требования, корпоративные права и иные имущественные притязания [2]. При этом все указанные элементы уже давно известны гражданскому праву. Новизна состоит не в их содержании, а в способе фиксации и обращения — через распределенные реестры или иные информационные системы. Исходя из этого, цифровой актив нельзя рассматривать как самостоятельный объект гражданских прав, существующий отдельно от закрепленного за ним права. В противном случае возникает риск подмены, предметом оборота становится не само право, а его техническое выражение в виде цифрового кода, что противоречит принципу юридической определенности.

Отдельного рассмотрения требует вопрос цифровой валюты. В отличие от цифровых финансовых активов, она не признается законным средством платежа. Тем не менее на практике она активно используется в имущественных отношениях и уже воспринимается судами как объект, обладающий экономической ценностью. Таким образом, возникает противоречие между действующими нормативными ограничениями и фактическим состоянием оборота. Игнорирование реальной имущественной природы цифровой валюты создает серьезные правовые риски. Участники гражданского оборота оказываются лишены четких механизмов защиты своих прав, а суды вынуждены восполнять этот пробел за счет собственной практики. В результате страдает принцип предсказуемости правового регулирования.

Внесение предлагаемых изменений позволит устранить указанные противоречия, обеспечить стабильность гражданского оборота и повысить уровень правовой защищенности всех его участников в условиях развития цифровой экономики.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изменениями и дополнениями на 03 октября 2021 г.) // Российская газета. 1994. № 237. URL: <https://danimals.ru/blog/kak-pravilno-oformit-grazhdanskii-kodeks-rf-v-spiske-literatury-osnovnye-pravila-primery-i-rekomendacii> (дата обращения: 12.02.2026).
2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : ФЗ от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 24.12.2024) // Официальный

интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=112061304> (дата обращения: 11.02.2026).

3. Мельникова Т. В., Никиташина Н. А., Шаляева Ю. В. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав // Юрист. 2023. № 11. С. 37–42.
4. Кирюшина И. В. Цифровой рубль как объект гражданских прав: понятие, правовая природа // Российско-азиатский правовой журнал. 2024. № 3. С. 26–30.
5. Коновалов А. С. Проблемы правовой квалификации цифровых прав как объекта гражданского оборота // Вестник гражданского права. 2024. № 11 (198). С. 89–104.

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
В ОБЛАСТИ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Д. Г. Бריךко

Научный руководитель: А. М. Вартанян, *канд. юрид. наук, доцент*

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

(ГрГУ им. Я. Купалы), г. Гродно, Беларусь

daria.bruk@mail.ru

Целью работы является анализ законодательства в области учета публичных интересов при проведении государственной экологической экспертизы в области обращения с отходами в Республике Беларусь.

Ключевые слова: право на благоприятную окружающую среду, государственная экологическая экспертиза, обращение с отходами, экологическая политика, публичные интересы, ОВОС.

Одним из прогрессивных прав на современном этапе развития общества является право на благоприятную окружающую среду. Подтверждением значимости реализации обеспечения права на благоприятную окружающую среду является прямое закрепление в части 1 статьи 46 Конституции Республики Беларусь (далее — Конституция) права каждого на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права. При этом, согласно части 2 статьи 46 Конституции, государство осуществляет контроль за рациональным использованием природных ресурсов в целях защиты и улучшения условий жизни, а также охраны и восстановления окружающей среды [1].

Целью исследования является выявление правовых основ реализации публичного интереса при проведении государственной экологической экспертизы (далее — ГЭЭ), представленного в статье 46 Конституции. В результате исследования необходимо выявить наличие возможностей для улучшения ГЭЭ, повышения прозрачности и расширения участия общественности, что в перспективе приведет к совершенствованию системы управления отходами.

Практическая значимость исследования заключается в фактической реализации права на общее благо, выражающееся в возможности каждого субъекта социума использовать природные ресурсы в целях улучшения условий жизни и осуществления единой государственной экологической политики. Основными методами исследования являются формально-юридический метод и метод толкования (интерпретации) правовых норм, позволяющие оценить предпосылки, предусмотренные законодателем в реализации публичных интересов при проведении ГЭЭ в области обращения с отходами в Республике Беларусь.

Нельзя не согласиться с мнением, что фактор влияния международной интеграции, в частности международного права, в становлении государственной

экологической политики и реализации прав общества на благоприятную окружающую среду оказал значительное влияние на экологические правоотношения. Впервые в практике международного публичного права и международного экологического права субъектом Орхусской конвенции признана общественность, наряду с государствами [2]. Реализация принятых международных обязательств, по мнению О. В. Мороза, во многом обусловила внедрение природоохранных мероприятий, включая оценку воздействия на окружающую среду [3, с. 155].

Необходимость осуществления ГЭЭ уполномоченной организацией обусловлена целью контроля за соблюдением публичного интереса в сфере природоохранного законодательства и проведения оценки воздействия на окружающую среду.

В целях исследования объекты охраны окружающей среды, связанные с обращением с отходами, условно можно классифицировать на три категории. Согласно ст. 5 и ст. 7 Закона Республики Беларусь «О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду» (далее — Закон), ГЭЭ проводится в отношении:

- объектов хранения отходов, захоронения отходов; использования, обезвреживания отходов;

- проектов технических условий на продукцию, изготовленную из отходов, за исключением установления требований безопасности и охраны окружающей среды;

- документация на мобильные установки по использованию, обезвреживанию отходов, трупов животных [4].

Для первой категории объектов необходимым требованием в области охраны окружающей среды является проведение оценки воздействия на окружающую среду (далее — ОВОС) согласно Закону, в случае необходимости ее разработки. По результатам проведенной ГЭЭ составляется заключение с учетом выводов заключения общественной экологической экспертизы (при его наличии), отчета об ОВОС по объектам, по которым требуется проведение ОВОС, результатов общественных обсуждений отчета об ОВОС, а также его согласования затрагиваемыми сторонами в установленных случаях [5].

Необходимо подчеркнуть, что проведение ГЭЭ по первой категории объектов не представляется возможным без представления в Центр государственной экологической экспертизы отчета об ОВОС планируемой хозяйственной деятельности, в случае необходимости его разработки, с материалами общественных обсуждений, проводимых на территории Беларуси, а также материалами общественных обсуждений и консультаций на территории затрагиваемых сторон (при трансграничных воздействиях).

Перечень объектов, для которых проведена ОВОС с выводами о соответствии или несоответствии проектной документации требованиям законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов, содержащимися в заключении, располагается в открытом доступе в глобальной компьютерной сети Интернет на сайте Центра государственной экологической экспертизы в разделе «Перечень объектов, для которых проведена ОВОС».

Таким образом, в Республике Беларусь на уровне законодательства принят комплекс мер, способствующих успешной и эффективной реализации системы учета публичного интереса при проведении ГЭЭ по объектам в области обращения с отходами.

Однако, несмотря на предпринятые меры в сфере правового регулирования проведения ГЭЭ в сфере обращения с отходами, актуальной остается совершенствование полноты и прозрачности учета публичного интереса, его представительства и его корреляции с экономическими и техническими аспектами проведения ГЭЭ. В рамках исследования был сделан вывод о содержании и предпосылках публичного интереса в данной области, в какой степени публичный интерес подлежит учету при проведении ГЭЭ, и какие механизмы обеспечивают его реализацию в практической деятельности.

При этом объем и содержание публичного интереса включают в себя следующие компоненты: интересы граждан и общественных организаций, права будущих поколений, защиту экологических прав и свобод, а также обеспечение прозрачности и доверия к процессу экспертизы. В рамках законодательства степень учета этих аспектов варьируется, и зачастую наблюдается недостаточная открытость и полнота включения мнений различных заинтересованных сторон.

Предлагается дополнительно организовать общественные обсуждения с использованием электронной платформы, которая предназначена для высказывания мнений и аргументации позиций общественности по вопросам, затрагивающим публичный интерес в ходе проведения ОВОС. Кроме того, следует предусмотреть обязанность представлять результаты таких обсуждений в рамках отчёта об ОВОС. На наш взгляд, данная инициатива будет способствовать эффективному и результативному участию общественности, в свою очередь, повышая уровень реализации публичного интереса при проведении ГЭЭ как в целом, так и в вышеупомянутой «категории» объектов.

Таким образом, понимание и реализация публичного интереса в области обращения с отходами является неотъемлемой частью повышения эффективности и легитимности ГЭЭ как метода контроля, в свою очередь, способствующую принятию решений, направленных на защиту экологических и социальных ценностей.

Список литературы

1. Конституция Республики Беларусь (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. и 27 февраля 2022 г. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. 80 с.
2. Губская Н. С. Участие общественности в процессе принятия экологически значимых решений в контексте гармонизации законодательства с правом Евросоюза // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы. В 2 т. Т. 1. Национальное законодательство и его гармонизация с правом Европейского Союза: сб. науч. тр. Минск, 2008. С. 287–290. URL: <https://elib.bsu.by/>

bitstream/123456789/33544/1/50%20%D0%93%D1%83%D0%B1%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F.pdf?ysclid=mm3k2yfgg724240148 (дата обращения: 26.02.2026).

3. Мороз О. В. Правовое регулирование общественных обсуждений в области охраны окружающей среды // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2019. № 6. С. 155 – 159.
4. О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду : Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2016 г. № 399-З (в ред. 23 января 2024 г.) // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 20.02.2026).
5. О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 19 янв. 2017 г. № 47 (в ред. 15 мая 2025 г. № 266) // ЭТАЛОН: информ. поисковая система (дата обращения: 25.02.2026).

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИЗНАНИЯ DAO КАК ФОРМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. В. Василевич

Научный руководитель: А. М. Вартанян, *канд. юрид. наук, доцент*

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

(ГрГУ им. Янки Купалы), г. Гродно, Беларусь

katu81v@gmail.com

В работе исследуется феномен децентрализованных автономных организаций (DAO) как новой формы осуществления предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики. Цель исследования — определить правовую природу DAO, выявить их квалифицирующие признаки, а также оценить перспективы их правового признания через адаптацию существующего законодательства.

Ключевые слова: децентрализованные автономные организации (DAO), смарт-контракты, блокчейн, предпринимательская деятельность.

Комплексное развитие цифровой среды требует формирования соответствующих механизмов её правового регулирования. Вместе с тем отечественная правовая система в настоящее время демонстрирует ограниченную готовность к полноценному восприятию и институционализации новых цифровых феноменов. Одним из наиболее значимых из них выступают децентрализованные автономные организации (DAO), правовая природа и статус которых в научной литературе нередко рассматриваются лишь в аспекте постановки вопроса либо оспариваются вне предмета анализа. Между тем влияние DAO на цифровую экономику последовательно возрастает, что обуславливает необходимость их всестороннего теоретико-правового осмысления.

Имплементация DAO в правовую действительность порождает ряд принципиальных вопросов. В первую очередь необходимо определить сущность и существенные юридически значимые принципы данного понятия. В наиболее общем виде под DAO принято понимать «совокупность взаимосвязанных долгосрочных смарт-контрактов, функционирующих в системе распределённого реестра и обеспечивающих взаимодействие участников и управление активами посредством программного кода» [1]. Тем самым ключевой особенностью DAO является существование в инфраструктуре блокчейна. Управленческие решения принимаются участниками пропорционально объёму принадлежащих им токенов, что отражает их долю участия в структуре организации.

С юридической точки зрения DAO можно рассматривать как объединение лиц, осуществляющих совместную деятельность на основе общих экономических интересов и разделения прибыли. Однако при этом DAO не тождественна классическому юридическому лицу. Она выступает прежде всего формой координации действий и механизмом принятия решений, основанном на алгоритмизируемых правилах и автоматизированном исполнении через смарт-контракты.

К юридически значимым признакам DAO, позволяющим сепарировать их от классических юридических лиц, принято относить: функционирование в системе распределённых реестров; горизонтальная модель управления, предполагающая децентрализованное принятие решений; алгоритмическая природа, при которой организационные правила закреплены в программном коде; тесная связь с оборотом цифровых активов, включая токены и криптовалюты, децентрализованность, автономность, технологическую обусловленность, конфиденциальность и подчинённость принципам *lex cryptographica* [2, 3].

В отечественной доктрине DAO нередко характеризуются как гибридная договорная конструкция (со статусом юридического лица либо без такового), сочетающая генеральное соглашение участников и блокчейн-технологии. Сделки в рамках такой организации совершаются посредством смарт-контрактов; классические органы управления отсутствуют либо их функции минимизированы; взаимодействие участников носит автоматизированный характер.

Ключевым вопросом в отношении регулирования DAO является определение модели правового признания: требуется ли формирование новой организационно-правовой формы либо допустимо использование уже существующих юридических конструкций. Для поступательного развития цифровой экономики необходимо выработать единые стандарты правового регулирования DAO, предусматривающие прежде всего гарантии защиты их участников и третьих лиц.

Механизм функционирования DAO может быть описан следующим образом. Во-первых, организация создаётся на базе блокчейн-платформы, где разработчики формируют базовые правила: порядок голосования, алгоритмы распределения средств и иные параметры деятельности. Во-вторых, данные правила фиксируются в коде смарт-контракта и исполняются автоматически без обращения к централизованному органу. В-третьих, участие в DAO, как правило, открыто для неограниченного круга лиц при условии приобретения токенов или внесения вклада. Объём прав голоса определяется количеством принадлежащих участнику токенов. В-четвёртых, решения принимаются посредством голосования по заранее установленным техническим или экономическим критериям. В-пятых, их исполнение осуществляется автоматически: при достижении установленного порога голосов смарт-контракт инициирует соответствующие транзакции. Наконец, деятельность DAO осуществляется в среде блокчейна, что обеспечивает неизменяемость записей и оборот токенов как внутренней валюты управления.

Анализ зарубежных моделей регулирования позволяет выявить ряд устойчивых тенденций, значимых для формирования стратегии правового признания DAO. Во-первых, в отдельных юрисдикциях децентрализованные организации интегрируются в модель обществ с ограниченной ответственностью, что свидетельствует о попытке адаптировать уже существующие организационно-правовые формы к цифровым реалиям. Во-вторых, законодательство ряда стран не проводит чёткого разграничения между коммерческими и некоммерческими

DAO, что создаёт определённую концептуальную неоднородность регулирования. В-третьих, смарт-контракты в отдельных правовых порядках приравниваются к традиционным документам и могут обладать приоритетом по отношению к традиционному уставу. В-четвёртых, правовой статус DAO напрямую связывается с наличием внутренней системы токенов, функционально сопоставимых с голосующими акциями. В-пятых, регулирование порядка создания, деятельности и прекращения DAO носит рамочный характер, предоставляя организациям значительную степень усмотрения. Подобный гибкий подход позволяет учитывать динамику развития цифровых сообществ и корректировать правовые механизмы без чрезмерной формализации [4].

Для белорусской системы гражданского права дихотомия коммерческих и некоммерческих юридических лиц является значимой, что позволяет сформулировать максимально проработанный подход к регулированию DAO. Однако, поскольку проведение чёткого разграничения требует тщательных и детальных исследований, целесообразно сфокусировать внимание на наиболее значимых для гражданского оборота DAO, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Так, представляется необоснованным выделение DAO в качестве самостоятельной организационно-правовой формы. Куда более оптимальным решением будет предусмотреть особенности, специфические для DAO, с одновременным соблюдением сущностной воли законодателя, не трансформируя DAO при этом в своеобразный инструмент обхода законодательства.

Однако для регулирования непосредственно DAO необходимо предусмотреть предварительное регламентирование «токенизации корпоративных прав». В частности, требуется закрепить «возможность токенизации долей в обществах с ограниченной ответственностью и оптимизировать регулирование токенизации акций в непубличных акционерных обществах, прямо допустив использование смарт-контрактов в механизмах корпоративного управления с перспективой распространения такого подхода и на публичные общества» [5]. В этом случае токены DAO могли бы рассматриваться как цифровая форма выражения долей или акций.

Интеграция DAO в рамки хозяйственного общества требует закрепления специальных норм, допускающих автоматизированное совершение сделок на основании решений участников, реализуемых через смарт-контракты, а также регулирования случаев технического посредничества при их исполнении и особенностей хранения документации и прочей информации. Вместе с тем внедрение данной конструкции не предполагает отказа от базовых элементов правового статуса юридического лица: сохранение единоличного исполнительного органа и формальной привязки к юрисдикции представляется необходимым как для обеспечения взаимодействия с публично-правовыми институтами, так и с учётом того, что деятельность DAO не исчерпывается исключительно алгоритмизируемыми процессами.

Список литературы

1. Миннуллина К. А. Децентрализованная автономная организация: проблемы цифровой трансформации корпоративного управления // Общество. Наука. Инновации (НПК-2023): сборник материалов XXIII Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию ВятГУ. В 2-х томах, Киров, 12 апреля. 22 июня 2023 года. Т. 1. Киров : Вятский государственный университет, 2023. С. 471–474.
2. Сулейманов Э. Э., Магизов Р. Р. О некоторых вопросах децентрализованной автономной организации как новой формы юридического лица // Вопросы права. 2024. № 2. С. 91–94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-detsentralizovannoy-avtonomnoy-organizatsii-kak-novoy-formy-yuridicheskogo-litsa> (дата обращения: 14.02.2026).
3. Крутий Е. А. Децентрализованные автономные организации (ДАО): проблемы квалификации и выбора применимого права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. № 1. С. 191–216. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detsentralizovannye-avtonomnye-organizatsii-dao-problemy-kvalifikatsii-i-vybora-primenimogo-prava> (дата обращения: 14.02.2026).
4. Сидоренко Э. Л. Децентрализованные автономные организации в системе современного права: к постановке проблемы // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 1 (206). С. 119–132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detsentralizovannye-avtonomnye-organizatsii-v-sisteme-sovremennogo-prava-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 14.02.2026).
5. Виртуальные активы: DAO, токенизация корпоративных прав и цифровые аккаунты // Csr.ru. URL: [hqwbd6194dk0ecqcuylg7nvi218b908y.pdf](https://csr.ru/hqwbd6194dk0ecqcuylg7nvi218b908y.pdf) (дата обращения: 16.02.2026).

ПРАВОВОЙ СТАТУС ВРАЧА ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: СОХРАНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

А. С. Веретенникова, Д. М. Свешников

Научный руководитель: С. В. Матияшук, *д-р юрид. наук, доцент*

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),

г. Новосибирск, Россия

dima_sveshnikov2001_2@mail.ru

В статье исследуется влияние искусственного интеллекта на врачебные решения, анализируются проблемы сохранения профессиональной автономии врача. В исследовании поднимается вопрос об ответственности вследствие причинения вреда врачом при использовании технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: ИИ, врачебная ошибка, медицинский деликт, цифровизация.

Актуальность. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) развиваются со стремительной скоростью, внедряясь в различные сферы жизнедеятельности граждан Российской Федерации, в том числе в области системы здравоохранения. Высокий потенциал моделей ИИ предполагает трансформацию и автоматизацию как диагностических, так и лечебных процессов при работе врачей с пациентами, постановки диагнозов и выдачей рекомендаций. Однако вместе с внедрением передовых технологий возникают вопросы юридического характера, которые до сих пор не урегулированы действующим законодательством не только в России, но и во всем мире, поскольку в традиционную модель медицинской помощи начинает внедряться новый, нетрадиционный субъект правоотношений — ИИ.

Цель. Появление субъекта, которого в полной мере нельзя назвать самостоятельным в гражданских правоотношениях, может порождать как пробелы, так и коллизии в законодательстве, касающемся профессиональной автономии врача и пределов его ответственности за вред (деликт), причиненный здоровью пациента при использовании в медицинской деятельности технологий ИИ. Вследствие чего центральной проблемой и целью исследования становятся:

1) определение правового статуса врача в условиях цифровизации, когда значительная часть аналитических процессов делегируется, а роль человека постепенно смещается в сторону интерпретации данных машины, которая выдает рекомендации;

2) оценка достаточности норм действующего законодательства для возложения гражданско-правовой ответственности на врача или медицинскую организацию, которые в своей деятельности используют технологии ИИ, и необходимости уведомления пациентов об участии ИИ в диагностической деятельности для постановки диагноза, определении плана лечения.

Методы и инструменты исследования. В исследовании использовались общенаучные методы: анализ и синтез, а также системно-структурный

подход, позволяющий выявить связи между элементами правоотношения «пациент–врач–ИИ». Также были использованы специально-юридические методы:

1) формально-догматический — для анализа законодательства в системе здравоохранения;

2) правового моделирования, позволяющий сконструировать возможные варианты распределения ответственности субъектов в рассматриваемых правоотношениях.

Практическая и теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования заключается в разработке основ понимания врачебной автономии в условиях цифровизации. В исследовании со ссылкой на стандарты оказания медицинской помощи в Российской Федерации обосновывается тезис о том, что автономность врача не является абсолютной, однако внедрение новых технологий требует пересмотра и изменения существующих стандартов, во избежание правовой неопределенности в ситуациях, когда пациенту был причинен вред. Затрагивается вопрос правосубъектности ИИ, а именно: невозможность для ИИ выступать самостоятельно, иметь и осуществлять юридические права и обязанности в связи с самой природой его существования.

Практическая значимость состоит в сформулированных выводах и рекомендациях, которые в дальнейшем могут применяться для совершенствования законодательства в рассматриваемых правоотношениях, корректировки рекомендаций врачам по использованию ИИ в профессиональной деятельности и клинической практике, создания регламентов внутри медицинских организаций и алгоритмов взаимодействия персонала с нововведениями.

Выводы и рекомендации. В результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что в настоящий момент развития технологий ИИ он должен выполнять функцию ассистента, предложения которого врач должен использовать критически, основываясь на своих профессиональных знаниях. Рекомендации машины не должны быть основой для постановки диагноза или назначения лечения.

Ответственность за причинения вреда в рассматриваемых правоотношениях лежит в первую очередь на медицинской организации, а не на сотруднике, который принимал решение, и которые впоследствии привели к деликтным обязательствам, поскольку требования пациента, согласно действующему законодательству, обращены именно к организации, с которой возникли эти правоотношения. Ответственность врача в данном случае будет регулироваться иными отраслями права, в частности, уголовным правом.

Не менее важным является тот факт, что пациенту в случае причинения вреда нужно доказать, что между принятием решения врача и потенциальной ошибкой ИИ есть причинно-следственная связь.

Отсутствует также стандартизация или единая позиция высших судебных инстанций в части медицинских деликтов, поскольку правоприменительная практика по данному вопросу является неоднозначной, вследствие чего физические лица, чьи права были нарушены, находятся в невыгодном положении при доказывании обстоятельств, послуживших причинению вреда [2].

Вопрос о признании ИИ субъектом деликтных правоотношений и наделения его правосубъектностью, хотя и имеет множество правовых позиций, тем

не менее на данный момент времени ИИ не может быть признан самостоятельным. В научном сообществе активно проводятся дискуссии о привлечении к ответственности разработчика ИИ в том случае, если вред пациенту был причинен не по вине врача определенной медицинской организации. Но тогда возникает правовая неопределенность, так как требования в порядке искового судопроизводства могут быть предъявлены как к разработчику, так и к медицинской организации, а судебная практика по данному вопросу отсутствует.

На наш взгляд, в законодательстве должен быть закреплён субъект, который потенциально может быть привлечен к ответственности в рассматриваемых правоотношениях, а именно: как разработчик, так и медицинская организация должны нести субсидиарную ответственность с возможностью последующего регресса в зависимости от ситуации. В данном случае необходим дифференцированный подход, поскольку нельзя возлагать на врача ответственность за недостатки, заложенные в алгоритм на этапе его разработки, при условии что врач не обладает и не может обладать специальными познаниями в данной сфере. И наоборот, разработчик не должен нести ответственность за врача, который перекладывает свои трудовые функции на ИИ, который должен выступать в качестве поддерживающего, а не основного знания.

Для реализации предложенного выше, необходимо:

1) на нормативном уровне утвердить классификацию систем ИИ по степени их автономности и влияния на решения медицинских работников при осуществлении медицинской деятельности;

2) конкретизировать субъектов ответственности в медицинских деликтах, путем закрепления их в соответствующей главе гражданского кодекса [1].

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.
2. Третьякова Е. П. Использование искусственного интеллекта в здравоохранении: распределение ответственности и рисков // Цифровое право. 2021. Т. 2, № 4. С. 51 – 60.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗУЕМОСТЬ ЧЕТВЕРТОГО ПОКОЛЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Г. З. Гашимов

Научный руководитель: С. Ю. Щелокаев, *ст. преподаватель*
Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридическо-
го университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров, Россия
sergey-shelokaev@yandex.ru

Работа посвящена критическому анализу юридической природы и практической реализации «четвертого поколения» прав человека в контексте международно-правового дискурса и национального законодательства. Автор обосновывает антропоцентрический характер норм о защите животных и выявляет логические противоречия в концепции надделения правосубъектностью всех живых существ. Сделан вывод о том, что данная концепция остается теоретической фикцией, лишенной действенных механизмов правовой превенции и реализации.

Ключевые слова: четвертое поколение прав, правосубъектность животных, соматические права, антропоцентризм, биоэтика.

Актуальность работы обусловлена размытостью юридической природы «четвертого поколения» прав человека и противоречиями в его международно-правовом закреплении, в частности, в рамках деклараций ЮНЕСКО [1].

Целью исследования является критический анализ концепции соматических прав и правосубъектности живых существ в контексте современной правовой доктрины. В качестве методов исследования использовались сравнительно-правовой анализ, формально-юридический метод и дедуктивный подход к изучению норм материального права (УК РФ и ГК РФ).

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в выявлении антропоцентрической сущности норм о защите животных и обосновании невозможности надделения биологических объектов полноценной правосубъектностью.

В результате исследования сделаны выводы, что концепция четвертого поколения прав остается теоретическим конструктом и юридической фикцией; автор рекомендует избегать гипертрофированного расширения круга субъектов права, так как надделение правами всех живых организмов ведет к правовому абсурду и утрате практического смысла юридических норм.

Концепция «трех поколений» прав человека, предложенная Карелом Васаком, в современном международно-правовом дискурсе зачастую рассматривается как сугубо философская модель, имеющая ограниченное прикладное значение. Исторический процесс формирования и закрепления правовых норм в различных государствах не всегда соответствовал линейной логике Васака, что ставит под сомнение универсальность его классификации [3]. Тем не менее именно теоретические изыскания Васака послужили катализатором для дискуссий о формировании так называемого «четвертого поколения» прав

человека, предпринятого в рамках Всеобщей декларации ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека.

Анализ положений указанной Декларации свидетельствует о попытке нормативного закрепления идеи соматических прав, связанных с телом биологически, то есть представляющих некую биологическую принадлежность. Данные права не основываются исключительно на социальном статусе человека. Основной смысл этих прав заключается в идее, что у всех живых с точки зрения биологии существ есть свои права. Понятие не тождественно чему-то «искусственно созданному», а напрямую касается биологической природы. Однако содержание данного документа носит декларативный и зачастую расплывчатый характер, требующий расширительного толкования через пояснительные записки. Ключевая проблема концепции четвертого поколения заключается в попытке наделить правосубъектностью любые живые существа. Подобная биоцентрическая установка, хотя и выглядит революционной, представляется юридически труднореализуемой.

На сегодняшний день идеи четвертого поколения прав не нашли широкой поддержки в международном праве, ограничиваясь лишь точечными изменениями национальных законодательств. В частности, в российском праве отголоски данной концепции прослеживаются в статье 245 УК РФ («Жестокое обращение с животными»). Однако правовая природа данной нормы остается дискуссионной. Животное не является субъектом права в классическом понимании, так как не обладает правосознанием и не способно осознавать нарушение своих «прав». Нет достаточных оснований полагать, что животные понимают, когда с ними жестоко обращаются, когда их бьют или убивают, что это нарушает их права. Это люди оценивают со стороны и говорят о том, как другой человек жестоко обращается с животным. С точки зрения гражданского законодательства (ст. 137 ГК РФ) животные признаются объектами гражданских прав (вещами), к которым применяются общие правила об имуществе [2]. Оценка жестокого обращения с животным носит антропоцентрический характер: общество наказывает человека не за нарушение прав животного как субъекта, а за посягательство на общественную мораль и этические нормы самого человечества.

В области правовой психологии отмечается, что акты демонстративного разрушения объектов, имеющих высокую эмоциональную значимость для детей (например, популярных игрушек), вызывают у малолетних детей психотравмирующую реакцию, сопоставимую с восприятием взрослыми людьми жестокого обращения с животными. В связи с этим в юридической науке возникает вопрос об основаниях криминализации подобных деяний и причинах отсутствия во внутрисубъективном праве уголовной ответственности за «жестокое обращение с игрушками», тогда как за аналогичные действия в отношении животных наказание следует даже при отсутствии очевидцев.

Данная коллизия выводит на первый план дискуссию о правосубъектности животных: чьи именно права нарушаются при совершении преступления и обладают ли животные ими в полной мере. Теоретически, даже возвращение выращенного в неволе животного в естественную среду обитания может быть квалифицировано как жестокое обращение, поскольку неминуемая

гибель особи от хищников или голода из-за отсутствия навыков выживания противоречит принципам гуманности. Аналогично дискуссионным остается и вопрос содержания животных в зоопарках: если зоозащитники видят в неволе акт жестокости, то специалисты указывают на невозможность репатриации адаптированных к человеку особей в дикую природу, где они не смогут существовать самостоятельно, что ставит правоприменителя перед этическим и правовым тупиком.

Гипертрофированное расширение круга субъектов права до уровня всех живых организмов приводит к правовым абсурдам. Если следовать логике Декларации о биоэтике буквально, то любая жизнедеятельность человека, включая употребление пищи (животного или растительного происхождения) и борьбу с болезнетворными бактериями в собственном организме, может быть квалифицирована как массовое нарушение прав живых существ («геноцид»). Подобная трактовка фактически лишает право смысла, превращая его в инструмент самоотрицания человеческой жизни. Так называемое «четвертое поколение прав» на деле является мнимой борьбой за права человека и всех живых существ.

Более того, наделение животных правами игнорирует биологическую реальность и отсутствие взаимности в правовых отношениях. В ситуации столкновения человека с хищником в естественной среде (например, с амурским тигром в тайге) нормы Декларации или Конституции не могут выступать регулятором поведения животного. Тигр, не являясь субъектом права и действуя согласно инстинктам выживания, не может быть участником судебного разбирательства. В данном контексте возможна лишь физическая самозащита прав человека, но никак не правовая превенция.

Таким образом, можно констатировать, что концепция «четвертого поколения прав», ярко провозглашенная в начале 2000-х годов, остается теоретическим конструктом, не нашедшим полноценного и логически непротиворечивого закрепления ни во внутреннем, ни в международном праве. Приписывание иным живым существам правовых свойств, присущих исключительно человеку, является юридической фикцией, лишенной практического механизма реализации.

Список литературы

1. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/universal-declaration-bioethics-and-human-rights> (дата обращения: 12.02.2026).
2. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 31.07.2025: [часть первая принята Государственной Думой 21 октября 1994 года; часть вторая принята Государственной Думой 22 декабря 1995 года; часть третья принята Государственной Думой 1 ноября 2001 года; часть четвертая принята Государственной Думой 24 ноября 2006 года] // Справ-правовая система «КонсультантПлюс».
3. Vasak K. Third Generation of Human Rights / Paris : UNESCO, 1984.

ПРОБЛЕМЫ АВТОРСТВА И ОХРАНОСПОСОБНОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ГЕНЕРИРУЕМЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

С. В. Глазков

Научный руководитель: Ю. В. Бекузарова, *канд. юрид. наук*
Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА),
г. Саратов, Россия
jusia@mail.ru

В статье рассматривается генерирование произведений искусства при помощи искусственного интеллекта. Определяется круг вопросов относительно принадлежности авторских прав на произведения, которые генерирует искусственный интеллект. Рассматриваются возможные пути решения возникающих проблем.

Ключевые слова: гражданское право, авторские права, искусственный интеллект, голос исполнителя, федеральное законодательство.

Актуальность исследования. В современном мире искусственный интеллект (ИИ) интегрируется в жизнедеятельность людей с огромной скоростью. При помощи него создаются различные программы, он способен решать ученические задачи, генерировать научные труды на различные темы. Также ИИ занял свою нишу в области искусства, включая генерирование произведений музыки и литературы. Сгенерированные ИИ произведения поднимают важные вопросы относительно принадлежности авторских прав, наличия либо необходимости создания правовых механизмов их защиты. При отсутствии четкого регулирования в данной области возникает множество вопросов относительно нарушения гражданского законодательства и наличия в нем правовых коллизий.

Целью исследования является комплексный анализ проблем, возникающих в связи с генерацией произведений искусства ИИ, выявление пробелов и коллизий в российском гражданском законодательстве в части охраны авторских и смежных прав, а также определение возможных направлений для совершенствования правового регулирования в данной сфере.

В процессе исследования использовались как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системно-структурный подход), так и частнонаучные юридические методы (формально-юридический метод, метод толкования правовых норм, сравнительно-правовой анализ).

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении и систематизации правовых проблем, связанных с определением субъекта авторского права на произведения, созданные ИИ, а также в анализе правовой природы голоса как объекта охраны. **Практическая значимость** работы состоит в том, что сформулированные в ней выводы и предложения (в частности, о необходимости конкретизации охраны голоса в ГК РФ) могут быть использованы для совершенствования федерального законодательства и устранения

существующих правовых коллизий, что будет способствовать более эффективной защите прав исполнителей и авторов.

Выводы и рекомендации. Статья 1255 Гражданского кодекса Российской Федерации под авторскими правами понимает интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства и относит к ним исключительное право на произведение, права авторства, на имя, на неприкосновенность произведения и на его обнародование [1, ст. 1255].

Говоря о генерации произведения ИИ возникает ряд вопросов, связанных с принадлежностью авторских прав на такое произведение. Первым вопросом выступает вопрос о принадлежности права авторства и о праве автора на имя на сгенерированном произведении.

Как следует из пункта 1 статьи 1265 Гражданского кодекса Российской Федерации, под правом авторства следует понимать право признавать автором произведения, а право автора на имя является правом использования и разрешения на использование произведения под своим именем, под вымышленным именем (псевдонимом) либо без указания такового, то есть анонимно [1, ст. 1256]. Такие права являются неотчуждаемыми и непередаваемыми, в том числе при передаче другому лицу либо переходе к нему исключительного права на произведение и при предоставлении другому лицу права использования произведения. Отказ от вышеупомянутых прав по закону является ничтожным.

Как следует из пункта 5 Указа Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», под искусственным интеллектом законодательно понимается комплекс технологических решений, которые позволяют имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без ранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека либо превосходящие их [2, п. 5].

Если обратиться к определению программы для ЭВМ, которое закреплено в ст. 1261 ГК РФ, то под ней понимается представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программ для ЭВМ. Также стоит отметить, что вышеупомянутый указ Президента РФ относит к ИИ программное обеспечение.

Таким образом, исходя из анализа законодательства, можно сделать вывод о том, что ИИ является программным обеспечением, соответственно, авторские права на него и производимые за его счет произведения искусства охраняются также как авторские права. Получается, что при генерировании произведения ИИ авторские права на такие произведения будут принадлежать автору программы независимо от того, что программа, допустим, будет использовать голоса известных исполнителей либо отрывки уже опубликованных музыкальных произведений, авторские права на которые принадлежат иным физическим лицам.

Следовательно, авторские права на сгенерированные ИИ произведения будут полностью принадлежать автору ИИ как автору программы для ЭВМ.

При этом не учитывая тот факт, что ИИ осуществляет сбор данных на поставленный вопрос в открытом доступе, после чего собранные данные систематизируются, и на основе определенного алгоритма создается произведение. На наш взгляд, в данном случае происходит нарушение авторских прав физических лиц, так как ИИ использует при формировании композиции голоса известных авторов, а также может «заимствовать» отрывки опубликованных произведений без их видоизменения.

Еще одним вопросом в этой области является голос исполнителя при генерировании музыкального произведения. В зарубежных странах достаточно распространенным является способ генерирования песен при помощи ИИ [5]. Таким способом создания песен пользуются многие зарубежные исполнители, например The Weekend.

В Российской Федерации такая практика создания продуктов интеллектуальной деятельности не распространена, однако прецедент все же имеется. Как следует из открытых интернет-источников, популярный сегодня российский продюсер под псевдонимом «АлСми» использует нейросеть для создания музыкальных продуктов, голоса в которых «похожи» на голоса популярных российских артистов, например Михаила Круга. Закономерно, что именно голос известного артиста делает песню популярной и позволяет набирать прослушивания, а следовательно, извлекать из этого экономическую выгоду. На наш взгляд, это создает большую проблему. Законодательно голос человека не относится к авторским либо смежным им правам, его относят к биометрическим данным человека [3]. При этом голоса известных исполнителей позволяют продвигать продукт авторского права, а соответственно, использование такого голоса является не совсем правомерным. Стоит отметить, что в России кроме законодательного пробела отсутствуют и судебные прецеденты по данному вопросу. Это понимает и законодатель.

16 сентября 2024 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект, предполагающий дополнение статьи 152 ГК РФ и закрепляющий обнародование и дальнейшее использование голоса гражданина только с согласия этого гражданина, либо в случае его смерти с согласия его детей, родителей и (или) супруга [4, ст. 1]. Однако 22 января 2025 года законопроект был отозван Правительством РФ.

Внесение упомянутой статьи в ГК РФ позволит обеспечить охрану голоса человека в контексте гражданского законодательства и защитить права известных музыкальных исполнителей на свой голос. Также это поможет предотвратить неправомерное использование голосов при создании сторонних музыкальных произведений ИИ.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52. Ст. 5496 (Часть I); 2024. № 31. Ст. 4450.

2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700; 2024. № 8. Ст. 1102.
3. О направлении информации по протоколу совещания : письмо Роскомнадзора от 10 февраля 2020 г. № 08АП-6782 «» // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: [consultant.ru](https://www.consultant.ru) (дата обращения: 08.02.2026).
4. О внесении изменения в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации : проект Федерального закона от 16 сентября 2024 г. № 718834-8 // Официальный сайт Государственной думы Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 08.02.2026).
5. Первушин Г. Ю. Проблемы защиты авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом // Образование и право. 2025. № 1. С. 457–463.

СЛОЖНОСТИ ВЗЫСКАНИЯ УБЫТКОВ ИНВЕСТОРАМИ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ

В. А. Горинов

Научный руководитель: Т. В. Ефимцева, *д-р юрид. наук, профессор*

Университет управления «ТИСБИ», г. Казань, Россия

vlad-1797@mail.ru

В современных реалиях развития цивилистической действительности остроактуальными вопросами частного права стали практические вопросы защиты прав инвесторов в венчурных проектах, одним из которых является сложность взыскания убытков субъектами инвестирования в судебном порядке. Цель исследования — выявить основные сформированные судебной практикой тенденции в делах о взыскании убытков субъектами инвестирования. Методы исследования: формально-юридический, статистический, обобщение.

Ключевые слова: убытки, инвестор, субъект инвестирования, квалифицированный инвестор, неквалифицированный инвестор.

Инвестор как субъект гражданско-правовых отношений — это как наделенное, так и не наделенное квалифицированным статусом лицо, которое осуществляет вложение капитала в определенную сферу с целью получения прибыли.

Официальная дефиниция убытков закреплена на уровне кодифицированного гражданского законодательства, которое выделяет две их разновидности: реальный ущерб и упущенная выгода [2, ст. 15, п. 2].

В практическом плане исследование проблематики, касающейся сложностей взыскания убытков инвесторами в судебном порядке, представляется весьма важным в связи с тем, что венчурное инвестирование в современной экономике стало весьма востребованным, при этом одновременно происходит большое количество нарушений прав инвесторов, особенно неквалифицированных начинающих субъектов инвестирования.

Как показывает анализ актуальной судебной практики, проблема убытков инвесторов носит массовый характер. Убытки субъектам инвестирования причиняются в самых разных сферах: ценные бумаги, строительство, маргинальная торговля, брокерские услуги, блокировка счетов инвесторов, банкротство застройщиков. Только в рамках судов общей юрисдикции по состоянию на дату проведения настоящего исследования было рассмотрено 8528 дел, в которых так или иначе затрагивалась проблематика возмещения убытков субъектам инвестирования, в арбитражном судопроизводстве — 10 900 дел. И речь идет только об официально опубликованных судебных актах, а ведь имеются и неопубликованные для всеобщего доступа.

Учитывая особенности формата настоящего исследования, ограничимся кратким анализом дел о взыскании субъектами инвестирования убытков в наиболее распространенных сферах в судебном порядке.

Представляет практический интерес вопрос взыскания убытков в зависимости от категории заявителя — квалифицированного инвестора либо

неквалифицированного. Так, в деле № А45-1237/2025 первоначально удалось доказать незаконное присвоение квалифицированного статуса, навязывание процедуры и отсудить у брокера более 5 миллионов убытков. Справедливости ради отметим, что впоследствии решение апелляции было отменено в кассационном порядке, поскольку фактически было установлено злоупотребление правом со стороны квалифицированного инвестора [1, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 декабря 2025 г. № Ф04-3982/25 по делу № А45-1237/2025]. Доказать на практике незаконность присвоения квалифицированного статуса весьма затруднительно, о чем свидетельствует дело № 8Г-3837/2025 [88–6541/2025] [1, Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 06 марта 2025 г. по делу № 8Г-3837/2025 [88–6541/2025]]. В деле № 33–1669/2025 апелляция отменила решение первой инстанции, которым было признано незаконным наделение истца квалифицированным статусом, в связи с тем, что истец до момента наделения данным статусом предоставил недостоверные данные и, помимо того, «ссылался на недействительность оспариваемых сделок уже после получения для себя материального блага (осуществление купонных выплат), спустя более двух лет со дня их совершения, а также продолжив их исполнение» [1, Апелляционное определение СК по гражданским делам Костромского областного суда от 19 ноября 2025 г. по делу № 33–1669/2025], что, на наш взгляд, является маркером недобросовестного правового поведения.

В деле № 2–1643/2024, связанном с венчурным инвестиционным проектом, истцу удалось добиться расторжения договора и взыскания убытков. Истец не был профессионалом в рассматриваемой сфере, а потому не мог полноценно быть осведомленным о всех возможных рисках вложения средств. В качестве мотивировки своего решения суд первой инстанции сослался на такие обстоятельства, как запрет со стороны ответчика на выход из данного проекта, «с отнесением всех негативных последствий такого участия на физическое лицо, выступающее слабой стороной спорных отношений» [1, Решение Центрального районного суда г. Омска Омской области от 09 апреля 2024 г. по делу № 2–1643/2024], отказ в возврате вложений со ссылкой на венчурность, отказ в реализации истцом права на расторжение контракта. В итоге суд констатировал, что ответчик проявил недобросовестность и нарушил баланс интересов сторон конкретного правоотношения.

Рассматриваемая проблематика весьма масштабна. Несмотря на отсутствие коллективных исков, автору удалось обнаружить ряд схожей судебной практики с похожими фактическими обстоятельствами и требованиями истцов. В СПС «Гарант» найдено 3 таких дела, по которым требования истцов также были удовлетворены [1, Решение Центрального районного суда г. Омска Омской области от 20 июля 2023 г. по делу № 2–2973/2023; 1, Решение Центрального районного суда г. Омска Омской области от 10 марта 2023 г. по делу № 2–1599/2023], причем судебные акты не обжаловались, но фактических нарушений, конечно, больше, поскольку далеко не все жертвы таких правонарушений предпринимают активные правозащитные способы [3].

Ввиду актуальности на сегодняшний день санкционной проблематики представляется интерес коллективный иск к «Euroclear Bank SA/NV (Бельгия)». Ответчик «ввиду введенных в отношении НРД нормативными актами ЕС санкций отказался производить выплаты по ценным бумагам иностранных эмитентов, владельцы которых являются российские компании или физические лица». Как справедливо заметил Девятый арбитражный апелляционный суд, «обязанность по минимизации убытков не может пониматься как обязанность каждого российского инвестора организовывать длительные и затратные процедуры в иностранной юрисдикции и фактически дублировать работу иностранного депозитария, который и должен обеспечивать корректное исполнение обязательств». В итоге с «Euroclear Bank SA/NV (Бельгия)» в пользу большинства ответчиков были взысканы убытки, данное решение не претерпело изменений в апелляции [1, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24 ноября 2025 г. № 09АП-19 730/25 по делу N A40-181 854/2023].

Таким образом, в результате проведенного автором анализа статистики судебной практики по убыткам инвесторов можно констатировать, что основными сформированными судебной практикой тенденциями выступают поддержка слабой стороны конкретного инвестиционного правоотношения, то есть некачественного инвестора, при условии отсутствия недобросовестности в его правовом поведении, и одновременный отказ в защите прав сильной стороне данного правоотношения ввиду ее недобросовестного правового поведения и нарушения баланса интереса сторон. В качестве рекомендаций для субъектов инвестирования, следование которым поможет минимизировать конфликтные ситуации на рынке венчурного инвестирования и тем самым элиминировать ситуации причинения убытков инвесторам, следует выделить строгое следование принципу добросовестности, недопущение ситуаций злоупотребления субъективными правами и нарушения прав слабой стороны конкретного инвестиционного правоотношения, соблюдение баланса субъективных интересов субъектов инвестирования.

Список литературы

1. Банк судебной практики // СПС «Гарант».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Часть первая : принят Государственной Думой 21 октября 1994 г.: одобрен Советом Федерации 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».
3. Обзор Финпотребсоюза нарушений прав потребителей финансовых услуг и розничных инвесторов в России за 9 месяцев 2025 года // ФинПотребСоюз. URL: <https://finpotrebsouz.ru/analytics/obzor-finpotrebsoyuza-narushenij-prav-potrebitelej-finansovyh-uslug-i-roznicnyh-investorov-v-rossii-za-9-mesyacev-2025-goda?ysclid=mltdt980iss410827508> (дата обращения: 01.03.2026).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ПОВЕСТОК И ЦИФРОВИЗАЦИИ ВОИНСКОГО УЧЕТА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е. П. Гриценюк, *обучающийся*, А. В. Бондарчук, *д-р экон. наук, доцент*
Луганский государственный университет им. Владимира Даля
(ЛГУ им. В. Даля), г. Луганск, Россия
akoval77@mail.ru

В статье анализируются правовые основы и практические аспекты внедрения электронных повесток и Единого реестра воинского учета в Российской Федерации. Особое внимание уделено пробелам в законодательстве, требующим системного регулирования для баланса между эффективностью государственного управления и защитой прав граждан.

Ключевые слова: воинский учет, электронная повестка, Единый реестр, персональные данные, цифровая трансформация.

Актуальность исследования. В условиях стремительного развития информационных технологий и глобальных вызовов государства по всему миру активно внедряют цифровые решения в различные сферы публичного управления, включая системы обороны и воинского учета. Российская Федерация не является исключением, осуществляя масштабную программу цифровой трансформации государственных услуг и систем. Одной из наиболее значимых и дискуссионных инноваций в последние годы стало внедрение электронных повесток и создание централизованного Единого реестра сведений о гражданах, подлежащих воинскому учету.

Цель исследования. Выявление и анализ правовых пробелов, возникающих в процессе цифровизации воинского учета в Российской Федерации, а также разработка рекомендаций по совершенствованию законодательного регулирования с целью обеспечения баланса между повышением эффективности государственного управления и защитой конституционных прав граждан, включая право на неприкосновенность частной жизни, доступ к информации и равный доступ к цифровым государственным услугам.

Методы и инструменты исследования. В ходе подготовки статьи использован комплекс общенаучных и специальных юридических методов, обеспечивающих всесторонний анализ правовых основ и практических аспектов цифровизации воинского учета. Применены следующие методы: формально-юридический метод (для анализа нормативно-правовой базы); сравнительно-правовой метод (при сопоставлении традиционного и цифрового подходов к организации воинского учета и направлению повесток); системно-структурный метод (для выявления взаимосвязей между элементами Единого реестра, государственными информационными системами и правами граждан).

Практическая и теоретическая значимость. Воинский учет — ключевой элемент обороноспособности государства, обеспечивающий мобилизационную готовность и контроль за исполнением воинской обязанности [1]. Традиционно

основан на бумажном документообороте, что влечёт высокие административные издержки, ошибки и низкую оперативность.

Цифровая трансформация началась с Федерального закона от 14.04.2023 № 127-ФЗ, внесшего изменения в ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [2]. Он предусмотрел создание Единого реестра сведений о гражданах, подлежащих воинскому учету, возможность направления электронных повесток и установление правовых последствий за неявку.

Единый реестр — централизованная ГИС под управлением Минобороны РФ, собирающая данные из ФНС, МВД, ФСС, Росреестра и других органов. В него включаются ФИО, паспортные данные, адрес, образование, семейное положение, медицинские сведения и информация о воинском учете. Данные обновляются автоматически, обеспечивая актуальность и достоверность.

Электронная повестка — официальный документ, равнозначный бумажному, направляемый через портал «Госуслуги» или Единый реестр повесток (реестрповесток. рф). Она формируется на основе данных Реестра и заверяется усиленной квалифицированной ЭП. Повестка считается вручённой:

- при размещении в личном кабинете на «Госуслугах» — сразу;
- в реестре повесток — через 7 дней.

С момента вручения на гражданина возлагаются правовые последствия: ограничение выезда за границу, а при неявке — запрет на управление ТС, регистрацию ИП и др.

Однако реализация сталкивается с вызовами. По мнению И. В. Норенко, законодатель не учёл цифровое неравенство: многие граждане, особенно в удалённых регионах, не имеют доступа к интернету или технических средств для получения повесток, но всё равно несут ответственность. А. В. Малаханов подчёркивает необходимость автоматизации наполнения Реестра и строгого соблюдения требований ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных» [3].

С 20 декабря 2025 года вводятся унифицированные формы выписок из Реестра воинского учета и Реестра повесток, подтверждающие статус гражданина и факт направления уведомлений. Получить их можно через военкомат, «Госуслуги», МФЦ или портал «Реестр повесток».

Цифровизация повышает эффективность, снижает коррупционные риски и минимизирует ошибки, но требует надёжной кибербезопасности, защиты персональных данных и учёта социальных различий. Успех реформы зависит от общественного доверия, прозрачности и своевременного разрешения правовых коллизий.

Выводы и рекомендации. Таким образом, цифровая трансформация воинского учета представляет собой сложный, многоуровневый процесс, требующий не только технического и нормативного обеспечения, но и учета социальных, правовых и этических аспектов.

Современный воинский учет в РФ характеризуется фрагментарностью данных, их несвоевременным обновлением и дублированием информации в различных ведомствах. Отсутствует единый нормативно закреплённый порядок взаимодействия органов власти при передаче сведений о военнообязанных. Недостаточная регламентация электронного документооборота, включая статус

и юридическую силу цифровых повесток, порождает правовые коллизии. Не определены чёткие механизмы защиты персональных данных в условиях централизации учета. Отсутствуют законодательные гарантии доступа граждан к собственным данным и процедурам их оспаривания. Эти пробелы требуют системного правового регулирования.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 21.12.2025).
2. О воинской обязанности и военной службе : ФЗ от 28.03.1998 № 53-ФЗ (в ред. 24.06.2025) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (дата обращения: 21.12.2025).
3. О персональных данных : ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ (в ред. 24.06.2025) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 21.12.2025).

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС БЕЖЕНЦЕВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ

В. А. Дьяченко

Научный руководитель: В. В. Степанова, *ст. преподаватель*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
leradya@mail.ru

В работе исследуется конституционно-правовой статус беженцев в Российской Федерации. Особое внимание уделяется проблемам реализации правового статуса: сложность документального подтверждения обстоятельств вынужденного оставления страны происхождения, недостаточная социальная поддержка и несовершенство правоприменительной практики. На основе анализа статистических данных и научных источников предлагаются пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: беженцы, конституционно-правовой статус, права человека, социальная защита, проблемы реализации, интеграция, правоприменительная практика.

В условиях глобализации и увеличения числа конфликтов вопросы правового статуса беженцев становятся все более актуальными. Как справедливо отмечают исследователи, проблема беженства остается одной из самых острых гуманитарных проблем современности, а для Российской Федерации в силу ее геополитического положения и прозрачности границ существует реальная.

Использованы общенаучные и специальные методы познания: анализ нормативных правовых актов и научной литературы, сравнительно-правовой метод, статистический анализ, метод системного обобщения.

Цель исследования — комплексный анализ конституционно-правового статуса беженцев в РФ, выявление проблем его реализации и разработка предложений по совершенствованию законодательства.

Правовую основу статуса беженца в России составляют Статья 63 Конституции Российской Федерации, которая закрепляет, что наше государство гарантирует предоставление политического убежища, базируясь на международных нормах, иностранным гражданам и лицам без гражданства [3, с. 287], и Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528–1 «О беженцах», согласно которому, беженец — лицо, которое не является гражданином РФ и имеет обоснованные опасения стать жертвой преследований [2]. Лицо, признанное беженцем, наделяется правами на питание, жилье, медицинскую помощь и социальную защиту [2].

Несмотря на детальную правовую регламентацию, изучение практики реализации статуса беженца позволяет выявить ряд существенных проблем.

Во-первых, это сложность документального подтверждения обстоятельств вынужденного оставления страны происхождения, что объективно обусловлено экстренным характером миграции и объективной невозможностью заблаговременного сбора доказательств. Анализ статистики МВД РФ показывает, что

статус беженца получают единицы. На 30 июня 2025 года общая численность беженцев составила 252 человека. За первое полугодие 2025 года статус получили 38 граждан Сирии, что резко контрастирует с предыдущим периодом, когда из более чем 2,8 тысячи обращений сирийцев было удовлетворено лишь четыре [4]. Это свидетельствует о политизированности института убежища, где решения принимаются избирательно, под влиянием внешнеполитических интересов, что противоречит принципу универсальной защиты.

Во-вторых, острой проблемой является недостаточная социальная поддержка. Законодательно закрепленные права реализуются не в полном объеме из-за отсутствия эффективных государственных программ интеграции. Размер единовременного денежного пособия при принятии ходатайства к рассмотрению, согласно Постановлению Правительства РФ от 23.05.1998 № 484, составляет всего 100–150 рублей [5]. Эти суммы крайне незначительны и не могут рассматриваться как реальная мера поддержки, особенно для удовлетворения первоочередных нужд в питании и одежде.

Третья проблема кроется в несовершенстве законодательной техники и правоприменительной практики. В Российской Федерации заложены законодательные основы регулирования института беженства, в целом соответствующие международным стандартам. Однако действующие нормативные правовые акты носят фрагментарный характер, порой противоречат друг другу, а имплементация Российским государством международных правовых норм в национальную правовую систему осуществляется непоследовательно и неполно. Практика реализации прав беженцев далека от совершенства и часто противоречит нормам, зафиксированным как в международных документах, так и в российских нормативных правовых актах, регулирующих статус беженцев [1, с. 56].

Для решения обозначенных проблем необходимо совершенствование регулирования по нескольким направлениям. Во-первых, требуется обеспечить единообразное применение законодательных критериев на практике. Важно, чтобы оценка доказательств учитывала не только документы, но и объективную обстановку в стране исхода, что снизит доказательственную нагрузку на заявителя.

Во-вторых, необходимо усиление социальной защиты и интеграции. Это предполагает разработку федеральных и региональных программ содействия трудоустройству, обучению языку и предоставлению жилья. Позитивным примером является работа центров адаптации Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН) по адаптации иностранных граждан в России, которые охватили более 99 тысяч человек. Согласно отчету агентства по итогам работы в 2025 году, адаптационными центрами было проведено 3196 мероприятий по доведению материалов адаптационного курса, которыми охвачено 99 336 иностранных граждан, а также оказана 3351 индивидуальная консультация. К концу октября 2025 года пилотный проект ФАДН по созданию центров социальной и культурной адаптации иностранных граждан, реализуемый в пяти субъектах Российской Федерации (Республика Саха (Якутия), Татарстан, Хабаровский край, Кемеровская и Челябинская области), охватил около 55 тысяч человек.

В-третьих, следует повышать прозрачность работы миграционных органов и совершенствовать процедуры обжалования. Необходимо развитие системы бесплатной юридической помощи для беженцев с привлечением адвокатов и некоммерческих организаций на всех стадиях.

Таким образом, конституционно-правовой статус беженцев в России имеет прочную законодательную основу, однако его реализация сталкивается с серьезными препятствиями. Сложность доказывания, недостаточная социальная поддержка и несовершенство правоприменения требуют комплексного подхода к реформированию. Решение проблем беженцев невозможно без изменения общественного восприятия и создания эффективных административных механизмов, обеспечивающих реализацию предоставленных прав, что является индикатором зрелости правового государства.

Список литературы

1. Деникаева С. Э., Шамсудинова А. Ш. Правовое положение беженцев в Российской Федерации: проблемы реализации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Т. 16, № 4. С. 54–58.
2. О беженцах : ФЗ от 19.02.1993 № 4528-1 // Собрание законодательства РФ. 1993. № 34. Ст. 2671.
3. Галиакбарова С. В., Аминов И. Р. Конституционно-правовые основы статуса беженцев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5–2 (68). С. 287–290.
4. Миграционные итоги 2025 года. URL: <https://refugee.ru/fr/dokladyi/migracionnaya-statistika-mvd-rossii-za-pervoe-polugodie-2025-goda/> (дата обращения: 17.02.2026).
5. О размере единовременного денежного пособия и порядке его выплаты лицу, получившему свидетельство о рассмотрении ходатайства о признании беженцем на территории Российской Федерации по существу : Постановление Правительства РФ от 23.05.1998 № 484 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 4.

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ПРОЦЕССЕ
РАССМОТРЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ
С ПРИЗНАНИЕМ АКЦИЙ ПУБЛИЧНЫХ АКЦИОНЕРНЫХ
ОБЩЕСТВ БЕСХОЗЯЙНЫМИ**

И. Н. Иванова

Научный руководитель: В. А. Неясова, *преподаватель*
Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА),

г. Саратов, Россия
irinajamforever@mail.ru

Статья посвящена анализу одной из актуальных проблем арбитражного процесса — неопределенности правил подсудности по делам о признании акций юридических лиц бесхозными. В работе исследуются правовые основания возникновения таких дел, связанных с выбытием акций из оборота вследствие ликвидации акционеров — юридических лиц, смерти физических лиц при отсутствии наследников или неучтенных прав на бездокументарные ценные бумаги. Помимо этого, авторы обосновывают необходимость внесения изменений в законодательство — конкретизация ст. 225.1 АПК РФ или дополнение ст. 38 АПК РФ, что позволит единообразно относить данные споры к корпоративным.

Ключевые слова: акции, юридическое лицо, корпоративные споры, подсудность, реестродержатель, процессуальная норма, приватизация, признание акций бесхозными.

В 2009 году Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — АПК РФ) был дополнен главой 28.1 [1], по правилам которой рассматриваются корпоративные споры. Введение данной главы возможно, на наш взгляд, объяснить тем, что споры, связанные с деятельностью юридических лиц, имеют специфический характер и особую сложность. Для их правильного рассмотрения и разрешения требуется единство практики и индивидуальные правила применения.

Особая сложность данной категории споров обусловлена тем, что множество юридических лиц в Российской Федерации были образованы в связи с приватизацией государственных учреждений, которыми являлись заводы, предприятия по добыче полезных ископаемых. Такими юридическими лицами чаще всего являются акционерные общества, уставной капитал которых составляется из номинальной стоимости акций общества, приобретенных акционерами. Вышеуказанное подтверждает также и мнение Е. Н. Дворяковой, которая в своей работе отмечает, что 90-е годы стали для России этапом экономической трансформации, в ходе которой ранее существовавший государственный монополизм перешел к смешанной форме с доминирующей ролью частной собственности и предпринимательства [2].

Кроме того, к предпосылкам рассматриваемых изменений можно отнести процессуальные несовершенства, существовавшие до их принятия, которыми умело пользовались рейдеры в целях захвата компаний [3]. Так, действовавшие нормы позволяли злоумышленникам инициировать несколько производств по одному и тому же корпоративному спору, используя как арбитражные суды,

так и суды общей юрисдикции, что в дальнейшем привело к появлению конфликтующих между собой судебных актов фактически по одному и тому же спору.

Несмотря на попытки законодателя интегрировать все необходимые нормы, регулирующие решение спорных правоотношений, с течением времени видоизменяются проблемы, с которыми могут столкнуться юридические лица. В связи с этим необходима быстрая ответная реакция, а именно внедрение процессуальной нормы, определяющей и исключающей двусмысленное толкование правил подсудности. По этой причине целью исследования является выделение и анализ одного из существующих пробелов на данный момент, который постепенно начинает затрагивать все большее и большее количество акционерных обществ. Методами исследования являются догматический, сравнительно-правовой и системный.

Так, по мере существования публичных акционерных обществ участилась необходимость возврата акций в гражданский оборот, которые были в связи с ликвидацией акционеров, являющихся юридическими лицами, а также с акционерами — физическими лицами, не заявившими права на свои акции. Рассматриваемая ситуация возможна в следующих случаях: 1) ликвидации юридического лица, являющегося акционером акционерного общества, при которой он (акционер) не распорядился принадлежащими ему ценными бумагами, то есть фактически данные акции оказались выведены из гражданского оборота; 2) смерти лиц, являвшихся акционерами, у которых отсутствуют наследники или акции не были включены в наследственную массу; 3) если акции числятся на лицевом счете неустановленных лиц, например, акционерами при приватизации не были поданы сведения реестродержателю, то есть права владельцев на ценные бумаги бездокументарной формы выпуска не были удостоверены записями на лицевых счетах держателя реестра.

В свою очередь, данные ситуации оказывают значительное влияние на отдельные акционерные общества ввиду отсутствия у них возможности принять решение по ряду определенных вопросов, так как отсутствие достаточного количества акционеров приводит к невозможности обеспечения необходимого кворума для проведения общего собрания акционеров или получить требуемое большинство голосов для принятия ключевых решений. Учитывая то, что в действующем законодательстве отсутствуют нормы, позволяющие осуществить в одностороннем порядке исключение из реестра владельцев ценных бумаг, утративших правоспособность, равно как и отсутствуют нормы права, дающие возможность вернуть акции, собственник которых неизвестен, в гражданский оборот, акционерные общества вынуждены обращаться в суд с рядом требований: 1) о признании акций бесхозяйными; 2) о признании права собственности на них.

Именно эта вынужденная необходимость обращаться в суд с требованиями о признании акций бесхозяйными и о признании права собственности на них закономерно подводит к вопросу о процессуальной форме таких исков. Если отталкиваться от теории процессуального права, то на данный момент, как отмечает в своей работе Е. И. Сенякина, существует множество классификаций исков, однако в рассматриваемой ситуации нас интересуют виды исков именно

по процессуальной цели или, как называет данную классификацию вышеупомянутый автор, «процессуально-правовой». Так, их бывает три: 1) о признании; 2) о присуждении; 3) преобразовательные [4]. В данном случае это иск о признании акций бесхозяйными и о признании права собственности, из этого можно сделать вывод, что исковые требования должны быть заявлены по месту нахождения ответчика, так как они не попадают под главу 28.1. К такому выводу возможно прийти ввиду того, что в ст. 225.1 АПК РФ затрагиваются споры относительно прав на акции, а в данном случае требования не связаны с принадлежностью акций, а также не относятся к спору по иску учредителей или к спору, связанному с эмиссией ценных бумаг, по причине того, что в данном случае она не оспаривается.

Помимо этого, в ч. 4.1 ст. 38 АПК РФ закреплено, что исковое заявление или заявление о споре подается по месту нахождения юридического лица из ст. 225.1 АПК РФ. В данной статье указаны юридическое лицо, спор об акциях которого ведется, реестродержатель, который осуществляет введение реестра акционеров, учредители и иные лица, то есть четко не определено по месту нахождения кого из них акционерным обществам необходимо подавать исковое заявление с требованиями, так как споры по признанию акций бесхозными не нашли отражения в статье. Соответственно, на данный момент в действующем законодательстве отсутствует четкое определение по месту нахождения какого юридического лица должно подаваться исковое заявление.

Подобный пробел в законодательстве, как отсутствие в ст. 225.1 АПК РФ отдельного акцентирования внимания на таком споре, как признание акций бесхозными в качестве отдельного возможного вида спора, порождает случаи, при котором юридические лица могут трактовать признание акций, не относящимися к корпоративным спорам, таковыми. Это приводит к тому, что они могут обратиться в судебную инстанцию по месту нахождения ответчика, то есть по общей подсудности.

В целях экономии времени не только акционерных обществ, но и судов, которым из-за неправильного определения подсудности первыми приходится передавать дело на рассмотрение другого арбитражного суда, считаем необходимым уточнить ст. 225.1 АПК РФ, в частности определение не только прав, но и принадлежности по правам, в том числе признания акций бесхозяйными. Данное уточнение позволит акционерным обществам изначально верно относить рассмотренный вид спора к корпоративным и не применять правила общей подсудности. Альтернативным вариантом решения возникшей на практике проблемы является возможность дополнить ст. 38 АПК РФ примечанием, в котором конкретизировать, по месту нахождения какого из юридических лиц, перечисленных в ст. 225.1 АПК РФ, подается исковое заявление, содержащее требование о признании акций бесхозяйными. Конечно, законодателю потребуется определенное время для внедрения таких изменений, чтобы исключить скоростное законотворчество, которое пагубно влияет на правовую систему в целом, однако оперативное решение выявленной нами проблемы способствует повышению эффективности отправления правосудия.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2025. № 14. Ст. 1587.
2. Дворякова Е. Н. Исторические аспекты и современные тенденции приватизационных процессов в России // Общественные практики: уроки истории и современные тренды : сборник тезисов докладов Всероссийской научной конференции студентов-стипендиатов Оксфордского Российского фонда (Екатеринбург, 20–22 апреля 2016 г.). Екатеринбург : УрФУ, 2016. С. 124–126.
3. Революционные изменения в АПК РФ. Вступают в силу «антирейдерские» поправки // Электронный журнал «Юрист компании». URL: <https://www.law.ru/article/2559-revolyutsionnye-izmeneniya-v-apk-rf-vstupayut-v-silu-antireyderskie-popravki> (дата обращения: 01.12.2025).
4. Сениякина Е. И. Виды исков в арбитражном судопроизводстве (краткий обзор) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 1 (83). С. 109–112.

ДОСУДЕБНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СПОРОВ: МЕЖДУ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ УПРАВЛЕНИЯ И ЗАЩИТОЙ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

С. А. Ильичёв, А. А. Копытин

Научный руководитель: Т. В. Федорова, *канд. юрид. наук, доцент*
Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева
(РГУП им. В. М. Лебедева), г. Москва, Россия
kor06Alex@yandex.ru

В статье рассматривается институт досудебного урегулирования административных споров в современной правовой системе России. Авторы анализируют правовую природу данного института, выявляя его двойственный характер: как механизма разгрузки судебной системы и как инструмента оперативной защиты прав граждан. Особое внимание уделяется барьерам на пути цифровизации процедур обжалования, отсутствию унифицированных требований к деятельности должностных лиц и перспективам внедрения примирительных процедур в административный процесс. На основе критического анализа литературы предлагаются пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: административный спор, досудебное урегулирование, КАС РФ, КоАП РФ, медиация, цифровизация, примирительные процедуры, правовая защита.

Развитие правового государства в России неизбежно ставит вопрос о поиске оптимального баланса во взаимоотношениях между гражданином и публичной властью. Административные споры, в силу асимметричности сторон, требуют особых механизмов разрешения, которые были бы не только законными, но и доступными. Досудебный порядок в этом контексте часто воспринимается как досадное препятствие на пути к правосудию, однако при более глубоком анализе он предстает как самостоятельный и потенциально эффективный институт. Актуальность темы обусловлена необходимостью преодоления «обвинительного уклона» административной деятельности и поиска альтернативных способов разрешения конфликтов.

Традиционно в доктрине досудебный порядок рассматривается через призму его «фильтрующей» функции. Однако сводить его роль только к снижению нагрузки на суды было бы методологической ошибкой. На наш взгляд, этот институт обладает мощным правозащитным потенциалом, который зачастую реализуется быстрее, чем в судебном заседании. Разделяя позицию коллег, полагаем, что досудебный этап — это не просто формальность, а полноценный элемент системы обеспечения законности. В частности, обоснованным представляется мнение, что досудебный порядок не является альтернативой судебному контролю, а представляет собой самостоятельную, обязательную и эффективную стадию в едином механизме защиты прав граждан и организаций, выполняя при этом не только фильтрующую, но и важнейшую правозащитную функцию [1, с. 399].

При этом важно разграничивать «урегулирование» и «разрешение» спора. Если разрешение всегда предполагает властный акт третьего лица (суда), то

урегулирование допускает гибкость. Эта гибкость позволяет государству оперативно исправлять собственные ошибки. Считаем крайне важным аргумент о том, что одним из преимуществ института является оперативность, выраженная в возможности государственного органа самому изменить незаконное решение, тогда как суд уполномочен лишь проверять его законность [2, с. 156].

Современные вызовы требуют перевода административных процедур в цифровую плоскость. Казалось бы, внедрение систем типа «Узнать о жалобе» ФНС должно решить проблему доступности. Однако на практике мы сталкиваемся с неоправданным сужением сферы применения электронных инструментов. В частности, анализ КоАП РФ показывает, что законодатель допускает обжалование постановлений по делу в электронной форме лишь в случае, если нарушение связано с ПДД и зафиксировано техническими средствами, работающими в автоматическом режиме [3, с. 631]. Такая законодательная сдержанность выглядит анахронизмом на фоне общей стратегии развития «цифрового государства». Почему право на электронное обжалование должно зависеть от категории нарушения? Этот вопрос остается открытым и требует решительного пересмотра норм КоАП.

Основной целью развития таких дистанционных способов должно стать упрощение жизни, сохранение времени и денег спорящих сторон, так как судебные процессы зачастую являются затяжными и несут немало издержек [4, с. 93]. Одной из наиболее дискуссионных точек является возможность применения медиации в публично-правовых спорах. Существует мнение, что в отношениях «власть — подчинение» примирение невозможно в принципе. Однако опыт зарубежных стран и развитие КАС РФ говорят об обратном. Считаем, что такая жесткость не всегда оправдана. В делах, где отсутствует существенная угроза общественным интересам, примирение могло бы стать эффективным способом восстановления социальной справедливости. В этом процессе значительную роль может сыграть прокуратура. Это обеспечило бы дополнительную гарантию того, что «примирение» не станет формой давления на гражданина со стороны ведомства.

Главная слабость современного досудебного обжалования — его фрагментарность. Каждое ведомство устанавливает свои правила игры. В рассматриваемой сфере отсутствуют единые требования к обязанностям должностных лиц при рассмотрении жалоб, а также не создан действенный механизм контроля за исполнением принятых по ним решений [5, с. 29]. Впрочем, некоторые позитивные сдвиги наблюдаются в практике создания коллегиальных органов. Это позволяет уйти от узковедомственного подхода, когда жалобу рассматривает тот же отдел, который готовил оспариваемое решение.

Подводя итог, следует констатировать, что досудебное урегулирование административных споров в России находится в стадии трансформации. Для того чтобы этот институт стал по-настоящему востребованным, необходимо решить три задачи: во-первых, унифицировать процедурные требования к должностным лицам на законодательном уровне; во-вторых, снять необоснованные ограничения на подачу жалоб в электронной форме; и, в-третьих, расширить возможность применения примирительных процедур в делах об административных

правонарушениях. Только при условии отказа власти от стратегии «навязывания решений» досудебный порядок станет реальным инструментом правового мира, а не просто обязательным этапом перед обращением в суд.

Список литературы

1. Давыденкова У. А. Досудебный (административный) порядок обжалования действий и решений органов публичной власти // Вестник науки. 2025. Т. 2, № 12 (93). С. 395–404.
2. Тулепбаева А. С., Макенов Т. К. Правовая природа института досудебного урегулирования споров, вытекающих из публичных правоотношений // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2018. № 5 (54). С. 154–161.
3. Лифанов Д. М. О перспективах досудебного урегулирования административных споров с применением информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 626–635.
4. Рожкова Д. Д. Альтернативные способы урегулирования административно-правовых споров, подлежащих рассмотрению в судебном порядке // Юридическая наука. 2018. № 4. С. 93–95.
5. Досудебное урегулирование споров в публичном праве / С. М. Зырянов [и др.] // Журнал российского права. 2011. № 11 (179). С. 21–33.

СИСТЕМА ПУБЛИЧНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

С. А. Ильичёв, А. А. Копытин

Научный руководитель: Т. В. Федорова, *канд. юрид. наук, доцент*
Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева
(РГУП им. В. М. Лебедева), г. Москва, Россия
kop06Alex@yandex.ru

В статье рассматривается концепция системы публичной администрации в контексте трансформации российской правовой системы и конституционной реформы. Авторы анализируют субъектный состав публичной администрации, выходящий за рамки классической исполнительной власти, и исследуют функциональное наполнение данной категории. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения законности и взаимодействия субъектов администрирования с институтами гражданского общества. На основе анализа современных научных подходов обосновывается необходимость комплексного понимания публичной администрации как сервисного и правоохранительного института.

Ключевые слова: публичная администрация, система публичной власти, административно-публичные функции, законность, общественная безопасность, государственные услуги, государственное управление.

Современный этап развития российской государственности характеризуется поиском оптимальной модели управления, которая была бы способна оперативно реагировать на внешние и внутренние вызовы. В этом контексте категория «публичная администрация» постепенно вытесняет или, по крайней мере, существенно дополняет традиционное понятие «государственное управление». Переход к идее единства системы публичной власти требует переосмысления того, кто именно осуществляет административные функции и каковы пределы их ответственности перед обществом.

Определение границ системы публичной администрации является одной из наиболее дискуссионных проблем в административном праве. Традиционный подход, ограничивающий администрирование исключительно деятельностью органов исполнительной власти, сегодня представляется узким. Как справедливо отмечают А. Б. Зеленцов и О. А. Ястребов, «административную публичную деятельность нельзя отождествлять только с деятельностью органов исполнительной власти, поскольку ее могут осуществлять также административные органы (аппарат) законодательной и судебной власти» [1, с. 631]. Такое расширительное понимание позволяет охватить реальный объем управленческих процессов, происходящих внутри государственного аппарата в целом.

Более того, современная система публичной администрации включает в себя не только государственные органы. А. И. Стахов предлагает рассматривать систему публичной администрации как «совокупность взаимосвязанных между собой органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, выполняющих административно-публичные функции, а также организаций,

обладающих в силу федерального закона статусом государственного или иного органа в целях осуществления административно-публичных функций» [2, с. 63]. Этот подход подчеркивает делегированный характер многих управленческих полномочий, когда негосударственные структуры фактически встраиваются в общую вертикаль реализации публичного интереса.

Трансформация системы публичной администрации неразрывно связана с изменением её функционального предназначения. Если в классической модели преобладали распорядительные и охранительные функции, то сегодня на первый план выходит сервисная составляющая. Интересен в этом плане взгляд А. М. Воронова, который указывает, что термин «публичное администрирование» дополняет предмет административного права «значительным блоком реординарных (сервисных) отношений по оказанию гражданам государственных услуг при их обращениях в органы публичной власти» [3, с. 22]. Таким образом, администрация перестает восприниматься исключительно как аппарат подавления или предписания, приобретая черты структуры, ориентированной на удовлетворение социальных потребностей.

Тем не менее, нельзя игнорировать и классические задачи государства. По мнению А. И. Стахова, публичная администрация продолжает реализовывать свои функции в двух базовых сферах: «административно-распорядительной и административно-охранительной» [2, с. 72]. Сочетание этих сфер наглядно проявляется в деятельности по обеспечению безопасности. На местном уровне это дополняется спецификой муниципальной власти. Как отмечает А. В. Мазеин, органы местного самоуправления, «являясь наиболее приближенными к населению... способны оперативно выявлять потенциальные угрозы, могут привлекать к их подавлению граждан и институты гражданского общества» [4, с. 74]. Это подтверждает тезис о том, что система публичной администрации — это живой организм, где нижние звенья играют ключевую роль в раннем обнаружении социальных рисков.

Функционирование столь разветвленной системы невозможно без жестких правовых рамок. Однако в настоящее время эксперты фиксируют определенную фрагментарность регулирования. А. И. Стахов обращает внимание на то, что «в настоящее время отсутствует системный подход к нормативному установлению административно-публичных функций и в положениях о соответствующих федеральных министерствах, федеральных агентствах и федеральных службах» [2, с. 64]. Такое положение дел создает риски дублирования полномочий или, напротив, возникновения зон безответственности. Обеспечение законности в деятельности субъектов администрирования требует не только внешнего надзора, но и внутренней оптимизации. Без ясной структуры и квалифицированного персонала любые правовые декларации останутся формальностью.

Важным аспектом выступает и демократизация администрирования через механизмы обратной связи. А. Н. Медушевский подчеркивает, что «концепция динамичных обратных связей между государством и обществом предполагает их диалог, соперничество и сотрудничество в поиске оптимальных административных решений» [5, с. 100]. Это означает, что современная система публичной администрации должна быть прозрачной и открытой для социального

контроля, что является единственным способом предотвращения бюрократического отчуждения.

Система публичной администрации в Российской Федерации сегодня представляет собой сложное, многоуровневое образование, объединяющее государственные и муниципальные органы, а также уполномоченные организации. Её эволюция идет по пути расширения субъектного состава и внедрения сервисных моделей взаимодействия с гражданами. Однако для эффективной работы этой системы требуется преодоление нормативной разобщенности и укрепление организационных гарантий законности. Только при условии гармоничного сочетания административно-распорядительных функций с механизмами общественного контроля публичная администрация сможет в полной мере реализовать свое предназначение в условиях правового государства.

Список литературы

1. Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Концепция публичной администрации в современном административном праве (сравнительно-правовое исследование) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, № 4. С. 626–654.
2. Стахов А. И., Ландерсон Н. В., Домрачев Д. Г. Публичная администрация в Российской Федерации как субъект административного процесса // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 4. С. 55–77.
3. Воронов А. М. Публичное администрирование в сфере обеспечения общественной безопасности. некоторые правовые концепты // Научный портал МВД России. 2024. № 2 (66). С. 20–28.
4. Мазеин А. В. Правовое регулирование публичного администрирования в сфере обеспечения общественной безопасности на местном уровне // Муниципалитет: экономика и управление. 2023. № 3 (44). С. 68–76.
5. Медушевский А. Н. Публичная администрация и общество: система обратных связей в информационном секторе // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. Т. 2, № 6. С. 88–100.

ЭВТАНАЗИЯ В ФОКУСЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ: МЕЖДУ ПРАВОВЫМ ЗАПРЕТОМ И КОНСТИТУЦИОННЫМ ПРАВОМ ЧЕЛОВЕКА

П. С. Кулакова, О. А. Гергерт

Научный руководитель: В. В. Степанова, *ст. преподаватель*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
gergerto2006@gmail.com

В данной работе рассматривается особенность правовой природы института эвтаназии в контексте противоречия между уголовным правом Российской Федерации и конституционным правом человека на жизнь и свободу.

Ключевые слова: эвтаназия, право, законодательство, права человека, право на жизнь.

Основной целью работы выступает исследование института эвтаназии в фокусе уголовного и конституционного права как особенного института публичного права и одной из гарантий прав человека.

Методы и инструменты исследования. Основными методами исследования являются историко-правовой анализ, позволяющий проследить эволюцию понятия «эвтаназия» и выяснить его отражение в национальном и международном праве; нормативно-правовой анализ актов, регламентирующих вопросы эвтаназии и отказа от медицинского вмешательства; и социологическое анкетирование.

Термин «эвтаназия» является составным. Он образован путем соединения двух греческих слов: прилагательного «ev» — благо или эпитетическое «ev» — хороший, добрый, красивый, доблестный, благородный и слова «thanatos» — смерть — и означает практику прекращения жизни человека или другого живого существа, страдающего неизлечимым заболеванием и испытывающего вследствие этого заболевания невыносимые страдания.

В медицинском контексте термин был употреблен в 1605 году политиком и философом Френсисом Бэконом, который описывал этот метод смерти как прекрасный, справедливый и легкий [3]. Позже в 1939 году в нацистской Германии под прикрытием термина «эвтаназия» проводилось массовое систематическое убийство пациентов психиатрических клиник и людей с ограниченными возможностями. Эта злонамеренная практика на десятилетия дискредитировала сам термин и сделала его синонимом преступлений против человечности. Но в 1960–1970-е годы с активизацией борьбы за права человека, ростом ценности частной жизни и свободы выбора вновь зазвучали призывы позволить прекращать жизнь в случае невозможности излечения.

В России попытки правового решения вопросов эвтаназии предпринимались еще в XIX–XX веках. Так, отечественный юрист, судья и общественный деятель А. Ф. Кони допускал проведение эвтаназии, но только по четко регламентированным условиям, которые уже определены в современном мире.

Дореволюционное право выделяло убийство по согласию, а Уголовное уложение 1903 года смягчало за него ответственность, но решение об эвтаназии так и не вступило в силу [5]. В советский период согласие потерпевшего некоторое время считалось смягчающим обстоятельством, но с конца 1920-х годов эта тема перестала обсуждаться. В России дискуссии об эвтаназии возобновились в 1990-х. Предложение ее легализовать было отклонено обществом. Сегодня эвтаназия разрешена примерно в 12 странах (например, Бельгия, Канада), запрещена в 7 (Россия, Турция, Иран и др.), а в некоторых государствах имеет неоднозначный статус. В России действует прямой запрет на эвтаназию, закрепленный в статье 45 Федерального закона № 323-ФЗ: медработникам запрещено ускорять смерть пациента по его просьбе. Уголовно это квалифицируется как убийство по ст. 105 УК РФ (простое или при отягчающих обстоятельствах) [1].

Однако вопрос о том, имеет ли право человек на прерывание собственной жизни, если он сам этого хочет или этого выбора вообще на самом деле нет, остается открытым до сих пор. С точки зрения права на свободу эвтаназия (сам факт ее существования как правового института) дает человеку выбор на то, как распоряжаться своей жизнью после того, когда она превратилась в бесконечное пребывание в больничной палате. Она дает человеку право на достойную смерть и избавление от страданий, ведь если человек вправе распоряжаться своей жизнью так, как он считает нужным, то и смертью тоже. Но при этом со стороны врача введение смертельной инъекции будет квалифицировано как убийство [2]. При этом у пациента на основании статьи 20 уже упомянутого Федерального закона есть право отказаться от дальнейшего лечения даже если это повлечет за собой серьезное ухудшение его состояния вплоть до смерти. Американский философ Дж. Рейгелс считал, что если человек болен и понимает, что это неизлечимо, просит врача ускорить смерть, а врач соглашается просто на прекращение лечения, то это может усилить страдания больного, а введение смертельного укола, то есть активной эвтаназии в этой ситуации является гораздо более гуманным решением. Однако все аргументы поддерживающих эту позицию неустанно бьются с позицией противников этой теории. Например, И. Кант писал, что жизнь «священна и уникальна, никто не имеет права прерывать чью-либо жизнь, какой бы затруднительной она не была, а также лишать жизни себя». Также противники эвтаназии говорят о злоупотреблении умерщвлением, что может привести к неблагоприятным последствиям для общества [4].

Авторы провели социальный опрос 29 респондентов от 18 до 60 лет и старше на тему «Эвтаназия: между правовым запретом и волей человека». Интерес представляло само знание этого термина, а также его интерпретация опрашиваемыми с позиции права и принципов гуманности. Общественное мнение респондентов склоняется к условному принятию эвтаназии. Большинство понимает её как добровольный уход из жизни для прекращения страданий (75 %) и в целом относится к этой идее положительно или нейтрально (82,2 %). Ключевым аргументом «за» является избавление от физических мук (71,4 %), тогда как главный страх («против») — риск злоупотреблений и врачебных ошибок (50 %). Большинство опрошенных (64,3 %) поддерживают легализацию

активной эвтаназии, но с важным условием: только в исключительных случаях и под жестким контролем (с участием суда, врачей и родственников), а не как широкодоступную практику.

Исторический анализ позволяет сделать вывод о двойственности восприятия института эвтаназии на всех этапах ее становления и развития: от «легкой смерти» до дискредитации в нацистской Германии и возврата к дискуссии в контексте прав человека. Вопрос вызывает и наличие в одном нормативном акте прямого запрета на проведение эвтаназии. Обозначая при этом возможность пациента отказаться от лечения, государство тем самым вынуждает его выбирать наиболее мучительный путь ухода из жизни вместо того, чтобы обеспечить ему право на достойный уход из жизни. Проблема эвтаназии в России требует не простого снятия запрета, а поиска баланса между защитой жизни, недопущением злоупотреблений и правом человека на автономию воли.

Список литературы

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Лоба В. Е., Абдулаева И. А. Эвтаназия: историко-правовой аспект // Философия права. 2019. № 1 (88). С. 85–90.
4. Ямальтдинова И. И., Арсентьева С. И. Медицинские и моральные аспекты эвтаназии: анализ аргументов сторонников и противников // Вестник науки. 2024. Т. 4, № 5 (74). С. 1874–1879.
5. Евсеева Я. В. Эвтаназия: история и современные дебаты. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2021. № 3. С. 12–25.

ОСОБЕННОСТИ СНИЖЕНИЯ НЕУСТОЙКИ В ОТДЕЛЬНЫХ ВИДАХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ДОГОВОРОВ

Н. С. Лисовский

Научный руководитель: Р. Р. Шакиров,
руководитель юридической клиники, ст. преподаватель
Российский государственный университет социальных технологий
(РГУ СоцТех), г. Москва, Россия
shakerov@rgust.ru

В работе проанализированы особенности применения ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации к снижению договорной неустойки в предпринимательских договорах, прежде всего в строительном подряде и поставке. Выявлены различия в подходах судов, обусловленные экономической функцией неустойки и характером обязательства, и обоснован вывод о фактической отраслевой дифференциации судебной практики при формальном единстве нормативного регулирования.

Ключевые слова: неустойка, снижение неустойки, предпринимательские договоры, судебное усмотрение, явная несоразмерность, свобода договора.

Актуальность исследования, представленного в статье, обусловлена высокой распространённостью договорной неустойки в предпринимательских отношениях и одновременно высокой степенью неоднородности судебной практики по её снижению. Стороны в таких отношениях, как правило, обладают профессиональным статусом и формально равной переговорной позицией, однако фактический объём их ответственности оказывается во многом зависимым от типа договора и сложившихся локальных подходов судов, а не от их собственных договорных решений.

Целью исследования являются две взаимосвязанные проблемы: 1) влияет ли вид предпринимательского договора и связанная с ним экономическая функция неустойки на частоту и глубину её снижения судами; 2) соответствуют ли сложившиеся дифференцированные подходы целям ст. 333 ГК РФ и идее справедливого распределения рисков между профессиональными участниками оборота [1].

Методы исследования: как теоретические (анализ действующего гражданско-правового регулирования, системное, телеологическое толкование и пр.), так и эмпирические (анализ существующей судебной практики).

В качестве инструментов исследования избран анализ судебных актов арбитражных судов по делам о взыскании неустойки в договорах строительного подряда, поставки и сопоставление выделенных массивов практики, позволяющее проследить, формируются ли устойчивые типовые модели отношения судов к неустойке в каждом из рассматриваемых договорных отношений и в какой мере эти модели согласуются между собой.

Практическая значимость исследования выражается в возможности использовать результаты при подготовке договорной документации, оценке перспектив

судебных споров и разработке внутренних стандартов риск-менеджмента в коммерческих организациях.

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании тезиса о том, что применение ст. 333 ГК РФ в предпринимательской сфере фактически трансформируется в дифференцированный механизм, зависящий от вида договора и функции неустойки, несмотря на формальное единство нормативного регулирования.

Разъяснения высших судебных инстанций задали рамочную модель правоприменения. В Постановлении Пленума ВАС РФ № 81 от 22.12.2011 указано на исключительный характер снижения неустойки и необходимость установления именно явной, а не предполагаемой несоразмерности [3]. В дальнейшем Постановление Пленума ВС РФ № 7 от 24.03.2016 закрепило комплексный подход к оценке соразмерности, предполагающий учёт длительности и экономической функции санкции [4]. При этом подчёркивается недопустимость формального арифметического сопоставления неустойки и убытков без анализа характера обязательства.

Наиболее отчётливо специфика применения ст. 333 ГК РФ проявляется в договорах строительного подряда. В силу ст. 740 ГК РФ подрядчик принимает на себя обязанность выполнить комплекс работ [2], часто связанных с существенными инвестициями и публично значимыми проектами. Неустойка за нарушение сроков в подобных договорах выполняет не столько компенсаторную, сколько выраженную стимулирующую функцию, обеспечивая соблюдение календарных графиков и синхронизацию смежных обязательств. Суды, рассматривая требования о снижении, как правило, исходят из необходимости уважения согласованного сторонами распределения рисков. Значительный размер начисленной неустойки при длительной просрочке и высокой цене контракта не признаётся автоматически несоразмерным.

В практике Верховный Суд Российской Федерации подчёркивает, что само по себе превышение суммы неустойки над размером возможных убытков не свидетельствует о явной несоразмерности, если санкция соответствует экономическому масштабу проекта и характеру обязательства. Снижение производится преимущественно в случаях, когда установлено отсутствие негативных последствий для заказчика либо когда кредитор способствовал увеличению периода просрочки. Тем самым формируется модель ограниченного судебного вмешательства, ориентированная на поддержание дисциплины исполнения в капиталоемких проектах.

Иная картина наблюдается в договорах поставки ст. 506 ГК РФ [2]. Здесь неустойка чаще всего устанавливается в виде ежедневной процентной ставки за просрочку оплаты и передачи товаров. Экономическая функция санкции в данном сегменте тесно связана с оборотным кредитованием и компенсацией стоимости привлечённых денежных средств. В случаях кратковременной просрочки и умеренной ставки (например, 0,1–0,2 % в день) суды, как правило, отказывают в снижении, признавая такую меру обычной для коммерческого оборота. Однако при длительном неисполнении, приводящем к накоплению санкции в размере,кратно превышающем основной долг, применяется более

активная судебная коррекция.

При разрешении подобных споров суды сопоставляют размер договорной неустойки с рыночной стоимостью заёмного капитала, фактически используя экономический критерий альтернативной доходности. Если начисленная сумма выходит за пределы разумной компенсации стоимости пользования денежными средствами и приобретает штрафной характер, она подлежит уменьшению. Одновременно оценивается поведение кредитора: длительное бездействие и искусственное накопление санкций может свидетельствовать о злоупотреблении правом.

Важным аспектом является соотношение неустойки с процентами за пользование чужими денежными средствами и иными мерами ответственности, и способами обеспечения исполнения обязательств. Суды исходят из необходимости предотвращения кумулятивного эффекта, при котором совокупность санкций трансформируется в инструмент чрезмерного давления на должника. Тем не менее сама по себе комбинация различных способов обеспечения не признаётся противоправной, если итоговая ответственность сохраняет разумную связь с последствиями нарушения.

Сопоставление практики по договорам подряда и поставки позволяет констатировать фактическую дифференциацию применения ст. 333 ГК РФ. В строительстве приоритет отдаётся стимулирующей функции неустойки и обеспечению стабильности долгосрочных проектов, что обуславливает более сдержанное снижение. В поставке суды чаще прибегают к экономическому анализу и корректируют санкции при их трансформации в источник необоснованной выгоды. Таким образом, единая нормативная формула «явной несоразмерности» наполняется различным содержанием в зависимости от типа обязательства и его экономической природы.

Для повышения предсказуемости правоприменения представляется необходимым дальнейшее развитие унифицированных критериев оценки несоразмерности на уровне правовых позиций высшей судебной инстанции. В их числе целесообразно закрепить учёт структуры обязательства, рыночной стоимости капитала, фактических последствий нарушения поведения сторон. Такой подход позволит сохранить баланс между свободой договора и судебным контролем, обеспечив стабильность предпринимательского оборота и согласованность практики по ключевым видам коммерческих договоров.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. 16.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

3. О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 № 81 (ред. от 24.03.2016) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.02.2026).
4. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.02.2026).

СООТНОШЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ С ИНЫМИ ВЕЩНЫМИ ПРАВАМИ

Д. М. Майкич

Научный руководитель: Р. Р. Шакиров,
руководитель юридической клиники, ст. преподаватель
Российский государственный университет социальных технологий
(РГУ СоцТех), г. Москва, Россия
majkichdm@mail.ru

Институт права собственности представляет собой фундаментальную опору правовой системы, способствуя реализации общественных целей и разрешению стоящих перед государством задач. Статья акцентирует внимание на аспектах права собственности и иных вещных прав, рассматривая их как составные элементы категории вещного права в целом, а также исследует их соотношение.

Ключевые слова: вещь, вещное право, право собственности, владение, пользование, распоряжение.

Актуальность исследования. На сегодняшний день в юридической литературе наблюдается незавершенность реформы вещного права. Несмотря на наличие второго раздела Гражданского кодекса РФ, российское законодательство по-прежнему не располагает официальным определением вещного права, а также полным перечнем ограниченных вещных прав. Положение статьи 216 ГК РФ [1] носит открытый характер, что, в свою очередь, порождает дискуссии в теории и сложности в правоприменении. Современный так называемый «имущественный» оборот нуждается в ясном разграничении между вещными и обязательственными правами, в частности между арендой и сервитутом, для установления адекватного механизма защиты нарушенного права. Верховный Суд Российской Федерации постоянно сталкивается с необходимостью урегулирования противоречий между правом собственности и правами владельцев, обладающих титулом, что находит отражение в последних обзорах судебной практики.

Цель исследования. Настоящая работа посвящена выяснению признаков, позволяющих отличать право собственности от иных вещных прав, а также изучению того, как эти понятия взаимодействуют в рамках российского гражданского права.

Методы и инструменты исследования. Для достижения поставленной цели были задействованы как общие научные подходы, такие как диалектический и системный анализ, так и специализированные юридические методы. К последним относятся формально-юридический анализ действующего законодательства Российской Федерации и сравнительно-правовой метод, предполагающий сопоставление прав собственника и субъекта, обладающего правом хозяйственного ведения. Основой для исследования послужили положения гражданского законодательства, научные труды и решения судов.

Теоретическая ценность исследования выражается в более точном определении критериев, разделяющих вещные и обязательственные права, а также в выявлении ключевых характеристик ограниченных вещных прав, таких как следование за вещью и возможность абсолютной защиты. На практике полученные результаты могут быть применены для правильной юридической квалификации спорных ситуаций и выбора дальнейших способов для защиты нарушенных прав, например, виндикационного или негаторного иска.

Согласно статье 2 Гражданского кодекса РФ, гражданское законодательство охватывает вопросы, касающиеся возникновения и реализации права собственности, а также иных вещных прав. Этот принцип находит отражение во втором разделе ГК РФ, озаглавленном «Право собственности и другие вещные права». Раздел II начинается статьей 209 ГК РФ, которая определяет право собственности как включающее в себя возможность передачи прав владения, пользования и распоряжения имуществом другим лицам, сохраняя при этом статус собственника. Также допускается залог имущества и его обременение иными способами. Именно из этой возможности возникают ограниченные (производные) вещные права, которые рассматриваются в статье 216. В отличие от права собственности, ограниченные вещные права распространяются на имущество, находящееся во владении другого лица. Ключевой особенностью таких прав является их устойчивость даже при смене владельца объекта, включая случаи продажи или наследования. Этот принцип известен как право следования. Ограниченные вещные права накладывают бремя на само имущество, а не на его владельца, оставаясь связанными с вещью [3, с. 55]. При этом стороны не могут создавать новые вещные права по своему усмотрению. Расширение этого перечня возможно только законодательным путем. В связи с этим, например, права аренды и залога, несмотря на наличие отдельных вещных элементов (следование), правильно рассматривать как обязательственные, что исключает применение к ним вещно-правовых способов защиты в полном объеме. Собственник-учредитель сохраняет правомочия по контролю, но не может свободно распоряжаться имуществом, закрепленным за унитарным предприятием [5, с. 215]. Это порождает конфликт интересов, который суды разрешают исходя из целевого назначения имущества и пределов осуществления гражданских прав. При столкновении права собственности и ограниченного вещного права приоритет отдается последнему в пределах предоставленных титульному владельцу правомочий [4, с. 181]. Однако судебная практика показывает [2], что осуществление ограниченного вещного права не должно приводить к злоупотреблению правом и нарушать интересы собственника в существенной части.

Учитывая вышеизложенное, представляется разумным предложить следующие рекомендации: принять пакет поправок к Гражданскому кодексу Российской Федерации, который установит исчерпывающий список вещных прав и введёт новые правовые институты (право застройки, известное как суперфиций, и право личного пользования чужим имуществом, или узужфрукт). Это позволит восполнить пробелы в правовом регулировании таких сфер, как земельные и жилищные отношения. При рассмотрении дел, касающихся вещных

прав, судам следует ориентироваться на фактическое содержание правоотношений, а не на их формальное наименование. Важно учитывать такие признаки, как возможность следования права за вещью и его абсолютный характер защиты, чтобы корректно определить суть спора и применить соответствующий способ защиты.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [часть первая] от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.02.2025).
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.12.2025) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2025).
3. Алексеев В. А. Право недвижимости Российской Федерации. Права на недвижимые вещи: общие проблемы : учебник для вузов. 2025. 164 с. URL: <https://urait.ru/bcode/567162/p.55> (дата обращения: 26.02.2025).
4. Рябзин Р. А. Ограниченные вещные права как правовая категория на современном этапе развития гражданского законодательства // Закон и право. 2025. № 6. С. 179–187. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenные-veschnye-prava-kak-pravovaya-kategoriya-na-sovremennom-etape-razvitiya-grazhdanskogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 26.02.2026).
5. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. 2-е изд., стер. М. : Статут, 2021. 559 с.

ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ НЕВЗАИМОЗАМЕНЯЕМЫХ ТОКЕНОВ (NFT) В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

М. И. Макаров, С. А. Тюлюбаева

Научный руководитель: В. А. Порошков, *канд. юрид. наук, профессор*

Тульский государственный университет (ТулГУ), г. Тула, Россия

tusofia29@gmail.com

В работе рассматриваются правовые аспекты регулирования невзаимозаменяемых токенов (NFT) в Российской Федерации. Авторами затрагиваются проблемы отсутствия легального определения NFT, сложности его квалификации в системе объектов гражданских прав, а также возможные пути включения NFT в существующие правовые категории, такие как цифровые права или иное имущество. Подчеркивается необходимость разработки специального правового регулирования для устранения правовых пробелов в данной сфере.

Ключевые слова: NFT (невзаимозаменяемые токены), цифровые права, правовая неопределенность, объект гражданских прав.

Технология невзаимозаменяемых токенов (NFT) вызывает растущий интерес с начала 2021 г., и уже тогда рынок NFT составлял около 41 млн долларов. Очевидно, что невзаимозаменяемые токены сегодня получают все большее распространение по всему миру, так как они позволяют фиксировать право собственности на уникальные цифровые активы в блокчейне, а также создают новые модели монетизации для авторов и коллекционеров. Однако во многих государствах есть определенные сложности с их правовым регулированием.

Так, в настоящее время в российском правовом поле отсутствует определение понятия NFT, сложности также вызывает правовая неопределенность в отношении квалификации NFT в системе объектов гражданских прав. Вследствие этого представляет интерес анализ существующих определений NFT, а также вариантов его соотношения с объектами гражданских прав.

Прежде упоминалось, что одной из актуальных проблем является отсутствие легального определения данного токена. В доктрине цифрового права рядом ученых NFT (non-fungible token) определяется как неповторимый цифровой сертификат, удостоверяющий право владения соответствующим цифровым активом. Отметим, что активом могут выступать картинки, тексты, фотографии, видео или аудиоклипы, музыка, игровые предметы, то есть все, что можно перевести в цифровую форму или «токенизировать». Другие ученые характеризуют NFT как «правомочие, которое удостоверяет факт обладания аутентичной версией объекта компьютерного искусства, но исключительно в личных целях, не связанных с извлечением прибыли» [3].

Неоднозначным является вопрос о соотношении NFT с объектами гражданских прав. В научной литературе выделяется несколько противоречащих друг другу подходов, однако ни один из них нельзя назвать универсальным.

Во-первых, NFT нельзя соотносить с вещами, поскольку последние всегда существуют в материальной, физической форме, тогда как токен представляет

собой цифровую запись. Во-вторых, некорректно и соотнесение невзаимозаменяемого токена с выполнением работ и услуг. Целью работ является достижение результата, выраженного материально, а сущностью услуг выступает процесс деятельности, который используется человеком непосредственно в процессе оказания. Задача NFT не сводится к процессу или достижению какого-либо результата, а только к тому, чтобы в реестр блокчейн была внесена запись, удостоверяющая право собственности на какой-либо цифровой объект. В-третьих, отсутствие законодательного указания на NFT как на вид безналичных средств платежа или бездокументарных ценных бумаг в совокупности с главным свойством невзаимозаменяемостью исключает их отнесение к данным объектам.

Причисление невзаимозаменяемых токенов к результатам интеллектуальной деятельности методологически неверно, что подтверждается двумя основополагающими аргументами. Во-первых, правовое основание указанных токенов и результатов интеллектуальной деятельности различно: NFT не является результатом творческого процесса, а лишь служит подтверждением правомочий в отношении конкретного цифрового актива. Во-вторых, императивный характер статьи 1225 ГК РФ, устанавливающей закрытый перечень результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, не допускает внесение невзаимозаменяемых токенов без изменения самой правовой нормы [1].

В научной литературе высказывается мнение о том, что NFT следует рассматривать в качестве разновидности цифровых прав. Однако диспозиция статьи 141.1 ГК РФ показывает, что под цифровым правом понимается только обязательственное или иное право, которое прямо указано в правовой норме в таком качестве [1]. Ввиду того, что ни одним из ныне действующих правовых актов невзаимозаменяемые токены не отнесены к категории цифровых прав, легальные основания для признания их таковыми отсутствуют. Помимо этого, основная функция NFT сводится к удостоверению (подтверждению) права на актив, тогда как предоставление какого-либо самостоятельного обязательственного правомочия требования для него не характерно [3].

Отнесение невзаимозаменяемых токенов к категории либо утилитарных цифровых прав, цифровой валюты, либо цифровых финансовых активов не находит своего подтверждения ни в одной из норм действующего законодательства. Квалификация NFT в качестве цифровой валюты неуместна в силу того, что электронная валюта выступает средством платежа, что не согласуется с сущностью NFT [3]. Соотнесение невзаимозаменяемых токенов с утилитарными цифровыми правами также неуместно, поскольку правовая природа последнего понятия заведомо подразумевает право (применительно к ценным бумагам — требования, передачи прав и др.), в то время как NFT выступает регистрирующей в распределительном реестре записью, удостоверяющей возможность владения определённым объектом. Цифровой финансовый актив по своим техническим характеристикам и функциональному назначению сопоставим с ценными бумагами: он также удостоверяет права требования, участия и иные корпоративные правомочия [3]. В отличие от него, предметом правового регулирования NFT выступает только запись в распределительной базе данных, указывающая на право владельца обладания конкретной вещью,

тогда как ценная бумага удостоверяет право именно на экономический объект.

Против квалификации NFT в качестве виртуальной валюты свидетельствует также положение Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» (ЦФА), в соответствии с которым только операторы информационных систем, официально включённые Банком России в специальный реестр, наделены правом осуществлять выпуск цифровых финансовых активов [2]. Данное положение предполагает организованный учёт и строгое соблюдение установленной процедуры эмиссии, что не свойственно природе невзаимозаменяемых токенов. Появление NFT реализуется без участия специализированных операторов и вне требований, предъявляемых к обороту ЦФА.

Для полного понимания вопросов, связанных с толкованием и квалификацией NFT в гражданском обороте РФ рассмотрим зарубежную правоприменительную практику.

В Великобритании, в деле «*Lavinia Osbourne v. Persons Unknown*» Верховный суд Соединенного Королевства признал NFT имуществом [4]. Сущность NFT, по мнению суда, состоит в удостоверении права владения цифровым активом, что является ключевым признаком имущества. В США, в деле «*Hermès v. Rothschild*» суд наоборот не признал NFT уникальным видом имущества, а рассматривал их как коммерческий продукт, который может нарушать права интеллектуальной собственности [5]. В недавно завершившемся процессе «*Yuga Labs, Inc. v. Ripps*» суд определил, что защита NFT может осуществляться как защита иных товаров. Отсюда следует, что NFT квалифицируют как имущество или как объекты, на которые распространяется правовая защита товарных знаков, несмотря на их нематериальную природу.

В заключение отметим, что на сегодняшний день в российской правовой действительности, как и в зарубежной, вопрос определения NFT остается открытым, однако в доктрине цифрового права предпринимаются попытки по решению данной проблемы. Соглашаясь с учеными, отметим, что наиболее точно отражает суть NFT следующая дефиниция: это запись в распределенном реестре (блокчейне), которая удостоверяет право лица на обладание неповторимым виртуальным активом и не допускает его замены иной аналогичной цифровой записью. Таким образом, NFT выступают цифровым свидетельством, подтверждающим связь между держателем такого токена и конкретным виртуальным объектом.

В ходе рассмотрения проблемы правовой квалификации невзаимозаменяемых токенов в рамках системы объектов гражданских прав можно заключить, что NFT нельзя отнести ни к одной из рассмотренных нами категорий, то есть к вещам, к имущественным правам, к работам и услугам, к цифровым правам, к результатам интеллектуальной деятельности. Обратим внимание, что невзаимозаменяемость выступает определяющим признаком, устанавливающим правовое положение рассматриваемого токена и отличающим NFT от перечисленных объектов гражданских прав.

Учитывая изложенные ограничения, наиболее обоснованной является отнесение NFT к категории «иное имущество» в значении статьи 128 ГК РФ. Такой подход позволяет легализовать оборот токенов — их куплю-продажу, дарение,

мены — по аналогии с иными имущественными благами, не запрещенными в обороте. Несмотря на это, подобная аналогия не может заменить собой прямое правовое регулирование. Следовательно, правовая регламентация статуса NFT является необходимостью для устранения существующих правовых пробелов и создания надежных гарантий для субъектов рыночных отношений.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ и часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 01.05.2026).
2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : ФЗ от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/68ed8205fe5bc539231f8cfb9bb3107b88726aab/ (дата обращения: 01.05.2026).
3. Рабец А. П., Найденов К. Д. Гражданско-правовой режим невзаимозаменяемых токенов (NFT): современное состояние и перспективы развития законодательства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. № 2. С. 142 – 154. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovoy-rezhim-nevzaimozamenyaemyh-tokenov-nft-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-zakonodatelstva> (дата обращения: 01.05.2026).
4. Osbourne v. Persons Unknown. URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/D-108-3115?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/D-108-3115?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true) (дата обращения: 01.05.2026).
5. United States District Court of the Southern District of New York [2023]: Hermes Int'l v. Rothschild, No. 22-CV-384-JSR, 2023 WL 1458126 (S.D.N.Y. Feb. 2, 2023). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/1841> (дата обращения: 01.05.2026).

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО
КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ
ОГРАНИЧЕНИЙ: КОЛЛИЗИОННЫЕ, ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

В. А. Паршиков

Научный руководитель: П. М. Колесников, *канд. юрид. наук, доцент*
Тульский государственный университет (ТулГУ), г. Тула, Россия
v_parshikov05@mail.ru

В статье исследуются проблемы международного коммерческого арбитража в условиях санкций: действительность арбитражных соглашений, определение применимого права, процедурные требования и возмещение судебных расходов. Анализируются коллизии автономии воли сторон с императивными нормами и ограничительными мерами.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, санкционные ограничения, арбитражное соглашение, применимое право, судебные расходы, форс-мажор.

Современная геополитическая ситуация характеризуется беспрецедентным санкционным давлением, которое существенно трансформирует регулирование международного коммерческого оборота. Введение Советом Европейского Союза пакетов санкций, в частности Регламента № 269/2014 [1] и последующих изменений, внесенных Регламентом 2022/1904 [2], повлекло за собой не только блокирующие меры в отношении российских юридических и физических лиц, но и запрет на оказание юридических консультационных услуг, включая подготовку документов для коммерческих сделок и участие в переговорах. Международный коммерческий арбитраж, будучи основным механизмом разрешения трансграничных споров, становится сферой наиболее острого проявления коллизий между автономией воли сторон, императивными нормами национальных правопорядков и ограничительными мерами, вводимыми на уровне интеграционных объединений, таких как Европейский Союз. Участники внешнеэкономической деятельности сталкиваются с новыми вызовами: невозможностью исполнения обязательств из-за блокирующих санкций и отключения от SWIFT, затруднениями в доступе к квалифицированной юридической помощи по избранному праву (например, английскому, которое в настоящее время является наиболее востребованным избранным сторонами правом), необходимостью адаптации арбитражных соглашений и пересмотра применимого права, а также вопросами соблюдения процедурных требований в условиях цифровой трансформации коммуникаций. В этих условиях научное осмысление проблем международного коммерческого арбитража приобретает особую значимость как для теории, так и для практики правоприменения.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ проблем международного коммерческого арбитража, возникающих под влиянием санкционных ограничений, включая вопросы действительности арбитражных соглашений, определения применимого материального права, соблюдения

процедурных требований и возмещения судебных расходов, а также выработка научно обоснованных подходов к их разрешению.

В ходе исследования использовались как общенаучные, так и частнонаучные методы познания. Диалектический метод позволил рассмотреть явления в их развитии и взаимосвязи, выявить противоречия между автономией воли сторон и императивными санкционными ограничениями. Формально-юридический метод применялся для анализа норм национального законодательства, регламентов арбитражных центров, актов Европейского Союза, а также разъяснений высших судебных органов. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления подходов российской и зарубежной практики, включая анализ позиций судов округов. Метод системного анализа позволил выявить взаимосвязь процессуальных и материально-правовых аспектов споров. Эмпирическую базу составили акты Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, а также доктринальные источники, посвященные вопросам форс-мажора, переговорного процесса и претензионного порядка.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации проблем международного коммерческого арбитража в условиях санкций, выявлении коллизий и пробелов в правовом регулировании, а также в развитии доктринальных положений о действительности и адаптации арбитражных соглашений, определении применимого права (включая концепцию «молчаливого» соглашения), квалификации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажора) и пределах ответственности за действия третьих лиц. Практическая значимость состоит в том, что сформулированные выводы и рекомендации могут быть использованы следующими субъектами: участниками внешнеэкономической деятельности при структурировании договорных отношений и разработке механизмов адаптации к санкционным рискам; арбитрами и судами при разрешении споров, в том числе при оценке допустимости электронной переписки как средства соблюдения досудебного порядка и определении разумности судебных расходов; законодателем при совершенствовании правового регулирования международного коммерческого арбитража.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, включение стороны в санкционные списки может служить основанием для адаптации арбитражного соглашения, включая изменение места арбитража, если первоначально избранный институт перестает отвечать критериям доступности и нейтральности. При этом действия уполномоченного представителя по согласованию новой арбитражной оговорки, совершенные в пределах представленных полномочий, влекут юридическую силу измененного соглашения.

Во-вторых, санкционные ограничения способны существенно затруднить для стороны возможность получения квалифицированной юридической помощи по избранному праву, что может служить основанием для требования об изменении применимого права, если это предусмотрено договором. Отсутствие возражений контрагента относительно применения иного права может быть расценено как «молчаливое» соглашение, допускаемое п. 2 ст. 1210 ГК РФ [3].

В-третьих, при решении вопроса о возмещении судебных расходов на оплату услуг представителя не должны приниматься во внимание возражения,

основанные на оспаривании условий договора об оказании юридических услуг (например, о пересмотре почасовой ставки в сторону увеличения при положительном исходе дела), если эти условия не затрагивают прав процессуального оппонента и соответствуют принципу свободы договора (ст. 421, 450 ГК РФ).

Данный подход корреспондирует позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 28.04.2020 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Музыки» [4], о необходимости обеспечения баланса интересов сторон при взыскании судебных расходов и недопустимости необоснованного завышения размера оплаты услуг представителя. Окончательный размер расходов определяется судом исходя из критериев разумности, установленных Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» [5], с учетом сложности дела, объема оказанных услуг и рыночных ставок, что позволяет снизить чрезмерные суммы, не допуская неосновательного обогащения выигравшей стороны.

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие рекомендации. Участникам внешнеэкономической деятельности при заключении контрактов целесообразно предусматривать механизмы адаптации арбитражного соглашения и изменения применимого права на случай введения санкционных ограничений. Арбитрам и судам при разрешении споров следует учитывать сложившуюся практику высших судебных органов и руководствоваться критериями разумности при определении размера судебных расходов, принимая во внимание сложность дела и объем оказанных услуг. Законодательно рекомендуется рассмотреть вопрос о закреплении на уровне закона положений, регулирующих последствия санкционных ограничений для арбитражных соглашений, порядка определения применимого права и квалификации обстоятельств непреодолимой силы. Выработка единообразных подходов к разрешению данных коллизий на основе национального законодательства, регламентов арбитражных центров и судебной практики является необходимым условием эффективной защиты прав участников внешнеэкономической деятельности в условиях санкционного давления.

Список литературы

1. Об ограничительных мерах в отношении действий, подрывающих или ставящих под угрозу территориальную целостность, суверенитет и независимость Украины : Регламент Совета Европейского Союза от 17.03.2014 № 269/2014 // СПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 23.02.2026).
2. Регламент Совета Европейского Союза № 2022/1904 от 06.10.2022 года // Официальный журнал Европейского Союза. 2022. L. 259. С. 3 – 10. URL: <https://eur-lex.europa.eu/oj/direct-access.html> (дата обращения: 23.02.2026).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
4. По делу о проверке конституционности положений статей 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Музыки : Постановление Конституционного Суда РФ от 28.04.2020 № 21-П // Собрание законодательства РФ. 2020. № 19. Ст. 3039.
5. О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 // Российская газета. 2016. № 43.

ПРЕДЕЛЫ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА В ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

А. А. Поляничко

Научный руководитель: Г. В. Сёмина, *канд. филос. наук*
Камчатский кооперативный техникум (ККТ),
г. Петропавловск-Камчатский, Россия
semina_galya@mail.ru

В статье исследуется проблема определения пределов вмешательства государства в частноправовые отношения в условиях усиления публичного регулирования. Анализируется конфликт между свободой договора и необходимостью защиты публичного порядка. На основе анализа доктрины и правоприменительной практики выявляются модели и критерии законного вмешательства.

Ключевые слова: гражданско-правовая аксиология, свобода договора, публичный интерес, правовая неопределенность.

Усиление государственного регулирования в частноправовой сфере России, традиционно опиравшейся на автономию воли и равенство сторон, ставит под вопрос границы допустимого вмешательства. Это особенно остро проявляется, когда публичные интересы вступают в конфликт с основополагающим принципом свободы договора, создавая правовую неопределенность. Как справедливо отмечает В. Е. Квашиш, проблема компромисса в праве актуализируется под влиянием как фундаментальных изменений в системе ценностей, так и технологических трансформаций, повышающих возможности внешнего воздействия [1, с. 9].

Когда мы говорим о гражданско-правовой аксиологии, ценностная сторона этой проблемы становится еще более существенной. Н. Н. Костюк, анализируя современные исследования, отмечает необходимость определения идеального представления о ценностных установках права [2, с. 8]. Это позволяет ему сделать вывод о становлении в России гражданско-правовой аксиологии [2, с. 11]. Для этого необходимо определить правовые критерии, позволяющие отличить законное вмешательство государства в договорные отношения от произвольного ограничения прав их участников.

Законодательство и практика показывают три модели госрегулирования частного права. Одна из них — императивное (регулятивное) вмешательство, устанавливающее обязательные правила для всех участников оборота. Государство определяет рамки свободы усмотрения сторон. Примером служат нормы Гражданского кодекса (далее — ГК) о правовом статусе субъектов. Как отмечает А. С. Торицина, государство выступает здесь как «суверен, устанавливающий особый режим частной собственности» [3, с. 221], но не диктующий каждый шаг в его пределах. Другая модель — защитное вмешательство. Активируется при неустранимой сторонами угрозе правам и законным интересам.

Ее целью является защита слабой стороны и восстановление прав. Классическим примером считается судебная защита: взыскание, конфискация имущества, отказ в защите злоупотребляющему правом. И. М. Горюнов справедливо указывает на необходимость конкретизации в статье 10 ГК РФ критериев добросовестности и недобросовестности сторон договора для повышения эффективности судебной защиты [4, с. 31]. Третья модель представляет собой парадигму публично-политического вмешательства. Ее отличительной чертой является высокая степень дискуссионности, обусловленная приоритетом защиты общественных интересов в ситуациях их коллизии с частными. Ключевой проблемой в рамках данной модели является определение допустимых границ такого вмешательства. Примерами могут служить экспроприация частной собственности для государственных нужд или ограничение права на приватность в целях обеспечения национальной безопасности. Как отмечает В. Е. Квашис, именно здесь происходит фундаментальная смена парадигмы: в конфликте между частным и публичным приоритет может быть отдан последнему [1, с. 10]. Легитимность такой модели возможна только при неукоснительном соблюдении принципа пропорциональности. Именно эта классификация позволяет глубже понять природу государственного вмешательства и сформулировать критерии его допустимости. Таким образом, вмешательство государства не должно рассматриваться как сугубо негативный фактор; оно является необходимым механизмом адаптации частного права к вызовам технологических и социальных трансформаций.

Законность вмешательства в права определяется принципом соразмерности. Ограничение прав допустимо, если оно преследует легитимную публичную цель, необходимо для ее достижения и соразмерно, то есть общественная польза превышает ущерб частным правам. Этот принцип ясно выражен в конституционных нормах. Согласно ч. 3 ст. 35 Конституции РФ, принудительное отчуждение имущества для государственных нужд возможно только при условии предварительного и равноценного возмещения. Даже в договорах действует правило соразмерности. Например, если сделку признают недействительной из-за того, что она противоречит общественным интересам (статья 169 ГК РФ), это очень серьезное решение. Его можно применять только тогда, когда нарушение действительно значительное. Проблема в том, что пока неясно, что именно считается нарушением общественного интереса, и это может привести к несправедливому применению этой статьи. Следовательно, Граница между «законным вмешательством» и «произвольным ограничением» пролегает через принцип соразмерности. Императивное вмешательство оправдано только там, где частное соглашение способно нанести неустранимый вред публичному порядку или правам третьих лиц.

Проведенный анализ показал, что корень проблемы кроется в размытости критериев для ограничений. Это порождает произвол во вмешательстве и делает оборот менее предсказуемым. Когда высшие инстанции не дают четких разъяснений по таким понятиям, как «публичный интерес», «добросовестность» и «основы правопорядка», решение по делу фактически отдается на откуп конкретному чиновнику. К тому же, долгие судебные разбирательства

мешают людям отстаивать свои права и получать справедливое правосудие. В цифровой среде проблема обостряется. Как отмечает Ж. Дюсетаев, внедрение смарт-контрактов требует механизмов контроля: ошибки в коде и форс-мажоры делают вмешательство потенциально необходимым [5, с. 34]. Свобода договора и право собственности имеют свои пределы. Они могут быть ограничены для защиты конституционных ценностей, но только если это оправдано и пропорционально. Общественный интерес должен перевешивать частный, а меры ограничения должны быть минимально обременительными. Таким образом, предел государственного вмешательства в частноправовые отношения определяется не количественным объемом императивных норм, а качественным соответствием этих ограничений аксиологическому базису гражданского права. Государство должно выступать не как диктатор воли, а как гарант баланса между индивидуальной свободой и общественным благом, предотвращая трансформацию свободы договора в произвол сильной стороны.

Для повышения предсказуемости оборота необходимо первоначально законодательно закрепить требование соразмерности ограничений. Затем Пленуму Верховного Суда РФ необходимо подготовить системные разъяснения по применению ст. 169 ГК РФ. Важнейшим вектором здесь должно стать выявление критериев явной несоразмерности правовых последствий характеру допущенного нарушения публичного порядка, что позволит исключить расширительное и произвольное толкование данной нормы. А затем уже последовательно устранить коллизии между отраслевым законодательством и Конституцией РФ в части обеспечения безусловных гарантий судебной защиты частных субъектов от необоснованного административного давления. Перспективным направлением дальнейших научных изысканий видится анализ трансформации пределов государственного регулирования под воздействием цифровизации, которая порождает новые формы сетевой автономности и требует переосмысления традиционных инструментов публичного контроля.

Список литературы

1. Квашис В. Е. О пределах допустимого вмешательства государства в частную жизнь // Общество и право. 2020. № 1 (71). С. 8–12.
2. Костюк Н. Н. К вопросу о гражданско-правовой аксиологии в современной России // Актуальные проблемы частно-правовых отношений в Российской Федерации : сборник научных статей, Санкт-Петербург, 16 декабря 2024 года. СПб. : Университет при МПА ЕвразЭС, 2025. С. 4–11.
3. Торицина А. С. Содержание права частной собственности: вопросы теории и законодательного регулирования // Актуальные проблемы частно-правовых отношений в Российской Федерации : сборник научных статей, Санкт-Петербург, 16 декабря 2024 года. СПб. : Университет при МПА ЕвразЭС, 2025. С. 211–222.

4. Горюнов И. М. Актуальные проблемы частно-правовых отношений в Российской Федерации // Актуальные проблемы частно-правовых отношений в Российской Федерации : сборник научных статей, Санкт-Петербург, 16 декабря 2024 года. СПб. : Университет при МПА ЕврАзЭС, 2025. С. 28–32.
5. Дюсетаев Ж. Правовая природа смарт-контракта и его регулирование // Актуальные проблемы частно-правовых отношений в Российской Федерации : сборник научных статей, Санкт-Петербург, 16 декабря 2024 года. СПб. : Университет при МПА ЕврАзЭС, 2025. С. 32–36.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАНДАРТИЗАЦИИ И ФРАНЧАЙЗИНГА PET-FRIENDLY УСЛУГ В ГОСТИНИЦАХ РФ

Е. С. Сергеева

Научный руководитель: И. П. Кульгачев, *канд. филос. наук, доцент*
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
(РЭУ им. Г. В. Плеханова), г. Москва, Россия
sergeevalena2003@mail.ru

В работе анализируется правовое регулирование стандартизации и франчайзинга pet-friendly услуг в гостиницах РФ на фоне роста внутреннего туризма и восприятия домашних животных как полноценных членов семьи. Цель исследования — оценить влияние нормативных изменений на развитие сегмента и выявить ключевые барьеры франчайзинга в гостиничном бизнесе.

Ключевые слова: правовое регулирование, стандартизация услуг, франчайзинг, pet-friendly услуги, гостиничный бизнес.

За последние годы в России наблюдается устойчивый рост числа туристов, путешествующих вместе с домашними животными. Все чаще хозяева рассматривают своих питомцев как полноценных членов семьи и не хотят расставаться с ними даже во время путешествий. В связи с этим заметно повышается спрос на специализированные pet-friendly услуги в гостиничной отрасли. Одной из самых актуальных проблем является недостаточное правовое регулирование и отсутствие единого стандарта предоставления таких услуг в средствах размещения, что приводит к замедленному развитию туристской отрасли. Важность указанной проблемы определяется несколькими факторами, включая рост внутреннего туризма, уход зарубежных брендов и сетей, а также увеличение числа путешественников с животными. Внедрение единых стандартов pet-friendly услуг позволит не только существенно снизить риски для потребителей, но и обеспечит долгосрочную экономическую эффективность гостиничных предприятий, повышая их конкурентоспособность и привлекая дополнительный поток сознательных туристов [3]. Данный аспект приобретает особую актуальность в рамках реализации национальных проектов по развитию туризма, где pet-friendly услуги способны выступить мощным драйвером отраслевого роста.

Тема правового регулирования стандартизации и франчайзинга pet-friendly услуг в гостиницах активно обсуждается в научном сообществе, особенно в контексте развития внутреннего туризма. Большинство российских исследователей рассматривают влияние франчайзинга на гостиничный бизнес и роль стандартов в обеспечении качества услуг. Например, А. С. Смирнова проанализировала проблемы правовой природы договора коммерческой концессии во франчайзинге, подчеркнув необходимость его доработки для адаптации к современным бизнес-моделям [4]. В свою очередь, Д. Н. Зайцев изучил тенденции франчайзинга в гостиничном бизнесе, включая ответственность франчайзера и перспективы роста [2]. Я. В. Карагаева рассмотрела развитие pet-friendly в

гостиничной деятельности, акцентируя внимание на инфраструктуре и услугах для животных [3].

Стандартизация pet-friendly услуг в гостиницах подразумевает установление единых норм качества, безопасности и инфраструктуры, регулируемых ГОСТами, такими как ГОСТ Р 70 582–2022 «Экологический туризм. Требования по обеспечению безопасности туристов» и ГОСТ Р 70 583–2022 «Экологический туризм. Требования к туристской инфраструктуре», которые косвенно затрагивают размещение с животными [1]. Франчайзинг в этом сегменте основан на договоре коммерческой концессии, по которому правообладатель франшизы передает комплекс исключительных прав, включая товарный знак, стандарты и секреты производства, для предоставления услуг путешественникам с питомцами. Правовое регулирование франчайзинга в России сталкивается с проблемами, такими как отсутствие единого определения «франчайзинга» и подмена его «коммерческой концессией», что приводит к необходимости заключения смешанных договоров [4]. В гостиничном бизнесе это усугубляется спецификой pet-friendly услуги: требуется регламентация преддоговорного этапа, ответственности за безопасность животных и соответствие стандартам. Государственное регулирование осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 24 ноября 1996 г. № 132 «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», но оно не полностью охватывает нишевые услуги, как зоо-гостиницы или pet-sitting. Интеграция стандартизации с франчайзингом позволяет унифицировать услуги, но требует доработки норм о преддоговорных отношениях и ответственности сторон [2]. Теоретически это способствует развитию отрасли, но на практике выявляются пробелы в налоговом регулировании, включая НДС на роялти и налогообложение единовременных платежей. В итоге правовое поле нуждается в гармонизации с международными стандартами для стимулирования роста pet-friendly сетей [3].

В связи с этим актуально изучить правовое регулирование стандартизации и франчайзинга pet-friendly услуг в гостиницах. Цель исследования — проанализировать влияние нормативных изменений 2021–2025 годов на развитие pet-friendly сегмента и определить барьеры франчайзинга в гостиничном бизнесе. Для более полного изучения проблемы был проведен системный анализ нормативных актов, статистических данных Росстата и научной литературы. Методы исследования включали статистический анализ динамики показателей гостиничной отрасли, сравнительный метод оценки соответствия стандартам и контент-анализ проблем правового регулирования франчайзинга. В таблице отражены ключевые показатели развития гостиничной отрасли и pet-friendly сегмента.

Динамика развития гостиничной отрасли и pet-friendly услуг в РФ

Год	Число КСР (ед.)	Число размещенных лиц в КСР (млн чел.)	Доля путешественников с животными, %	Доля pet-friendly гостиниц, %	Рост франчайзинговых сетей в гостиницах, %
2021	28 079	66,54	35	15	10

Год	Число КСР (ед.)	Число размещенных лиц в КСР (млн чел.)	Доля путешественников с животными, %	Доля pet-friendly гостиниц, %	Рост франчайзинговых сетей в гостиницах, %
2022	29 547	73,09	39	20	19
2023	31 488	83,58	40	25	22
2024	33 142	90,07	42	28	25
2025	40 815	95,00	45	30	28

Составлено автором на основе [2, 5].

Практическая значимость исследования заключается в возможности прогнозирования экономической эффективности pet-friendly франчайзинговых моделей и расчета возврата инвестиций при внедрении специализированной инфраструктуры. Теоретическая значимость состоит в дополнении научных знаний о взаимосвязи стандартизации и франчайзинга в нишевом сегменте, что позволяет обосновать необходимость внесения изменений в гражданское законодательство.

Из полученных данных следует, что число коллективных средств размещения (КСР) выросло на 45 % с 2021 года, а численность размещенных лиц увеличилась на 43 %. Однако доля pet-friendly гостиниц остается относительно низкой и достигает лишь 30 % к 2025 году. Рост франчайзинговых сетей в гостиничном бизнесе составляет в среднем 24 % ежегодно, но сдерживается правовыми пробелами, такими как отсутствие единого определения франчайзинга и обязательного преддоговорного этапа, что приводит к рискам в 25 % случаев.

Исходя из полученных результатов, для устранения выявленных барьеров необходимо внести изменения в действующее законодательство. Отсюда следует, что согласование стандартизации и франчайзинга позволит увеличить долю pet-friendly гостиниц до 45 % уже к 2030 году и дополнительно привлечь не менее 15 млн путешественников с животными. Чтобы повысить эффективность правового регулирования и стимулировать развитие специализированного сервиса, можно предложить следующие рекомендации.

1. Разработать и утвердить отдельный ГОСТ «Pet-friendly услуги в средствах размещения» с обязательными нормами инфраструктуры и безопасности животных.

2. Дополнить ГК РФ положением об обязательном преддоговорном раскрытии информации о pet-friendly стандартах и ответственности сторон.

3. Ввести налоговые льготы для франчайзеров и pet-friendly гостиничных сетей (снижение ставки НДС на роялти).

4. Предусмотреть в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» целевые субсидии на создание pet-friendly инфраструктуры для региональных гостиничных сетей.

Таким образом, правовое регулирование стандартизации и франчайзинга pet-friendly услуг в гостиницах подтверждается ростом отрасли и необходимостью доработки правовых норм, способствуя устойчивому развитию туризма.

Необходимы меры государственной поддержки для их широкого внедрения, которые позволят сегменту стать лидером в туризме.

Список литературы

1. Вязанкин В. С. Стандарты качества в туризме: анализ изменений в РФ (с 2021 по 2025 годы) // Символ науки: международный научный журнал. 2025. № 2-1. С. 63–69.
2. Зайцевс Д. Н. Проблемы правового регулирования франчайзинга в гостиничном бизнесе в России // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2023. Т. 17, № 2. С. 125–133.
3. Карагаева Я. В. Тенденции в развитии pet-friendly в гостиничной деятельности // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2023. Т. 17, № 1. С. 187–195.
4. Смирнова А. С. Проблемы правового регулирования франчайзинга в России // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н. Экс. Т). 2023. Т. 9, № 3 (23). С. 63–67.
5. Федеральная служба государственной статистики. Статистика туризма. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 15.02.2026).

ВИДЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СУДАМИ И СМИ

М. В. Таланова, *аспирант*, А. А. Максуров, *канд. юрид. наук, доцент*
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
(ЯрГУ им. П. Г. Демидова), г. Ярославль, Россия
alex.maks.yarosl@gmail.com

В статье рассматриваются существующие в доктрине подходы к классификации информационных правоотношений. Цель исследования — определить наиболее научно и практически значимые основания для деления информационных правоотношений на виды. Решение данной задачи позволит углубить юридические знания в данной области, а также упорядочить правовое регулирование рассматриваемой сферы общественной жизни.

Ключевые слова: информационные правоотношения, классификация, виды, типы, пространственная структура

Актуальность исследования. Распределение тех или иных отношений по группам (видам и типам) представляет собой конструкцию пространственной структуры соответствующих отношений. Именно в пространственной структуре проявляется то очевидное обстоятельство, что даже исторически и технологически правоотношения в сфере взаимодействия судов и СМИ можно классифицировать на различные виды. То есть, пространственная структура — это и есть деление на виды (разновидности, типы) самих правоотношений в сфере взаимодействия судов и СМИ. Такого рода деление вызвано объективной необходимостью и полностью основано на информационном, гражданском и процессуальном законодательстве, доктрине судебного права.

В основе конструкции пространственной структуры лежит логический прием классификации. В юридической науке имеют место различные классификации: распространительные, дихотомические, многоуровневые и проч. Однако единства мнений по вопросу классификации правоотношений в сфере взаимодействия судов и СМИ не обнаруживается.

Отсутствие определенности в видах и типах информационных правоотношений затрудняет их исследование и препятствует правовому регулированию данных видов социальных связей, поскольку ставит вопросы об отнесении информационных отношений к объекту регулирования той или иной отрасли права, создает неопределенность в части подлежащих учету и применению принципов права, не позволяет задействовать в полной мере весь правовой инструментарий.

Цель исследования — определить наиболее научно и практически значимые основания для деления информационных правоотношений на виды.

Методы и инструменты исследования. При написании работы использовались методы и приемы формальной логики, включая обобщение и анализ положений юридической доктрины, а также методология системного анализа.

Практическая и теоретическая значимость исследования. Решение поставленной задачи позволит углубить юридические знания в данной области, а также упорядочить правовое регулирование рассматриваемой сферы общественной жизни. Применение указанных выше методов позволило установить отсутствие единства мнений относительно классификации информационных отношений в сфере взаимодействия судов и СМИ, а также предложить авторское видение проблемы.

Хотя классификация правоотношений в сфере взаимодействия судов и СМИ на виды имеет огромное значение для систематизации юридических знаний и детализированного научного анализа этого правового явления, не всякие классификации исследуемых правоотношений могут быть познавательными и интересными в теоретическом и (или) практическом смысле с точки зрения предлагаемых критериев (оснований) классификации, так как они могут не соответствовать общим положениям правового маркетинга, рассматривающего информирование населения о деятельности судов через СМИ в виде мероприятий по «продвижению» образа правомерного поведения [1, с. 42].

Чаще всего используются классификации, так или иначе связанные с субъектно-объектным составом процесса информационного взаимодействия. В частности, может иметь место классификация в зависимости от субъектного состава, то есть вследствие существенных различий субъектов и участников данного процесса.

Между тем очевидно, что далеко не любое «субъектное» деление теоретически и практически ценно и значимо: вряд ли какой-либо практический интерес (с точки зрения права, а не, например, психологии) представляет деление правоотношений в сфере взаимодействия судов и СМИ в зависимости от тиража издания (СМИ) или периодичности его выпуска, учредителя телевизионного канала или гражданства собственника мессенджера. Виды правоотношений в сфере взаимодействия судов и СМИ определяют также территориальный, временной и иные подобные факторы, однако эти основания (критерии) деления достаточно искусственны и имеют, скорее, узко-научный интерес. Однако такие правоотношения практически целесообразно выделять в зависимости от конкретного работника суда (судьи), различать правоотношения в виде взаимодействия судьи (председателя суда) и специалиста суда по связям со СМИ и т. п.

Объектное деление предполагает учет в качестве основания деления объекта правоотношений в сфере взаимодействия судов и СМИ. Например, практически значимо различать правоотношения в сфере взаимодействия судов и СМИ по уголовным и гражданским делам, по решению судом вопросов в рамках судебного контроля за предварительным расследованием и т. д. Здесь же можно выделить и подвиды: например, в рамках гражданских дел можно вести речь об алиментных или жилищных делах, трудовых спорах, а в области уголовных дел — о преступлениях против личности или против собственности и проч. [2, с. 198].

Д. А. Ловцов пишет о том, что такого рода правоотношения могут быть целевыми (по всей видимости, он имеет в виду информационные правоотношения в узком смысле этого слова), а также обеспечивающими (правоотношения

в не правовой сфере, а, например, в экономической, политической, социальной и иных сферах жизни общества) [3, с. 167]. По нашему мнению, это неверно с точки зрения методологии, поскольку право не изолировано в какой-либо отдельной сфере (области) человеческого бытия, а как раз и призвано регулировать общественные отношения, сложившиеся в политической, экономической, социальной, культурной и иных сферах жизни общества.

Д. В. Огородов, придерживающийся идеи симбиоза классического и технологического в самом определении информационного правоотношения, выделяет два вида информационных правоотношений с точки зрения объекта: статичные (здесь их объектом будет информация) и динамичные (объектом уже будет поведение людей в отношении информации) [4, с. 89]. Однако это деление весьма условно и подлежит дальнейшей разработке, поскольку может оказаться практически полезным, так как очевидно, что сегодня говорить о статике в отношении информационного потока (обмена) достаточно сложно.

Выводы и рекомендации. Авторы предлагают формализовать вопрос классификации и выделять правоотношения в сфере взаимодействия судов и СМИ по единому, субъектно-объектному критерию, основываясь исключительно на положениях информационного права и соответствующих отраслевых дисциплин, поскольку право регулирует общественные отношения как отношения между людьми, а не объектами материального или идеального мира. Например, по частоте взаимодействия конкретного судебного органа и конкретного СМИ правоотношения могут быть временные (специальные, разовые) и постоянные [5, с. 42].

В качестве основного критерия для классификации правоотношений в сфере взаимодействия судов и СМИ предлагается их технологическая составляющая, а именно — способ предоставления информации и ее свойства. В данном аспекте следует говорить и о связи вида данных правоотношений с формой такого рода правоотношений. Например, могут иметь место свободное получение информации с сайта суда, получение информации в виде присутствия на судебном заседании, в форме пресс-релиза из суда и т. п.

Список литературы

1. Максуров А. А. Общее понятие о правовом маркетинге // Реклама и право. 2014. № 1. С. 20–31.
2. Максуров А. А. Реклама правовых продуктов и государственных услуг в Российской Федерации и за рубежом. М. : URSS, 2019. 340 с.
3. Ловцов Д. А. Системология информационных правоотношений : монография. М. : Росс. Акад. Правосудия, 2008. 490 с.
4. Огородов Д. В. Правовые отношения в информационной сфере : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Огородов Дмитрий Владимирович; Ин-т государства и права РАН. Москва, 2002. 198 с.
5. Максуров А. А. Координация взаимодействия судебной системы и средств массовой информации : монография. М. : Дашков и К°, 2025. 406 с.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЗАЩИТА ФИНАНСОВЫХ ИНТЕРЕСОВ: ОБЗОР МЕХАНИЗМОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ (ЕС, ЕАЭС, ISDS)

Д. Д. Томина

Научный руководитель: В. Е. Понаморенко, *д-р юрид. наук, доцент*
Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического
развития Российской Федерации (ВАВТ Минэкономразвития России),
г. Москва, Россия
dariyt@mail.ru

В статье делается акцент на потребность общества в эффективных и справедливых механизмах урегулирования международных финансовых споров. Многообразие механизмов разрешения финансовых споров в мире обусловлено стремлением государств к достижению баланса между стимулированием финансовой активности и обеспечением защиты национальных интересов. Представленный анализ демонстрирует многообразие подходов к разрешению конфликтов — от традиционного арбитража в рамках МЦУИС до инновационных инициатив, таких как Многосторонний инвестиционный суд ЕС и механизмы ISDS.

Ключевые слова: механизмы разрешения финансовых споров, Европейский Союз, Многосторонний инвестиционный суд, механизмы ISDS, Европейская система финансового надзора, Евразийский экономический союз.

Механизмы разрешения споров выступают основными способами защиты нарушенных прав и восстановления законных интересов субъектов международного финансового права. Разрешение споров в международном финансовом праве всегда решалось в процессе судебного разбирательства. Однако развитие мирового сообщества, мировая глобализация экономик, финансов и инвестиций делает вопрос поиска новых механизмов разрешения споров наиболее актуальным. Целью данного исследования является анализ существующих механизмов разрешения споров в рамках ЕС, ЕАЭС и ISDS с дальнейшей оценкой их эффективности и влияния на защиту финансовых интересов. Основными методами, использованными в данной работе, являются сравнение, описание и наблюдение. Новизна проведенного исследования обеспечивается изучением современного опыта и анализом практики работы международных организаций.

В развивающемся мире с учетом современной глобализации государства стремятся создать конкурентноспособный рынок для каждой сферы жизнедеятельности социума.

Многообразие механизмов разрешения финансовых споров в мире обусловлено стремлением государств к достижению баланса между стимулированием финансовой активности и обеспечением защиты национальных интересов. Европейский союз (ЕС) представляет собой наиболее яркий пример успешного межгосударственного сотрудничества в данной области, в котором ведущую роль как механизма разрешения споров сыграла судебная система, выразившаяся в проекте создания Многостороннего инвестиционного суда. При создании такого способа для урегулирования конфликтов страны-члены

ЕС преследовали цель реформирования имевшейся системы инвестиционно-го регулирования под руководством такого органа как Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС).

Несмотря на это, МЦУИС сыграл важную роль в формировании основных понятий и принципов инвестиционного права, обладая рядом преимуществ: окончательным характером его решений по материально-правовым вопросам и обязательством участников конвенции исполнять эти решения; исключение необходимости в ожидании для инвесторов осуществления дипломатической протекции их государством, а для государств — уверенность в неиспользовании такой защиты против них [4].

В эпоху санкций и ограничений для Российской Федерации стал популярен такой способ урегулирования финансовых споров, как ISDS (Investor — State Dispute Settlement). ISDS предоставляет инвесторам правовую платформу для привлечения государств к ответственности за предполагаемую дискриминационную практику, гарантируя, что торговля и инвестиции осуществляются под эгидой правосудия и верховенства закона [2]. Анализ исторических результатов ISDS дает дорожную карту для преодоления будущих сложностей, присущих арбитражным разбирательствам между инвесторами и государством. Анализ прецедентных дел дает практикам и сторонам возможность предвидеть поведение трибунала, что часто служит для оптимизации арбитражного процесса и обоснования принятия стратегических решений.

В декабре 2025 г. российские предприниматели, подвергшиеся санкционным ограничениям со стороны Европейского союза, инициировали судебные разбирательства против ЕС и входящих в него государств-членов на общую сумму около 53 миллиардов евро. Предметом спора являются 28 дел об инвестиционном арбитраже, включая потенциальные аресты активов российских инвесторов. Российские бизнесмены выбрали механизм ISDS в качестве инструмента для урегулирования инвестиционных споров [5].

На базе Европейского Союза была создана Европейская система финансового надзора (ESFS) [3]. По оценкам статистики операционной деятельности ESFS были сделаны следующие выводы.

Во-первых, европейские надзорные органы (ESA) продемонстрировали эффективность в создании работоспособных организационных структур, приступили к реализации определенных мандатов и сформировали индивидуальные операционные модели. Во-вторых, ESA сыграли значимую роль в формировании унифицированного свода правил, разрабатывая единые стандарты, а также стимулируя процессы конвергенции и координации в регулировании финансового сектора. В-третьих, Европейский совет по системным рискам (ESRB), согласно результатам оценки, достиг значительных успехов в развитии аналитического потенциала, особенно в контексте выявления и оценки системных рисков. Данные выводы подчеркивают вклад ESFS в обеспечение финансовой стабильности.

Еще одним наглядным примером урегулирования конфликтов в международной финансовой сфере является механизм разрешения разногласий между участниками Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Страны ЕАЭС с учетом

мировой глобализации, цифровизации и модернизации стремятся сделать каждую сферу своей деятельности продуктивной. Так, на сегодняшний день общий финансовый рынок ЕАЭС развивается горизонтально, то есть в сторону расширения стран-участников, и вертикально, включая новые секторы в процесс формирования общего финансового рынка [1]. Считается, что еще одним сектором общего финансового рынка ЕАЭС (наравне с банковским, страховым и рынком ценных бумаг) должен стать в перспективе рынок цифровых финансовых активов и цифровых валют.

Необходимо отметить, что в целом процедуры разрешения споров между участниками, входящими в состав ЕС, и странами, входящими в состав ЕАЭС, являются достаточно схожими. Тем не менее существует теория, что такой порядок будет существовать недолго, так как учреждение Многостороннего инвестиционного суда ЕС приведет к улучшению инвестиционного, и как следствие, финансового климата.

В заключение отметим, что глобализация финансовых рынков и возрастающая взаимозависимость национальных экономик актуализируют потребность в эффективных и справедливых механизмах урегулирования международных финансовых споров. Представленный анализ демонстрирует многообразие подходов к разрешению конфликтов, от традиционного арбитража в рамках МЦУИС до инновационных инициатив, таких как Многосторонний инвестиционный суд ЕС и механизмы ISDS.

Список литературы

1. Реут А. В. Развитие общего финансового рынка ЕАЭС: правовые аспекты. Финансовое право. 2024. № 10. С. 26–29.
2. Transnational Matters. ISDS mechanisms. URL: <https://www.transnationalmatters.com/understanding-the-isds-mechanism-in-dispute-settlement/> (дата обращения: 01.01.2026).
3. Европейский Союз : [сайт]. URL: https://eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Aeuropean_system_of_financial_supervision&qid=1767277910897 (дата обращения: 01.01.2026).
4. Организация Объединенных Наций, Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС). URL: <https://www.un.org/ru/ecosoc/icsid> (дата обращения: 01.01.2026).
5. РБК. Новости : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/12/2025/69380f1e9a794790024824e2> (дата обращения: 01.01.2026).

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫМИ ГРАЖДАНСКИМИ ПРАВАМИ: ФОРМЫ, ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Д. В. Филимонов

Научный руководитель: А. М. Вартанян, *канд. юрид. наук, доцент*

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

(ГрГУ им. Я. Купалы), г. Гродно, Беларусь

daniilfilimonov178@gmail.com

В статье исследуются правовая природа и формы злоупотребления субъективными гражданскими правами в гражданском обороте Республики Беларусь. Рассматриваются проблемы квалификации «шиканы» и обхода закона с противоправной целью, а также особенности применения отказа в защите права как правового последствия злоупотребления правом. Обосновывается необходимость дальнейшего теоретического осмысления критериев добросовестности и объективной оценки целей в осуществлении гражданских прав.

Ключевые слова: злоупотребление правом, гражданский оборот, шикана, обход закона, пределы осуществления прав, отказ в защите права, разумная деловая цель.

Злоупотребление правом как социальный и юридический феномен отличается многогранностью и сложностью внутренней структуры. Это обусловлено рядом факторов: во-первых, социальной природой данного феномена, что предопределяет бесконечное множество вариантов его проявления в жизни; во-вторых, широким перечнем прав, имеющих у современных субъектов, что создает почву для их использования вопреки целевому назначению; в-третьих, стремлением участников оборота к получению личных благ любой ценой, что нередко провоцирует выход за рамки добросовестности. В связи с этим возникает необходимость определения форм и правовых последствий злоупотребления правом, выявления особенностей применения данного института на практике.

Защита гражданских прав и охраняемых законом интересов должна осуществляться строго в установленном порядке с применением надлежащих форм и способов. Под формой защиты в данном контексте понимается совокупность организационных мер, направленных на восстановление законного положения субъекта. Закрепление отдельных форм злоупотребления правом в законодательстве имеет практическое значение прежде всего для правоприменительных органов. Детализация признаков противоправного поведения облегчает его юридическую оценку и способствует более точной квалификации соответствующих действий участников гражданского оборота.

Конкретные формы злоупотребления правом нуждаются в осмыслении и анализе как в части уяснения соответствующих ограничений и нормативных запретов, так и ее возможных проявлениях на практике. Исходя из содержания нормативных предписаний пункта 1 статьи 9 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК), белорусский ученый, исследовавший современные

проблемные аспекты теории и практики применения категории злоупотребления правом, В. В. Подгруша, выделила следующие формы злоупотребления правом: 1) шикана (осуществление права исключительно с намерением причинить вред); 2) злоупотребление правом в иных формах (осуществление права хотя и без намерения причинения вреда другому лицу, но объективно причиняющее или могущее причинить такой вред; 3) осуществление гражданских прав в целях ограничения конкуренции; 4) злоупотребление своим доминирующим положением на рынке [1]. Анализируя нормативное закрепление названных форм злоупотребления правом, следует прежде всего выделить «шikanу» как наиболее острую, «дистиллированную» форму вредоносного поведения. Пункт 1 статьи 9 ГК раскрывает её через призму «исключительного намерения причинить вред» [2]. Однако именно этот критерий — «исключительность» — создает главный пробел в правоприменении. В условиях состязательного процесса доказывание отсутствия у ответчика любой иной, кроме вредоносной, цели является задачей практически невыполнимой. Судебная практика показывает, что наличие даже минимального экономического интереса исключает возможность квалификации деяния как шиканы, что фактически переводит норму в разряд декларативных.

Особый научный интерес представляет такая форма, как «обход закона» с противоправной целью. До недавнего времени данная категория оставалась предметом доктринальных дискуссий, однако с учетом последних законодательных изменений она получила более четкую нормативную опору. Обход закона характеризуется использованием легальных правовых форм (например, дробление бизнеса, создание цепочек фиктивных сделок) для достижения результатов, блокируемых императивными нормами. Представляется, что в условиях цифровизации оборота данная форма будет лишь усложняться, требуя от судов перехода от формального анализа условий сделки к содержательному анализу её цели.

Следующим аспектом, на который стоит обратить внимание, является нормативная регламентация правовых последствий злоупотребления правом. Редакция статьи 9 ГК позволяет заключить, что суд «может», но не должен отказать в правовой защите лицу, допустившему злоупотребление правом. Данная норма фактически признает наличие «несущественного» злоупотребления, которое не должно влечь неблагоприятных последствий для лица, допустившего данное злоупотребление [3, с. 47]. Такая правовая неопределенность (широкое усмотрение суда) не способствует практическому внедрению исследуемого института, в связи с чем требует более глубокого анализа позиции российских и белорусских исследователей, высказывающих предложение закрепить не право, а обязанность суда отказывать в защите права злоупотребляющему им лицу [4, с. 12–13].

Резюмируя вышеизложенные доводы, можно сформулировать соответствующие выводы и возможные направления дальнейшего исследования относительно недопущения злоупотребления субъективным правом в целях выработки практических рекомендаций по совершенствованию правового регулирования данной сферы общественных отношений.

1. Формулировка «исключительное намерение» в дефиниции шиканы требует законодательной корректировки в сторону смягчения стандарта доказывания, смещая акцент на объективную диспропорцию между выгодой правообладателя и убытками третьих лиц.

2. Краткость формулировки п. 1. ст. 9 ГК не позволяет точно уяснить сущность рассматриваемого правового явления и внедрить институт недопущения злоупотребления правом в правовую действительность при его несомненной полезности и необходимости для защиты прав и законных интересов участников имущественных отношений.

3. Перспективным направлением развития юридической мысли видится проведение комплексного междисциплинарного исследования концепции злоупотребления правом для выработки единого теоретического подхода к его определению. При этом методологические наработки цивилистической школы могут рассматриваться как фундаментальный базис для формирования общих критериев и понятий, описывающих нормативные пределы реализации субъективных прав и специфику их недобросовестного использования.

Такой подход позволит обеспечить реальное, а не формальное действие принципа добросовестности, предотвращая превращение субъективных прав в инструмент правовой агрессии.

Список литературы

1. Подгруша В. В. К вопросу о пределах осуществления прав и злоупотреблении правом: отдельные аспекты теории и практики // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь; Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2026.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.12.2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь; Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2026.
3. Садиков О. Н. Злоупотребление правом в Гражданском кодексе России // Хозяйство и право. 2002. № 2. С. 40–49.
4. Ковалева Н. А. Злоупотребление правом по гражданскому законодательству Российской Федерации : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ковалева Наталья Алексеевна. Москва, 2005. 25 с.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОПЕРАТОРА КАРШЕРИНГА ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЁННЫЙ ТРЕТЬИМ ЛИЦАМ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АВТОМОБИЛЯ

В. П. Хицунова, Д. А. Сурин

Научный руководитель: Д. А. Бова, *преподаватель*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
vica.hicnova@mail.ru

В работе исследована правовая природа ответственности при использовании каршеринга через разграничение внешних и внутренних правоотношений, возникающих при причинении вреда третьим лицам. Установлено, что возмещение вреда определяется нормами деликтного права и обязательного страхования, тогда как пользовательское соглашение регулирует лишь внутреннее распределение расходов между оператором и пользователем. Цель исследования — определить пределы действия договорных условий каршеринга и их соотношение с императивными нормами гражданского законодательства.

Ключевые слова: каршеринг, источник повышенной опасности, деликтная ответственность, пользовательское соглашение, ОСАГО, защита прав потребителей.

Ответственность при каршеринге правильно рассматривать через разделение одной ситуации на два правовых контура, потому что в этих контурах действуют разные источники права и разные цели регулирования. Внешний контур возникает в момент причинения вреда третьему лицу. Его смысл сводится к восстановлению нарушенных прав потерпевшего. Внутренний контур существует между оператором сервиса и пользователем автомобиля, он нужен для распределения расходов и санкций после того, как вред компенсирован либо заявлен к компенсации. Пользовательское соглашение относится к внутреннему контуру, потому что связывает только его участников. На внешний контур оно не распространяется по причине того, что потерпевший не является стороной договора и не принимал условия оферты, поэтому нельзя ссылаться на договор как на источник уменьшения объема прав потерпевшего.

Во внешнем контуре исходной правовой точкой выступает ст. 1064 ГК РФ: вред личности или имуществу возмещается в полном объеме лицом, причинившим вред. Для дорожных ситуаций в реальности всегда включается специальный режим, так как автомобиль рассматривается как источник повышенной опасности. Привлечение к гражданско-правовой ответственности определяет ст. 1079 ГК РФ. По этой норме обязанность возместить вред возникает у владельца источника повышенной опасности, независимо от вины. Освобождение возможно только в случаях, прямо названных законом: непреодолимая сила либо умысел потерпевшего [2, с. 166]. Несмотря на всё более широкое распространение каршеринга и значительное увеличение количества поездок, правовое регулирование данного сектора остается недостаточно развитым.

Сложность каршеринга заключается в том, что фактическое управление автомобилем осуществляет пользователь, однако эксплуатация как организованный

процесс обеспечивается оператором [4, с. 38]. Оператор сохраняет комплекс управленческих и технических рычагов. Он допускает пользователя к поездке через цифровую систему, устанавливает правила пользования, закрепляет запреты и последствия нарушений, контролирует соблюдение правил через приложение, обслуживает автомобиль как элемент парка, обеспечивает его готовность к эксплуатации и обычно оформляет страхование.

Пользователь получает доступ к управлению автомобилем на ограниченный срок и в пределах условий сервиса. В отличие от классической аренды транспортного средства без экипажа.

Согласно ст. 1079 ГК РФ вред, причинённый источником повышенной опасности, подлежит возмещению владельцем такого источника. [1] Учитывая, что пользователь осуществляет непосредственное управление автомобилем, а оператор сохраняет правомочие владения и контроль за его эксплуатацией, потерпевший вправе предъявить требование о возмещении вреда к обоим субъектам. В зависимости от обстоятельств возникает солидарная ответственность. Для потерпевшего это означает возможность выбирать более надёжного должника и не зависеть от имущественного положения пользователя. Её правовое регулирование определяет ст. 1080 ГК РФ, которая закрепляет солидарную ответственность лиц, совместно причинивших вред. В условиях каршеринга совместность действий выражается в том, что причинение вреда стало следствием эксплуатации автомобиля в системе, где одно лицо организует эксплуатацию и допускает к ней, а другое осуществляет управление.

Страховое регулирование дополняет внешний контур и укрепляет защиту потерпевшего. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее — федеральный закон № 40-ФЗ) ориентирован на возмещение вреда жизни, здоровью и имуществу потерпевших при использовании транспортного средства, что принципиально для каршеринга и понимается широко. Это охватывает типичные места каршеринговых инцидентов, когда авария происходит не на магистрали, а при парковке или выезде со двора. Федеральный закон от № 40-ФЗ связывает страховой случай с наступлением гражданской ответственности владельца транспортного средства при его использовании. Понятие владельца раскрывается как собственник или лицо, владеющее транспортным средством на ином законном основании, включая аренду и доверенность. На уровне страхового механизма эта конструкция приводит к тому, что потерпевший получает право на страховую выплату независимо от того, какие пункты содержатся в пользовательском соглашении.

После выплаты потерпевшему возникает внутренний контур, когда оператор и пользователь распределяют расходы. Его нормативная база начинается с правил об аренде транспортного средства в ГК РФ, поскольку каршеринг чаще всего строится вокруг идеи временного пользования автомобилем. Статья 645 ГК РФ регламентирует аренду транспортного средства без экипажа как модель, при которой управление и эксплуатация осуществляются силами арендатора. Статьи 646 и 648 ГК РФ возлагают расходы и ответственность по обслуживанию и вред третьим лицам на арендатора, операторы каршеринга стремятся

закрепить эту модель в соглашении, однако фактическая организация сервиса не совпадает с «классической» арендой без экипажа. Поэтому перенос всех последствий на пользователя в форме абсолютной «внешней ответственности» не согласуется с деликтной моделью источника повышенной опасности.

Реалистичная правовая схема иная: вред потерпевшему возмещается по правилам внешнего контура, затем оператор получает возможность заявить к пользователю требования во внутреннем контуре, если пользователь нарушил правила пользования, допустил противоправное поведение либо договором предусмотрена обязанность компенсировать ущерб [3, с. 166].

Внутренний контур нельзя рассматривать как свободное поле усмотрения оператора, потому что пользовательское соглашение в каршеринге имеет признаки договора присоединения. Данное обстоятельство обуславливает применение ст. 428 ГК РФ. Пользователь принимает условия в предложенной редакции, поэтому закон допускает корректировку явно обременительных положений и защиту присоединившейся стороны. Параллельно применяется Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», поскольку услуги предоставляются гражданину для личных целей.

Итоговая конструкция складывается в двух уровнях, внешний уровень подчинён статьям 1064 и 1079 ГК РФ, при необходимости — ст. 1080 и 1083 ГК РФ, а также правилам ОСАГО по Федеральному закону № 40-ФЗ. Потерпевший получает компенсацию независимо от условий пользовательского соглашения.

Внутренний уровень формируется через договор и нормы о его контроле: ст. 645 – 646 и 648 ГК РФ применяются как ориентир для распределения обязанностей, ст. 428 ГК РФ и ст. 16 закона «О защите прав потребителей» ограничивают чрезмерные условия, а вопросы оплаты и удержаний должны укладываться в потребительские гарантии и общие требования добросовестности.

Во внешнем контуре пользовательское соглашение не создаёт для потерпевшего ни обязанностей, ни ограничений; его права определяет закон. Внутренний контур допускает регресс, взыскание убытков и договорные санкции, но их содержание подлежит проверке через нормы о договоре присоединения и через запрет несправедливых условий.

Для устранения правовой неопределённости требуется законодательное закрепление отдельной конструкции каршеринга либо прямое описание минимальных стандартов пользовательских соглашений: прозрачный расчёт ущерба, прогнозируемые санкции, понятный порядок удержаний и гарантии судебной проверки спорных сумм. Это позволит согласовать цифровую модель сервиса с действующими принципами гражданского права и страховой защиты потерпевших.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон Рос. Федерации от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: (ред. от 24.06.2025, с изм. 16.12.2025).

2. Кондратьев Е. А., Сотавов А. Х. Некоторые аспекты регулирования каршеринга и ответственности их пользователей в Российской Федерации // Образование и право. 2022. № 4. С. 162–167.
3. Ткаченко И. Н. Проблема определения правовой природы договора каршеринга в гражданском праве России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 11-3 (98). С. 165–168.
4. Фазлиева Л. К., Комлев Н. Ю. Договор каршеринга в гражданско-правовом обороте: проблемы и направления развития законодательства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 36–41.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Е. М. Черных, *обучающийся*, К. С. Тахватулин, *преподаватель*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
tahvatulin-kirill@rambler.ru, katti0@mail.ru

В статье изучен зарубежный опыт в области правового регулирования цифровой экономики. Описываемый процесс осуществляется методом комплексного анализа нормативных актов зарубежного законодательства. В работе определены на уровне законодательных и подзаконных актов основные проблемы в сфере регулирования отношений, связанных с развитием цифровой экономики.

Ключевые слова: минимальный капитал, деньги, денежные средства, Европейский Союз, Китай, Россия, Сингапур, выпуск, средство, финансово-правовая природа, широкое распространение, регулирование.

В современном мире ценятся технологии и прогресс, ставший возможным благодаря развитию электронной коммуникации, сети интернет и компьютеров. С развитием новых технологий произошли изменения и в области экономики. Было разработано множество новых технологий, активное использование которых влияет на денежное обращение и экономику государств. Электронные деньги являются новой технологией, набирающей популярность с помощью активного возрастания цифровизации в жизни человека. Эти денежные средства не имеют физического значения, а выпускаются и входят в оборот электронно. Онлайн-торговля также набирает популярность благодаря удобству и современным технологиям. Можно предположить, что без должных знаний и навыков в этой области, новейшие технологии могут быть не поняты обществом и потеряют свою ценность. Для предотвращения подобной ситуации необходимо изучение и углубленное ознакомление с данным вопросом.

Цель исследования — систематизировать зарубежный опыт правового регулирования в цифровой сфере и выявить перспективные модели для адаптации [3].

Опираясь на исторические факты, в 1994–1999 годах было принято решение о создании единой системы электронного обращения денег, которая предполагала консорциум банков.

В 2000–2008 годы была введена директива 2000/46/ЕС. В ней описана терминология электронных денег, их материально-сохранная ценность. Директива установила свод требований к организациям, занимающимся электронным оборотом денежных средств, их лицензирование, минимальный капитал и прочие установки.

С 2009 года вышеупомянутая директива была доработана, в нее были внесены поправки, которые коснулись лиц, имеющих возможность выпускать электронные деньги. Это позволило организациям расширить свои возможности и разнообразить операции с применением электронной валюты.

В настоящее время существуют два метода контроля электронных денег. Первым пользуются в таких странах, как Япония, Сингапур, Китай и США, Казахстан, Россия и Белоруссия. Деньги — актив, которым имеют право пользоваться на основе законодательных документов. Определен минимальный капитал, деньги в данном способе являются особым активом и право пользования и использования установлено нормативными документами, лицензированием, размером минимального капитала, применяются технические барьеры для хранения и учета электронных денежных средств.

В результате можно сделать вывод о необходимости пересмотра статей законодательства, в которых закреплено определение электронной валюты, принятия мер в области государственной регистрации и установления требований к минимальному капиталу, ведения надзора и контроля. Также необходима разработка мер ответственности за нарушение финансовых норм при выпуске и обращении электронных денег.

Зарубежный опыт правового регулирования в гражданском праве исследует законодательство США, Франции, Германии и делает выводы о возможности применения соответствующих положений иностранного законодательства в условиях России.

Зарубежный опыт правового регулирования отношений об общности прав анализирует положения иностранных законодательных актов, содержащих нормы об общности прав, делает заключения о возможности использовать иностранный опыт для создания соответствующей юридической конституции в российском законодательстве [1].

Выявлены следующие результаты исследования:

- 1) Евросоюз использует нормативно-правовой комплекс, регламентирующий функционирование ОКИОЦБ;
- 2) на уровне Евросоюза сформированы условия для возможности справедливой конкуренции ОКИОЦБ и прочими организациями, различными фондами, осуществляющими деятельность на территории США;
- 3) реализован механизм надёжной и унифицированной защиты прав и инвесторов;
- 4) по регламенту в области искусственного интеллекта отменены ограничения на свободное перемещение ОКИОЦБ в пределах Евросоюза.

В условиях глобальной цифровизации государственное управление переживает фундаментальную трансформацию. Внедрение цифровых технологий в публичный сектор требует адекватного правового регулирования, обеспечивающего [4]:

- высокую доступность и качество Госуслуг;
- защиту персональных данных пользователей;
- безопасность использования технологий на просторах интернета;
- прозрачность административных процедур [2].

Лучшие практики для адаптации:

- эстонская модель X-Road для межведомственного взаимодействия;
- сингапурская платформа MyInfo для персонализации услуг;
- GDPR-подобные нормы защиты данных.

Рекомендации:

- принять законодательный акт о едином принципе цифрового правительства и обеспечить единую инфраструктуру государственными органами;
- внедрить платформу идентификации, включающую биометрическую идентификацию и облачную электронную подпись, электронные профили как физических, так и юридических лиц; создать единое пространство доверия электронных подписей на базе единой системы идентификации и аутентификации;
- разработать высокие стандарты кибербезопасности для Госуслуг, включая безопасность личных данных пользователей, а также полноту информации и ее обработку.

Исследование демонстрирует значимость цифровизации. Хотя глобальный опыт цифровизации государственных услуг отличается разнообразием подходов, идеи цифровизации государственного управления гармонизируют с глобальными трендами, олицетворяя новый подход к управлению. Этот подход базируется на опыте международной цифровизации, которая требует всесторонней стратегии и долгосрочного планирования, ориентированного на достижение значимых результатов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.02.2026).
2. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : ФЗ от 27.07.2010 № 210-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.02.2026).
3. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 21.02.2026).
4. Мороз А. А. О роли и влиянии развития государственных и муниципальных услуг в электронном виде на развитие государства и общества // Молодой ученый. 2019. № 19 (257). С. 150–154. URL: <https://moluch.ru/archive/257/58828> (дата обращения: 21.02.2026).

ПРАВО НА ОТКАЗ ОТ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ КАК ГАРАНТИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

В. С. Щербакова

Научный руководитель: Л. В. Шварц, *канд. юрид. наук, доцент*
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС), г. Санкт-Петербург, Россия
vikky172002@yandex.ru

Исследуется баланс цифровой трансформации публичной власти и конституционных прав граждан в Российской Федерации. Научная новизна заключается в обосновании необходимости законодательного закрепления права на отказ от цифровых сервисов и исключении конклюдентных форм согласия на обработку персональных данных. Предложены меры усиления судебного контроля за техническими мерами управления сетью «Интернет».

Ключевые слова: цифровая трансформация, публичная власть, конституционные права, персональные данные, цифровой конституционализм, централизованное управление сетью, цифровой суверенитет.

Актуальность исследования обусловлена противоречием между ускоренной цифровизацией публичной власти и недостаточным уровнем конституционно-правовых гарантий защиты прав граждан. Принятие Постановления Правительства РФ № 1667 от 27 октября 2025 г. «Об утверждении Правил централизованного управления сетью связи общего пользования» [3] (далее — Постановление Правительства РФ № 1667), наделяющего Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее — РКН) полномочиями централизованного управления информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет» (далее — сеть «Интернет»), и практика внедрения мессенджера «Мам» создают риски трансформации цифровых инструментов из средства повышения эффективности в механизм усиления административного надзора. Необходимость баланса между технологической модернизацией и сохранением конституционных ограничений определяет научную и практическую значимость данного исследования.

Целью исследования является выявление конституционно-правовых противоречий в нормативных актах о цифровой трансформации и обоснование необходимости законодательного закрепления права на отказ от цифровых сервисов при сохранении альтернативных форм взаимодействия с органами публичной власти.

В исследовании применены формально-юридический, сравнительно-правовой, доктринальный анализ и метод правового моделирования.

Теоретическая значимость: исследование вносит вклад в развитие концепции «цифрового конституционализма» применительно к российской правовой

системе, систематизирует конституционные ограничения цифровой трансформации публичной власти.

Практическая значимость: результаты могут быть использованы: (1) в правотворческой деятельности — при совершенствовании законодательства о персональных данных и цифровых сервисах; (2) в правоприменительной практике — для обоснования позиции в судебных спорах о законности действий РКН; (3) в образовательном процессе — при преподавании курсов конституционного и административного права.

Цифровизация не создаёт новых прав, но трансформирует условия их реализации [4]. Ключевым условием легитимности цифрового государства выступает сохранение конституционных ограничений, однако цифровая трансформация госуправления в Российской Федерации (далее — РФ) всё чаще выступает не как инструмент эффективности, а как механизм усиления административного надзора, угрожающего конституционным правам граждан.

Яркий пример — Постановление Правительства РФ № 1667, вступившее в силу 1 марта 2026 г. и наделяющее РКН полномочиями централизованного управления сетью «Интернет» на территории Российской Федерации. Постановление наделяет РКН полномочиями централизованного управления сетью «Интернет», включая изменение маршрутов трафика и DPI-фильтрацию, при «угрозе безопасности». Это противоречит ст. 23, 24 и ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации [1] (далее — КРФ) о неприкосновенности частной жизни и свободе информации.

Данная модель соответствует формирующемуся в доктрине типу превентивного контроля, основанного на алгоритмическом мониторинге и прогнозировании рисков. Однако критически важными ограничениями остаются: запрет на решения об ограничении прав без участия человека, объяснимость алгоритмов и право на обжалование.

Аналогичные риски возникают при навязывании мессенджера «Мах» под предлогом «цифровой трансформации». При формальной «добровольности» граждане фактически вынуждены использовать его из-за перевода официальной коммуникации в школах и госучреждениях исключительно в этот сервис. Ключевые проблемы: непрозрачный сбор данных и принудительная привязка к SIM-карте. Помимо этого, согласие на обработку персональных данных выражается конклюдентно, при первом запуске приложения, что нарушает п. 1 ст. 9 Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [2] (далее — ФЗ № 152-ФЗ), обязывающий получать от пользователя конкретное, предметное, информированное, сознательное и однозначное согласие на обработку персональных данных.

Проблема конклюдентного согласия является частью более широкого вызова, который Т. Я. Хабриева характеризует как необходимость сохранения гуманистических основ права в цифровую эпоху. М. С. Сафонов, Ф. А. Поляков и Р. А. Аленичев предлагают модель «этического аудита» цифровых решений, включающую оценку пропорциональности, минимизации данных, прозрачности алгоритмов и сохранения права на отказ от цифровых сервисов.

Конституционный суд Российской Федерации в Постановлении от 25 мая 2021 г. № 22-П [5] подчеркнул: сбор данных без реального согласия недопустим, так как затрагивает неприкосновенность частной жизни.

Доступ к сети — гарантия реализации прав, а любые ограничения должны быть законными и соразмерными. Концепцию «цифрового конституционализма», разработанную Э. В. Талапиной, следует понимать как встраивание конституционных ограничений на этапе проектирования цифровых решений, включая гарантии против массового профилирования, автоматизированного принятия решений об ограничении прав и необоснованного сбора персональных данных.

Без системного конституционно-правового регулирования цифровизация рискует трансформироваться в режим несоразмерного и бесконтрольного вмешательства публичной власти в сферу частной жизни граждан, что напрямую противоречит принципам правового государства, закреплённым в ст. 18 КРФ. Цифровой суверенитет включает технологический и нормативный компоненты. Баланс между этими компонентами и защитой прав человека определяет легитимность цифровой трансформации публичной власти.

Только системное конституционно-правовое регулирование обеспечит позитивную миссию цифровизации.

Выводы.

1. Цифровая трансформация публичной власти в РФ создаёт риски эрозии конституционных гарантий (ст. 23, 24, ч. 4 ст. 29 КРФ).

2. Конклюдентные формы согласия на обработку персональных данных противоречат требованиям ФЗ № 152-ФЗ.

3. Отсутствие права на отказ от цифровых сервисов нарушает принцип антропоцентризма.

В целях обеспечения баланса между управленческой эффективностью и защитой конституционных прав предлагается:

1) усилить судебный контроль и прокурорский надзор за применением технических мер управления сетью (в особенности за деятельностью РКН), обеспечив возможность их обжалования и независимой экспертизы;

2) привести практику получения согласия на обработку персональных данных мессенджерами в соответствие с требованиями ст. 9 ФЗ № 152-ФЗ, исключив конклюдентные формы согласия;

3) законодательно закрепить право гражданина на отказ от цифровых сервисов при обеспечении альтернативных (традиционных) форм взаимодействия с органами публичной власти, что соответствует принципу антропоцентризма, обоснованному в работах М. Калимана и Т. С. Черепановой.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 02.03.2026).

2. О персональных данных : ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108261> (дата обращения: 02.03.2026).
3. Об утверждении Правил централизованного управления сетью связи общего пользования : Постановление Правительства РФ от 27.10.2025 № 1667 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511060014> (дата обращения: 02.03.2026).
4. Талапина Э. В. Права человека в цифровом государственном управлении // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 9. С. 137–149.
5. По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг» : Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 г. № 22-П // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105280003> (дата обращения: 02.03.2026).

УДК 343.985.7: [002:004] (470)

**РОЛЬ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕПРАВОМЕРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА КРИТИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИОННУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ**

Д. И. Аглетдинова

Научный руководитель: Э. Д. Нугаева, *канд. юрид. наук, доцент*
Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации (УЮИ МВД России), г. Уфа, Россия
agletdinovadiana@yandex.ru

Расследование неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (далее — КИИ) является одной из наиболее актуальных проблем, связанных с национальной безопасностью в сфере информационных технологий. По нашему мнению, эффективное использование в процессе расследования специальных знаний, в особенности проведения компьютерно-технической экспертизы, является одним из ключевых факторов, способствующих повышению уровня раскрываемости данного вида преступления.

Ключевые слова: расследование преступлений, преступления в сфере компьютерной информации, критическая информационная инфраструктура, компьютерно-техническая экспертиза, специальные знания.

В условиях цифровизации ключевых секторов экономики критическая информационная инфраструктура (КИИ) Российской Федерации выступает в качестве одного из важнейших объектов национальной безопасности. Динамика современной преступности свидетельствует об устойчивой тенденции к росту числа инцидентов, связанных с неправомерным воздействием на объекты КИИ, что подтверждается данными контрольно-надзорных органов о критическом уровне их уязвимости.

Противоправные посягательства, квалифицируемые по ст. 274.1 УК РФ, характеризуются высокой латентностью и технической сложностью механизма следообразования. В данной связи особое значение приобретает компьютерно-техническая экспертиза как процессуальная форма использования специальных знаний, позволяющая установить фактические обстоятельства, имеющие ключевое значение для расследования.

Изложенные обстоятельства обуславливают необходимость углубленного научного анализа роли компьютерно-технической экспертизы в механизме расследования неправомерного воздействия на КИИ, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Целью исследования является анализ проблем, связанных с производством компьютерно-технической экспертизы при расследовании неправомерного воздействия на КИИ, в том числе касающихся привлечения специалиста для

качественного выявления, изъятия и исследования цифровых доказательств на предыдущих этапах при производстве иных следственных действий.

Методы исследования включают формально-логический и сравнительно-правовой анализ федеральных законов и нормативно-правовых актов, касающихся обеспечения безопасности КИИ и уголовной ответственности за неправомерное воздействие на них, компаративный анализ компьютерных инцидентов и их последствий, а также системно-структурный подход для изучения свойств объектов КИИ и выявления особенностей работы с цифровыми следами в специфической среде.

Специфика неправомерного воздействия на КИИ заключается в том, что большая часть следов преступления существует исключительно в цифровой форме, поэтому использование специальных знаний посредством привлечения к расследованию специалистов или экспертов имеет важное и неоспоримое значение [1, с. 243]. Компьютерно-техническая экспертиза (КТЭ) позволяет установить причинно-следственную связь между действиями злоумышленника и наступившими вредными последствиями (например, остановкой производственного цикла или выходом из строя оборудования), а также идентифицировать использованные средства и способы совершения преступления.

При отсутствии специальных знаний в области собирания и анализа цифровых доказательств или программных технико-криминалистических средств алгоритм действий следователя может привести к утрате или упущению «виртуальных» следов преступного деяния [2, с. 120]. Так, при изучении содержимого электронных устройств необходимо учитывать, что источником криминалистически значимой информации могут быть как локальные пользовательские файлы, так и системная информация, а также данные прикладных программ [3, с. 58].

Вместе с тем при производстве КТЭ эксперт сталкивается с различными трудностями. Рассмотрим их.

1. Расследование инцидентов на объектах КИИ требует исследования широкого спектра объектов: от традиционных серверов и рабочих станций до промышленных контроллеров, программируемых логических интегральных схем, SCADA-систем и сетевого оборудования. При этом только комплексное применение всех этих направлений позволяет составить полную картину преступления.

2. Современные автоматизированные системы управления технологическим процессом функционируют в режиме реального времени и используют специфические протоколы передачи данных, которые слабо изучены с точки зрения судебной экспертизы. Основная проблема заключается в том, что штатные средства логирования в таких системах часто отключены или имеют недостаточную глубину для ретроспективного анализа. Вмешательство в работающую систему для изъятия доказательств может привести к сбоям технологического процесса.

3. Эксперты также сталкиваются с проблемой отсутствия унифицированной методической базы для экспертизы инцидентов на КИИ, так как, несмотря на развитие законодательства в сфере безопасности КИИ, методическое

обеспечение отстает от темпов развития технологий. Существующие положения ориентированы преимущественно на повседневные системы и более распространенные компьютерные преступления. Отсутствуют утвержденные и апробированные методики исследования инцидентов на конкретных типах промышленного оборудования, что ставит эксперта перед необходимостью каждый раз разрабатывать частную экспертную методику, увеличивая сроки производства экспертизы и создавая риски оспаривания заключения на основании его недостоверности.

Таким образом, КТЭ является одним из ключевых элементов доказательственной базы по уголовным делам о неправомерном воздействии на КИИ. Без ее качественного проведения невозможно ни полностью установить обстоятельства события преступления, ни привлечь виновных к уголовной ответственности. Однако эффективность КТЭ в данной сфере снижается под воздействием комплекса проблем, преодоление которых требует консолидированных усилий законодательных органов, научного сообщества и правоохранительной системы, направленных на создание специализированных экспертных центров, разработку актуальных методик и внедрение программ подготовки кадров высшей квалификации в области компьютерной криминалистики промышленных систем.

Список литературы

1. Магомедов Г. М. Актуальные проблемы компьютерно-технической экспертизы при расследовании мошенничеств, совершаемых с использованием электронных средств платежа // Государственная служба и кадры. 2024. № 1. С. 242–245.
2. Харисова З. И. Проблемы и пути совершенствования деятельности по собиранию цифровых доказательств при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 116–126.
3. Особенности первоначального этапа расследования неправомерного доступа к компьютерной информации : учебно-методическое пособие / Э. Д. Нугаева [и др.]. Уфа : Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. 96 с.

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ: КВАЛИФИКАЦИЯ И МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В. Э. Альшевский

Научный руководитель: И. В. Матвеев, *канд. юрид. наук*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
Vea.89.89@mail.ru

В работе проведен системный анализ мошенничества в кредитной сфере, разработаны классификации и даны рекомендации по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: мошенничество, кредитование, банковский сектор, проблемы квалификации, классификация, оценка эффективности, цифровизация.

Актуальность темы связана с тем, что мошенничество в кредитной сфере постоянно развивается и направлено на наименее защищенные слои населения. Граждане, оформляя кредиты, рискуют оказаться в долговой яме, что может вести к социально опасным последствиям.

Исследование данной темы направлено на выработку рекомендаций по предотвращению преступлений в сфере кредитования, защите прав и законных интересов участников кредитных правоотношений. Банковская деятельность является основой функционирования экономик многих государств. В связи с интенсивным ростом современных технологий, а также ростом ипотечного и иного кредитования для граждан и кредитов для бизнеса происходит увеличение количества мошеннических действий.

Мошенничество наносит огромный урон не только организациям и банкам, но и подрывает доверие ко всей банковской системе и государству. На данный момент правоприменительная практика сталкивается с рядом определенных вопросов, требующих четкого разграничения, например обычного мошенничества от злоупотребления доверием и др.

Активное развитие дистанционного обслуживания и других финансовых технологий привело к появлению новых высокотехнологичных способов хищения. Среди них можно выделить использование полученных обманным путем персональных данных для оформления онлайн-кредитов, создание фишинговых сайтов, создание сайтов двойников, взломы личных кабинетов и т. д. Новые способы мошенничества требуют совершенствования подходов доказывания и противодействия.

Целью исследования является системный теоретико-правовой анализ проблем квалификации мошенничества в сфере кредитования, оценка эффективности существующих методов противодействия и разработка на этой основе рекомендаций по совершенствованию законодательства и определение наиболее эффективных методов противодействия мошенничеству в финансово-кредитной сфере.

В качестве основного метода исследования выступает формально-юридический, с помощью которого проведен анализ содержания диспозиции соответствующей статьи, исследованы признаки обмана и злоупотребления доверием.

В исследовании также использован сравнительно-правовой метод для изучения зарубежного опыта и выработки рекомендаций для отечественного законодательства.

Практическая значимость исследования направлена на решение проблем в правоприменительной и правоохранительной деятельности.

Сформулированные в работе выводы и рекомендации могут быть использованы как для совершенствования законодательства, так и для практической работы правоохранительных органов и судов для квалификации мошенничества в сфере кредитования. Предложения по разграничению преступлений со смежными составами, а также разработанные в данной статье критерии способствуют минимизации судебных ошибок и доказыванию умысла на хищение.

Результаты анализа статьи могут быть использованы как в будущей научной деятельности, так и в законотворческой деятельности для дополнений, изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [2]. Также разработанные в исследовании рекомендации могут найти практическое применение в деятельности служб безопасности и других подразделений кредитных организаций.

Взаимодействие банковского сектора с правоохранительными органами может повысить эффективность предотвращения, выявления и пресечения подобных преступлений на ранних стадиях и защитить имущественные права граждан.

Теоретическая значимость исследования обусловлена вкладом в развитие противодействия преступлениям, связанным с экономической деятельностью.

В ходе исследования уточнено понимание признаков объективной и субъективной сторон мошенничества в сфере кредитования, что особенно важно в связи с современными способами данного преступления. В статье предложены критерии не только способов мошенничества в кредитной сфере, но и рассмотрены особенности дистанционного взаимодействия субъектов в условиях стремительной цифровизации банковской сферы.

Также существенным элементом является классификация способов мошенничества в кредитной сфере. По способу воздействия — личное присутствие или дистанционный способ взаимодействия, по характеру используемых документов, по стадиям преступных действий и др.

В работе получили дальнейшее развитие теоретические положения о разграничении мошенничества в сфере кредитования со смежными составами преступлений, на основе анализа проблем правоприменения обоснованы и дополнены критерии разграничения от иных преступлений.

Выявленные критерии могут внести вклад в развитие науки в данном направлении. Также теоретическая значимость заключается в рекомендациях, которые могут улучшить действующее законодательство.

Проведенное исследование позволяет сформировать ряд рекомендаций и выводов.

Мошенничество в сфере кредитования представляет собой недостаточно изученное и быстро развивающееся посягательство на стабильность финансовой

системы государства и имущество граждан, квалификация которого связана с рядом определенных трудностей.

Одной из основных проблем является доказывание умысла на этапе получения кредита и ограничение уголовно-наказуемого деяния от гражданско-правовых.

Эффективность противодействия данным посягательствам требует системного подхода. Необходимо рассматривать уголовно-правовые меры, а также совершенствование банковской системы оценки рисков при выдаче кредитов, развитие антифрод-систем, повышение финансовой и правовой грамотности населения.

Теоретический анализ судебной практики и сравнительно-правовой анализ позволили выработать возможные рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики [1].

Подводя итог, необходимо отметить, что мошенничество в кредитной сфере является одной из наиболее серьезных угроз для экономической безопасности.

Проведенный анализ показывает, что динамика данного преступления напрямую связана с развитием банковского сектора и цифровых технологий. Предложенные в работе выводы могут служить материалом для дальнейших научных исследований и улучшения правоохранительной и правоприменительной деятельности в области противодействия мошенничеству в кредитной сфере.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.03.2026).
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 23.04.2018 № 111-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296451/ (дата обращения: 01.03.2026).

ТЕНДЕНЦИИ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А. Д. Анисимова

Научный руководитель: И. А. Мороз, *канд. ист. наук, доцент*
Брянский филиал Российского экономического университета
им. Г. В. Плеханова (Брянский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова),
г. Брянск, Россия
anisimova3839@gmail.com

В статье формулируются причины преступлений, совершаемых несовершеннолетними гражданами. Автор анализирует статистику правонарушений и сравнивает данные 2024 и 2025 года. Цель исследования — выявление тенденций в преступлениях с участием несовершеннолетних.

Ключевые слова: преступления, правонарушение, причины, несовершеннолетние, подростки.

Данное исследование является актуальным в связи с ростом численности преступлений, совершаемых несовершеннолетними, а также с активным проявлением и формированием у них преступного поведения. Подростковая преступность — это вопрос, обладающий особыми чертами, которые необходимо знать всем и применять при работе с подростками.

Цель исследования заключается в подробном изучении упомянутой проблемы, что способствует недопущению и точному выявлению преступления, а также регулированию поведения подростков на ранних стадиях проявления и развития преступных черт.

Исследование тенденций в преступлениях с участием несовершеннолетних включает анализ статистических данных, изучение факторов, влияющих на подростковую преступность, и разработку рекомендаций по профилактике правонарушений.

Методы исследования.

При проведении исследования были применены следующие методы.

1. Статистический анализ. Фиксация данных об активности, частоте и структуре совершаемых преступлений лицами в возрасте до 18 лет. Анализируется: — численность установленных несовершеннолетних преступников; — состав преступлений, совершаемых несовершеннолетними (преступления против собственности, убийство, тяжкие телесные повреждения).

2. Изучение условий, которые оказывают влияние на несовершеннолетних, и толкают их на совершение преступлений. Учитываются социально-экономические, бытовые факторы, способствующие совершению преступлений несовершеннолетними. Также изучается семья преступника. Например, анализируется, каким образом на подростка влияет цифровая среда.

3. Анализ правоприменительных документов. Например, материалов уголовных дел. Они помогают в изучении и анализе специфики раскрытия дел с участием несовершеннолетних.

4. Наблюдение. Проводится тщательный анализ социальных сетей, а именно коммуникационных и информационных страниц и сайтов, которые несут и распространяют информацию негативного характера и активно популяризуют криминальную культуру.

Для анализа тенденций в преступлениях с участием несовершеннолетних используются следующие средства.

1. Статистические базы данных правоохранительных органов, таких как МВД России. С их помощью можно оценить активность совершаемых несовершеннолетними преступлений.

2. Программное обеспечение для обработки и демонстрации данных.

3. Таблицы и графики — используются для представления данных в наглядной форме.

4. Аналитические отчёты.

5. Научные публикации и актуальные статьи по рассматриваемой проблеме [2, с. 171].

В современной России существует серьёзная проблема, требующая к себе пристального внимания как со стороны государства, так и со стороны общества. Это — преступность молодёжи. Только за 2025 год в суды было передано на рассмотрение около 5,5 тыс. уголовных дел в отношении подростков, что на 8 % больше, чем за 2024 год. К дисциплинарной ответственности привлекли около 5 тыс. должностных лиц. В 2025 году подростками было совершено 1,5 тыс. деяний против жизни и здоровья граждан — на 13 % больше, чем в прошлом году [1]. По данным ведомства, в 2024 году правоохранительные органы расследовали 26 тыс. преступлений, совершенных малолетними детьми. Если сравнить с 2023 годом, можно сказать, что численность правонарушений сократилась на 3 %, если сравнивать с 2022 годом — на 13 %, а, проводя сравнение с 2015 — на 57 %. Следственный комитет России информирует, что при этом численность тяжких и особо тяжких преступлений не сокращается [4].

Согласно УК РФ, преступление — это совершенное дееспособным лицом общественно опасное, противоправное деяние, запрещенное законодательством под угрозой применения наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Впервые за несколько лет в России был зарегистрирован резкий скачок подростковой преступности. Агрессивность подростки зачастую выплескивают именно на тех, кто не способен себя защитить.

Существуют особые мероприятия, способствующие прогнозированию и предотвращению подростковой преступности.

1. Выявление плохого воспитания в семье, а также постоянного пребывания ребёнка в неблагоприятных условиях.

2. Поиск, обнаружение и сведение к минимуму источников негативного воздействия на подростков.

3. Оказание корректирующего и сдерживающего влияния на несовершеннолетнего с социально опасным поведением.

4. Повышение уровня правосознания несовершеннолетних.

5. Компенсация недостатков воспитания несовершеннолетних в семье, при необходимости оказание государственной и общественной помощи.

6. Контроль за соблюдением ограничительных мер.
7. Применение установленных законом мер к лицам, подталкивающим несовершеннолетних к антиобщественной и опасной деятельности.

8. Устранение недостатков и нарушений в деятельности органов, занимающихся обучением, воспитанием, охраной прав и интересов детей и подростков [3].

Практическая значимость исследования.

1. Выявление наиболее значимых проблем предупреждения преступности несовершеннолетних и выработка решений, необходимых для их урегулирования.

Исследование может содействовать в следующих направлениях указанного вопроса:

- в обнаружении, выявлении и искоренении тех факторов и причин, которые толкают несовершеннолетних на совершение правонарушения. Среди них пагубное влияние сверстников и окружения в общем или иные жизненные трудности, например экономические;

- в формулировании усовершенствованных идей по оптимизации норм административного и уголовного права, а также их продвижение. Это полезно для совершенствования правовой защиты несовершеннолетних и минимизации численности совершаемых ими преступлений.

2. Оптимизация и согласованность мероприятий по предупреждению преступности несовершеннолетних. Достижения по результатам исследования могут использоваться при моделировании региональных программ предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних.

3. Повышение качества деятельности органов государственной власти и должностных лиц, в чьей компетенции присутствуют задачи предупреждения преступности и правонарушений несовершеннолетних.

4. Использование достижений исследования в организации учебного процесса в высших учебных заведениях при разработке учебных курсов по таким дисциплинам, как криминология, уголовное право, при профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также при переподготовке и повышении квалификации правоохранителей.

5. Проработка прогноза прогресса личности для создания коррекционной и профилактической работы среди несовершеннолетних правонарушителей. Знание причин и детерминантов деформации личности несовершеннолетнего правонарушителя позволяет сконструировать прогноз и на его основании выстроить работу [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что существует множество мер и процедур, которые способствуют уменьшению преступности среди несовершеннолетних. Также следует отметить, что важной составляющей в профилактике правонарушений в среде подростков является семья. Ненадлежащее воспитание, беспризорность и пониженный уровень правовой и социальной грамотности могут повлечь за собой формирование личности преступника и совершение правонарушения.

Список литературы

1. Генпрокуратура: в РФ в 2025 году подростковая преступность выросла на 10 %. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26077051> (дата обращения: 28.02.2026).
2. Емельянов М. Ю. Тенденции подростковой преступности в современной России: состояние и предупреждение // Вестник науки. 2024. Т. 2, № 7 (76). С. 166–172.
3. Нарущкая Н. В. Общее состояние и динамика преступности несовершеннолетних в современной России // Вестник экономики и права. 2025. № 108. С. 64–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschee-sostoyanie-i-dinamika-prestupnosti-nesovershennoletnih-v-sovremennoy-rossii?ysclid=mm62bvv7737162728> (дата обращения: 28.02.2026).
4. СКР: более 14 тыс. подростков совершили преступления в 2025 году. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8139948?ysclid=mm62lbg0oy725013836> (дата обращения: 28.02.2026).
5. Эксперт: с чем связан рост детской преступности в России. URL: <https://vfokuse.mail.ru/article/ekspert-rost-detskoj-prestupnosti-v-rossii-svyazan-s-krizisom-vospitaniya-68628621/?ysclid=mm22vhtjh783407061> (дата обращения: 28.02.2026).

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ОТСРОЧКИ
ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ
(СТАТЬЯ 82.1 УК РФ) И НАПРАВЛЕНИЯ
ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Д. Ю. Бабаева, В. А. Суворова

Научный руководитель: А. А. Исаев, *ст. преподаватель*
Новосибирский государственный университет экономики и управления
«НИНХ» (НГУЭУ), г. Новосибирск, Россия
babaevadasha801@mail.ru

Проанализированы теоретические и практические аспекты применения статьи 82.1 УК РФ, регламентирующей возможность предоставления отсрочки отбывания наказания лицам, признанным больными наркоманией. Обоснованы предложения по совершенствованию нормативного регулирования и правоприменительной деятельности в целях повышения результативности мер, направленных на лечение осужденных.

Ключевые слова: отсрочка отбывания наказания; больные наркоманией; уголовно-правовой институт; правоприменительная практика; лечение и реабилитация; совершенствование законодательства.

По состоянию на 2024 год проблема незаконного оборота наркотических средств и наркозависимости в Российской Федерации сохраняет устойчиво высокий уровень общественной опасности. По имеющимся статистическим данным, численность лиц, страдающих наркозависимостью, достигает 6 млн человек, при этом около 60 % составляют молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет, а около 20 % — несовершеннолетние в возрасте 9–13 лет. Более 18 млн человек имеют опыт периодического употребления либо знакомы с наркотическими средствами. Ежедневно число зависимых увеличивается примерно на 250 человек, а смертность, связанная с употреблением наркотиков, достигает 80 человек в сутки. Указанные показатели свидетельствуют о масштабности и системном характере проблемы, затрагивающей прежде всего молодежную среду [1].

Высокая степень криминализации данной сферы подтверждается и судебной статистикой. Так, по ч. 1 ст. 228 УК РФ в 2024 году осуждено 28 479 человек, при этом оправдательных приговоров вынесено лишь два; по ч. 2 ст. 228 УК РФ осуждено 18 864 человека, оправдано — три [2]. В целом за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, в 2024 году осуждено 69,9 тыс. лиц, из них 50,8 тыс. — непосредственно по ст. 228 УК РФ. С учетом того, что общее количество осужденных по всем составам преступлений УК РФ составило 512,8 тыс. человек, удельный вес «наркотических» преступлений достигает 13 % от общего числа рассмотренных уголовных дел. Кроме того, уровень рецидива по ст. 228 УК РФ составляет 12,2 % [3].

В сложившихся условиях особую значимость приобретает институт отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, который потенциально

способен выступить не только альтернативой реальному лишению свободы, но и средством достижения целей уголовного закона — восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения новых преступлений.

В рамках работы предполагается использование комплекса общенаучных и специальных юридических методов: анализа и синтеза, формально-юридического и сравнительно-правового исследования, изучения норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, материалов судебной практики, статистических данных, а также доктринальных источников.

Существенной правовой проблемой ст. 82.1 УК РФ является отсутствие в действующем законодательстве чётко регламентированного механизма межведомственного взаимодействия суда, уголовно-исполнительной инспекции и медицинских организаций при контроле за прохождением осуждённым лечения от наркомании и медико-социальной реабилитации. Несмотря на то, что предоставление отсрочки отбывания наказания непосредственно обусловлено обязанностью лица пройти курс лечения и реабилитации, ни уголовное, ни уголовно-исполнительное законодательство не закрепляет порядок обмена сведениями о ходе лечения, его результатах, фактах уклонения либо отказа от прохождения соответствующих мероприятий. В настоящее время ч. 4 ст. 178.1 УИК РФ предусматривает постановку осуждённого на учёт уголовно-исполнительной инспекцией и осуществление контроля за его поведением и прохождением лечения, однако содержание такого контроля нормативно не конкретизировано, что затрудняет своевременное выявление уклонения от лечения и, как следствие, принятие судом решения об отмене отсрочки.

В целях устранения пробела представляется обоснованным внесение изменений в ч. 4 ст. 178.1 УИК РФ путём её дополнения положениями о межведомственном взаимодействии уголовно-исполнительной инспекции с медицинскими организациями, осуществляющими лечение от наркомании и медико-социальную реабилитацию. В частности, целесообразно законодательно закрепить обязанность медицинских организаций направлять в уголовно-исполнительную инспекцию периодические (например, не реже одного раза в шесть месяцев) заключения о прохождении осуждённым программы лечения и реабилитации, а также незамедлительно сообщать о случаях отказа от лечения, самовольного прекращения реабилитации либо уклонения от неё, с последующим направлением соответствующей информации в суд для решения вопроса об отмене отсрочки.

Не менее значимой правовой проблемой является неопределённость процессуальной формы выражения добровольного согласия лица на прохождение лечения от наркомании, которое в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2023 № 47 может быть заявлено в устной или письменной форме на любой стадии [4]. При этом действующее законодательство не устанавливает, каким процессуальным документом должно оформляться такое волеизъявление.

Учитывая, что добровольное желание пройти курс лечения является ключевым условием применения отсрочки отбывания наказания по ст. 82.1 УК РФ,

оно должно носить личный, осознанный и надлежащим образом зафиксированный процессуальный характер. В этой связи представляется целесообразным внесение изменений в п. 4 ч. 1 ст. 398 УПК РФ, предусматривающий возможность предоставления отсрочки при наличии добровольного желания осуждённого пройти лечение, путём дополнения его указанием на то, что такое желание выражается в форме личного ходатайства подозреваемого, обвиняемого или осуждённого, подаваемого в письменной форме и подлежащего обязательному приобщению к материалам уголовного дела. Аналогичные уточнения представляется необходимым внести и в ч. 1 ст. 82.1 УК РФ, закрепив, что добровольное согласие на прохождение лечения от наркомании и медико-социальную реабилитацию оформляется в виде личного письменного ходатайства лица, заявленного на любой стадии уголовного судопроизводства.

В качестве заключения следует отметить, что предложенные меры по совершенствованию правового регулирования института отсрочки отбывания наказания больным наркоманией направлены на устранение существующих пробелов в применении ст. 82.1 УК РФ и повышение эффективности её реализации в правоприменительной практике. Нормативное закрепление механизма взаимодействия суда, уголовно-исполнительной инспекции и медицинских организаций, а также установление чёткой процессуальной формы выражения согласия осуждённого на прохождение лечения позволит обеспечить реальный, а не формальный контроль за исполнением условий отсрочки и единообразие судебной практики.

Предоставление осуждённым реальной возможности пройти лечение в рамках отсрочки отбывания наказания создаёт условия для формирования у них осознания общественной опасности совершённого деяния и способствует их ресоциализации. Лица, осуждённые за преступления, предусмотренные ст. 228 УК РФ, при эффективной реализации рассматриваемого института получают не только шанс на освобождение от зависимости, но и возможность встать на путь исправления, что отвечает как целям уголовного наказания, так и задачам гуманизации уголовной политики государства в отношении наркозависимых лиц.

Список литературы

1. Статистика по наркомании в России // ГБУЗ «Невельская центральная районная больница». URL: https://med-b-nevelskaya-r424.gosweb.gosuslugi.ru/novosti/novosti_53.html (дата обращения: 15.02.2026).
2. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Статистика РФ. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 15.02.2026).
3. Михайлов Д. А. Криминологическая характеристика рецидивной преступности // Бюллетень науки и практики. 2023. № 5. С. 469–474.
4. О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2023 № 47 // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗМЕЩЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Е. А. Бандаевский

Научный руководитель: Е. А. Гордейчик, *ст. преподаватель*
Новосибирский государственный педагогический университет (НГПУ),
г. Новосибирск, Россия
holster.ranges_0@icloud.com

В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации деяний, связанных с распространением информации экстремистского характера в интернете. Анализируются изменения законодательства, вступившие в силу в 2025 году, а также правоприменительная практика по ст. 20.29 КоАП РФ и ст. 282 УК РФ. Особое внимание уделяется вопросам разграничения административной и уголовной ответственности, роли интернет-провайдеров как субъектов правоотношений, а также особенностям доказывания субъективной стороны преступления. В работе представлены выводы и рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: экстремистские материалы, интернет, ст. 282 УК РФ, ст. 20.29 КоАП РФ, квалификация преступлений, судебная практика.

Актуальность темы исследования обусловлена стремительной цифровизацией общества и возрастающей ролью интернета как основной площадки для распространения информации, в том числе деструктивного характера. С 1 сентября 2025 года в Российской Федерации вступили в силу законодательные поправки, усиливающие административную ответственность за умышленный поиск экстремистских материалов [2, 4]. Одновременно с этим статистика Генеральной прокуратуры РФ фиксирует устойчивый рост числа требований, направленных в Роскомнадзор: со 167 в 2022 году до 388 в 2023 году [1]. Указанные обстоятельства требуют глубокого научного осмысления и анализа правоприменительной практики. Целью настоящего исследования является выявление и анализ особенностей привлечения к ответственности за размещение в интернете информации экстремистской направленности, а также определение проблем квалификации данных деяний и выработка предложений по их решению. Теоретической основой исследования послужили работы отечественных правоведов в области уголовного и административного права, а также материалы научно-практических конференций [5]. Эмпирическую основу работы образуют материалы судебной практики за 2013–2016 гг., а также статистические данные Генеральной прокуратуры РФ. Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучных методов познания, включая формально-юридический, сравнительно-правовой и метод системного анализа правовых явлений.

Прежде всего, следует определить причины, по которым интернет становится наиболее популярным инструментом как для распространения экстремистских материалов, так и для потребления такого контента. Наиболее вероятной

из них может стать доступность тех данных, что размещены в сети: контент публикуется в открытом доступе с использованием популярных площадок: социальные сети, видеохостинги, стриминговые платформы и мессенджеры. Публикация контента, равно как и его потребление, ограничены лишь регистрацией пользователя и той модерацией, что осуществляют сотрудники технической поддержки и/или ИИ.

В контексте открытого доступа ко многим материалам в интернете стоит упомянуть и отсутствие необходимости в наличии у правонарушителя специальных знаний: для выхода в интернет сегодня достаточно недорогого смартфона или подержанного ПК, а продвинутый пользователь способен сделать это даже с использованием смарт-часов. Это наблюдение можно считать ещё одной из причин популярности интернета как инструмента для распространения экстремистских материалов. Важно отметить и факт псевдоанонимности в цифровом пространстве: некоторые пользователи, особенно те, кто не обладает набором специфических знаний об интернете, могут полагаться на закрытый профиль или отсутствие фотографий как меры, гарантирующие им анонимность в сети. Однако их действия привязаны к IP-адресу, по которому наравне с прочими метками, можно быстро идентифицировать пользователя.

Правовая оценка деяний, связанных с распространением экстремистских материалов, осуществляется по двум основным направлениям: административная ответственность — по ст. 20.29 КоАП РФ («Массовое распространение экстремистских материалов») и уголовная ответственность — по ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»). Ключевым критерием разграничения выступает не только факт массовости распространения, но и наличие прямого умысла, направленного на возбуждение ненависти либо вражды. В рамках анализа судебной практики установлено, что значительная часть дел, первоначально квалифицированных как уголовные, впоследствии переквалифицируется в административные ввиду недоказанности субъективной стороны преступления. Поскольку использование интернета при распространении материалов экстремистского характера подразумевает открытый доступ к ним, такое распространение изначально будет носить характер массового, а значит, подпадать под действие ст. 20.29 КоАП РФ, предусматривающей административное наказание за совершение такого действия.

Наряду с этим важным является и вопрос об определении тяжести совершённого преступления, поскольку от этого будет зависеть максимальный срок лишения свободы. Так, из ч. 3 ст. 15 УК РФ следует, что преступлениями средней тяжести, среди прочего, являются те, «за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пяти лет лишения свободы» [3]. Обратимся к ч. 1 ст. 282 УК РФ, где упоминается ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды: среди прочего, там указано, что данное деяние наказывается «лишением свободы на срок от двух до пяти лет» [5]. Так, отметим, что при рассмотрении судебной практики нами было выявлено, что подавляющее большинство административных дел изначально были квалифицированы как уголовные, и уже в суде были переквалифицированы в административные. Поскольку

максимальный срок лишения свободы в рамках уголовной ответственности по данному правонарушению составляет не более пяти лет, можно сделать вывод о средней степени тяжести такого деяния.

Особого внимания заслуживает практика привлечения к гражданско-правовой ответственности интернет-провайдеров, не ограничивших доступ к запрещенным материалам. Как показал анализ, гражданские иски прокуроров в рамках уголовных дел в интересах неопределенного круга лиц удовлетворяются судами в пользу обвинения. Судебная коллегия Верховного Суда в одном из рассмотренных случаев указала, что, предоставляя техническую возможность доступа, провайдер фактически выступает распространителем информации. Рассматриваются такие дела в отсутствие ответчика, приговоры признаются и не обжалуются, так как провайдер в таком случае несет лишь затраты на оплату госпошлины. В рассмотренной нами практике за указанный период имела место только одна апелляционная жалоба, которая в итоге не была удовлетворена.

В качестве смягчающих обстоятельств по уголовным делам рассматриваемой категории наиболее часто фигурируют явка с повинной и положительные личностные характеристики подсудимых. Примечательно, что факт размещения противоправного контента может быть установлен спустя значительное время, в том числе в период нахождения лица в рядах Вооруженных сил РФ или за границей, что не исключает его последующей явки с повинной.

Учитывая всё вышесказанное, мы пришли к следующим выводам: проблема квалификации преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, связана, прежде всего, с установлением направленности действий лиц, совершивших преступление, выяснением руководящих ими мотивов, непосредственных и конечных целей. Основная проблема квалификации преступлений экстремистской направленности, предусмотренных ст. 282 УК РФ, заключается в сложности установления субъективной стороны деяния, а именно — направленности умысла и мотивов виновного лица. Отграничение от смежных составов требует тщательного анализа содержания распространённой информации, контекста её размещения и личности правонарушителя. Фактор времени и места совершения правонарушения (удалённый доступ, нахождение лица за пределами РФ или в рядах Вооруженных сил) не является препятствием для возбуждения уголовного дела. В таких ситуациях явка с повинной часто выступает ключевым доказательством, подтверждающим осознание лицом своей вины. При назначении наказания суды учитывают не только характер и степень общественной опасности деяния, но и возраст, личностные характеристики подсудимого, а также наличие смягчающих обстоятельств. Это свидетельствует о реализации принципа индивидуализации наказания. Субъектный состав ответственности за распространение экстремистских материалов не ограничивается физическими лицами. Юридические лица (интернет-провайдеры, владельцы ресурсов), не принимающие мер по ограничению доступа к запрещённой информации, привлекаются к гражданско-правовой ответственности, что подтверждается сложившейся судебной практикой.

Список литературы

1. Генпрокуратура сообщила о росте числа требований к Роскомнадзору о блокировке экстремистских материалов // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19686381> (дата обращения: 10.10.2025).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.09.2025) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 10.10.2025).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.09.2025) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.10.2025).
4. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/.
5. Лукьянов Н. Е., Пилипушка С. В. Деятельность органов внутренних дел по осуществлению информационной безопасности // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации : материалы VII Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. В 3 частях, Новосибирск, 19–21 декабря 2018 года / Под редакцией Н. Е. Лукьянова. Институт истории, гуманитарного и социального образования. Ч. 2. Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2018. С. 111–113.

**ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ
ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ СОСТАВОВ МОШЕННИЧЕСТВА.
МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГРОЗЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Д. В. Брем

Научные руководители: Н. В. Мартемьянова, *преподаватель*,

О. И. Фомина, *преподаватель*

Иркутский техникум экономики и права (ИТЭП), г. Иркутск, Россия

bremdmirij@gmail.com

Статья посвящена проблеме и оценке квалификации мошенничества как одного из уголовно наказуемых деяний. Особое внимание уделено анализу и проблемам квалификации преступлений, связанных с их совершением через обман или злоупотребление доверием, которые в контексте своей правовой аргументации имеют связь с различными (смежными) составами преступлений и содержат специфические и изолирующие нормативные признаки в своих особенных аспектах, затрагивающие отдельные сферы деятельности.

Ключевые слова: мошенничество, уголовный закон, преступление, виды совершения мошенничества, национальная безопасность, потенциальные угрозы, правовое регулирование, состав преступления, меры противодействия, правовая статистика, отчетность, смежные составы преступления.

Активно стала развиваться и набирать свои обороты в Российской Федерации проблема совершения мошенничества, его раскрываемость наравне с утаиванием и высокой степенью латентности. Эта проблема стала главной в уголовно-правовой доктрине исходя из правовой оценки квалификации преступлений, а также кардинально поменяла динамику и структуру данных преступлений.

Цель работы: проанализировать и подробно рассмотреть проблему квалификации мошенничества во взаимосвязи с правовой статистикой, а также выявить проблемы и особенности квалификации мошенничества в современных условиях. Представить комплекс мер, направленных на повышение эффективности противодействия мошенничеству как одному из главных факторов угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Методы исследования: в рамках исследования использован комплекс общенаучных и специальных юридических методов, включая:

- юридический метод при анализе норм уголовного законодательства, регламентирующих ответственность за привилегированные составы мошенничества;
- сравнительно-правовой метод при сопоставлении различных подходов к законодательной регламентации и квалификации мошенничества;
- аналитический метод при построении мер противодействия совершению мошенничества.

Особенности и проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) и отделение его от смежных составов преступления. Поднимая вопрос квалификации мошенничества, совершенного в сфере кредитования, необходимо подчеркнуть, что состав преступления,

описанный в статье 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, обладает определенными важными особенностями. В обязательном порядке необходимо, чтобы кредитор, представляющий собой сотрудника банка, имел право заключать и вступать в кредитные отношения с гражданином. Гражданин, в свою очередь, предоставляет информацию, которая может быть как фальсифицированной, так и скрытой, или же содержать недостоверные сведения о себе, когда он планирует взять кредит и, соответственно, принять на себя кредитные обязательства [3].

Правовые особенности и проблема квалификации мошенничества при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ). Говоря о проблеме квалификации преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ (Уголовный кодекс Российской Федерации), стоит уточнить, что такие преступления в доктрине уголовного закона давно имеют свою устойчивую ось совершения. В широком смысле это характеризуется социально значимыми выплатами, выделяемыми непосредственно государством, что собственно и составляет предмет преступления: субсидии и пособия по безработице, компенсации на питание, на оздоровление, субсидии для приобретения или строительства жилого помещения. В особенности широкий охват данного преступления приходится на незаконное получение материнского капитала путем предоставления подложных документов, недостоверных сведений, которые не представляют реальной действительности.

Правовые особенности и проблема квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ). С каждым годом особенность и проблема квалификации преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, остается сама по себе «мертвым преступлением», так как, обращая внимание на статистику ГИАЦ МВД России (Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел России), стоит сказать, что данные преступления в общем не квалифицируются в правоохранительных органах [2]. Исходя из данных ГИАЦ МВД России и проведя анализ состояния преступности, в частности по преступлениям, предусмотренным ст. 159.3 УК РФ, можно указать, что данные преступления не имеют определенных квалификационных признаков [3], то есть данные признаки преступления прямо и косвенно переходят в состав преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Раскрывая проблему квалификации мошенничества с использованием электронного средства платежа, имеем и смежный состав преступления, такой как п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража, то есть тайное хищение чужого имущества, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств) [1].

Правовые особенности и проблема квалификации мошенничества в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ). Затрагивая особенности квалификации деяния, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ, стоит сказать, что данное преступление имеет свой исключительный признак — наступление страхового случая относительно какого-либо действия либо бездействия. Обращаясь к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», стоит отметить, что содержание данного Пленума относительно корректной

квалификации деяния, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ, не содержит достаточных нормативно-правовых признаков, которые могут конкретно указывать на данное противоправное деяние, т. е. в постановлении Пленума Верховного Суда указан признак однородности относительно выбора квалификации деяния, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ, что собою подкрепляет некое противоречие в квалификации, в частности, в отграничении со ст. 159 УК РФ, т. е. в квалификации как общего состава преступления (ст. 159 УК РФ).

Правовые особенности и проблема квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). В современных условиях мошенничество в области компьютерной информации в практической деятельности и научном сообществе принято называть «дистанционным мошенничеством». Тем не менее до сих пор не существует его юридического закрепления и единого понимания в правовой доктрине. Особое внимание привлекает формулировка диспозиции ст. 159.6 УК РФ, в которой мошенничество в области компьютерной информации определяется как любое вмешательство (преднамеренное воздействие) в функционирование компьютерных устройств и программ с целью хищения имущества потерпевшего [3]. При этом потерпевшими могут выступать как физические, так и юридические лица.

Аналитическо-правовые меры и методы противодействия угрозе национальной безопасности в различных сферах деятельности. Противодействие мошенничеству в современное время является наиболее сложной задачей, государством реализуются законопроекты, направленные на приостановление и замедление темпов совершения противоправных действий, связанных с обманом или злоупотреблением доверием. Требуются не только правовые рычаги воздействия на угрозу национальной безопасности, но и аналитические, подразумевающие те функции и методы, которые будут способствовать и служить предложением по совершенствованию государственно-правовой и уголовно-правовой политики в сфере экономических преступлений для предотвращения усугубления проблемы экономической безопасности государства.

Вывод. В ходе исследования, анализа проблем и особенностей квалификации преступлений, связанных непосредственно с обманом или злоупотреблением доверием, необходимо отметить: выявлены существенные проблемы в сфере назначения наказаний, которые обусловлены низкой санкцией для привилегированных составов мошенничества, и преступлений, совершаемых способом обмана или злоупотребления доверием. Следует принять меры по ужесточению уголовно-правового регулирования мошенничества, включая внесение законодательных поправок в отношении отдельных составов.

Список литературы

1. Государственная статистика прокуратуры Иркутской области. Результаты деятельности прокуратуры Иркутской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_38/activity/statistics/state-statistics (дата обращения: 05.01.2026).

2. Правовая статистика и аналитика Главного информационно-аналитического центра МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 05.01.2026).
3. Шаназарова Е. В., Савельева О. Е. Проблемы квалификации мошенничества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 7. С. 154–156. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-moshennichestva-2> (дата обращения: 25.12.2025).

АЛГОРИТМ РАННЕГО ВЫЯВЛЕНИЯ ВИКТИМНЫХ РИСКОВ И РЕАГИРОВАНИЯ НА ПОПЫТКИ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Е. Е. Буйко

Научный руководитель: И. В. Матвеев, *канд. юрид. наук, доцент*
Новосибирский государственный университет экономики и управления
«НИНХ» (НГУЭУ), г. Новосибирск, Россия
ecaterina468@yandex.ru

В статье рассматривается комплексный подход к выявлению виктимных рисков среди несовершеннолетних и противодействию их вовлечению в преступную деятельность. Разработан пошаговый алгоритм раннего реагирования на виктимизацию детей и подростков, интегрирующий криминологические, психологические и педагогические методы профилактики. Предложены дифференцированные направления работы с родителями и образовательными организациями для минимизации виктимогенных факторов.

Ключевые слова: виктимизация, несовершеннолетние, вовлечение в преступления, алгоритм реагирования, профилактика, виктимное поведение.

Актуальность исследования. Проблема вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений приобрела угрожающие масштабы, что обусловлено ростом киберпреступности, активным использованием манипулятивных технологий через социальные сети и усилением деструктивного влияния на несформированную психику детей.

Целью исследования является разработка научно обоснованного алгоритма раннего выявления виктимных рисков и оперативного реагирования на попытки вовлечения несовершеннолетних в криминальную деятельность.

Методологическую базу составили криминологический анализ, виктимологическая диагностика, компаративный метод, системно-структурный подход, метод экспертных оценок, анализ нормативно-правовой документации и эмпирических данных правоприменительной практики.

Теоретическая значимость работы заключается в систематизации криминологических знаний о механизмах виктимизации несовершеннолетних и концептуализации алгоритма превентивного вмешательства, интегрирующего междисциплинарные подходы к профилактике преступности среди детей и подростков. Практическая значимость определяется возможностью внедрения разработанного алгоритма в деятельность образовательных организаций, органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, что позволит существенно снизить уровень виктимизации и предотвратить вовлечение детей в противоправную деятельность.

Криминологическая наука выделяет виктимизацию несовершеннолетних как многоаспектный феномен, представляющий собой процесс трансформации ребёнка в объект преступных посягательств вследствие воздействия комплекса виктимогенных факторов. Как справедливо отмечает О. Р. Козлова,

«вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений представляет собой умышленные действия взрослого лица, направленные на возбуждение у несовершеннолетнего желания участвовать в совершении одного или нескольких преступлений» [2, с. 205].

Деструктивное влияние референтных групп сверстников, бесконтрольный доступ к интернет-ресурсам деструктивного содержания усугубляют виктимогенную ситуацию, создавая благоприятную среду для реализации преступных намерений вовлечателей.

На основании криминологического и виктимологического анализа разработан комплексный алгоритм раннего выявления виктимных рисков и реагирования на попытки вовлечения несовершеннолетних в преступления, включающий последовательные этапы:

1) первичная диагностика виктимогенных факторов и маркеров виктимного поведения через систематическое наблюдение педагогов, психологов, социальных педагогов за изменениями в эмоциональном состоянии, коммуникативных паттернах, академической успеваемости обучающихся;

2) идентификация признаков виктимизации (регулярные насмешки со стороны сверстников, участие в конфликтах с позиции беззащитности, порча личных вещей, необъяснимые следы физического воздействия, социальная изоляция, проявления тревожности и депрессивной симптоматики);

3) углублённая психодиагностика склонности к виктимности с применением валидизированного инструментария для оценки самооценки, коммуникативной компетентности, стрессоустойчивости, критичности мышления;

4) оперативное информирование классного руководителя, администрации образовательной организации, специалистов психолого-педагогической службы при выявлении признаков виктимизации или попыток вовлечения в противоправную деятельность;

5) немедленное проведение индивидуальной консультации с несовершеннолетним для установления доверительного контакта, выяснения обстоятельств виктимизации, оценки степени угрозы безопасности;

6) информирование родителей (законных представителей) о выявленных рисках с предоставлением развёрнутых рекомендаций по коррекции семейного воспитания и установлению контроля за цифровой активностью ребёнка;

7) организация междисциплинарного консилиума с участием педагога-психолога, социального педагога, заместителя директора по воспитательной работе, представителей субъектов профилактики для выработки индивидуального плана сопровождения;

8) реализация комплекса коррекционно-профилактических мероприятий, включающих индивидуальные психокоррекционные сеансы, групповые тренинги по развитию навыков безопасного поведения, формированию асертивности, повышению стрессоустойчивости;

9) организация правового просвещения несовершеннолетнего о механизмах вовлечения в преступления, уголовной ответственности, способах защиты своих прав, номерах телефонов доверия (8-800-2000-122);

10) мониторинг динамики состояния несовершеннолетнего, эффективности проводимых мероприятий через регулярную оценку поведенческих паттернов, эмоционального фона, социальной адаптации.

Дифференцированные направления профилактической работы предполагают целенаправленное воздействие на различные звенья системы социализации несовершеннолетнего [4, с. 76].

Работа с родителями реализуется через создание благоприятной психологической среды в семье, обеспечивающей эмоциональную безопасность ребёнка; проведение родительских собраний, индивидуальных консультаций по вопросам гармонизации детско-родительских отношений; обучение родителей распознаванию маркеров виктимного поведения (избегание зрительного контакта, резкие изменения настроения, отказ от обсуждения школьной жизни, скрытность в использовании гаджетов); формирование компетенций конструктивного реагирования на выявленные проблемы; информирование о юридических аспектах ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступления согласно статье 150 УК РФ [3]; организацию родительских тренингов по эффективной коммуникации, установлению доверительных отношений, цифровой гигиене [1, с. 14].

Работа с образовательным учреждением включает внедрение программ виктимологической профилактики («Виктимная безопасность», циклы тренинговых занятий по коррекции виктимного поведения); систематическое проведение психодиагностических обследований обучающихся из группы риска; реализацию образовательных модулей, направленных на формирование правовой грамотности, критического мышления, навыков цифровой безопасности; организацию профилактических бесед с привлечением сотрудников правоохранительных органов, специалистов по противодействию киберпреступности; создание службы медиации для конструктивного разрешения конфликтов в образовательной среде; обучение педагогического коллектива технологиям раннего выявления признаков виктимизации, алгоритмам реагирования; формирование безопасной образовательной среды, исключающей буллинг, дискриминацию, социальное отвержение; развитие института наставничества для детей из неблагополучных семей; мониторинг цифровой активности обучающихся в образовательном сегменте информационного пространства. А. В. Уразалиева и Е. В. Гуренко отмечают необходимость «комплексного подхода к противодействию вовлечению несовершеннолетних, предполагающего координацию усилий образовательных организаций, правоохранительных органов, семьи и институтов гражданского общества» [5, с. 201]).

Выводы и рекомендации

Таким образом, разработанный алгоритм раннего выявления виктимных рисков и реагирования на попытки вовлечения несовершеннолетних в преступления представляет собой комплексную систему превентивных мер, интегрирующую криминологические, психологические, педагогические и правовые механизмы защиты детей от криминального воздействия.

Список литературы

1. Гатауллин З. Ш. Противодействие вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности // *International Law Journal*. 2023. Т. 6, № 1. С. 14–18.
2. Козлова О. Р. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений // *Синергия Наук*. 2021. № 57. С. 205–210.
3. Мингалимова М. Ф., Багаутдинов Ш. Ф. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений // *Российская юстиция*. 2023. № 5. С. 57–65.
4. Мосс Ф. А. Профилактическое значение уголовно-правовой нормы, направленной на запрет вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Экономика и право. 2023. № 11–2. С. 76–80.
5. Уразалиева А. В., Гуренко Е. В. Правовые меры профилактики вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистской и террористической направленности // *Технологии формирования правовой культуры в современном образовательном пространстве: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Волгоград, 25–26 апреля 2023 года*. Волгоград : Волгоградский государственный аграрный университет, 2023. С. 201–206.

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ И ПОИСК БАЛАНСА

А. М. Гризодуб

Научный руководитель: Е. А. Гром, *ст. преподаватель*
Донбасский государственный университет юстиции (ДГУЮ Минюста России),
г. Донецк, Россия
evangilinaaa@gmail.com

Работа посвящена проблемам доказывания в уголовном судопроизводстве России, обусловленным цифровой трансформацией и попытками оптимизации процессуальных процедур. Подняты дискуссионные вопросы определения сущности доказывания, критериев оценки доказательств и правового статуса электронных доказательств. Представлены противоречия между традиционными подходами доказывания и современными вызовами, а также перспективы совершенствования института доказывания.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное доказывание, стандарты доказывания, электронные доказательства, допустимость доказательств, цифровизация правосудия.

Актуальность темы исследования обусловлена беспрецедентными вызовами, брошенными институту доказывания в уголовном судопроизводстве цифровой трансформацией, и попытками законодателя оптимизировать ряд процедур уголовного судопроизводства. Любое внесение изменений в закон требует научного обоснования. Острым проблемам доказывания посвящены работы Л. Н. Масленниковой, Т. А. Топилиной, В. В. Платонова, А. И. Туршина, Л. В. Смешковой, А. О. Машовец и других авторов.

Цель исследования — выявить ключевые проблемы современного этапа развития теории и практики доказывания и определить возможные пути их решения.

Методы исследования: анализ, сравнение, формально-юридический метод.

Результаты исследования. Институт доказывания традиционно занимает центральное место в доктрине уголовного процесса и правоприменении норм УПК РФ, поскольку именно через доказывание реализуется назначение уголовного судопроизводства. В последние годы данный институт, как и многие другие сферы человеческой деятельности, претерпевает изменения, связанные с современными реалиями информатизации, глобализации и технологического прогресса.

Весомую нишу в научных публикациях отечественных и зарубежных учёных занимают работы, анализирующие способы и последствия оцифровки процессуальных документов, собирания и применения электронных доказательств (например, спутниковые снимки), внедрения дистанционных технологий и систем искусственного интеллекта.

При этом одной из фундаментальных проблем науки остается определение сущности самого доказывания. Ряд авторов отмечают, что в современной доктрине сформировался так называемый «альтернативный» подход, согласно которому доказывание понимается не как познавательная деятельность, направленная на установление истины, а как форма обоснования позиций сторон перед

судом. Как справедливо отмечает С. Б. Россинский, использование такого подхода, заимствованного из англосаксонской системы, в российском континентальном процессе является неприемлемым, поскольку подменяет цель доказывания (установление объективных обстоятельств дела) риторической задачей убеждения судьи [2, с. 120]. Сохранение познавательной парадигмы доказывания — необходимое условие для вынесения законного и обоснованного приговора.

В тесной связи с этим находится дискуссия о критериях оценки доказательств. Часть 1 ст. 17 УПК РФ провозглашает принцип свободы оценки доказательств по внутреннему убеждению. Однако, как показывает анализ современной литературы, все чаще ставится вопрос о необходимости внедрения более четких стандартов доказывания (стандартов доказанности). А. О. Машовец поднимает проблему соотношения субъективного внутреннего убеждения судьи и объективных критериев достаточности доказательств, особенно при постановлении оправдательного приговора [1, с. 106]. Отсутствие законодательно закрепленных стандартов приводит к судебскому усмотрению, граничащему с произволом, и повышает риск судебных ошибок. В то же время попытки формализовать оценку доказательств, вплоть до математических методов (например, байесовского анализа), наталкиваются на критику, поскольку любая формальная система не способна учесть уникальность конкретного дела и может вступить в противоречие с принципом свободы оценки.

Наиболее острый характер приобретают проблемы, связанные с цифровой трансформацией доказывания. Профессор О. А. Зайцев в своих работах неоднократно акцентирует внимание на трансформации уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровизации. Ключевым вопросом здесь является правовой статус электронных доказательств. Действующий УПК РФ не содержит данного понятия, что порождает теоретические споры об отнесении цифровой информации к «иным документам» или вещественным доказательствам. Практика же сталкивается с необходимостью собирания, проверки и оценки информации из мессенджеров, социальных сетей, облачных хранилищ. Как справедливо указывает А. И. Туршин, проблема усугубляется отсутствием унифицированной процессуальной формы их закрепления и рисками фальсификации, поскольку цифровые данные легко поддаются модификации [3]. Исследователи отмечают парадокс: при изобилии технических возможностей качество их использования остается низким из-за недостатка навыков у правоприменителей.

Отдельного внимания заслуживает проблема допустимости доказательств в контексте обсуждения законодательных инициатив. Как сообщается в материалах Адвокатской палаты, в 2025 году активно обсуждались поправки в УПК РФ, направленные на «оптимизацию» досудебного производства. Речь идет о предложениях использовать результаты оперативно-разыскной деятельности в качестве доказательств без дополнительной проверки, а также фиксировать ход следственных действий на видео без составления протокола и участия понятых. Адвокатское сообщество справедливо расценивает эти инициативы как снижение стандартов доказывания и создание «доказательственных суррогатов», что неминуемо приведет к нарушению прав граждан.

Позитивным сигналом, напротив, является позиция Верховного Суда РФ. В постановлении Пленума № 43 от 23 декабря 2025 года высшая судебная инстанция

усиливает требования к доказыванию по ряду составов [4]. В частности, подчеркивается, что административная преюдиция не создает автоматической уголовной ответственности, а суд обязан проверять все обстоятельства привлечения к административной ответственности. Кроме того, Верховный Суд расширяет сферу действия предпринимательских гарантий, указывая, что преступный характер действий не исключает их связи с предпринимательской деятельностью, что напрямую влияет на предмет доказывания по экономическим преступлениям.

Выводы и рекомендации. Современный этап развития института доказывания характеризуется наличием множества проблем, связанных как с определением сущности самого термина «доказывание», так и с необходимостью грамотного «обновления» классических способов собирания, фиксации и оценки доказательств. Этот этап отличается борьбой двух тенденций. С одной стороны, наблюдаем стремление законодателя и правоприменителей к упрощению и процессуальной экономии, несущее риски для качества доказательственной базы. С другой — осознание необходимости выработки новых, более совершенных механизмов работы с оцифрованной информацией при одновременном сохранении фундаментальных гарантий прав личности.

По нашему мнению, перспективным направлением развития института доказывания в России видится не отказ от традиционных принципов и констант, свойственных национальному законодательству, в пользу «суррогатов», в т. ч. заимствованных из зарубежных стран, а их эволюционное развитие с учетом технологических реалий, включая четкую законодательную регламентацию понятия и статуса электронных доказательств и повышение квалификации правоприменителей в сфере цифровых технологий.

Список литературы

1. Машовец А. О. Внутреннее убеждение или стандарт доказанности? // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1 (79). С. 104–109. URL: <https://pravgos.ru/index.php/journal/article/view/1073> (дата обращения: 12.02.2026).
2. Зайцев О. А., Пастухов П. С. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 46. С. 752–777. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-novoy-strategii-rassledovaniya-prestupleniy-v-epohu-tsifrovoy-transformatsii> (дата обращения: 14.02.2026).
3. Туршин А. И. Исследование электронных доказательств в суде // Уголовный процесс. 2025. № 7 (247). С. 88–93. URL: <https://e.ugpr.ru/1142452> (дата обращения: 15.02.2026).
4. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 43. URL: <https://alf.ru/articles/plenum-verkhovnogo-suda-rf-43-ot-23-dekabrya-2025-goda/> (дата обращения: 26.02.2026).

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОСТАВА СТАТЬИ 106 УК РФ

Г. С. Деханов, Д. Ю. Калининченко

Научный руководитель: А. А. Исаев, *ст. преподаватель*
Новосибирский государственный университет экономики и управления
«НИНХ» (НГУЭУ), г. Новосибирск, Россия
glebdekhanov2005@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы применения нормы об убийстве матерью новорождённого ребёнка (ст. 106 УК РФ), анализируются существующие правовые противоречия и коллизии в данной сфере. Исследуются ключевые проблемные аспекты: неопределённость базовых понятий, сложности с квалификацией деяния, вопросы умысла и психотравмирующей ситуации. Предложены конкретные пути совершенствования уголовного законодательства и судебной практики, включая уточнение терминологии, расширение возрастных границ ответственности и усиление роли психолого-психиатрической экспертизы.

Ключевые слова: убийство матерью новорождённого, квалификация преступлений, уголовное право, психотравмирующая ситуация, привилегированный состав, новорождённый ребёнок, уголовная ответственность.

Проблематика уголовно-правовой оценки убийства матерью новорождённого ребёнка по ст. 106 УК РФ традиционно относится к числу наиболее сложных вопросов отечественного уголовного права. Особенность данной нормы заключается в её привилегированном характере: законодатель исходит из необходимости учитывать специфическое психофизиологическое состояние женщины в период родов и в краткий послеродовой этап. Однако действующая редакция статьи содержит ряд неопределённостей, что вызывает трудности в правоприменении и порождает научные дискуссии [1].

Прежде всего, вызывает сомнение отсутствие точного нормативного определения термина «новорождённый». Уголовный закон не раскрывает содержание этого понятия, тогда как в медицинской науке существуют различные подходы к его определению. В судебно-медицинской практике период новорождённости нередко ограничивается первыми сутками жизни, в акушерстве — неделями, в педиатрии — 28 днями, а по ряду международных критериев — 10 днями. Подобная разнородность создаёт риск неодинаковой квалификации сходных деяний. Например, лишение жизни ребёнка спустя двое суток после рождения может оцениваться по-разному в зависимости от выбранного подхода. Отсутствие единого критерия нарушает принцип правовой определённости и требует законодательного урегулирования. Представляется обоснованным закрепление в уголовном законе конкретного возрастного предела, соотносённого с педиатрическим пониманием периода новорождённости — до 28 суток, поскольку именно этот срок отражает этап адаптации ребёнка к внеутробному существованию [2].

Не менее проблематичной является формулировка «во время или сразу после родов». Закон не устанавливает чётких временных рамок, что допускает

расширительное толкование. На практике встречаются случаи, когда деяния, совершённые через несколько дней после родоразрешения, квалифицируются по ст. 106 УК РФ. Между тем смысл привилегированного состава заключается в учёте состояния, вызванного непосредственно процессом родов и резкими гормональными изменениями. Если временные пределы не конкретизированы, возникает риск необоснованного смягчения ответственности, особенно когда умысел сформировался задолго до рождения ребёнка. В целях устранения неопределённости целесообразно установить максимально допустимый временной интервал, например несколько часов после окончания родов и отделения плаценты.

Отдельного внимания требует признак совершения преступления в условиях «психотравмирующей ситуации». На практике к таковой иногда относят любые неблагоприятные жизненные обстоятельства — материальные трудности, отсутствие поддержки со стороны семьи, жилищные проблемы. Однако сама по себе сложная жизненная ситуация ещё не свидетельствует о значительном снижении способности лица контролировать свои действия. Отсутствие чётких критериев создаёт возможность чрезмерно широкого толкования данного признака. Представляется необходимым нормативно уточнить содержание этого понятия и предусмотреть обязательное проведение комплексной психолого-психиатрической экспертизы для установления реального влияния обстоятельств на эмоциональное состояние женщины.

Существенные вопросы возникают и в связи с формой вины. Привилегированный характер состава предполагает внезапность и обусловленность деяния специфическим состоянием матери. Если же установлено, что женщина заранее готовилась к лишению жизни ребёнка, скрывала беременность, подыскивала способы сокрытия следов преступления, говорить о сниженной общественной опасности не представляется возможным. В подобных ситуациях применение ст. 106 УК РФ противоречит принципу справедливости. Логичным видится закрепление в законе положения о том, что заранее обдуманнный умысел исключает квалификацию по данной статье и влечёт ответственность на общих основаниях за убийство малолетнего.

Дополнительные сложности вызывает отсутствие в норме указания на множественность потерпевших.

Если лишению жизни подвергаются два и более новорождённых, действующая редакция статьи не отражает повышенной степени общественной опасности такого деяния. Законодательное дополнение нормы специальной частью, предусматривающей ответственность за убийство нескольких новорождённых, позволило бы обеспечить справедливость наказания [3].

Неоднозначным является и вопрос возраста уголовной ответственности. В настоящее время он установлен с 16 лет. Это означает, что лица в возрасте 14–15 лет, совершившие подобное деяние, не подлежат ответственности по данной статье. С одной стороны, учитывается недостаточная социальная зрелость подростков. С другой — возможны ситуации, когда несовершеннолетняя осознаёт характер и последствия своих действий. В научной литературе высказывается предложение о снижении возрастного порога до 14 лет для устранения правового пробела.

Определённые дискуссии вызывает и вопрос о субъекте преступления, в частности, в случаях суррогатного материнства. Поскольку закон не уточняет, что речь идёт о «своём» ребёнке, теоретически привилегированный состав может быть применён и к суррогатной матери. Однако специфика эмоциональной связи в подобных ситуациях отличается от традиционной модели материнства, что ставит под сомнение обоснованность автоматического применения смягчающей нормы. Для устранения неопределённости целесообразно конкретизировать диспозицию статьи.

Проблемы возникают и при разграничении ст. 106 УК РФ с другими составами, в частности с убийством, совершённым в состоянии аффекта. Если сильное душевное волнение вызвано действиями третьих лиц и преступление совершено спустя значительное время после родов, квалификация должна осуществляться по общим правилам. Однако судебная практика не всегда последовательно проводит такое разграничение [4].

С учётом изложенного можно предложить комплекс мер по совершенствованию правового регулирования. Во-первых, закрепить в статье или примечании к ней нормативные определения ключевых понятий и временные пределы их применения. Во-вторых, предусмотреть обязательность психолого-психиатрической экспертизы по данной категории дел. В-третьих, дополнить норму квалифицирующим признаком, связанным с множественностью потерпевших. В-четвёртых, рассмотреть вопрос о корректировке возраста уголовной ответственности. Наконец, целесообразно принятие разъяснений высшей судебной инстанции для формирования единообразной практики.

Комплексное устранение обозначенных пробелов позволит повысить определённость уголовного закона, обеспечить справедливое применение привилегированного состава и одновременно гарантировать надлежащую защиту прав новорождённых как наиболее уязвимой категории потерпевших.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026). Ст. 106.
2. Гончаров Д. С. Вопрос о совершенствовании законодательной конструкции состава убийства матерью новорожденного ребенка // Вестник науки. 2024. Т. 4, № 7 (76). С. 68 – 76.
3. Латышева Л. А. Спорные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации // Журнал прикладных исследований. 2023. № 10. С. 96 – 99.
4. Александрова Е. И. Оценочные признаки субъекта убийства матерью новорождённого ребенка и их значение для определения вины и уголовной ответственности // Вестник науки. 2024. Т. 2, № 11 (80). С. 451 – 457.

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ КОНТРАБАНДЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Р. С. Егеров, Н. В. Мельниченко

Научный руководитель: О. В. Путятю, *ст. преподаватель*
Белорусский государственный университет транспорта (БелГУТ),
г. Гомель, Беларусь
egervorenik@gmail.com

В работе проведён анализ современных способов совершения контрабанды с использованием информационных технологий в условиях цифровизации экономики. Рассмотрены механизмы применения электронных торговых платформ, анонимных платёжных инструментов и цифровых каналов коммуникации для организации незаконного перемещения товаров через государственную границу, а также определены направления совершенствования мер противодействия данным преступлениям.

Ключевые слова: контрабанда, информационные технологии, электронная торговля, цифровые платформы, киберугрозы, незаконное перемещение товаров, таможенный контроль.

Современная цифровизация экономики изменила не только легальные формы торговли, но и способы совершения преступлений. Развитие электронной коммерции, дистанционных платёжных сервисов и глобальных онлайн-платформ привело к тому, что контрабанда перестала быть исключительно физическим процессом незаконного перемещения товаров через границу. В настоящее время она всё чаще организуется, координируется и маскируется с использованием информационных технологий. В условиях цифровой трансформации контрабанда приобретает новые формы реализации, что требует переосмысления существующих механизмов противодействия.

Актуальность исследования обусловлена тем, что современные способы совершения контрабанды характеризуются высокой степенью технологичности. Электронные платформы позволяют злоумышленникам создавать фиктивные торговые аккаунты, использовать подставных лиц, изменять описание товаров и скрывать реальное содержание сделок. При этом незаконное перемещение товаров сопровождается активным использованием цифровых инструментов, усложняющих их выявление.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе наиболее характерных современных способов совершения контрабанды с использованием информационных технологий, а также в определении направлений повышения эффективности их выявления и пресечения.

Наиболее распространённым способом является использование маркетплейсов и электронных торговых площадок для реализации запрещённых или ограниченных к обороту товаров под видом легальной продукции. Например, наркотические вещества могут реализовываться под видом пищевых добавок или чайных сборов, а компоненты оружия — под видом бытовых предметов. Коммуникация между продавцом и покупателем часто переносится в личные

сообщения или сторонние мессенджеры, что позволяет избегать автоматизированного контроля со стороны платформ.

Другой способ связан с использованием платформ вторичного рынка. Объявления о продаже обычных товаров используются как прикрытия для последующего предложения запрещённой продукции через закрытые каналы связи. Такая схема минимизирует публичность сделки и затрудняет её выявление правоохранительными органами [2].

Существенную роль в современных схемах играет применение анонимных платёжных систем, криптовалют и сервисов электронных переводов, позволяющих скрывать личность участников операции. Использование VPN-сервисов, анонимных браузеров и зашифрованных каналов связи позволяет контрабандистам координировать действия без прямой идентификации. В результате формируется многоуровневая структура преступной деятельности, в которой цифровая инфраструктура используется для подготовки, сопровождения и маскировки незаконного перемещения товаров.

Выявление подобных преступлений невозможно без применения современных криминалистических технологий. В научной литературе криминалистическая технология рассматривается как система последовательных процедур и операций, направленных на достижение результата при расследовании преступлений. В условиях цифровизации особое значение приобретает работа с цифровыми следами — данными, содержащимися в электронных устройствах, серверах, системах видеонаблюдения и облачных хранилищах [3, с. 32–34].

Обнаружение цифровых следов предполагает анализ мобильных телефонов, компьютеров, планшетов и иных устройств, содержащих информацию о переписке, финансовых операциях и логистических маршрутах. Фиксация доказательств осуществляется посредством протоколирования, фото- и видеосъёмки, а также использования специализированных программных средств, обеспечивающих сохранность электронных данных. Изъятие цифровых носителей требует соблюдения процессуальных требований, поскольку любое нарушение может привести к утрате доказательственной ценности информации [3, с. 35–36].

Противодействие современным способам контрабанды должно строиться на комплексном подходе. Помимо криминалистических технологий, существенное значение имеют организационные и контрольно-технические меры: лицензирование участников внешнеэкономической деятельности, внедрение систем маркировки и радиометок, мониторинг товарных потоков и совершенствование информационного обмена между государственными органами. Экономические меры, направленные на снижение привлекательности незаконных операций, также способствуют уменьшению масштабов контрабанды [1].

Немаловажным является профессиональная подготовка должностных лиц, расследующих преступления, например, в точности установления фактов преступления, в том числе цифровых следов, в сохранении доказательственной ценности, понимании технической специфики совершения преступлений и других.

Практическая значимость исследования заключается в систематизации современных схем использования информационных технологий при совершении

контрабанды и обосновании необходимости интеграции цифровых инструментов в деятельность правоохранительных и таможенных органов. Теоретическая значимость состоит в уточнении представлений о трансформации преступной деятельности под влиянием цифровой среды.

Таким образом, современные способы совершения контрабанды характеризуются активным использованием электронных торговых платформ, анонимных платёжных инструментов, криптографических средств связи и цифровых каналов координации. Информационные технологии используются не только как вспомогательный элемент, но как основа организации преступной деятельности. Эффективное противодействие данным схемам возможно при условии развития технологий выявления цифровых следов, совершенствования правового регулирования электронной торговли и усиления международного сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступностью и контрабандой.

Список литературы

1. Борьба с контрабандой в таможенной сфере. URL: <https://elib.bsu.by> (дата обращения: 22.02.2026).
2. Контрабанда в условиях цифровизации: киберугрозы и электронная торговля. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 22.02.2026).
3. Уголовно-правовые, криминологические и криминалистические проблемы расследования и предупреждения киберпреступлений для специальности II ступени высшего образования (магистратура) 1-248001 Юриспруденция : учебно-методический комплекс по учебной дисциплине / сост.: Т. Ф. Дмитриева, В. Г. Стаценко. Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2022. 83 с.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Е. А. Захарова, *обучающийся*, В. А. Мусаткин, *ст. преподаватель*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
kat0nk@yandex.ru

В работе рассмотрены вопросы совершенствования законодательства, регулирующие права участников уголовного процесса при решении вопросов об отказе в возбуждении уголовного дела, признании доказательств недопустимыми и применении мер пресечения к подозреваемым. Предложены пути совершенствования законодательства по рассмотренным вопросам.

Ключевые слова: основания отказа в возбуждении уголовного дела, недопустимые доказательства, розыск подозреваемого, заключение под стражу.

В настоящее время имеется необходимость внесения дополнений в уголовный процесс по правам участников уголовного судопроизводства.

Одно из таких положений связано с основаниями отказа в возбуждении уголовного дела. Уголовно-процессуальным законом в ст. 24 УПК РФ предусмотрены основания отказа в возбуждении уголовного дела [2]. Перечень таких оснований является исчерпывающим. При установлении в ходе проверки заявления или сообщения о возможном совершенном преступлении (или же готовившемся совершении преступления) любого основания из перечня данной нормы закона следователь и дознаватель должны решить вопрос об отказе в возбуждении уголовного дела. Однако в ходе доследственной проверки следователи и дознаватели нередко устанавливают наличие в отношении лиц, по которым ведется проверка, оснований, предусмотренных в ст. 27 [2] УПК РФ, для прекращения уголовного преследования подозреваемых и обвиняемых, но отсутствуют основания для отказа в возбуждении уголовного дела. В частности, устанавливают наличие оснований для прекращения уголовного преследования, предусмотренные п. 3–5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Но так как эти основания не предусмотрены для отказа в возбуждении уголовного дела, следователи и дознаватели вынуждены возбуждать уголовные дела, которые в перспективе им придется прекращать в связи с наличием оснований для прекращения уголовного преследования подозреваемого или обвиняемого. За исключением случаев, когда в деле имеются другие соучастники преступления, в отношении которых не имеется оснований для прекращения уголовного преследования. Данный вопрос требует законодательного урегулирования, чтобы исключить необоснованное уголовное преследование лиц, в отношении которых имеются основания для его прекращения, установленные еще на стадии доследственной проверки. Для разрешения данного вопроса необходимо расширить перечень оснований для отказа в возбуждении уголовного дела, предусмотренный ст. 24 УПК РФ.

Требует дополнительного законодательного регулирования также вопрос о признании в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ недопустимыми «показания, данные подозреваемым или обвиняемым на стадии предварительного следствия без участия защитника, в том числе и в случаях, когда показания давались по их ходатайству без участия защитника, которые в дальнейшем они не подтвердили в суде» [3]. В судебно-следственной практике это требование закона понимается единообразно и не вызывает споров, когда показания без участия защитника были получены во время непосредственного допроса подозреваемого или обвиняемого. Однако показания данных участников уголовного процесса во время следствия могут быть получены и записаны также в ходе других следственных действий, в которых они принимали участие. Например, их показания записываются в протоколе, при проведении очной ставки, а также во время проверки показаний на месте. Это самостоятельные следственные действия, но в них, как в протоколе допроса, содержатся показания обвиняемых или подозреваемых. Подозреваемый (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемый (ст. 47 УПК РФ) имеют право «пользоваться помощью защитника при любых процессуально-следственных действиях, проводимых с их участием» [3]. При этом вопрос о том, при каких других следственных действиях, помимо непосредственного допроса, требуется участие защитника, решают сами обвиняемые и их защитники. В соответствии со ст. 52 УПК РФ, следователь и дознаватель могут по своей инициативе предоставить защитника только при ходатайстве обвиняемого и подозреваемого об отказе от защитника [3]. В данной же ситуации защитник имеется, отказа от него нет, пользоваться его помощью они могут, только участвует он не во всех следственных действиях. Следовательно, конституционное право на получение профессиональной юридической помощи не нарушается. В соответствии с этим возникает вопрос: следует ли безусловно признавать недопустимыми доказательствами показания обвиняемых и подозреваемых, зафиксированные в протоколах других следственных действий, помимо непосредственного протокола их допроса? Ученые и практики уголовного процесса не пришли к единому мнению, что делает вопрос дискуссионным. Одно из мнений гласит: если проанализировать те показания, которые даются обвиняемыми или подозреваемыми во время проведения других следственных действий, помимо допроса, то можно сделать вывод, что они всегда являются производными. А также, как правило, следственные действия с участием обвиняемых или подозреваемых после дачи ими показаний непосредственно на допросе проводятся только в целях их проверки. При ситуации, когда в последующих следственных действиях, проводимых без участия защитника, фактически производится только проверка показаний, то нерационально исключать такие показания из совокупности всех доказательств в деле, признавая их недопустимыми доказательствами. А если учесть, что наряду с обвиняемыми в других следственных действиях принимали участие иные лица из участников уголовного процесса, чьи показания и действия были зафиксированы в едином протоколе следственного действия, то в таком случае будут нарушены процессуальные права других участников процесса, этого допускать следователи и дознаватели также не имеют права. В связи с изложенным имеется

необходимость внести уточнение в ст. 75 УПК РФ. Непосредственно указать в ней: «к недопустимым доказательствам относятся именно показания, полученные в ходе следственного действия — допроса обвиняемого или подозреваемого в отсутствии защитника» [1].

Важным и актуальным в настоящее время является и вопрос, связанный с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого. В процессуальном законе есть противоречия, связанные с избранием данной меры пресечения, когда подозреваемый в розыске уклоняется от явки в следственные органы и/или в суд. По данному вопросу в настоящее время требуется дополнительное законодательное регулирование. Статья 108 УПК РФ допускает применение в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу. Однако применение данной меры пресечения к подозреваемому юридически невозможно, если он объявлен в розыск в соответствии со ст. 210 УПК РФ. Упомянутая статья допускает применить такую меру пресечения только лишь к обвиняемому. Также в ст. 210 УПК РФ в порядке главы 12 УПК РФ, задержание во время розыска предусмотрено только для обвиняемого. Но стоит отметить, что в ч. 5 ст. 108 УПК РФ мера пресечения в виде заключения под стражу может быть применена судом к обвиняемому даже в его отсутствие, если он объявлен в международный или межгосударственный розыск [3]. Для подозреваемого такого положения в законе не предусмотрено. В 2025 году Федеральным законом от 28.02.2025 № 13 ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были внесены дополнения и изменения в ст. 108 УПК РФ, где подтверждается возможность применения к подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу, в том числе в случае, если он скрылся от органов расследования и суда [4]. Однако ст. 210 УПК РФ и ч. 5 ст. 108 УПК РФ остались без изменения. В настоящее время мы видим множество случаев, когда лица, совершившие преступления, связанные с террористической направленностью на территории России, в считанные часы успевают выехать за границу. В связи с этим в оперативном порядке возбуждаются уголовные дела, преступных лиц объявляют в розыск, однако их процессуальный статус остается лишь в качестве подозреваемого. Поэтому в современных условиях имеется необходимость внести дополнения в ст. 108 и ст. 210 УПК РФ, допускающие применение судом к подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу в случае объявления его в международный или межгосударственный розыск, в том числе и в отсутствие самого подозреваемого, а также задержание его согласно гл. 12 УПК РФ при обнаружении во время розыска [3].

Список литературы

1. Гриненко А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий. М. : Проспект, 2021. 1288 с.
2. Копирус О. С., Щерба С. П. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М. : Проспект, 2020.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 28.02.25 № 13 ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 9. Ст. 842.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

И. П. Золотухин

Научный руководитель: О. В. Шмыгина, *канд. юрид. наук*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
ivan.zolotuxin.1990@mail.ru

Проанализированы уголовно-правовые принципы защиты личных данных в Российской Федерации. Цель исследования — изучить виды персональных данных, особенности их обработки и правовые механизмы уголовно-правовой защиты, а также выявить проблемы квалификации нарушений в обозначенном вопросе.

Ключевые слова: персональные данные, защита информации, сведения, уголовная ответственность, противоправность.

Термин «персональный», уходящий корнями в латинское «*persona*» (личность, индивидуальность), в правоприменительной практике, в том числе в науке уголовного права, традиционно ассоциируется со сведениями о физическом лице [3, с. 44]. Несмотря на отсутствие прямой дефиниции в статье 3 Федерального закона «О персональных данных» [2], анализ статьи 2 данного закона и общая направленность законодательного развития позволяют считать, что его ключевая цель — защита личных данных человека и гражданина. Это включает в себя ограждение таких фундаментальных прав, как неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна. Хотя юридически и логически можно рассуждать о персональных данных применительно и к организации, действующее законодательство, по сути, делает акцент на индивидууме, его правах и свободах.

Однако одной из существенных особенностей действующего законодательства является отсутствие исчерпывающего и детального перечня, однозначно определяющего, какие именно виды сведений следует относить к категории персональных данных. Подобный подход, безусловно, может быть оправдан в тех сферах, где государственные интересы требуют гибкости и возможности определения ключевых объектов или информации по мере возникновения специфических угроз. Например, при категорировании объектов, относящихся к критической информационной инфраструктуре (КИИ), или при формировании перечня сведений, подлежащих государственному засекречиванию, такой подход позволяет оперативно реагировать на меняющуюся обстановку.

Для защиты персональных данных, однако, подобное отсутствие четких ориентиров является существенным минусом. Неопределенность в трактовке персональных данных порождает правовую неопределенность, которая негативно сказывается как на деятельности лиц, обрабатывающих эти данные (операторов), так и на самих обладателях данной информации (субъектах персональных данных).

Это может приводить к избыточной обработке информации, когда неопределенность трактуется в пользу более широкого круга данных, или, наоборот,

к недооценке важности отдельных сведений, которые могут быть признаны персональными лишь впоследствии, при возникновении спорных ситуаций. Такая двусмысленность затрудняет правоприменение и снижает эффективность механизмов защиты, изначально заложенных в законе.

Ранее Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) включал в себя ст. 137, 183, 272, практика правоприменения которых не всегда была эффективна в связи с незаконным использованием персональных данных [4, с. 67]. В связи с очевидной необходимостью ужесточения уголовной политики государства в отношении незаконного использования персональных данных Федеральным законом от 30.11.2024 № 421-ФЗ была введена ст. 272.1 УК РФ (Незаконные использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения).

Согласно правилу конкуренции норм, статья уголовного закона общего характера не подлежит применению в случае существования специальной статьи, более точно описывающей совершенное деяние. Предполагается, что именно поэтому ст. 272.1 вошла в главу 28 УК РФ, поскольку очевидно, что в XXI веке существование ресурса, предназначенного для незаконного использования персональных данных, будет иметь именно цифровую форму, а не вид бумажного архива. Таким образом, используя формулировки «информационный ресурс» и «компьютерная информация, содержащая персональные данные», законодатель избежал необходимости использовать термины, не имеющие четко закрепленного юридического значения [1]. Под такими терминами имеются в виду telegram-боты, «утечки» персональных данных, услуги «по пробиву», распространяемые в интернете, и т. д. Это является несомненным преимуществом нормы, не привязанной к конкретным техническим решениям в сфере незаконного использования персональных данных.

Однако это преимущество является также одной из ключевых проблем новеллы, заключающейся в отсутствии разграничения в источнике получения персональных данных в совокупности с отсутствием требований к способу совершения преступлений, выраженной в ч. 1 ст. 272.1 формулировкой «либо иным незаконным путем» [1]. Таким образом, даже сервис архивации интернет-страниц (например, веб-архив) становится инструментом незаконного использования персональных данных, что создает вероятность излишне расширительного правоприменения. Следовательно, возникает угроза перекладывания бремени доказательства, когда само наличие персональных данных у лица означает заведомо преступный способ получения до тех пор, пока само лицо не докажет наличие этих самых персональных данных в открытых источниках. Но и обратное — обязать следствие и оперативные подразделения предоставить доказательства отсутствия законно опубликованных персональных данных в интернете невозможно, т. к. предполагается очевидным, что объем размещенных в сети данных является необходимым и достаточным, чтобы считать его заведомо большим для утверждения, что конкретный объем персональных данных не имеет иных, ранее опубликованных дубликатов.

Кроме того, введение данной новеллы означает, что преступлением является не только администрирование или иная причастность к функционированию информационных сервисов по незаконной обработке персональных данных, но и их использование частным лицом в личных, но заведомо неправомерных целях. Субъективная сторона, образующая состав преступления, в подобных деяниях может отсутствовать так же, как и общественная опасность. Например, мониторинг родителями социальных сетей своих детей с использованием подобных цифровых сервисов является несомненной проблемой для педагогической или этической дискуссии, но вряд ли требует уголовного наказания (по ч. 1 ст. 272.1 УК РФ).

Таким образом, стремление законодателя обеспечить уголовно-правовую защиту персональных данных, включая развитие сопутствующей информационной инфраструктуры, является закономерным и обоснованным шагом. Вместе с тем реализация этих намерений в конкретных нормах, таких как ст. 272.1 УК РФ, выявила ряд проблем конструктивного характера, требующих дальнейшего совершенствования. Неопределенность понятия «персональные данные» предполагается закрепить в рамках УК РФ, а в конструкцию статьи внести ограничения расширительного правоприменения более четким определением субъективной стороны, например, корыстным мотивом коммерческого использования персональных данных.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 23.02.2026).
2. О персональных данных : ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12148567/> (дата обращения: 23.02.2026).
3. Добробаба М. Б. Понятие персональных данных: проблема правовой определенности // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2023. № 2. С. 42–52.
4. Князьков А. А. Уголовно-правовая новелла за нарушение законодательства о персональных данных (ст. 272.1 УК РФ): особенности конструирования состава и вопросы квалификации // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2025. № 5. С. 65–73.
5. Родивилин И. П., Коломинов В. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с разглашением сведений о гражданах // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 2 (109). С. 254–264.

ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПОДЖОГА РЕЛЕЙНЫХ ШКАФОВ

Д. К. Капранчук

Научный руководитель: Г. Н. Миронова, *канд. юрид. наук, доцент*
Омская ордена Почета академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации (ОМА МВД России), г. Омск, Россия
diana.kapranchuk@inbox.ru

В статье рассматриваются проблемные вопросы уголовно-правовой оценки диверсии, а также устанавливаются четкие критерии разграничения посягательства диверсионной направленности со смежными составами преступлений. Анализируются закономерности, связанные с квалификацией деяния, где объектом посягательства выступает релейный шкаф, расположенный на железнодорожных путях.

Ключевые слова: диверсия, релейные шкафы, обороноспособность, объект железнодорожной транспортной инфраструктуры, поджог, уничтожение чужого имущества, террористический акт.

Рассматривая уголовно-правовую политику в сфере противодействия диверсионным преступлениям, стоит отметить феномен, связанный с возникновением проблемных аспектов квалификации преступлений. Посягательства, связанные с поджогом релейных шкафов как объектов железнодорожной транспортной инфраструктуры, начали набирать «популярность» в преступной среде относительно недавно, что свидетельствует об актуальности изучения выбранной темы. Судебная практика по вопросам применения законодательства в подобном случае является недостаточной, но позволяет сделать вывод об отсутствии единообразного подхода правоприменителя к оценке объективной стороны преступления, связанного с поджогом релейных шкафов.

Релейный шкаф представляет собой железный короб, который имеет две одностворчатые двери и содержит внутри большое количество различной аппаратуры, необходимой для безопасной работы железнодорожного транспорта [1, с. 237]. Релейный шкаф в качестве предмета преступления обозначает устройство, которое играет важную роль в обеспечении безопасности движения поездов и путей сообщения в целом.

Целью исследования является выработка единообразного подхода к уголовно-правовой оценке деяний, связанных с поджогом релейных шкафов. Для достижения указанной цели нами проанализированы признаки элементов составов преступлений по ст. 167, 205, 267 и 281 УК РФ.

Непосредственным объектом диверсии выступают общественные отношения в сфере защиты экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации.

Ст. 281 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за подрыв обороноспособности РФ, но данный термин должным образом не освещен ни на законодательном уровне, ни в научной литературе. Анализируя комментарий

к Уголовному кодексу РФ, стоит отметить, что законодатель в ст. 281 УК РФ указывает о содержании понятия обороноспособности в комментарии к ст. 275 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за государственную измену. *Под обороноспособностью* понимается «состояние экономического, военного, социально-нравственного потенциала, способного обеспечить защиту государства от нападения извне» [2, с. 262].

В рамках нашего исследования мы придерживаемся точки зрения, согласно которой действия, связанные с поджогом релейных шкафов как объектов транспортной инфраструктуры, необходимо квалифицировать по ст. 281 УК РФ. Ключевым признаком отграничения поджога релейных шкафов от смежных составов преступления является особая цель совершения преступного посягательства. Это означает, что виновное лицо осуществляет преступную деятельность, которая непосредственно направлена на угрозу экономической безопасности и обороноспособности страны.

Неотъемлемой частью проведенного нами исследования является отграничение диверсии от смежных составов посредством сравнения объектов и целей совершаемого преступления. Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, являются общественные отношения в сфере защиты любых форм собственности. Целью преступного посягательства, предусмотренного данной статьей, является нанесение именно материального вреда собственнику, что свидетельствует об отсутствии признаков, позволяющих квалифицировать поджог релейных шкафов как умышленное уничтожение имущества.

Статья 205 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за совершение террористического акта, как и ст. 281 УК РФ, предполагает действия лица при совершении взрыва, поджога или иных общественно опасных действий. Разграничение в данном случае происходит на основе различия цели, предусмотренной субъективной стороной преступления. В отличие от диверсии, террористический акт предполагает иную цель, заключающуюся в дестабилизации деятельности органов власти, воздействии на принятие ими решений, а также в у страшении населения.

Объект транспортной инфраструктуры как предмет преступного посягательства предусмотрен ст. 267 и 281 УК РФ. Релейный шкаф в качестве объекта преступления прямо не указан в данных статьях, но его возможно отнести к транспортному оборудованию, являющемуся необходимым элементом для безопасной эксплуатации железнодорожного транспорта. Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 267 УК РФ, являются общественные отношения в сфере защиты безопасности движения транспорта. Преступное деяние, связанное с поджогом релейных шкафов, в свою очередь, посягает на безопасность государства в целом, что является объектом преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ. Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения, в отличие от диверсии, подразумевает корыстный мотив, о чем указывает постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.1980 г. № 6 «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищении на

транспорте». Это свидетельствует о невозможности квалифицировать поджог релейных шкафов по ст. 267 УК РФ.

Теоретической значимостью исследования является устранение противоречий в подходах к разграничению смежных составов преступления. Практическая значимость состоит в выработке единых подходов в правоприменительной практике по квалификации соответствующих деяний.

Таким образом, стоит отметить, что ключевым отличием, позволяющим отграничить диверсию от смежных составов преступлений, является наличие особой цели, а именно подрыв экономической безопасности и обороноспособности РФ. В рамках проведенного исследования полагаем, что ст. 281 УК РФ наиболее полно отражает в себе признаки деяния, связанного с поджогом релейных шкафов на территории Российской Федерации.

Список литературы

1. Сергеев В. В. Особенности расследования поджогов релейных шкафов, совершаемых на объектах транспортной инфраструктуры железнодорожного транспорта // Право и управление. 2025. № 7. С. 236–239.
2. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2023 года : Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОТКАЗА ПРОКУРОРА ОТ ОБВИНЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Д. Ф. Качура

Научный руководитель: Е. А. Комарова, *канд. юрид. наук, доцент*
Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации (КЮИ (ф) УП РФ), г. Симферополь, Россия
dc4ura@yandex.ru

В статье анализируются конституционно-правовые основы отказа прокурора от обвинения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. На основе анализа правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и практики Верховного Суда Российской Федерации рассматриваются процессуальные последствия такого отказа, его реабилитирующее значение, а также пределы самостоятельности судов различных инстанций. Особое внимание уделяется необходимости судебного контроля за действиями прокурора и недопустимости произвольного возобновления прекращённого уголовного преследования. Автор приходит к выводу, что отказ от обвинения выступает важным инструментом обеспечения баланса публичных интересов и прав личности, реализуемым в строгих процессуальных рамках и под контролем суда.

Ключевые слова: отказ прокурора от обвинения, конституционно-правовые основы, уголовное судопроизводство, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, прекращение уголовного преследования, презумпция невиновности.

Конституционный Суд Российской Федерации в своей практике последовательно подчёркивает, что отказ прокурора от обвинения должен служить инструментом реализации публичных интересов и гарантией справедливого судебного разбирательства.

Конституционный Суд в своем Определении от 7 декабря 2017 г. № 2800-О отметил, что выраженная прокурором в апелляционной инстанции позиция об оправдании подсудимого не является обязательной для суда и не влечёт последствий, аналогичных отказу прокурора от обвинения в суде первой инстанции [1]. Поэтому апелляционный суд сохраняет самостоятельность в оценке доказательств и выводов суда первой инстанции и вправе, установив ошибочность доводов государственного обвинителя, оставить вынесенный приговор без изменения.

Конституционно-правовые последствия отказа прокурора от обвинения проявляются также в сфере института реабилитации. Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 26 сентября 2024 г. № 2073-О Суд указал, что обязанность средств массовой информации опубликовать сообщение о реабилитации возникает только в той части, в которой ранее были распространены сведения о применённых к лицу мерах уголовного преследования, включая обвинение, от которого прокурор впоследствии отказался [2]. Суд подчеркнул, что правовые последствия отказа прокурора от обвинения зависят от фактического наличия публичного распространения сведений, требующих последующего восстановления репутации реабилитированного.

Важное значение имеет и позиция Конституционного Суда относительно гарантий недопустимости произвольного возобновления прекращённого уголовного преследования. В решениях, включённых в Обзор практики Суда за IV квартал 2017 года (решение от 13 февраля 2018 г.) [3], подчёркивается, что нормы УПК РФ, допускающие отмену постановления о прекращении уголовного преследования прокурором без ограничения сроков и без предоставления лицу эффективных гарантий защиты, противоречат Конституции Российской Федерации. Такая правовая позиция обосновывает необходимость судебного контроля и чётких процессуальных рамок для прокурора, чтобы исключить риск произвольного вмешательства в права лица, признанного реабилитированным.

Конституционный Суд исходит из следующих ключевых принципов:

- 1) обязательные последствия отказа прокурора от обвинения возникают только в суде первой инстанции, тогда как апелляционный суд сохраняет усмотрение;
- 2) решения прокурора, влияющие на объём обвинения или судьбу уголовного дела, должны быть процессуально ограничены и подвержены судебному контролю;
- 3) отказ от обвинения является реабилитирующим основанием, но его последствия зависят от реальных обстоятельств, включая публичность распространения сведений.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает, что прекращение дела вследствие отказа обвинителя требует подтверждения отсутствия злоупотреблений правом и соблюдения процессуальных гарантий, а сам факт прекращения уголовного преследования по данному основанию не влечёт автоматического признания за лицом права на реабилитацию без установления признаков необоснованного уголовного преследования [4].

Практика Верховного Суда Российской Федерации, в свою очередь, демонстрирует, что отказ государственного обвинителя допускается лишь при наличии юридически значимых обстоятельств, исключающих продолжение уголовного преследования. Так, в одном из дел Верховный Суд Российской Федерации подтвердил правомерность прекращения уголовного дела по ч. 2 ст. 167 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с отказом прокурора от обвинения ввиду отсутствия состава преступления, указав, что суд первой инстанции в полной мере соблюдал требования уголовно-процессуального закона и дал надлежащую оценку мотивам государственного обвинителя [5].

Таким образом, конституционно-правовые основы отказа прокурора от обвинения формируют комплекс гарантий, направленных на обеспечение справедливого и правомерного осуществления уголовного преследования. Конституционный Суд Российской Федерации подчёркивает, что обязательные правовые последствия отказа прокурора от обвинения возникают исключительно на стадии рассмотрения дела судом первой инстанции, тогда как апелляционная инстанция сохраняет самостоятельность в оценке доказательств и выводов суда. Отказ от обвинения рассматривается как реабилитирующее основание, но его юридическое значение зависит от фактических обстоятельств, связанных с публичностью и последствиями уголовного преследования.

Кроме того, последовательно требуются процессуальные ограничения и судебный контроль за действиями прокурора, способными изменить объём обвинения или повлиять на судьбу уголовного дела, подчёркивается недопустимость произвольного возобновления прекращённого преследования. Эта позиция обеспечивает баланс публичного интереса и прав личности, исключая злоупотребления и обеспечивая эффективные гарантии защиты.

Практика Верховного Суда РФ подтверждает, что отказ государственного обвинителя должен быть мотивирован и основан на юридически значимых обстоятельствах, а суд обязан проверить его обоснованность. В совокупности данные подходы формируют стабильный механизм реализации принципов справедливости, законности и презумпции невиновности в сфере уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2017 № 2800-О «По запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности положений части четвертой статьи 37, части седьмой статьи 246 и части первой статьи 389.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».
2. Определение Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 № 2073-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чайкова Юрия Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».
3. Решение Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. «Об утверждении Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за IV квартал 2017 года» // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».
4. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2025 № 1259-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Пядышевой Надежды Васильевны на нарушение ее конституционных прав частями первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.02.2024 № 58-УД24-1-А5 // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В МИРНОЕ И ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Э. Э. Коржов, *обучающийся*, В. Э. Перенесенко, *ст. преподаватель*
Донбасский государственный университет юстиции (ДГУЮ Минюста России),
г. Донецк, Россия
korjov190505@gmail.com

Статья посвящена исследованию особенностей военного уголовного процесса, его отличиям от общеуголовного, а также специфике применения в мирное и военное время. Представленные материалы исследования помогают решить проблему понимания специфики отправления правосудия в отношении военнослужащих и лиц, приравненных к ним, в условиях, когда обычные нормы уголовного процесса могут быть недостаточными или неприменимыми, а также разобраться в отличиях военного уголовного процесса в мирное и военное время.

Ключевые слова: уголовный процесс, военные суды, уголовная ответственность, военное время, мирное время.

Изучение особенностей судопроизводства по уголовным делам с участием военнослужащих важно, поскольку общие нормы уголовного процесса могут быть неприменимы. Специальный порядок, установленный для вооружённых сил, обеспечивает дисциплину и законность, что критично для обороноспособности страны.

В мирное время военный процесс действует в рамках общей правовой системы, но с учётом специфики службы. В военное время происходят существенные изменения: меняется подследственность, расширяются полномочия военных судов, ужесточаются наказания (например, за дезертирство). Игнорирование этих особенностей может привести к нарушениям прав человека и снижению боеспособности войск. Правовая основа такого судопроизводства — Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации» от 23.06.1999 № 1-ФКЗ [1].

Проблематика военного уголовного процесса активно изучалась в науке ранее (М. С. Строгович, М. М. Исаев, А. А. Пионтковский) и остаётся актуальной сегодня (А. Г. Харитонов, Х. М. Ахметшин, Д. Д. Бессонов и др.). В условиях изменяющегося законодательства и геополитической обстановки эта тема требует дальнейшего углублённого исследования.

Рассмотрим и проанализируем некоторые взгляды и подходы ученых к дефиниции и особенностям военного уголовного процесса.

Согласно Р. Н. Котяш, военный уголовный процесс — это регламентированная правовыми нормами деятельность органов уголовной юстиции по расследованию и разрешению дел о военных преступлениях (против мира, нарушение законов войны и т. д.) на национальном и международном уровнях [2, с. 7]. Ключевая особенность — его двойная правовая основа, которая отличает его от обычного уголовного процесса.

Таким образом, автор определяет военный уголовный процесс не как упрощённую процедуру для военных, а как специализированный правовой механизм, который интегрирован в систему международного гуманитарного права и учитывает специфику военной службы.

В. П. Бодаевский также исследовал проблему формирования уголовного права военного времени как особого института военно-уголовного права и процесса. Автор полагает, что уголовное право военного времени включает не только специальные нормы, устанавливающие уголовную ответственность за преступления, совершаемые исключительно в этих условиях, но и нормы, содержащие квалифицирующие или особо квалифицирующие признаки в виде военного времени и боевой обстановки для составов воинских преступлений мирного времени [3, с. 129]. Анализ высказываний В. П. Бодаевского позволяет выделить специфику уголовного права военного времени. Оно включает как специальные составы преступлений, так и усиленную ответственность за воинские преступления в боевой обстановке. Этот подход обосновывает необходимость ужесточения уголовной ответственности в условиях войны для обеспечения обороноспособности и безопасности.

Научному анализу военного уголовного процесса посвящены работы ряда зарубежных авторов. М. Damianitsch положил начало теоретической разработке военно-уголовного права. А. Найер проследил эволюцию законов войны и ответственности за их нарушения, разграничивая «военные преступления» и «преступления против человечности». А. А. Трефилов исследовал специфику доказывания в Швейцарии. В целом для зарубежных исследований характерен всесторонний историко-современный анализ [4, с. 18].

Сравнение различных подходов позволяет определить военный уголовный процесс как специализированную систему, призванную учитывать специфику военной службы для обеспечения законности и дисциплины. Однако ощущается недостаток комплексных исследований, отвечающих на современные вызовы.

Ключевые особенности военного уголовного процесса:

- особая подсудность и субъектный состав: дела рассматривают военные суды в отношении военнослужащих;
- учет условий службы: особый порядок возможен в боевых условиях или военное время, учитываются обстоятельства, исключающие преступность деяния (необходимая оборона и т. д.) или отягчающие наказание (в период мобилизации);
- специальные наказания: для военнослужащих предусмотрены содержание в дисциплинарной воинской части, арест, ограничение по службе. Эти меры, будучи строгими, способствуют ресоциализации и имеют менее суровые правовые последствия;
- специальная мера пресечения — наблюдение командования: применяется, но имеет законодательные пробелы, не позволяющие обеспечить полноценный контроль, особенно в отношении офицеров, имеющих право на свободное передвижение [5].

Меры наказания для военнослужащих включают содержание в дисциплинарной воинской части, арест на гауптвахте военных комендатур и ограничение

по военной службе. В частности, содержание в дисциплинарной воинской части как вид уголовного наказания характеризуется рядом значимых особенностей. С одной стороны, оно является наиболее строгим среди специальных воинских наказаний, поскольку существенно ограничивает свободу осуждённого. Однако при этом его правовая регламентация сохраняет связь с условиями военной службы: осуждённые продолжают подчиняться уставам, приказам и наставлениям Вооружённых сил Российской Федерации, что впоследствии облегчает их ресоциализацию после возвращения к месту службы.

Кроме того, данный вид наказания отличается менее суровыми уголовно-правовыми последствиями по сравнению с обычным лишением свободы. Например, судимость за него погашается уже через один год после отбытия, в то время как даже за преступление небольшой тяжести, наказанное лишением свободы, этот срок составляет три года. Это смягчает последствия при возможном рецидиве, влияя на определение режима исправительного учреждения и назначение наказания в случае нового преступления.

Для военнослужащих существует особая мера пресечения — наблюдение командования воинской части, цель которой — обеспечить явку подозреваемого или обвиняемого к следователю или в суд. Проводя сравнительный анализ военного уголовного процесса в мирное и военное время, можно отметить их общую основу, но при этом такая дифференциация периодов характеризуется существенными различиями, обусловленными спецификой функционирования вооружённых сил в условиях вооружённого конфликта. В военное время ключевое значение приобретает оперативность рассмотрения уголовных дел. Это важно из-за быстро меняющейся боевой обстановки, которая требует немедленного реагирования. Таким образом, в военное время акцент делается на быстром рассмотрении дел, что связано с необходимостью обеспечения быстрой и решительной репрессии. В целом военный уголовный процесс в военное время характеризуется большей оперативностью, упрощением процедур и усилением роли командования.

На данном временном этапе военно-уголовное право в России вернуло себе статус подотрасли уголовного права. Это произошло после того, как Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ была отменена ч. 3 ст. 331 УК РФ, а гл. 33 «Преступления против военной службы» дополнена целым рядом преступлений, совершаемых военнослужащими в связи с выполнением боевой задачи в военное время, в условиях вооружённого конфликта или ведения боевых действий, в период мобилизации или военного положения. Вместе с тем следует указать, что, по данным Верховного Суда, число осуждённых военнослужащих в России выросло более чем в четыре раза за последние пять лет (2020–2025 гг.). Большую часть судят за воинские преступления, но стало больше приговоров и по другим тяжким статьям УК РФ, например, за убийство — почти в 11 раз.

Таким образом, для военного времени можно предложить следующие рекомендации: закрепить в УК РФ законодательство военного времени; упростить судебную процедуру, которая должна игнорировать избыточные для периода военного времени и условий боевой обстановки ограничения для кандидатов

в судьи; разграничивать преступления против военной службы и грубые дисциплинарные проступки; устанавливать более строгое наказание за преступления против военной службы, совершенные в период мобилизации или вооруженных конфликтов, ведения боевых действий.

Для мирного времени можно рекомендовать, например: разработать сбалансированное военно-уголовное законодательство, рассчитанное на период как мирного, так и военного времени; активно проводить научные исследования на основе концептуального подхода к военно-уголовному праву как научной дисциплине; повышать денежное довольствие преподавателям юридических кафедр и обеспечивать их жильем, чтобы прекратить отток педагогических кадров из системы военно-юридического образования.

Подведем итог. Военный уголовный процесс — важная часть правовой системы, обеспечивающая законность и правопорядок в Вооружённых силах. Его особенности, отличающие его от общего процесса, обусловлены спецификой военной службы и необходимостью поддержания боеготовности. Он различается в мирное и военное время: в последнем случае характерны ускоренные сроки, упрощённые процедуры, расширение полномочий командования и более строгие наказания. В мирный период процесс выполняет преимущественно превентивную функцию, укрепляя законность.

При этом даже в условиях войны должны соблюдаться основополагающие принципы правосудия и обеспечиваться справедливое рассмотрение дел.

Список литературы

1. О военных судах Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 28.06.1999. № 26. Ст. 3170.
2. Котяш Р. Н. Современные проблемы российского и международного судопроизводства по делам о военных преступлениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 30 с.
3. Бодаевский В. П. Формирование уголовного права военного времени // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17, № 2. С. 128–154.
4. Трефилов А. А. Военный уголовный процесс Швейцарии: доказывание, следственные действия, меры принуждения, предварительное производство // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 2. С. 18–25.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.96. № 25. Ст. 2954.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА КАК МЕТОД ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ХУЛИГАНСКИЕ ДЕЙСТВИЯ

Ю. В. Коханова

Научный руководитель: И. В. Матвеев, *канд. юрид. наук, доцент*
Новосибирский государственный университет экономики и управления
«НИНХ» (НГУЭУ), г. Новосибирск, Россия
uliya28kohanova@mail.ru

В статье рассматривается индивидуальная виктимологическая профилактика как специализированный метод предупреждения вовлечения несовершеннолетних в хулиганские и антиобщественные действия в контексте криминалистической науки. Анализируются правовые основы, цели, методы и субъекты профилактической деятельности, направленной на снижение виктимности подростков и минимизацию риска их вовлечения в противоправные действия.

Ключевые слова: виктимологическая профилактика, несовершеннолетние, виктимность, предупреждение хулиганства, криминалистика, антиобщественное поведение.

Актуальность исследования проблематики индивидуальной виктимологической профилактики несовершеннолетних обусловлена устойчивой тенденцией роста вовлечения подростков в хулиганские и антиобщественные действия, что представляет серьезную угрозу для общественной безопасности и требует разработки эффективных криминалистических механизмов противодействия.

Целью исследования выступает комплексный криминалистический анализ индивидуальной виктимологической профилактики как специфического метода предупреждения вовлечения несовершеннолетних в хулиганские действия.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специальных методов, включающих системно-структурный анализ нормативных правовых актов, сравнительно-правовой метод изучения, а также эмпирический метод анализа практики работы комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних для совершенствования методики индивидуальной виктимологической работы с подростками, находящимися в социально опасном положении.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии научных представлений о виктимологической профилактике как самостоятельном направлении криминалистической науки, исследующем механизм виктимизации несовершеннолетних, и способы его нейтрализации на различных стадиях формирования виктимного поведения.

Индивидуальная виктимологическая профилактика как метод предупреждения вовлечения несовершеннолетних в хулиганские действия предполагает

выявление подростков с наиболее высокой степенью виктимности и проведение с ними защитно-воспитательных мероприятий, направленных на снижение риска стать жертвой преступных посягательств и минимизацию вероятности их вовлечения в антиобщественную деятельность. Данный метод реализуется посредством профилактической беседы с разъяснением моральной и правовой ответственности несовершеннолетнего; выяснения образа жизни, связей и намерений подростка, его причастности к неформальным молодежным объединениям противоправной направленности; социально-психологического тренинга по снижению застенчивости, внушаемости, нестабильности личности и развитию коммуникативных навыков; формирования установки личной безопасности и самозащиты с учетом недопустимости вмешательства в конфликтные ситуации [1, с. 214].

А. В. Польшиков, О. В. Демидова и Р. В. Бузин отмечают, что «первыми признаками виктимизации подростка являются: отсутствие в школе, курение, употребление алкоголя, наркотических и психотропных веществ, дружеские взаимоотношения с нарушителями правопорядка, ранние половые контакты, уход из дома, бродяжничество», что позволяет выстроить систему раннего выявления предвиктимных отклонений [4, с. 215].

Е. Н. Федик подчеркивает важность переориентации несовершеннолетних на позитивную деятельность, формирования внутреннего убеждения в том, что поставленные перед ними цели и задачи являются их собственными, а не навязанными извне, что обеспечивает устойчивость профилактического воздействия [5, с. 82].

Субъектами индивидуальной виктимологической профилактики выступают комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, координирующие профилактическую деятельность; подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, проводящие индивидуальную профилактическую работу с учетом особенностей личности и окружения подростка; социальные педагоги и психологи образовательных организаций, осуществляющие мониторинг поведения несовершеннолетних и степени их социально-психологического благополучия [3, с. 286].

Важнейшим направлением индивидуальной виктимологической профилактики является устранение или минимизация влияния негативных факторов внешней среды на несовершеннолетнего, включая негативное воздействие взрослых на психику подростка, деструктивное влияние телевидения и интернет-контента, воздействие групп сверстников, формирующее антиобщественную установку. Авторы обосновывают необходимость профилактической работы с родителями, направленной на разъяснение им признаков негативного влияния асоциальных групп на личность подростка, способов вовлечения несовершеннолетних в криминальные группировки, методов раннего выявления предвиктимных отклонений в поведении детей.

Индивидуальная профилактическая работа проводится в сроки, необходимые для оказания социальной и иной помощи несовершеннолетним, либо до устранения причин и условий, способствовавших правонарушению или

антиобщественным действиям несовершеннолетних, либо до достижения ими возраста восемнадцати лет, либо наступления других обстоятельств, предусмотренных законодательством Российской Федерации, что обеспечивает непрерывность и системность профилактического воздействия [2, с. 95].

Криминалистический аспект индивидуальной виктимологической профилактики заключается в использовании специальных методов выявления и документирования предкриминальных ситуаций, прогнозирования развития виктимогенных обстоятельств, разработки тактических комбинаций по нейтрализации факторов, способствующих виктимизации несовершеннолетних и их вовлечению в хулиганские действия. Усиление защитных средств и возможностей самого несовершеннолетнего противостоять негативному социальному окружению достигается путем обучения подростков моделям поведения в опасных ситуациях, привития навыков избегания попадания в группы риска, выработки ответственного стиля поведения с осознанием личной ответственности как за собственные действия, так и за свою безопасность.

Профилактическая работа должна учитывать различные типы виктимного поведения несовершеннолетних и предусматривать дифференцированный подход: при негативном провокационном поведении необходимо развитие уважения к закону и моральным нормам, нейтрализация негативных качеств личности; при неосмотрительном легкомысленном поведении — повышение осведомленности об опасностях определенных типов поведения (прогулки в темное время суток, демонстрация денег и ценных вещей, взаимодействие с незнакомыми лицами); при законном поведении с переоценкой своих способностей — коррекция самооценки и формирование адекватного восприятия собственных возможностей противостоять преступным посягательствам.

Таким образом, индивидуальная виктимологическая профилактика представляет собой специализированный криминалистический метод предупреждения вовлечения несовершеннолетних в хулиганские действия, основанный на комплексном подходе к выявлению подростков с повышенной степенью виктимности и проведению с ними защитно-воспитательных мероприятий, направленных на минимизацию риска виктимизации в предкриминальных ситуациях.

Выводы. Индивидуальная виктимологическая профилактика представляет собой эффективный криминалистический метод предупреждения вовлечения несовершеннолетних в хулиганские и антиобщественные действия, базирующийся на комплексном подходе к выявлению подростков с повышенной степенью виктимности и проведению с ними целенаправленной защитно-воспитательной работы. Дальнейшее совершенствование методики индивидуальной виктимологической профилактики должно осуществляться в направлении разработки специализированных криминалистических методов прогнозирования виктимогенных ситуаций, создания тактических комбинаций профилактического воздействия и усиления межведомственного взаимодействия субъектов профилактической деятельности.

Список литературы

1. Грязнов С. А. Преступления несовершеннолетних: пути предотвращения // Психолого-педагогические исследования — Тульскому региону : сборник материалов IV Региональной научно-практической конференции молодых ученых, Тула, 16 мая 2024 года. Чебоксары : ООО «Издательский дом «Среда», 2024. С. 214–216.
2. Земцова Е. Д., Манцыгин А. М., Белова Е. Н. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления // Право, история, педагогика и современность : сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 30–31 января 2024 года. Пенза : Пензенский государственный университет, 2024. С. 95–98.
3. Нагоева М. А. Важные аспекты профилактики преступлений среди несовершеннолетних // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166). С. 286–287.
4. Польшиков А. В., Демидова О. В., Бузин Р. В. Особенности ранней профилактики преступлений с участием несовершеннолетних, создающих угрозу национальной безопасности России // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2024. № 4. С. 215–225.
5. Федик Е. Н., Щербаков А. Д. Вопросы законодательства и практики уголовной ответственности за хулиганство // Российское правосудие. 2022. № 3. С. 82–88.

ПОСЛЕДСТВИЯ ЗА ОДНОКРАТНО СОВЕРШЁННЫЕ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕБОЛЬШОЙ И СРЕДНЕЙ ТЯЖЕСТИ И ИХ ОБОСНОВАННОСТЬ

И. Д. Кувшинов

Научный руководитель: В. В. Иринчеев, *канд. юрид. наук, доцент*

Российский университет кооперации (РУК), г. Мытищи, Россия

Shustrik-5@mail.ru

Исследование посвящено анализу постпенитенциарных ограничений для лиц с погашенной судимостью за неосторожные деяния небольшой и средней тяжести, совершённые однократно. Делается вывод о необходимости дифференцированного подхода к правовым последствиям для данной категории граждан в связи с минимальной потенциальной общественной опасностью.

Ключевые слова: гуманизация, последствия при трудоустройстве, улучшение социальной справедливости, потенциальная общественная опасность.

Актуальность работы обусловлена последствиями однократного совершения по неосторожности преступлений небольшой и средней тяжести, в том числе после погашения судимости, или освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, назначением судебного штрафа и применением с потерпевшим [2–4], явно не соответствующими потенциальной общественной опасности конкретного лица. Среди таких последствий — невозможность работать в правоохранительных и некоторых других органах.

Целью исследования является выработка предложений по совершенствованию уголовного законодательства.

Методы и инструменты исследования: теоретический, инструмент-контент-анализ.

Практической значимостью исследования является улучшение механизма восстановления социальной справедливости.

В современной России огромное внимание уделяется гуманизации уголовного законодательства, внедряются новые нормы, призванные улучшить социальную справедливость, такие как освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа или в связи с деятельным раскаянием [2, 4]. Представлены предложения по дальнейшей гуманизации уголовного законодательства. Однократное совершение по неосторожности преступлений небольшой и средней тяжести, в том числе если гражданин привлекался к ответственности за это преступление, после погашения судимости, не может влечь последствий в виде невозможности работать в правоохранительных и некоторых других органах. Для аргументации нашей позиции мы приведём пример. Однократное совершение деяний, предусмотренных ч. 1, 2, 3, 5 ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации [5]. Гражданин сильно торопился на работу, поскольку его сегодняшнее опоздание повлечёт последствия в виде увольнения. Он немного превышает скорость, когда на проезжую часть

выходит пешеход. Не успев вовремя затормозить, гражданин сбивает его насмерть. Суд назначает ему наказание. После отбытия наказания гражданин погашает судимость и снова садится за руль. После этого случая он больше не совершает общественно опасных деяний, ездит по правилам и потенциальной опасности не представляет. Согласно ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации, «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности» [1]. Те же формулировки можно применить и к потенциальной общественной опасности конкретного лица, однократно совершившего преступление небольшой или средней тяжести по неосторожности, такое лицо не должно иметь последствий судимости, которая была погашена, или в целом за однократное совершение данного преступления. В доказательство истинности нашего довода разберём определение термина «общественно опасное деяние» и раскроем термин «потенциальная общественная опасность». Затем рассмотрим новый термин «неудовлетворение критериям потенциальной общественной опасности».

Общественно опасное деяние — это противоправное, осознанное, волевое действие или бездействие, нарушившее или создавшее реальную угрозу общественных отношений, охраняемых уголовным законом.

Общественная опасность — это способность причинять существенный вред общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона.

Противоправность — действие или бездействие должно быть прямо запрещено нормой Особенной части Уголовного кодекса.

Осознанность — осознание лицом, совершающим деяние, характера и общественной опасности содеянного.

Волевой характер — лицо, совершающее деяние, нацелено на его совершение. Лицо, которое в силу объективных обстоятельств не может проявить свою волю, не может признаваться ни действующим, ни бездействующим субъектом. К таким объективным факторам относятся, например, непреодолимая сила (чрезвычайное и непредотвратимое событие, при котором человек лишается возможности действовать в соответствии со своим сознанием и волей) или физическое (психическое) принуждение (воздействие на человека с целью заставить его совершить общественно опасное действие или отказаться от совершения определённого действия).

Потенциальная общественная опасность — это такая вероятность совершения общественно опасного деяния лицом, ранее его совершившим, при которой целесообразны и согласно закону обязательны некоторые ограничения в повседневной жизни гражданина: более внимательное отношение правоохранительных органов и ограничения права на трудоустройство по некоторым профессиям.

Неудовлетворение критериям потенциальной общественной опасности — это такая потенциальная общественная опасность, при которой нецелесообразны и согласно закону не должны вводиться те ограничения, которые вводятся при удовлетворении критериям целесообразности и обязательности. К этой же

категории относятся лица, которые ни разу не совершили общественно опасное деяние.

В связи с вышеизложенным предложено дополнить Уголовный кодекс, а при необходимости и другие законы статьями, которые провозглашают следующее: лицо, впервые совершившее по неосторожности преступление небольшой или средней тяжести, после погашения судимости, или освобождённое от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, назначением судебного штрафа, примирением с потерпевшим, не должно иметь никаких препятствий при трудоустройстве.

Вывод. Потенциальная общественная опасность не всегда свидетельствует, что лица, совершившие общественно опасное деяние, должны ограничиваться в некоторых правах, например на трудоустройство, поскольку они могут не удовлетворять критериям потенциальной общественной опасности.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 14. Понятие преступления. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/43b57d6c014e99070854acf76d1627ac9a184239/ (дата обращения: 26.02.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 75. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/2ba2a1c7f4543c624328bd19c1c703a7056a3b2f/ (дата обращения: 26.02.2026).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 76. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/6f25c9f69f57c511abe1a8838b8ef42856958e0e/ (дата обращения: 26.02.2026).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 76.2. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/52baec5d327332967e03384ce7a8befdc3d83f15/ (дата обращения: 26.02.2026).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 264. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b729b65a24b312d2cbee8543a8afdfb15ebb4046/ (дата обращения: 26.02.2026).

КОРРОЗИЯ ЛИЧНОСТИ

М. К. Максимонович, *обучающийся*, В. Э. Перенесенко, *ст. преподаватель*
Донбасский государственный университет юстиции
(ДГУЮ Минюста России), г. Донецк, Россия
maksionovich2004@gmail.com

В статье рассматривается игорная зависимость (лудомания) как значимый криминогенный фактор, обуславливающий наступление общественно противоправных деяний, преимущественно корыстной направленности, раскрывается механизм трансформации этой патологической зависимости в преступное поведение, движимое отчаянной финансовой необходимостью покрытия долгов и неудержимым стремлением продолжить игру. Особое внимание уделяется практическим аспектам уголовно-правовой квалификации таких деяний в контексте Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), что делает материал критически важным для правоприменителей.

Ключевые слова: игорная зависимость, лудомания, криминогенный фактор, корыстные преступления, вменяемость, детерминанты преступности.

Современное общество погружается в проблему игорной зависимости. Лудомания (патологический гемблинг) признан Всемирной организацией здравоохранения как серьёзное психическое расстройство, включённое в Международную классификацию болезней (МКБ-10) [1]. Это не просто чрезмерное увлечение, а глубокая патология.

По данным Роскомнадзора, с начала 2024 года было заблокировано около 87,8 тыс. сайтов и интернет-страниц, содержащих противоправный контент по тематике азартных игр. С 2021 года ведомство систематически привлекает иностранные площадки к административной ответственности за неудаление противоправного контента, а также за незаконную организацию и проведение азартных игр вне игорных зон. Для физических лиц предусмотрена только уголовная ответственность [2].

Как точно подметил психолог Ноттингемского университета Марк Гриффитс, лудомания (игромания, игровая зависимость, патологический гемблинг) — это психическое расстройство, выражающееся в частых повторных эпизодах участия в азартных играх, имеющее общие признаки с наркотической или алкогольной зависимостью [3, с. 350]. Это означает, что проблема не сводится к отсутствию силы воли, а является глубокой аддикцией, требующей серьезного клинического подхода, что значительно усложняет её профилактику и лечение.

Суть криминогенной угрозы игорной зависимости заключается в её способности формировать острую, императивную потребность в денежных средствах, которая возникает вследствие систематических проигрышей, стремительного накопления долговых обязательств перед разнообразными кредиторами — от банков до близких людей, а также непреодолимой необходимости финансировать дальнейшее участие в азартных играх с целью «отыграться». Эта патологическая потребность, становясь доминирующей мотивацией, деформирует и

практически полностью вытесняет социальные, этические и правовые регуляторы поведения.

В условиях такого психологического доминирования, как отмечает Ю. М. Антонян, происходит «вытеснение» или обесценивание традиционных социальных, этических и правовых регуляторов поведения. Моральные нормы, такие как честность, порядочность, уважение к чужой собственности и репутация, перестают быть эффективными внутренними барьерами для совершения противоправных действий. Личность, страдающая лудоманией, по сути, вступает в глубокий и непримиримый конфликт с обществом, поскольку для удовлетворения своей патологической, фактически аддитивной потребности она вынуждена систематически прибегать к противоправным и деструктивным способам добычи денежных средств, видя в них единственный выход из безвыходной, на первый взгляд, финансовой ситуации [3].

Анализ правоприменительной практики и криминологических исследований показывает, что лудомания чаще всего выступает предпосылкой для совершения преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ («Преступления против собственности»). К ним относятся: кража (ст. 158 УК РФ), совершаемая для быстрого получения наличности; мошенничество (ст. 159 УК РФ), а также присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ). В условиях цифровизации растет число случаев компьютерного мошенничества (ст. 159.6 УК РФ), связанного с использованием чужих банковских данных для пополнения игровых счетов [5].

Более сложным по конструкции, но не менее распространенным, является мошенничество (ст. 159 УК РФ). Лицо, страдающее лудоманией, вступает в порочный круг постоянной лжи и манипуляций, активно используя обман для получения кредитов в банках и микрофинансовых организациях, займов от друзей, коллег или знакомых, заведомо зная о нереальности сроков их возврата [5].

Особую опасность представляют собой присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ), когда преступник злоупотребляет доверием, предоставленным ему служебным положением или иными правовыми основаниями. Это может касаться как бюджетных средств, так и денежных активов предприятия, клиентских депозитов или других ценностей, к которым лудоман имеет доступ и которые он использует для удовлетворения своей патологической тяги. Данные виды преступлений наносят не только прямой материальный ущерб, но и подрывают основы доверия в экономических отношениях.

В условиях общей цифровизации и тесной интеграции игровой индустрии в онлайн-пространство особую тревогу вызывает экспоненциальный рост числа случаев компьютерного мошенничества (ст. 159.6 УК РФ). Преступники, мотивированные игровой зависимостью, прибегают к неправомерному доступу к чужим банковским счетам, использованию фишинговых схем, краже данных банковских карт или манипуляциям с электронными платежными системами для моментального пополнения игровых счетов. Эта тенденция не только усугубляет проблему, но и делает совершаемые преступления более изощренными, трансграничными и труднораскрываемыми, требуя работы психологов и даже психиатров [5].

С точки зрения уголовного законодательства РФ, ключевым моментом является вопрос о вменяемости лица, совершившего преступление под влиянием зависимости. Согласно ст. 21 и ст. 22 УК РФ, психические расстройства, не исключающие вменяемости (в том числе различные виды зависимостей), могут быть учтены судом при назначении наказания, но не освобождают от уголовной ответственности. Лудомания, как правило, не достигает той степени патологии, которая исключает способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими [5].

Присоединяясь к мнению большинства криминологов о деструктивном характере лудомании, считаем, что текущие меры противодействия, сосредоточенные преимущественно на карательном аспекте, требуют более детальной проработки на законодательном уровне.

В первую очередь необходимо ввести понятие «игорная зависимость» в качестве квалифицирующего признака или обстоятельства, отягчающего вину при совершении корыстных преступлений в целях финансирования игры. Это позволит судам более глубоко учитывать специфику мотивации и принимать адекватные решения как по наказанию, так и по последующей реабилитации.

Немаловажными остаются превентивные меры, включающие в себя расширение программ раннего выявления лудомании, интеграцию скринингов на предмет игорной зависимости в систему общеобразовательных учреждений, вузов и на предприятиях, особенно в группах риска (подростки, люди с финансовыми трудностями).

Также важным аспектом на пути борьбы с лудоманией остается разработка реабилитационных и профилактических программ, включающих в себя создание специализированных центров помощи, разработку и внедрение государственных программ психотерапевтической помощи.

Помимо прямого юридического и терапевтического воздействия, критически важной мерой противодействия «игорной коррозии личности» является активное и систематическое вовлечение молодежи в социально одобряемые и развивающие виды деятельности: спорт, искусство и науку.

В заключение следует подчеркнуть, что игорная зависимость представляет собой сложный, разветвленный и многофакторный криминогенный комплекс, пронизывающий все уровни общества и глубоко деформирующий мотивационную сферу личности, и как закономерный итог — генерирующий широкий спектр общественно опасных деяний. В этой связи для эффективного противодействия преступности, неразрывно детерминированной лудоманией, представляется недостаточным лишь применение традиционных мер уголовного наказания, предусмотренных за совершение корыстных преступлений, поскольку они, по сути, устраняют лишь последствия, не затрагивая глубинную причину. Необходимо кардинальное изменение парадигмы, переход к системному, комплексному и интегрированному подходу, который предполагает одновременное и скоординированное развитие взаимосвязанных направлений.

Список литературы

1. Класс V (F). Психические расстройства и расстройства поведения. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем. Десятый пересмотр. Т. 1, Ч. 1. Женева : Всемирная организация здравоохранения, 1995. 308 с.
2. Бубнов Ю. М. Компьютерная лудомания как социальная проблема XXI века // Социологический альманах. 2022. С. 149–157.
3. Криминальная мотивация / Ю. М. Антонян [и др.]; отв. ред. В. Н. Кудрявцев; АН СССР, Ин-т государства и права. М. : Наука, 1986. 302 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в редакции от 07 июля 2024 года) // Доступ из Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».
5. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. 259 с.

ДИПФЕЙК КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

В. А. Маркова, А. С. Прозорова

Научный руководитель: А. А. Исаев, *ст. преподаватель*
Новосибирский государственный университет экономики и управления
«НИНХ» (НГУЭУ), г. Новосибирск, Россия
prozorova29@yandex.ru

Проведен анализ создания и использования дипфейков как вида мошенничества. Даны несколько вариантов актуализации законодательства в этой части.

Ключевые слова: дипфейк, мошенничество, мошенническая схема, квалификация преступления.

Актуальность избранной темы исследования обусловлена стремительной эволюцией цифровых технологий и их активным использованием в противоправных целях, что создает качественно новые вызовы для системы уголовного правосудия. В последние годы технология дипфейк (deepfake), основанная на использовании искусственного интеллекта для создания реалистичных поддельных видео-, аудио- и фотоматериалов, перестала быть экзотическим спецэффектом и превратилась в доступный инструмент, активно применяемый киберпреступниками по всему миру. Простота использования соответствующего программного обеспечения в сочетании с высокой степенью достоверности подделок позволяет злоумышленникам выводить мошеннические схемы на принципиально иной уровень, манипулируя общественным мнением, дискредитируя личность и, что наиболее опасно, посягая на собственность граждан и организаций.

Целью исследования является предложение актуализации норм Уголовного кодекса РФ исходя из современных тенденций преступления в сфере мошенничества путем создания дипфейков.

В статье мы рассмотрим проблемы квалификации таких мошеннических действий, является ли создание самого дипфейка приготовлением к преступлению или самостоятельным составом, и предложим пути решения по совершенствованию уголовно-правовых норм, что позволит повысить эффективность противодействия данному виду высокотехнологичной преступности и обеспечить надежную защиту прав и законных интересов граждан в цифровой среде. Проводить исследование мы будем путем анализа и синтеза уголовно-правовых норм в части мошенничества.

Регулярно фиксируются факты хищения денежных средств у граждан с использованием поддельных изображений и голосов их знакомых, при этом раскрываемость подобных преступлений остается крайне низкой.

Вопросы уголовно-правовой квалификации указанных деяний до настоящего времени не становились предметом пристального научного анализа, что усугубляется существующей правовой неопределенностью в данной сфере.

Использование дипфейк-технологий в качестве средства или способа совершения мошенничества возможно квалифицировать в зависимости от действий по ст. 159.6 УК РФ как хищение путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей [1, 2].

Введение самостоятельной уголовной ответственности за создание и распространение дипфейков может породить для правоприменителей дополнительные сложности, связанные с необходимостью квалификации содеянного по совокупности с иными составами преступлений. Показательна ситуация, когда посредством технологии дипфейк изготавливаются материалы порнографического содержания. В подобном случае лицо может быть привлечено к ответственности не только по ст. 242 УК РФ за изготовление порнографических материалов, но и по идеальной совокупности за применение технологии дипфейк без согласия лица, чье изображение было использовано [3]. Однако в данном случае мы считаем, что дипфейк может быть и квалифицирующим признаком данного состава преступления, чтобы не усложнять конструкцию назначаемой санкции и избежать двойного вменения, поскольку технология подделки будет учитываться какотягающее обстоятельство при совершении конкретного деяния. Следовательно, перспективное совершенствование уголовного закона может идти по пути не введения отдельной статьи, а дополнения уже имеющихся составов квалифицирующим признаком, указывающим на совершение преступления с использованием технологии дипфейк. Это позволит сохранить стройность уголовно-правовой системы, избежать конкуренции норм и обеспечить адекватную оценку общественной опасности подобных деяний.

Далее перейдем к вопросу касательно самостоятельного состава преступления. На наш взгляд, вопрос о квалификации дипфейка как самостоятельного преступного деяния довольно неоднозначен, поскольку в связи с темой мошенничества тут задействован состав ст. 159.6 УК РФ. Однако создание дипфейков — достаточно распространенная и опасная мошенническая схема, на которую обращают внимание большое количество людей. Мошенники путем обмана и завоевания доверия, например, создания фейковых фотографий с лицом близкого человека или подделкой голоса родственника, пытаются совершить, как правило, хищение крупной суммы денежных средств. Проблема этого деяния в том, что потерпевшие могут не знать о существовании подобного мошенничества, и оно практически никак не санкционируется. Следовательно, можно сделать вывод о том, что состав самостоятельный, и требуется отдельный федеральный закон, который сформулировал бы понятие «дипфейка» на законодательном уровне, регулировал и санкционировал это преступное деяние.

Проблема дипфейков в настоящее время — это крупный пробел в законодательстве. На наш взгляд, только сочетание двух направлений — нормативного закрепления дефиниции и последующего внесения точечных изменений в Уголовный кодекс путем введения квалифицирующего признака — позволит устранить существующий пробел, обеспечить адекватную квалификацию деяний и создать эффективный механизм противодействия мошенническим

схемам, совершаемым с использованием дипфейк-технологий.

На текущий момент судебная практика в отношении подобного мошенничества не сформирована, хотя прецедентов достаточно много. Это вновь сигнализирует о том, что российскому законодательству требуется норма, санкционирующая подобные деяния. Вдобавок к этому необходимы и нововведения в сферу компьютерных технологий, так как мошенников, создающих дипфейки, отследить достаточно сложно. Но, как мы считаем, нужно начать с осведомления общественности о существовании этого преступления.

Исходя из нашего исследования, мы делаем вывод, что российскому уголовному законодательству необходимы изменения. Создание дипфейков — это самостоятельный состав преступления, который нарушает конституционные права человека. Мы считаем, что целесообразно добавить в УК РФ норму к статье 159 как отдельный вид мошенничества и принять федеральный закон как основополагающий нормативно-правовой акт в сфере мошеннических действий.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
2. Долгиева М. М. Квалификация дипфейк-мошенничества и киберпохищения человека // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 11 (168). С. 106–113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-dipfeyk-moshennichestva-i-kiberpohischniya-cheloveka> (дата обращения: 25.02.2026).
3. Ситник В. Н. Перспективы установления уголовной ответственности за преступления, совершенные с использованием технологии дипфейк // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 3 (20). С. 76–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ustanovleniya-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-prestupleniya-sovershennye-s-ispolzovaniem-tehnologii-dipfeyk> (дата обращения: 25.02.2026).

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕДМЕТА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 327 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. В. Переведенцева

Научный руководитель: А. П. Титаренко, *канд. юрид. наук, доцент*

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

(Алтайский филиал РАНХиГС), г. Барнаул, Россия

perevedentseva.al@yandex.ru

В работе рассматриваются особенности уголовно-правовой характеристики и квалификации предмета состава преступления, предусмотренного статьей 327 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Анализируются теоретические понятия официального документа и проблемы его определения в правоприменительной практике. По результатам исследования формулируются выводы и рекомендации, направленные на совершенствование квалификации преступлений данной категории.

Ключевые слова: подделка документов, статья 327 УК РФ, официальный документ, предмет состава преступления, квалификация, судебная практика.

Актуальность исследования обусловлена тем, что при квалификации преступлений, связанных с подделкой и использованием поддельных документов, на практике нередко допускают ошибки, связанные с неверным пониманием юридической природы предмета состава преступления. Несмотря на формальную определенность диспозиции статьи 327 УК РФ, отсутствие единообразного подхода к оценке юридической значимости документа приводит к противоречивым решениям и снижает эффективность применения уголовного закона.

В условиях активного документооборота и расширения сфер использования официальных документов вопрос точного определения предмета состава преступления приобретает особую значимость. Неправильное признание документа официальным либо, напротив, необоснованный отказ в признании его таковым непосредственно влияет на квалификацию содеянного и пределы уголовной ответственности.

Целью исследования является анализ особенностей квалификации предмета состава преступления, предусмотренного статьей 327 УК РФ, а также формулирование рекомендаций, направленных на уточнение подходов к его уголовно-правовой оценке.

В ходе исследования применяли формально-юридический метод, методы анализа и синтеза, а также метод анализа судебной практики. В качестве инструментов исследования использовали нормы уголовного законодательства и материалы судебных решений.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении содержания понятия предмета состава преступления по статье 327 УК РФ и его разграничении с иными объектами материального мира, не обладающими юридической

значимостью. Практическая значимость работы состоит в возможности использования сформулированных выводов при квалификации преступлений, связанных с подделкой и использованием поддельных официальных документов.

Предмет состава преступления традиционно рассматривается в уголовном праве как материальный объект, на который направлено общественно опасное деяние. В рамках статьи 327 УК РФ таким предметом являются официальные документы, обладающие юридической значимостью. Ключевым признаком официального документа является его способность удостоверять юридически значимые факты, порождать, изменять или прекращать права и обязанности.

Не любой документ может быть признан предметом преступления по статье 327 УК РФ. Формальное наличие реквизитов либо внешнее сходство с официальным документом не являются достаточным основанием для признания его предметом состава преступления. Решающее значение имеет именно юридическая функция документа и его роль в системе правового регулирования.

Особенности предмета состава преступления по статье 327 УК РФ проявляются также в зависимости от части данной статьи [1]. Так, по частям 1 и 2 предметом преступления выступают официальные документы, штампы, печати и бланки, а по частям 3 и 4 — заведомо поддельные официальные документы, используемые с целью приобретения прав либо освобождения от обязанностей. Таким образом, для правильной квалификации необходимо учитывать не только факт подделки документа, но и характер его использования, а также направленность умысла виновного.

Анализ судебной практики подтверждает необходимость такого подхода. Так, в приговоре от 19 июня 2025 г. по делу № 1 – 18/2025 Родицкий районный суд Алтайского края признал лицо виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 327 УК РФ. Суд установил, что предметом преступления являлось заведомо поддельное водительское удостоверение, предоставляющее право управления транспортным средством [3].

При квалификации содеянного суд исходил из того, что водительское удостоверение относится к официальным документам, поскольку удостоверяет наличие специального права и обладает юридической значимостью. Существенное значение имело установление направленности умысла лица, выразившейся в использовании поддельного документа именно с целью подтверждения права управления транспортным средством. Суд также указал, что использование поддельного документа охватывает его фактическое хранение при лице, в связи с чем исключил из обвинения излишне вмененный признак хранения.

Приведенный пример демонстрирует, что при квалификации преступлений по статье 327 УК РФ решающее значение имеет установление юридической природы документа как предмета состава преступления, а также анализ целей и направленности умысла виновного. Формальный подход к оценке документа без учета его юридической значимости способен привести к ошибкам квалификации [4].

Дополнительную сложность при квалификации преступлений, предусмотренных статьями 327 УК РФ, представляет определение пределов юридической значимости документа как предмета состава преступления. В правоприменительной

практике нередко возникает вопрос о том, сохраняет ли документ статус официального в случаях, когда он не был выдан уполномоченным органом, но по своему внешнему виду и содержанию воспроизводит признаки подлинного документа.

Представляется, что решающим критерием в подобных ситуациях должно выступать не происхождение документа как таковое, а его объективная способность восприниматься участниками правоотношений в качестве официального и использоваться для подтверждения юридически значимых фактов. Именно возможность введения в заблуждение государственных органов либо иных лиц относительно наличия у виновного определенных прав или обязанностей обуславливает признание такого документа предметом состава преступления по статье 327 УК РФ [2].

Особое значение имеет правильное определение предмета состава преступления для разграничения статьи 327 УК РФ со смежными составами преступлений. Использование поддельного документа может выступать как самостоятельное преступление и как способ совершения иного уголовно наказуемого деяния. В подобных ситуациях именно юридическая значимость документа позволяет определить характер уголовно-правовой оценки содеянного.

Таким образом, квалификация преступлений, предусмотренных статьями 327 УК РФ, требует не только факта установления подделки или использования документа, но и анализа его юридической функции как предмета состава преступления. Игнорирование данного обстоятельства снижает качество правоприменения и нарушает принцип законности.

В ходе исследования установлено, что основная проблема квалификации преступлений по статье 327 УК РФ связана с неоднозначным пониманием предмета состава преступления. В целях совершенствования правоприменительной практики представляется целесообразным соблюдение следующих рекомендаций.

1. При квалификации деяний по статье 327 УК РФ в обязательном порядке устанавливать юридическую значимость документа как предмета состава преступления.

2. Учитывать функциональное назначение документа и его способность порождать юридические последствия.

3. Исключать формальный подход к признанию документа предметом преступления, основываясь на анализе фактических обстоятельств дела и направленности умысла лица.

Реализация указанных рекомендаций будет способствовать повышению качества квалификации преступлений, предусмотренных статьями 327 УК РФ, и обеспечению принципа законности.

Список литературы

1. Кузнецова Н. Ф. Предмет преступления в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 113.

2. Лопашенко Н. А. Преступления против порядка управления: проблемы квалификации. М. : Юрлитинформ, 2020. 256 с.
3. Приговор Родинского районного суда Алтайского края от 19 июня 2025 г. по делу № 1-18/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 24.02.2026).
4. Обзор судебной практики по делам о подделке и использовании официальных документов // Вестник уголовного права. 2022. № 4. С. 47.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В РОССИИ КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯ

М. В. Подойма

Научный руководитель: А. Г. Чернецова, *ст. преподаватель*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
makarpodojma432@gmail.com

Проведён анализ проблемы применения смертной казни в нашей стране. Рассматривается актуальность возвращения этого вида уголовного наказания. Анализируется и давление на национальное право международными договорами и организациями, ведь именно в связи с ними в РФ был наложен мораторий на данный вид уголовного наказания.

Ключевые слова: смертная казнь, УК РФ, УИК РФ, УК РСФСР, Совет Европы, СССР, РФ, ЕСПЧ.

Смертная казнь как вид уголовного наказания сегодня закреплён в пункте «н» ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации, а ст. 59 раскрывает особенность указанного вида наказания [1].

Применение смертной казни в истории отечественного государства всегда носило проблемный характер. Так, в Советском Союзе «по многочисленным просьбам профсоюзов и общественности» Указом Президиума Верховного Совета СССР 26 мая 1947 года смертная казнь заменялась 25-летним сроком лишения свободы, решение имело и обратную силу [3]. Однако в связи с ростом преступности смертную казнь вернули. После распада СССР Россия взяла курс на демократизацию, он коснулся и российского уголовного закона.

В современных реалиях, когда Россия вышла из состава Совета Европы и больше не является участником ЕСПЧ и не исполняет решения, ситуация несколько изменилась. Все больше можно встретить мнений специалистов и простых граждан, а также государственных деятелей, которые выступают за возвращение смертной казни в реальную жизнь. В частности, особенно сильно на это повлияли такие события, как теракт в «Крокус Сити Холле», СВО.

Целью исследования является попытка выявить тенденции и возможности отмены моратория на смертную казнь, а также определение конкретных случаев применения указанного вида наказания.

В ходе проведенного исследования применялись такие методы, как исторический, функциональный, логический и сравнительный.

Теоретическая значимость исследования заключается в анализе нашего уголовного законодательства и в получении ответа на вопрос: «Есть ли вероятность применения смертной казни в России?»

Проблема исследования состоит в определении, насколько возможно и необходимо сегодня в нашей стране возвращать смертную казнь. Предложены пути ее решения.

После распада СССР был определен новый курс на демократизацию отечественного уголовного законодательства, в связи с этим были исключены: ст. 158 УК РСФСР — Самогоноварение, ст. 154 УК РСФСР — Спекуляция и другие. На исключение этих статей в 1993 году повлияла либерализация экономики, переход на рыночную экономику и переустройство правовой системы в целом. Но смертная казнь как вид уголовного наказания применялась почти до начала XXI века, в связи с этим можно задать вопрос: «Почему её не отменили сразу после начала преобразований в законе?». По действующей Конституции 1993 года смертная казнь «носила временный характер и была рассчитана лишь на некоторый переходный период». Можно сказать, что реформа была постепенной, отход от смертной казни достаточно плавным, но на тот момент необходимым для целей РФ.

Мораторий на смертную казнь наложили не только из-за демократизации, но и исходя из определённых целей со стороны РФ. Как известно, после распада СССР наша страна активно сотрудничала со многими европейскими организациями. Такое сотрудничество наложило негативный отпечаток на безопасность России, нарушение этой безопасности выражалось в излишнем давлении на проходящие в стране реформы под громким и красивым лозунгом «Демократизация». Основной организацией, кто решил судьбу смертной казни, был Совет Европы, Россия очень стремилась стать окончательным, закрепившимся членом этой организации, войти в число так называемых «цивилизованных стран». Главным условием этой организации была отмена смертной казни, в связи с давлением членов этой организации был объявлен мораторий на смертную казнь. Стоит отметить, что мораторий не есть отмена смертной казни, например, в УК РФ есть ст. 59, которая подразумевает наличие данного наказания, в Уголовно-исполнительном кодексе РФ есть ст. 186, в которой прописан порядок приведения в исполнение смертного приговора [2]. Также сохранились и статьи, в которых в виде возможного вида наказания прописана и смертная казнь, например, ч. 2 ст. 105 УК РФ [1].

В последнее время отмечается тенденция высказываний мнений за возвращение смертной казни, за отмену моратория. Об этом свидетельствуют результаты опроса населения. Так, каждый второй (49 %) участник опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), выступает за применение в России смертной казни. Опрос опубликован на сайте центра [4].

Вопрос становится всё более актуальным в связи с выходом из международных организаций. Многие авторы считают целесообразным отмену моратория на смертную казнь за особо тяжкие преступления. Любые дискуссии по поводу её ненужности считаем на сегодняшний день необъективными, так как приведённая выше статистика и обстоятельства, сложившиеся в нашей стране, говорят обратное.

В качестве предложений можно рекомендовать следующие меры: провести всенародный референдум об отмене моратория на смертную казнь. В случае одобрения отмены моратория изменить формулировку ст. 59 УК РФ на формулировку, аналогичную ст. 23 УК РСФСР, с некоторыми изменениями:

«В виде исключительной меры наказания допускается применение смертной казни — расстрела за государственные преступления в случаях, предусмотренных Законом РФ «Об уголовной ответственности за государственные преступления», умышленное убийство, а в отдельных, специально предусмотренных законодательством РФ случаях, также и за другие особо тяжкие преступления» [3].

В качестве особо тяжких преступлений можно выделить такие составы, как ст. 105 при наличииотячающих обстоятельств, кроме этого, ст. 110, 131, 359, 361 УК РФ и другие составы.

Резюмируя все вышесказанное, добавим, что дискуссия по поводу того, что смертная казнь полностью «изжила себя» или её невозможно вернуть, сегодня не совсем актуальна, так как попросту не соответствует современным правовым реалиям. Многолетние обязательства в виде международных договоров теперь не обременяют российское право, в соответствии с этим мы можем полностью распоряжаться своим правом и проводить такие реформы, которые нужны в данный момент и непосредственно нашей стране.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. действующая) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (ред. действующая) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.
3. Уголовный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г. (в ред. Закона РСФСР от 5 мая 1990 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1990. № 22. Ст. 260.
4. ТАСС. Почти половина россиян поддерживает возвращение смертной казни // ТАСС: информагентство. 26 февр. 2025 г. URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 26.02.2025).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Р. А. Ракитянский

Научный руководитель: Н. А. Тимошенко, *канд. юрид. наук, доцент*
Донецкий государственный университет (ДонГУ), г. Донецк, Россия
renat.rakityanskiy@mail.ru

При проведении исследования ключевой задачей стало глубокое изучение вопросов, связанных с точным установлением лица, ответственного за ведение незаконной банковской деятельности. Внимание сосредоточено не только на существующих в науке мнениях, но и на том, как эти положения реализуются в действительности, что позволяет увидеть полную картину правоприменения. Центральным элементом работы выступает обоснование необходимости внедрения дифференцированного подхода к определению специального субъекта в контексте применения статьи 172 Уголовного кодекса. Автор аргументирует позицию о том, что существующие критерии требуют законодательной конкретизации с учетом специфики проведения банковских операций и строгого соблюдения института лицензирования. По итогам анализа формулируются предложения по оптимизации норм, регулирующих уголовную ответственность в этой сфере, что направлено на устранение пробелов в определении субъекта преступления и повышение эффективности противодействия нелегальному финансовому сектору.

Ключевые слова: специальный субъект, незаконная банковская деятельность, статья 172 УК РФ, банковские операции, уголовная ответственность, лицензирование, субъект преступления.

В современных условиях, когда экономика стремительно цифровизируется, а схемы незаконного оборота денежных средств становятся все более запутанными, вопрос о том, кто именно может нести ответственность за незаконную банковскую деятельность, приобретает особую остроту. Стоит отметить, что несмотря на то, что текст ст. 172 Уголовного кодекса кажется достаточно понятным, среди юристов и практиков до сих пор нет единого мнения относительно субъекта этого преступления. По сути, спор идет о столкновении двух подходов: формального, который цепляется за букву закона, и материального, учитывающего реальную экономическую суть операций и устройство финансового рынка. Именно вышеуказанное противоречие между юридической формой и экономической реальностью создает сложности в правоприменении и требует более глубокого осмысления.

В связи с вышесказанным основная задача заключается в том, чтобы все-сторонне разобрать проблему квалификации специального субъекта. Необходимо выработать научно обоснованный критерий, который позволил бы четко разграничить общий и специальный субъекты. Стоит отметить, что для этого предстоит проанализировать, как нормы уголовного права переплетаются со спецификой банковского законодательства, ведь именно на стыке этих отраслей часто скрывается истина. Комплексный подход позволит не просто констатировать факты, но и предложить решение, которое учитывало бы трансформацию механизмов финансовых преступлений в цифровую эпоху.

Если обратиться к букве закона, то ст. 172 УК РФ описывает незаконную банковскую деятельность как проведение операций без необходимой регистрации или лицензии в случаях, когда они обязательны. Исходя из такого прямого прочтения диспозиции напрашивается вывод, что преступление может совершить любой вменяемый гражданин, достигший установленного возраста. То есть, с формальной точки зрения, субъект здесь выступает как общий, без каких-либо дополнительных профессиональных ограничений.

Подобная позиция находит свое отражение и в реальной судебной практике. Ярким примером служит Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 года № 1743-О. Так, в данном деле заявитель пытался оспорить норму, полагая, что к ответственности можно привлекать лишь сотрудников кредитных организаций, а не посторонних лиц. Однако суд не поддержал вышеуказанную точку зрения. В своем решении конституционные судьи акцентировали внимание на том, что фундамент для уголовной ответственности — это само совершение деяния, которое подпадает под признаки состава преступления.

Восьмой кассационный суд общей юрисдикции сформировал однозначный подход к толкованию норм, регулирующих ответственность за незаконную банковскую деятельность [1]. Судебная инстанция разъясняет, что для правильной юридической квалификации содеянного формальный статус обвиняемого — будь то штатный сотрудник или руководитель кредитной организации — не является определяющим фактором. В основе такой позиции лежит понимание того, что, несмотря на законодательно закрепленную монополию кредитных учреждений на осуществление легальных банковских операций, субъектом преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, может быть признан любой гражданин. Стоит отметить, что данное правило распространяется даже на тех физических лиц, которые никак не аффилированы с финансовым сектором и не занимают должностей в банковских структурах [2].

Тем не менее устоявшийся судебный подход не стал препятствием для сохранения научной полемики относительно специального характера субъекта данного деяния. В доктрине уголовного права продолжает звучать критика широкого толкования, и одним из ярких представителей этой позиции выступает Б. В. Волженкин. Аргументация ученого опирается на объективную природу банковских операций, которые по своему определению не могут осуществляться гражданином в единоличном порядке. Поскольку физическое лицо лишено правовой возможности получить лицензию или пройти регистрацию в качестве самостоятельного субъекта банковской деятельности, исследователь полагает, что уголовная ответственность должна возлагаться исключительно на руководителей коммерческих, в том числе кредитных, организаций [3, с. 231].

Развивая эту мысль, Н. А. Лопашенко также придерживается мнения о необходимости ограничения круга субъектов посягательства учредителями и управленческим звеном юридических лиц. Ключевым доводом в пользу данной концепции служит отсутствие в уголовном законодательстве достаточных оснований для наказания физических лиц за автономное проведение банковских операций. Логика заключается в том, что подобная деятельность по своей сути не подлежит ни государственной регистрации, ни лицензированию, если

она осуществляется вне рамок организации, что делает привлечение к ответственности одиночек юридически необоснованным [4, с. 306].

Таким образом, в научной доктрине сохраняется полярность взглядов: одна группа исследователей и судебная практика исходят из общего характера субъекта, тогда как другая настаивает на его специальном статусе, обосновывая это экономическими и организационными реалиями банковской системы. Нынешняя интенсивность дискуссий в юридическом сообществе служит ярким индикатором того, что существующая законодательная конструкция состава преступления, описанного в ст. 172 Уголовного кодекса Российской Федерации, требует существенной конкретизации. Стоит отметить, что для обеспечения высокой эффективности правоприменительных процедур необходимо внедрять комплексный метод оценки, который в равной степени учитывает как букву закона и формально-юридические критерии, так и реальные фактические условия, сопутствующие осуществлению запрещенной банковской деятельности.

В своей работе А. Ж. Саркисян обосновывает возможность привлечения к ответственности не только общих, но и специальных субъектов, причем последний статус не следует жестко привязывать исключительно к руководителям легальных кредитных учреждений. По мнению автора, к специальной категории следует относить и иных должностных лиц, в функциональные обязанности которых вменено обеспечение легитимности финансовых транзакций. В качестве иллюстрации приводится ситуация, когда руководители обычных коммерческих организаций де-факто осуществляют банковские операции, не обладая при этом необходимым лицензионным статусом [5, с. 14].

Стоит отметить, что данная позиция представляется нам наиболее методологически выверенной и соответствующей системному толкованию действующего законодательства. Такое согласие обусловлено спецификой самих банковских правоотношений, которые в силу высокой степени формализации и законодательных ограничений доступны преимущественно для юридических лиц. Реализация ключевых финансовых процедур неизбежно требует выстраивания сложной системы взаимодействий, находящейся под перманентным мониторингом и регуляторным воздействием со стороны Центрального банка Российской Федерации, так как именно данная особенность делает невозможным для обычного физического лица как общего субъекта совершить ряд деяний, формально подпадающих под признаки объективной стороны ст. 172 УК РФ, без участия организационной структуры, наделённой соответствующими полномочиями и инфраструктурой.

Если обратиться к положениям Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1-ФЗ «О банках и банковской деятельности», то можно выделить ключевые функции, которые по своему содержанию составляют суть банковской работы. Речь идет о приеме вкладов от населения, открытии и ведении счетов как для граждан, так и для организаций, а также о проведении денежных переводов по поручению клиентов, включая взаимодействия с банками-корреспондентами. Важно понимать, что реализация подобных функций в отрыве от специализированной лицензированной структуры попросту невозможна для обычного гражданина. Ведь для полноценного осуществления такой

деятельности требуются не просто намерения, а соответствующая инфраструктура, сложные системы учета, внутренний контроль и легальный доступ к финансовым рынкам.

В этой связи для верной квалификации незаконной банковской деятельности и точного определения круга лиц, подлежащих уголовной ответственности, необходим комплексный подход. Нельзя ограничиваться анализом только Уголовного кодекса, крайне важно сопрягать его нормы с положениями банковского законодательства. Особую роль в этом процессе играет ст. 5 упомянутого закона № 395-1-ФЗ. Изучение этой нормы позволяет утверждать, что разграничение между общим и специальным субъектом не является застывшей догмой, оно напрямую диктуется фактической стороной дела: тем, какую именно операцию пытались провести незаконно и в каком правовом статусе в этот момент действовал обвиняемый.

Принимая во внимание масштаб негативных последствий незаконной банковской деятельности, способной дестабилизировать финансовую систему государства в целом, объективно требуется признание юридических лиц полноценными субъектами уголовной ответственности. Ограничение карательного воздействия исключительно персональной ответственностью должностных сотрудников не отражает подлинной тяжести содеянного, поскольку подобные преступления зачастую являются результатом реализации корпоративной воли.

Список литературы

1. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.10.2022 по делу № 77-4680/2022 // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.02.2026).
2. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1743-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Никулиной Елены Владимировны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 172 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.02.2026).
3. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб. : Юридический Центр Пресс, 2007. 765 с.
4. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: авт. коммент. к уголовному закону (разд. VIII УК РФ). М. : Волтерс Клувер, 2006. 673 с.
5. Саркисян А. Ж. Незаконная банковская деятельность (уголовно-правовые аспекты) : автореф. дисс. на соиск. ученой степ. канд. юрид. наук : 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Ростов-на-Дону, 2007. 25 с.

ВИКТИМОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ЛИЧНОСТИ КАК ПРЕДИКТОРЫ УЯЗВИМОСТИ К ДОВЕДЕНИЮ ДО САМОУБИЙСТВА: ПРОБЛЕМЫ СВОЕВРЕМЕННОГО ВЫЯВЛЕНИЯ

В. И. Родак

Научный руководитель: И. В. Матвеев, *канд. юрид. наук, доцент*
Новосибирский государственный университет экономики и управления
«НИНХ» (НГУЭУ), г. Новосибирск, Россия
vehjog@mail.ru

В статье рассматриваются виктимогенные факторы личности, выступающие предикторами уязвимости к доведению до самоубийства, анализируются проблемы их своевременного выявления в контексте уголовно-правовой и криминалистической практики.

Ключевые слова: виктимогенные факторы, доведение до самоубийства, виктимологическая профилактика, суицидальное поведение, криминологический анализ, уязвимость личности.

Актуальность исследования. Преступления, связанные с доведением до самоубийства (ст. 110 УК РФ), характеризуются высокой латентностью и значительными сложностями в установлении причинно-следственной связи между действиями виновного и наступившими последствиями, что обуславливает необходимость углубленного изучения виктимологических аспектов данного противоправного деяния. Выявление виктимогенных факторов личности на ранних стадиях позволяет не только оптимизировать процесс расследования, но и реализовать превентивные меры, направленные на защиту потенциальных жертв от деструктивных воздействия.

Цель исследования — систематизация виктимогенных факторов личности как предикторов уязвимости к доведению до самоубийства и определение криминалистических механизмов их своевременного выявления.

Методы исследования: сравнительно-правовой анализ, криминологическое моделирование, виктимологический метод, статистический анализ судебной-следственной практики, системно-структурный подход.

Теоретическая значимость заключается в развитии виктимологической концепции применительно к преступлениям суицидальной направленности и формировании научно обоснованной типологии виктимогенных факторов личности.

Практическая ценность исследования состоит в выработке рекомендаций для правоохранительных органов и психологических служб по идентификации лиц с повышенной виктимной предрасположенностью и разработке дифференцированных профилактических программ.

Виктимогенные факторы личности представляют собой совокупность индивидуально-психологических, социально-ролевых и ситуационных характеристик, детерминирующих неспособность субъекта адекватно противостоять психологическому насилию со стороны преступника при доведении до самоубийства. А. Ф. Абдулвалиев [и др.] подчеркивают, что «установление

виктимогенных свойств личности потерпевшего является необходимым элементом доказывания по делам о доведении до самоубийства, поскольку позволяет реконструировать механизм преступного воздействия» [1, с. 69].

Дифференциация данных факторов на индивидуальные (низкая самооценка, психические расстройства, предшествующее суицидальное поведение) и ролевые (зависимость от подстрекателя, специфический социальный статус) обеспечивает возможность построения криминалистически значимой модели жертвы. А. А. Боева указывает: «низкая самооценка индивида коррелирует с повышенной подверженностью манипулятивным техникам воздействия, применяемым лицом, доводящим до суицида, что создает условия для формирования устойчивой психологической зависимости» [2, с. 143].

Г. А. Иванцова, исследуя виктимологический портрет несовершеннолетних жертв, акцентирует внимание на том, что психологические травмы и опыт насилия в анамнезе выступают катализаторами виктимизации при воздействии через информационно-телекоммуникационные сети [3, с. 64]. Методология выявления виктимогенных факторов базируется на комплексном криминологическом анализе, включающем изучение социально-демографических параметров, нравственно-психологических особенностей потерпевшего, а также реконструкцию виктимного поведения в контексте взаимодействия с преступником.

Проблематика своевременного выявления виктимогенных факторов обусловлена спецификой латентности преступлений, предусмотренных ст. 110 УК РФ, что существенно затрудняет процесс доказывания и установления всех юридически значимых обстоятельств. Скрытый характер психологического насилия, отсутствие явных физических следов воздействия и нередко посмертный характер расследования создают объективные препятствия для реконструкции виктимогенной ситуации. А. А. Ивлева справедливо отмечает, что роль жертвы может быть обусловлена не только ее имманентными личностными характеристиками, но и специфическими обстоятельствами, целенаправленно созданными виновным для усиления виктимной уязвимости. Криминалистическая диагностика виктимогенности требует применения междисциплинарного инструментария: судебно-психологической экспертизы личности потерпевшего, анализа электронной переписки и цифровых следов в интернете (согласно ст. 110 УК РФ), изучения свидетельских показаний об изменениях в поведении жертвы [4, с. 145].

М. В. Талан [и др.] подчеркивают, что «отсутствие унифицированного психологического профиля лица, склонного довести до самоубийства, коррелирует с необходимостью индивидуализованного подхода к оценке виктимогенного потенциала в каждом конкретном случае» [5, с. 235].

Значимым аспектом выступает учет полиэтиологичности виктимизации: психические расстройства, патологические влечения, поведенческие девиации, финансовая или эмоциональная зависимость от подстрекателя чаще проявляются в комбинации, формируя синергетический эффект уязвимости. Статья 73 УПК РФ предписывает установление обстоятельств, характеризующих личность потерпевшего, однако правоприменительная практика демонстрирует недостаточную проработку виктимологического компонента доказывания.

Оптимизация механизмов своевременного выявления виктимогенных факторов предполагает интеграцию специально-криминологических, общесоциальных и индивидуальных мер профилактики на основе дифференцированного подхода к группам риска. Профилактические мероприятия должны включать психодиагностические процедуры для идентификации лиц, склонных к деструктивному и суицидальному поведению, что соответствует положениям Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

Работа с потенциальными жертвами требует реализации программ на нескольких уровнях: индивидуальном (формирование навыков эмоциональной саморегуляции, стресс-менеджмента, повышение самооценки) и социальном (создание защитных факторов среды, развитие социальной поддержки). Криминалистический аспект профилактики предусматривает совершенствование методик расследования по делам о доведении до самоубийства через внедрение виктимологических экспертиз, разработку типовых криминалистических характеристик преступлений данной категории с акцентом на виктимогенные особенности потерпевших. При этом выделяются устойчивые корреляции между определенными виктимогенными факторами и механизмом совершения преступления, что создает основу для прогностических моделей и ранжирования групп риска. Комплексный подход к профилактике должен базироваться на межведомственном взаимодействии правоохранительных органов, медицинских учреждений, образовательных организаций и социальных служб, что обеспечит своевременную идентификацию виктимогенных факторов и предотвращение трагических последствий.

Таким образом, виктимогенные факторы личности выступают ключевыми предикторами уязвимости к доведению до самоубийства, определяя степень восприимчивости жертвы к психологическому насилию и манипулятивному воздействию со стороны преступника. Своевременное выявление данных факторов осложняется латентным характером преступлений, предусмотренных ст. 110 УК РФ, отсутствием явных объективных следов и необходимостью установления сложной причинно-следственной связи между действиями виновного и суицидальным поведением потерпевшего.

Эффективная профилактика требует интеграции криминалистических методов диагностики виктимогенности (судебно-психологическая экспертиза, анализ цифровых следов, виктимологическое профилирование) с комплексной системой превентивных мер, включающей психодиагностику групп риска, индивидуальные программы психологической поддержки и межведомственное взаимодействие.

Список литературы

1. Защита прав жертв в ходе производства по делам о доведении до самоубийства / А. Ф. Абдулвалиев [и др.] // Суицидология. 2023. Т. 14, № 1 (50). С. 169–185.

2. Боева А. А., Назина М. А. Доведение до самоубийства: портрет жертвы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 12-1 (87). С. 143–146.
3. Иванцова Г. А., Ермекова И. М. Виктимологический портрет несовершеннолетних жертв преступлений, связанных с доведением до самоубийства в сети Интернет // Роль органов публичной власти в реализации семейной политике : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к Году семьи в России, Sterlitaмак, 16–18 октября 2024 года. Sterlitaмак : Уфимский университет науки и технологий, 2024. С. 64–69.
4. Ивлева А. А. О значении виктимологического аспекта при доведении до самоубийства, склонении к совершению самоубийства или содействии его совершению // Юридическая наука. 2021. № 5. С. 145–148.
5. Талан М. В., Шалагин А. Е., Идиятуллов А. Д. Виктимологическая характеристика преступлений, сопряженных с побуждением к суициду // Виктимология. 2024. Т. 11, № 2. С. 235–246.

ЦИФРОВОЙ АВАТАР АДВОКАТА И НЕЙРОСЕТЬ-СУДЬЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДОПУСКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА К УГОЛОВНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ

А. Н. Сергиенко, Ю. В. Панасицкая

Научный руководитель: Т. В. Гриценко, *канд. юрид. наук, доцент*

Ростовский филиал Российской таможенной академии

(Ростовский филиал РТА), г. Ростов-на-Дону, Россия

panasitsckaia@yandex.ru

В работе исследуется потенциал внедрения технологий искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство. Рассматриваются две модели: искусственный интеллект (ИИ) как автономный помощник (цифровой аватар адвоката) и ИИ как субъект принятия решений (нейросеть-судья). На основе анализа российского законодательства, доктринальных подходов и судебной практики выявляются перспективы и риски цифровизации правосудия, предлагаются пути минимизации рисков.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовный процесс, цифровой аватар, нейросеть-судья, цифровизация, правосубъектность.

В современной юридической науке вопросы цифровой трансформации уголовного судопроизводства занимают одно из центральных мест. Видео-конференц-связь, электронный документооборот и автоматизированные системы уже стали неотъемлемой частью судебной практики. Однако развитие генеративных нейросетей ставит перед правовой доктриной вопрос качественно иного уровня: допустимо ли использование ИИ при отправлении правосудия по уголовным делам? Актуальность исследования обусловлена не только технологическим прогрессом, но и началом законодательного закрепления понятия ИИ в российском уголовном праве.

Целью работы является анализ перспектив и пределов использования ИИ в уголовном процессе через призму концепций «цифрового адвоката» и «нейросети-судьи».

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, метод анализа доктринальных источников и метод моделирования правовых конструкций. Теоретическая значимость работы заключается в систематизации научных подходов к определению процессуального статуса ИИ, а практическая — в выявлении направлений, где внедрение ИИ возможно без ущерба для прав участников процесса.

Понятие «цифровой аватар адвоката» подразумевает инструмент, способный анализировать материалы дела, подбирать правовые позиции и выявлять противоречия в доказательствах. Как отмечает С. В. Зуев, разработка «Цифрового УПК» должна идти поэтапно, начиная с цифровизации отдельных следственных действий и электронного документооборота [4]. В коллективной монографии под редакцией С. В. Зуева и О. В. Мичуриной обосновывается необходимость создания ИИ-ассистентов, способных автоматизировать рутинные

процессы: проверку следственных действий на законность, анализ электронных документов, выявление цифровых следов [3]. Однако полная автономия такого аватара сопряжена с рисками: проблема «галлюцинаций» нейросетей, когда ИИ генерирует несуществующие факты, и вопрос ответственности за ошибки «цифрового помощника».

Особый резонанс в юридическом сообществе вызвал случай в Краснодарском крае, где адвокат Алексей Аванесян выявил в приговоре Ейского городского суда формулировки, имеющие признаки машинной генерации («пустая массивность текста»). Лингвистическая экспертиза подтвердила наличие признаков использования нейросети при составлении судебного акта. Апелляционная инстанция отклонила доводы жалобы, указав, что выбор стиля изложения не нарушает требований УПК РФ. Данный прецедент выветил проблему: действующее законодательство не содержит запрета на использование ИИ при подготовке процессуальных документов, что порождает риски «незримого» участия алгоритмов в отправлении правосудия.

Еще более дискуссионной является концепция «нейросети-судьи». А. С. Дворянинов и Ю. Б. Чупилкин в своей статье анализируют возможность внедрения нейросудей по уголовным делам определенных категорий. Авторы приходят к выводу, что использование нейротехнологий в судебной системе России возможно, но лишь в качестве вспомогательного инструмента, не подменяющего судейское усмотрение [2].

Схожей позиции придерживается судья Вологодского городского суда О. Н. Горбунов, который на основе авторского бенчмарка, оценившего точность языковых моделей на задачах по уголовному праву, рекомендовал юристам осторожно применять большие языковые модели с обязательной перепроверкой данных. Полная интеграция таких моделей в государственные институты, по его мнению, преждевременна [1].

Российский законодатель также проявляет осторожность. В 2025 году Минцифры РФ разработало пакет мер по противодействию мошенничеству, в числе которых введение уголовной ответственности за преступления с использованием ИИ. Законопроект определяет искусственный интеллект как набор технологий, имитирующих человеческое мышление, и вносит изменения в статьи УК РФ, предусматривающие штрафы до нескольких миллионов рублей и лишение свободы до 15 лет за кражи, мошенничество или вред ИТ-системам с использованием ИИ.

Вопрос о наделении самого ИИ процессуальной правосубъектностью пока не стоит. С. В. Зуев, А. И. Зазулин подчеркивают, что цифровое развитие уголовного судопроизводства имеет не только правовой, но и экономический, политический, психологический и этический аспекты. ИИ не способен формировать «внутреннее убеждение» в том смысле, который вкладывает в это понятие ст. 17 УПК РФ, не обладает правосознанием и не может нести ответственность за принимаемые решения. Поэтому использование нейросетей должно ограничиваться технической, вспомогательной работой: стенографированием, составлением описей, автоматической регистрацией документов, проверкой соблюдения формальных требований [4].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы и рекомендации.

Во-первых, полная замена судьи-человека на нейросеть в уголовном процессе в обозримом будущем невозможна в силу отсутствия у машины правосознания и невозможности формирования «внутреннего убеждения».

Во-вторых, внедрение ИИ в качестве помощника (цифрового аватара) является перспективным направлением, позволяющим автоматизировать рутинные процессы.

В-третьих, требуется законодательное закрепление статуса «цифрового помощника» в УПК РФ, а также установление ответственности за использование ИИ в преступных целях, что уже частично реализуется в законопроекте Минцифры.

Наконец, необходимо разработать стандарты сертификации и аудита алгоритмов, используемых в правосудии, чтобы минимизировать риск «галлюцинаций» и обеспечить прозрачность принимаемых решений.

Таким образом, будущее уголовного процесса — в симбиозе человека и технологий, где ИИ берет на себя рутинную интеллектуальную работу, оставляя за человеком право окончательного, нравственно выверенного решения.

Список литературы

1. Горбунов О. Н. От паттернов к прецедентам: применение больших языковых моделей в юридической практике // Новые технологии. URL: <https://newtech.legal/cabinet/catalog/sudya/9678/10296/>.
2. Дворянинов А. С., Чупилкин Ю. Б. Нейросудья в уголовном процессе: быть или не быть // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 2 (165). С. 102–106.
3. Защита прав и интересов в цифровой среде уголовного судопроизводства : монография / под ред. С. В. Зуева, О. В. Мичуриной. М. : Юрлитинформ. 2025. 328 с.
4. Зуев С. В., Зазулин А. И. Цифровой УПК: новая концепция развития права // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 67–77.

ИНСТИТУТ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

А. Е. Ситников

Научный руководитель: В. С. Ишигеев, *д-р юрид. наук, профессор*
Байкальский государственный университет (БГУ), г. Иркутск, Россия
slayer-00@bk.ru

В работе рассматривается институт отсрочки отбывания наказания как механизм реализации принципов гуманизма и защиты интересов ребёнка в уголовном праве. Показано, что отсрочка выступает не формой освобождения от ответственности, а особым порядком исполнения наказания, направленным на сохранение семейных связей и исправление осуждённого без изоляции от общества. Цель исследования — проанализировать проблемы правоприменения ст. 82 УК РФ, включая терминологическую несогласованность законодательства, формальный характер судебных отказов и отсутствие чётких критериев предоставления отсрочки, а также определить направления совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: отсрочка наказания, родители, малолетние дети, уголовное право, правоприменение, гуманизм.

В условиях гуманизации уголовной политики и усиления конституционных гарантий защиты семьи, материнства, отцовства и детства особое значение приобретает правовое регулирование мер, направленных на минимизацию негативных последствий уголовного преследования для социально уязвимых категорий лиц. Одним из таких механизмов является институт отсрочки отбывания наказания, призванный обеспечить баланс между целями наказания и интересами ребёнка, а также сохранением семейных связей.

Отсрочка отбывания наказания рассматривается не как освобождение от ответственности, а как особый порядок реализации наказания, позволяющий достичь целей исправления без изоляции осуждённого от общества и обеспечить исполнение родительских обязанностей [1, с. 145–154]. При этом она распространяется, как правило, на основное наказание, что обусловлено природой дополнительных санкций, отсрочка которых может повлечь формальное неисполнение приговора. Государство, предоставляя отсрочку, сохраняет обязанность воспитательного и предупредительного воздействия на осуждённого.

Существенной проблемой остаётся терминологическая несогласованность между Уголовным кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ) и Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ): использование понятий «отсрочка отбывания наказания» и «отсрочка исполнения приговора» порождает правовую неопределённость относительно момента и порядка её предоставления [2, с. 38–41], что отрицательно влияет на единообразие судебной практики.

Недостаточно развитой остаётся система социального и постпенитенциарного сопровождения: на практике гарантии нередко сводятся к подтверждению

наличия жилья или согласия родственников на совместное проживание, тогда как комплексная социальная поддержка ограничена [3, с. 235–240], что снижает профилактический потенциал института.

Хотя нормативная база сформирована, судебная практика по применению ст. 82 УК РФ достаточно разнородна. Суды нередко допускают формальные отказы, ограничиваясь ссылками на тяжесть преступления и не оценивая обстоятельства, прямо предусмотренные законом, что противоречит принципам гуманизма и индивидуализации наказания [4, с. 143–150].

Статистические данные за 2022–2024 гг. отражают рост числа ходатайств при сравнительно низкой доле удовлетворения (в 2024 г. — 90 из 180), что свидетельствует о системных трудностях правоприменения [5]. Ключевой проблемой остаётся отсутствие чётких критериев предоставления отсрочки, что усиливает зависимость решений от судебного усмотрения.

Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 5 декабря 2023 г. по делу № 22–6497/2023 демонстрирует формальный подход к применению ст. 82 УК РФ. Осуждённая по ч. 1 ст. 228 УК РФ, являющаяся матерью малолетнего ребёнка, была приговорена к лишению свободы в колонии-поселении. Несмотря на установленный факт нахождения ребёнка на её иждивении, суд, рассматривая вопрос об отсрочке, ограничился констатацией отсутствия оснований, не оценив обстоятельства, прямо предусмотренные законом. Апелляционная инстанция также не исследовала семейное положение осуждённой, сославшись лишь на характер преступления, что свидетельствует о нарушении принципов гуманизма и индивидуализации наказания.

Аналогичный формальный подход прослеживается в приговоре Ленинского районного суда г. Ижевска от 18 июля 2025 г. по делу № 1–290/2025, где осуждённой по ч. 2 ст. 228 УК РФ при наличии двух малолетних детей отказано в отсрочке без анализа данного обстоятельства как самостоятельного основания, предусмотренного ст. 82 УК РФ. Мотивировка была сведена к ссылке на тяжесть преступления без оценки исполнения родительских обязанностей.

Схожая ситуация отражена в приговоре Похвистневского районного суда Самарской области от 1 июля 2025 г. по делу № 1–55/2025, где при наличии малолетнего ребёнка суд отказал в отсрочке, сославшись на тяжесть преступления и наличие иных родственников, не исследовав юридически значимые обстоятельства, связанные с зависимостью ребёнка от матери.

Анализ практики показывает, что отказы нередко носят формальный характер: наличие малолетних детей признаётся смягчающим обстоятельством, но не получает самостоятельной оценки как основание для отсрочки, что фактически нивелирует гуманистическую направленность ст. 82 УК РФ.

В целом институт отсрочки отбывания наказания обладает значительным социально-правовым потенциалом, однако реализуется непоследовательно. Для повышения его эффективности требуется устранение терминологической коллизии между УК РФ и УПК РФ путём закрепления единой дефиниции и прямой отсылки к ст. 82 УК РФ в процессуальном законе, а также нормативная конкретизация критериев предоставления отсрочки с закреплением перечня обстоятельств, подлежащих обязательной судебной оценке (участие в воспитании

ребёнка, степень его зависимости от родителя, условия проживания). Это повысит предсказуемость правоприменения и обеспечит более полную реализацию принципов гуманизма и защиты интересов ребёнка.

Список литературы

1. Громова Н. С. Правовые аспекты отсрочки отбывания наказания. Казань : Издательство КФУ, 2022. 180 с.
2. Гальчун Е. А., Радянская Г. М. Проблемы реализации института отсрочки отбывания наказания // XIII Дагелевские чтения. Уголовное право: от русской правды до наших дней : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Владивосток, 17 декабря 2022 года. Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2023. С. 38–41.
3. Григорьева Л. В. Проблемные вопросы института отсрочки отбывания уголовного наказания, предусмотренного статьёй 82 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 4 (153). С. 235–242.
4. Горская Е. Ю. Правовой статус беременной женщины: межотраслевой аспект // Lex Russica. 2023. Т. 76, № 1 (194). С. 142–156.
5. Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2022–2024 г. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 31.01.2026).

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И НАУКИ В ФОРМИРОВАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Е. А. Тантакова

Научный руководитель: О. В. Шмыгина, *канд. юрид. наук*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
etantakova@gmail.com

Проведен анализ роли судебной практики Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ в формировании и развитии норм уголовного права. Сделаны выводы о значении разъяснений судебных инстанций.

Ключевые слова: уголовное право, пробелы в праве, судебная практика, Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ, судебное толкование.

Стремительная цифровизация, происходящие в обществе трансформации, эволюция преступных практик и нарастающая сложность правоприменения создают условия, в которых развитие современного уголовного права требует глубокого анализа действующего уголовного законодательства — как с точки зрения его практического применения, так и с позиции нормотворческой деятельности. Законодатель не всегда успевает оперативно реагировать на новые вызовы, что порождает неопределенность, наличие оценочных категорий и пробельные ситуации. Принцип законности, закреплённый в ст. 3 УК РФ и ст. 54 Конституции Российской Федерации, исключает применение аналогии уголовного закона, а ответственность допустима лишь за деяние, прямо предусмотренное нормой.

В таких условиях особую научную и практическую проблематику приобретает взаимодействие судебной практики и уголовно-правовой науки при формировании и реализации норм. Речь идет не о создании новых составов преступлений, а о выработке единых подходов к толкованию, уточнении содержания оценочных признаков, обеспечении единообразия квалификации. Вопрос о допустимых пределах судебного толкования активно обсуждается в различных работах. Исследование роли судебной практики и науки позволяет выявить баланс между требованием строгой законности и необходимостью правовой определённости, без чего невозможна реализация задач уголовного законодательства.

Цель исследования — определить место судебной практики и уголовно-правовой науки в формировании и реализации норм уголовного права Российской Федерации, а также выявить пределы их влияния на развитие законодательства.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать доктринальные подходы к пониманию пробелов и неопределенности в уголовном праве; раскрыть содержание принципа законности как предела судебного усмотрения; охарактеризовать правовую природу постановлений Пленума Верховного Суда РФ и решений Конституционного Суда

РФ; исследовать влияние научных концепций на формирование судебных правовых позиций; сформулировать рекомендации по обеспечению баланса между законодательной определённой и судебным толкованием.

В работе применяются общенаучные и специальные юридические методы. Анализ нормативных источников — Конституции РФ, Уголовного кодекса РФ, Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации». Формально-юридический метод для изучения содержания правовых норм и судебных актов. Анализ судебных актов, включая постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 и от 28 июня 2011 г. № 11, дал возможность выявить механизмы конкретизации оценочных признаков составов преступлений. Также использованы правовые позиции Конституционного Суда РФ, в частности Постановление от 11 ноября 1997 г. № 16-П.

Теоретическая ценность исследования заключается в уточнении места судебной практики и научной доктрины в системе источников уголовного права. Показано, что правоприменительная деятельность высших судебных инстанций не сводится к механическому воспроизведению текста закона, а включает разработку устойчивых правовых позиций, обеспечивающих единообразие квалификации. Практическая значимость выражается в возможности использования выводов при подготовке разъяснений, совершенствовании законодательства и разработке методических рекомендаций для судов и органов предварительного расследования. Осмысление границ судебного толкования способствует предупреждению произвольного расширения уголовной ответственности и одновременно снижает риск неодинаковой правовой оценки сходных ситуаций.

Роль судебной практики и уголовно-правовой науки в формировании и реализации норм уголовного права представляет собой одну из наиболее дискуссионных тем современной юриспруденции. Формально российская правовая система исходит из приоритета закона как единственного источника уголовной ответственности. Однако развитие законодательства и правоприменения показывает, что нормативный текст не способен предусмотреть все жизненные ситуации, что неизбежно порождает пробелы и оценочные неопределенности.

Под пробелом в уголовном праве традиционно понимается неполнота законодательного регулирования: когда общественные отношения, нуждающиеся в законодательном регулировании, остаются за пределами внимания правовых норм. Это качественно отличает пробел от коллизии, где норма существует, но входит в конфликт с другой правовой нормой.

Принцип законности, закреплённый в ст. 3 УК РФ и ст. 54 Конституции Российской Федерации, исключает уголовную ответственность за деяние, не признанное преступлением на момент его совершения. Часть 2 ст. 3 УК РФ прямо запрещает применение уголовного закона по аналогии. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что уголовное законодательство должно обеспечивать предсказуемость и определённую правовых последствий. Толкование уголовной нормы допустимо лишь при строгом следовании её содержанию и не может приводить к ухудшению положения лица. Подобная позиция подтверждалась и в последующих решениях.

Научная доктрина рассматривает восполнение пробелов исключительно как прерогативу законодателя. Вместе с тем А. Е. Епифанов обращает внимание на то, что судебная практика фактически участвует в устранении неопределенности, формируя устойчивые правовые подходы к квалификации [1]. А. А. Стремоухов и К. В. Бурков связывают развитие подобного механизма с эволюцией понимания законности и с необходимостью обеспечения единообразия правоприменения [2].

Особое место занимает деятельность Верховного Суда Российской Федерации. В соответствии со ст. 126 Конституции Российской Федерации и Федеральным конституционным законом от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» высший судебный орган даёт разъяснения по вопросам судебной практики. Постановления Пленума формально не признаются нормативными актами, однако обладают обязательностью для судов.

Примером служит постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» от 15 июня 2006 г. № 14, в котором конкретизированы критерии квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Закон содержит оценочные категории «значительный», «крупный», «особо крупный» размер, однако без разъяснений их применение вызывало неоднородность судебной практики. Разъяснения позволили выработать единые подходы к квалификации и назначению наказания.

Судебная практика находится под прямым воздействием научных разработок в области уголовного права. Предложенные наукой подходы к пониманию структуры состава преступления, форм вины, стадий его совершения и квалификации соучастия активно интегрируются в правовые позиции высших судов. Дискуссии ученых о гибкости оценочных признаков часто ложатся в основу аргументации, используемой при формировании судебных актов. И наоборот, судебные решения, поднимая новые вопросы и демонстрируя практические трудности, подталкивают научную мысль к более глубокому анализу и совершенствованию теории.

Следовательно, создание и применение законов уголовного права — это не единоличная прерогатива законодателя, а скорее результат многогранного процесса интерпретации. В этом процессе ключевую роль играют высшие судебные органы и научная мысль. Ученые формулируют теоретические основы и задают методологическое направление, в то время как судебная система апробирует эти концепции на практике, формируя и закрепляя проверенные подходы. Сохранение равновесия между неукоснительным соблюдением законности и обеспечением правовой определенности является центральным вызовом для поступательного развития уголовного права и практики его применения.

Список литературы

1. Елифанов А. Е. Роль судебной практики в восполнении пробелов в уголовном праве (вопросы теории и истории) // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2025. № 4 (48). С. 31–36.
2. Стремоухов А. А., Бурков К. В. Судебная практика и ее роль в регулировании общественных отношений // Царкосельские чтения, 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-praktika-i-ee-rol-v-regulirovanii-obshchestvennyh-otnosheniy> (дата обращения: 18.02.2026).

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ УК РФ

А. В. Теслин, *обучающийся*, А. В. Шадловский, *преподаватель*
Ивановский кооперативный техникум (ИКТ), г. Иваново, Россия
aleksandr-0601@mail.ru

В работе исследуется генезис действующего законодательства РФ об уголовной ответственности и наказании несовершеннолетних правонарушителей. Цель исследования — проанализировать изменения и дополнения, которые были внесены в уголовно-правовые нормы, регулирующие ответственность и наказание несовершеннолетних.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовное наказание, арест, несовершеннолетний осуждённый, уголовный закон.

На протяжении почти трёх десятилетий действующий УК РФ подвергался серьёзной трансформации вследствие складывающихся объективных условий. Это делает проблематику исследования особенно актуальной с точки зрения как теории, так и практики, поскольку позволяет определить ключевые направления развития уголовного законодательства в части привлечения к ответственности несовершеннолетних лиц.

Исследование направлено на анализ недавних изменений и включённых дополнений в действующую редакцию УК РФ, затрагивающих вопросы установления уголовной ответственности и порядка назначения наказаний несовершеннолетним [1, 3].

Практическая и научная ценность работы состоит в том, что авторы ставят задачу определить перспективные направления развития уголовного законодательства в сфере отношений с несовершеннолетними, а также сформулировать рекомендации по совершенствованию текущих норм.

В ходе исследования применялись общенаучные подходы к изучению социальных явлений: анализ, синтез, системно-структурный подход, специализированные научные приёмы.

УК РФ, введённый в действие 1 января 1997 года, функционирует уже почти три десятилетия. За это время в политико-правовой системе страны произошли отдельные трансформации, повлиявшие и на уголовное законодательство. Особое внимание следует уделить поправкам, внесённым в Уголовный кодекс относительно ответственности и наказания несовершеннолетних. Рассмотрим некоторые из них.

Часть 2 ст. 20 текущей редакции УК РФ охватывает гораздо более широкий круг преступлений, за которые подростки от четырнадцати лет могут быть привлечены к уголовной ответственности, по сравнению с предыдущей версией закона [2].

Современный перечень преступлений террористического характера существенно расширен: вместо двух статей — 205 и 207 — в текущую редакцию

включено уже шесть: ст. 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 206, а также акт международного терроризма — ст. 361. Добавлены криминальные формы, предусмотренные за вступление в незаконное вооружённое формирование (часть 2 ст. 208), за захват морского либо воздушного судна, поезда (ст. 211) и участие в массовых беспорядках (часть 2 ст. 212). Введены аналогичные нормы по незаконному обращению с оружием — ст. 222.1 и 223.1. Также появились новшества: ответственность за покушение на жизнь должностного лица государства или публичного деятеля (ст. 277), а также за диверсии — ст. 281, 281.1, 281.2, 281.3, 360.

Ясно, что снижение возрастного порога привлечения к уголовной ответственности по указанным статьям обусловлено участием подростков в преступлениях террористического и диверсионного характера, а также их растущей криминализацией.

Тем не менее законодатель до сих пор не видит необходимости в уголовном преследовании такого широко распространённого среди несовершеннолетних правонарушения, как дропперство — использование собственных банковских карт в целях вывода или перечисления незаконно полученных средств за плату. На практике такие действия квалифицируются по ст. 187 УК РФ (часть 3–6), а также могут подпадать под ст. 159 (мошенничество) или ст. 174 (легализация доходов, полученных преступными путями). С учётом масштабности данного феномена и его значительной общественной опасности целесообразно рассмотреть возможность включения указанных составов в часть 2 статьи 20 УК РФ.

Как известно, обратная сторона уголовной ответственности — это назначение виновному справедливого наказания за совершенное преступление. Для несовершеннолетних, согласно УК РФ, установлена специальная система мер наказания, состоящая из шести видов: штраф, лишение возможности заниматься определённой деятельностью, обязательные и исправительные работы, ограничение свободы, а также лишение свободы на определённый срок (ст. 88 УК РФ).

Согласно многочисленным данным научных исследований, действующие формы наказания для несовершеннолетних демонстрируют низкую степень эффективности [4]. К числу аргументов в пользу данной точки зрения относятся следующие:

- штрафы практически не используются из-за отсутствия у подростков стабильного заработка; запрет занятия определённым видом деятельности малоэффективен — большинство несовершеннолетних не состоят в официальных трудовых отношениях;

- исправительные и обязательные работы, требующие выполнения трудовой деятельности, сталкиваются с правовыми ограничениями, существующими в трудовом законодательстве;

- ограничение свободы почти не отличается от условного осуждения и в связи с этим не обеспечивает должного воспитательного эффекта.

С нашей точки зрения, это снижает возможности персонализированного подхода при назначении наказания, что противоречит принципам индивидуализации и дифференциации уголовных санкций. Эти принципы основываются на наличии широкого спектра видов наказаний, позволяющего суду выбирать наиболее целесообразную меру, исходя из характера преступления и личностных

особенностей несовершеннолетнего. В связи с этим актуальной остаётся задача разработки новых норм, регулирующих форму и виды наказаний, способных полноценно реализовать цели применения наказания, закреплённые в ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Здесь уместно вернуться к первоначальной редакции УК РФ, которая в системе видов наказания для несовершеннолетних включала также и арест (пункт «д» ч. 1 ст. 88 УК РФ). А в ч. 5 устанавливалось, что арест назначается лицам в возрасте от 16 до 18 лет.

В 2014 году арест был исключён из перечня уголовно-правовых санкций, применимых к несовершеннолетним, поскольку якобы противоречил принципу гуманизма, закреплённому в ст. 7 Уголовного кодекса Российской Федерации. Законодатели сочли, что суровые условия отбытия наказания (ареста) подростком (в строгой изоляции) будут несоразмерны тяжести и степени общественной опасности совершаемых ими преступлений, которые, в основном, относятся к категории преступлений средней тяжести. Тем не менее научные исследования указывают на потенциальную эффективность ареста как превентивного инструмента в борьбе с подростковой преступностью [5]. Арест относится к числу краткосрочных наказаний (срок — от одного до четырех месяцев), что позволяет подростку избежать длительного негативного контакта с криминальной средой, характерной для исправительных учреждений, которые являются «рассадником» криминальной субкультуры. При этом испытываемое осужденными подростками чувство строгости судебного возмездия способно положительно повлиять на процессы исправления и недопущения совершения новых преступлений впредь (рецидива).

Следовательно, текущая практика исключения ареста из системы наказаний несовершеннолетних представляется спорной, особенно с учётом роста количества преступлений террористического характера среди молодёжи и тенденции к снижению порогового возраста участия в таких криминальных деяниях.

Список литературы

1. Уголовный кодекс РФ (УК РФ) по состоянию на 1 февраля 2026 (в ред. ФЗ от 29.12.2025 № 534-ФЗ). М. : Норматика, 2026.
2. Уголовный кодекс РФ: ФЗ № 63-ФЗ от 13.06.1996 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации : ФЗ от 24.06.2025 № 176-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru/about/purchase/price/> (дата обращения: 01. 02.2026).
4. Карханина Л. В. Исполнение уголовных наказаний без изоляции от общества в отношении несовершеннолетних осужденных. Самара : Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. 132 с.
5. Кашуба Ю. А. Система уголовных наказаний несовершеннолетних: современное состояние и тенденции реформирования // Вестник Кузбасского института. 2018. № 4 (37). С. 56–63.

ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА НА РАЗГЛАШЕНИЕ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ (СТ. 310 УК РФ)

А. Т. Тимофеева, П. В. Кочубеева

Научный руководитель: А. А. Исаев, *ст. преподаватель*
Новосибирский государственный университет экономики и управления
«НИНХ» (НГУЭУ), г. Новосибирск, Россия
arinatimofk@gmail.com

В работе рассматривается проблемный вопрос о пределах действия уголовно-правового запрета на разглашение данных предварительного расследования. Анализируются вопросы определения круга субъектов, обязанных хранить тайну, а также последствия расширительного толкования нормы. На основе анализа дела адвоката В. С. Бузюргина предлагаются пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: ст. 310 УК РФ, предварительное расследование, подписка о неразглашении, пределы действия запрета.

Актуальность проблемы обусловлена отсутствием в законе чётких критериев, какие именно сведения не подлежат разглашению, а также неопределённостью пределов действия уголовно-правового запрета во времени, в частности, в отношении стадии уголовного судопроизводства. Эти пробелы создают предпосылки для расширительного толкования ст. 310 УК РФ, что подтверждается примерами привлечения к уголовной ответственности лиц, осуществляющих профессиональную защиту [1].

Целью исследования является анализ проблемы применения ст. 310 УК и предложение путей совершенствования правового регулирования.

В работе использованы как общенаучные, так и специально юридические методы. Общенаучные методы включают анализ и синтез, системно-структурный метод. Среди частнонаучных использован юридико-догматический метод.

Основной вопрос, возникающий при анализе данной нормы — это вопрос о стадии судопроизводства, в рамках которой разглашение данных предварительного расследования будет считаться преступлением. Исходя из позиции Конституционного Суда, уголовно-правовой запрет на разглашение данных предварительного расследования направлен на обеспечение нормального функционирования органов предварительного расследования и защиту прав участников уголовного судопроизводства, а не на охрану правосудия как деятельности суда [2].

Данную позицию подтверждает также содержание статьи 161 УПК РФ, в соответствии с которой данные предварительного расследования могут быть преданы гласности только с разрешения следователя или дознавателя [3]. После окончания предварительного расследования указанные лица утрачивают свои процессуальные полномочия, что исключает возможность реализации предусмотренного законом запрета. Неясно, к какому следователю необходимо

обращаться для получения разрешения на разглашение данных по делу, которое уже завершило стадию предварительного расследования и не находится в его производстве.

Указанный вывод основывается в том числе на анализе возможных последствий распространения запрета на все стадии уголовного судопроизводства. В этом случае адвокат оказался бы в ситуации, где выполнение его профессиональных обязанностей было бы невозможно.

Следующий блок проблем касается круга субъектов, обязанных хранить тайну предварительного расследования. Так, при замене адвоката новый защитник, вступая в дело на стадии, когда предварительное расследование уже завершено, формально не предупреждается об ответственности по ст. 310 УК РФ, однако получает доступ ко всем материалам уголовного дела.

Показательным является резонансное дело в отношении адвоката Бузюргина, возбужденное в 2023 году. По версии следствия, защитник разгласил данные предварительного расследования, передав копии материалов уголовного дела сотруднику Первого канала для демонстрации в выпуске телешоу «Мужское/женское» [4]. Ключевое обстоятельство дела состоит в том, что инкриминируемое деяние имело место после окончания предварительного расследования: к моменту передачи видеозаписи уголовное дело уже находилось в суде, а коллегией присяжных был вынесен оправдательный вердикт.

Несмотря на это, органы следствия и суд первой инстанции признали наличие в действиях адвоката состава преступления. В поддержку Бузюргина выступила Комиссия Совета ФПА РФ, указавшая в письме прокурору, что режим следственной тайны прекращается с окончанием расследования, после чего следователь утрачивает полномочия, а сама «тайна следствия» как объект уголовно-правовой охраны исчезает.

4 февраля 2026 г. мировой судья вынес обвинительный приговор, назначив адвокату штраф с лишением права заниматься адвокатской деятельностью, и одновременно освободив от наказания по истечении сроков давности. В приговоре суд исходил из того, что подписка о неразглашении сохраняет силу и после передачи дела в суд. Защитой поданы апелляционные жалобы, в которых оспаривается такое толкование: адвокаты указывают, что суд не установил, какие именно сведения из переданной видеозаписи не были ранее оглашены в открытом судебном заседании, а также, что обязанность испрашивать разрешение у следователя после окончания расследования лишена правового смысла [5].

Анализ приведенной ситуации позволяет сформулировать ключевой вопрос: в чем заключается действительное назначение ст. 310 УК РФ? Для чего существует подписка о неразглашении, если, исходя из решения суда по делу адвоката Бузюргина, правоприменитель склоняется к тому, что защитник даже на стадии судебного разбирательства не вправе разглашать данные предварительного расследования? Защитник, желающий предать огласке те или иные сведения, не может, сославшись на ст. 161 УПК РФ, обратиться за разрешением к следователю, поскольку дело уже не находится в его производстве. Но и сама постановка вопроса о получении такого разрешения утрачивает смысл, если данные предварительного расследования к моменту их разглашения уже

были исследованы в открытом судебном заседании и, по существу, перестали составлять какую-либо тайну? В действующей редакции норма теряет свое содержательное наполнение, порождая противоречивую практику и не отвечая целям, для которых она создавалась.

Для устранения выявленных проблем мы предлагаем изложить диспозицию части первой ст. 310 УК РФ в более описательной форме, конкретизирующей признаки деяния.

Статья 310. Разглашение данных предварительного расследования

1. Разглашение данных предварительного расследования лицом, предупрежденным в установленном законом порядке о недопустимости разглашения, совершенное в период производства предварительного расследования, если при этом были разглашены сведения, непосредственно указанные следователем, дознавателем в подписке о неразглашении в качестве составляющих тайну предварительного расследования, — наказывается ...

До внесения изменений в уголовный закон наиболее оперативным способом решения проблемы могло бы стать принятие Пленумом Верховного Суда Российской Федерации постановления, дополняющего действующее постановление от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия». Разъяснение спорных вопросов Пленумом Верховного Суда может восполнить существующий в законодательстве пробел и пресечь расширительное толкование ст. 310 УК РФ.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06.10.2015 № 2444-О «По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.02.2026).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. 27.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 51 (ч. I). Ст. 4921.
4. Крутиков И. Л. Разглашение данных предварительного расследования: дефекты законодательной техники // Адвокатская практика. 2025. № 4. С. 44–49. URL: <https://lawinfo.ru> (дата обращения: 18.02.2026).
5. Защита адвоката Владимира Бузюргина обжаловала обвинительный приговор // Адвокатская газета. 25.02.2026. URL: <https://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 28.02.2026).

РЕФОРМИРОВАНИЕ ПРОКУРАТУРЫ И СОЗДАНИЕ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ, СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

О. Е. Хорзова

Научный руководитель: М. М. Глазачева, *канд. юрид. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
olgahorzova@bk.ru

В работе проведен ретроспективный сравнительно-правовой анализ реформирования прокуратуры Российской Федерации, связанный с созданием Следственного комитета Российской Федерации как независимого следственного органа. Основной целью работы является выделение проблем при разделении полномочий по надзору и возбуждению уголовных дел.

Ключевые слова: прокуратура Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, предварительное следствие, надзорные функции, разделение полномочий, реформа правоохранительной системы, независимость следствия.

Правоохранительная система России в последние десятилетия сталкивается с комплексом законодательных вызовов, связанных с разделением следственных и надзорных функций между прокуратурой и Следственным комитетом Российской Федерации (СК РФ). Одной из проблем является сложность правовых конструкций, сопряженная с правовой неопределенностью в разграничении полномочий, что в свою очередь оказывает негативное влияние на соблюдение процессуальных норм. Особую значимость данная проблема приобретает в контексте современных суждений о дальнейшем реформировании и перераспределении полномочий правоохранительных органов.

Впервые в России идея создания следственного ведомства, организационно и функционально независимого от иных органов государственной власти, была реализована Петром I в ходе судебной реформы, одним из направлений которой стало разделение уголовного процесса на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства.

Прокуратура же исторически занимала институционально закреплённую роль органа надзора за исполнением законов, опираясь на соответствующие нормативные основания, установленные системой государственного управления. На прокуратуру были возложены полномочия по надзору за соблюдением законодательства разнородными объектами правоотношений, а также участие в уголовном процессе на всех его стадиях. Указанный набор функций придавал прокуратуре роль ключевого звена, обеспечивающего единое исполнение правовых норм на всех уровнях государственной власти.

В 1990-е годы произошли знаковые изменения нормативно-правовой базы, направленные на реструктуризацию прокуратуры, усечение ее компетенций в связи с распадом прежней политической системы. Реформы сопровождались пересмотром функций, перераспределением отдельных задач и формированием

новых институциональных связей с другими органами правопорядка. Эти преобразования носили комплексный характер и включали изменения как в организационных структурах, так и в сфере надзорных полномочий. Процессы деполитизации и первые шаги по адаптации к принципам правового государства выражались в стремлении придать деятельности прокуратуры большую правовую определенность и процедурную предсказуемость. В результате происходила институциональная переориентация, направленная на усиление формальных гарантий законности и снижение прямого политического влияния на оперативные решения.

В российской правовой дискуссии 2000-х годов сторонники реформы аргументировали необходимость выделения следственного аппарата из прокуратуры потребностью в деполитизации следствия. Основной тезис заключался в том, что совмещение надзорных и процессуально-руководящих функций создает предпосылки для ведомственного давления на следователей. Одновременно высказывались опасения о разрушении сложившейся системы процессуального контроля и увеличении сроков расследования.

Исторической основой реформ 2007–2011 годов стало стремление адаптировать российскую правоохранительную систему к международным стандартам, предполагающим гарантированную застрахованность следствия от надзорного давления. Создание СК РФ как самостоятельного органа рассматривалось как способ повышения независимости предварительного расследования.

Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» формализовал процедуру образования нового федерального органа и определил его место в правоохранительной системе. В нормативной конструкции были закреплены статус, компетенции и базовые принципы деятельности СК РФ и порядок взаимодействия с другими государственными органами.

Вместе с тем обнаруживаются пробелы в регламентации процессуальной самостоятельности СК РФ. Отсутствие четких процедур внутреннего контроля и механизма разрешения конфликтов компетенций оставляет пространство для формализации доказывания и злоупотребления предоставленной самостоятельностью. Такая нормативная незавершенность влияет на институциональное равновесие и способствует возникновению борьбы интересов между СК РФ и прокуратурой. Дополнительные вопросы вызывает анализ прокурорских полномочий на досудебных стадиях уголовного процесса, содержание которых не позволяет однозначно разграничить их между функциями уголовного преследования и надзора. Ряд полномочий, реализуемых прокурором в отношении решений следователя, по своему содержанию обеспечивают не надзорную, а обвинительную функцию прокурора как участника стороны обвинения [1, с. 88]. В подобных случаях имеет место известное дублирование полномочий данных субъектов обвинения, что приводит к неопределённости распределения процессуальной ответственности между прокуратурой и СК РФ. В результате возникают закономерные конфликты компетенций, разрешение которых в рамках действующего уголовного-процессуального закона весьма проблематично.

Процессуальные коллизии особенно проявляются при согласовании обвинительного заключения и надзора за ходом следствия. Наличие двух институтов с пересекающимися компетенциями усложняет унификацию стандартов оценки доказательств и критериев достаточности материалов для утверждения обвинения. Это создаёт правовую неопределённость и повышает вероятность обжалований процессуальных действий. Разграничение уголовно-процессуальных функций прокуратуры и СК РФ оказало неизбежное опосредованное влияние на объем и содержание судебного контроля. Более пристальное внимание суды стали уделять процедурным вопросам сбора доказательственной информации на предварительном следствии, оценке ее полноты и достаточности. Сформировавшаяся со времен обособления СК РФ правоприменительная практика свидетельствует о росте числа уголовных дел, возвращенных прокурору для устранения препятствий их рассмотрения.

Таким образом, заявленные цели реформы органов прокуратуры с выделением СК РФ вряд ли оправданы с точки зрения примененных средств правового регулирования и полученных практических результатов, связанных с проблемами дублирования функций, разграничения и реализации полномочий, недостаточной координацией взаимодействия между органами надзора и следствия, нерациональным использованием процессуальных ресурсов.

На фоне рассматриваемых исторических изменений представляют интерес статистические данные о динамике возбуждения уголовных дел и результатах расследования коррупционных преступлений. Высказывается мнение, что рост количества возбужденных уголовных дел указанной категории связан с усилением специализации следственных органов и изменением распределения процессуальных полномочий. «Анализ временных рядов показывает постепенное увеличение доли преступлений коррупционной направленности в общей структуре расследуемых деяний, что свидетельствует об активизации работы по данному направлению» [2, с. 261].

Проведенный ретроспективный анализ указывает на двойственную природу реформы прокуратуры и создания СК РФ. С одной стороны, формальное разделение следственных и надзорных функций обеспечило следственным органам большую независимость и специализацию, что соответствовало изначальным целям реформы. С другой стороны, наблюдается снижение оперативности взаимодействия и качества расследований в связи с возникшими институциональными противоречиями, что существенно ограничило потенциальные преимущества реформы.

Практическая значимость исследования заключается в формировании системных решений по преодолению выявленных институциональных препятствий. На основе ретроспективного анализа доказана необходимость четкого нормативного разграничения полномочий, формирования формализованных способов координации и информационного взаимодействия между ведомствами, а также установления объективных критериев оценки эффективности. Реализация перечисленных мер окажет влияние на повышение результативности противодействия правонарушениям и повысит правовые гарантии в сфере государственного контроля.

Список литературы

1. Корчагина К. А. Надзор прокурора за органами предварительного расследования: понятие, предмет и содержание // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10, № 4. С. 84–92.
2. Меденцева Е. В., Поветкина Я. И. Актуальные проблемы организационно-правовой деятельности Следственного комитета Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 4–2 (103). С. 257–262.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

С. В. Чернизов

Научный руководитель: М. М. Глазачева, *канд. юрид. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
Markiz1987ru@gmail.com

В статье анализируются особенности и проблемы противоречия собирания доказательств при сокращенном дознании. Определены дискреционные и ограниченные полномочия дознавателей из-за ограничения предмета доказывания и использования материалов проверки без процессуальной перепроверки. Рассмотрены риски поверхностного исследования доказательств с учетом принципа достаточности доказательств.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, собирание доказательств, дознаватель, доследственная проверка, допустимость доказательств, подозреваемый, обвиняемый.

2013 год ознаменовался появлением в уголовном процессе сокращенной формы дознания, призванной минимизировать нагрузку на органы предварительного расследования по делам небольшой и средней тяжести. Первоначально предполагалось, что такие дела не требуют значительных временных затрат на допросы и собирание доказательств [1, с. 119]. Однако за более чем десятилетний период существования данного института выявились системные противоречия между требованиями быстрого расследования и необходимостью всестороннего, объективного исследования обстоятельств дел. Актуальность настоящего исследования обусловлена тремя ключевыми факторами. Во-первых, упрощение процедуры порождает научные и практические вопросы о соблюдении принципов законности, состязательности и достаточности доказательственной базы. Во-вторых, статистические данные демонстрируют устойчивую тенденцию к сужению практики применения сокращенной формы дознания: если в 2021 году такие дела составляли 18,1 % от общего объема направленных в суд, то к ноябрю 2023 года их удельный вес снизился до 11,3 % [2, с. 149]. В-третьих, исследование специфики сбора доказательств является необходимым для выявления правовых рисков и формирования рекомендаций по обеспечению прав участников процесса.

Цель работы заключается в выявлении особенностей и проблем собирания доказательств при производстве дознания в сокращенной форме, а также в разработке рекомендаций по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.

Методологическую основу исследования составили как общенаучные (анализ, синтез, системно-структурный подход), так и частнонаучные методы познания: формально-юридический метод толкования правовых норм, сравнительно-правовой анализ нормативных актов и ведомственных разъяснений,

а также метод анализа судебной статистики и научных публикаций по исследуемой проблеме.

Процесс проведения дознания в сокращенной форме носит консенсуальный характер, что подтверждается нормами УПК РФ. Производство возможно только по волеизъявлению подозреваемого, признающего свою вину, посредством подачи соответствующего ходатайства [3]. Подобное соглашение, упрощая производство, значительно сокращает предмет доказывания. Дознаватель обязан собирать лишь те доказательства, которые могут быть утрачены, а доказательства, не оспариваемые подозреваемым, допускается не проверять. Как справедливо отмечает И. Г. Хисматуллин, существует риск некачественной работы в сжатые сроки, а также сложности, с которыми сталкивается дознаватель при сборе доказательственной базы, т. к. доказательство может стать причиной переквалификации преступления, а отсутствие должного профессионализма пагубно влияет на исход дела [4, с. 141 – 142].

Доказывание при сокращенном дознании существенно меняет традиционный подход к установлению обстоятельств дела. Из предмета доказывания исключаются мотивация преступления, характеристика личности обвиняемого, анализ смягчающих иотягчающих факторов. Это порождает неполную модель расследования, основанную на принципе «минимальной достаточности», когда усилия направлены лишь на фиксацию события преступления, вреда и формальной виновности лица.

Основной риск заключается в построении обвинения на данных, не проверенных в рамках полноценных следственных действий (допроса, экспертизы), что затрудняет их оспаривание стороной защиты. В практике формируется устойчивый шаблон дел, где отсутствие альтернативных версий способно как незаслуженно смягчить, так и неоправданно ужесточить положение подозреваемого, нарушая принцип справедливости. Малый объем доказательств также подрывает состоятельность из-за неполноты исследования обстоятельств дела.

Фундаментальной проблемой выступает кризис допустимости доказательственной базы. Доказательства зачастую формируются на основе материалов доследственной стадии (объяснения, заключения специалистов, акты ревизий). Сокращенный порядок, легализуя их использование, не предусматривает механизма последующего процессуального закрепления, что позволяет вовлекать в судопроизводство сведения, полученные с нарушениями, и создает риск судебных ошибок. Особую озабоченность вызывает режим допроса: ограничение права дознавателя на повторный вызов лица для дачи показаний представляет собой значимое изъятие из общих правил.

Данная мера, безусловно, способствует ускорению производства, однако в своей основе содержит серьезный компромисс, ставящий под угрозу реализацию фундаментальных принципов уголовного процесса: всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дел [5, с. 57].

Сокращенная доказательственная база, формируемая в рамках дознания в сокращенной форме, несет в себе повышенный риск судебных ошибок. Этот риск проявляется не только в рамках «упрощенного» производства, но и в ситуациях, когда возникает объективная необходимость перехода к общему

порядку дознания. Недостаточная законодательная детализация процедуры перехода создает ситуацию процессуального дисбаланса, вынуждая восполнять пробелы по правилам общего порядка при отсутствии для этого адекватных временных и ресурсных условий. Это системно подрывает требования всесторонности и полноты исследования обстоятельств дела, создавая предпосылки для вынесения решений на основе неполноценной доказательственной основы.

Роль стороны защиты в условиях ограниченного доказывания ставит под сомнение реализацию принципа состязательности. Несмотря на обязательное участие защитника, фактическое неравенство сторон заложено в самой конструкции: обвинение оперирует собранными материалами и обладает властными полномочиями, тогда как защитник, формально имея право собирать доказательства, не может обеспечить их равную процессуальную значимость. В итоге состязательность сводится к несбалансированному диалогу, где защита объективно поставлена в более трудное положение.

Теоретическая значимость работы заключается в комплексном анализе проблем собирания доказательств при сокращенном дознании и выявлении противоречий между процессуальной экономией и фундаментальными принципами уголовного судопроизводства. Практическая значимость состоит в возможности использования выводов и рекомендаций для совершенствования законодательства, оптимизации деятельности органов дознания и в учебном процессе.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Дознание в сокращенной форме представляет собой модель доказывания, основанную на использовании материалов доследственной проверки без их полноценной процессуальной перепроверки, что отступает от стандартов допустимости доказательств. Сужение предмета доказывания, ограниченные возможности защиты и жесткие сроки создают конфликт между процессуальной экономией и принципами состязательности и права на защиту. Существующий механизм выполняет функцию разгрузки правосудия, но несет риски формализации, поверхностного расследования и судебных ошибок.

Для минимизации выявленных рисков необходимо внести следующие законодательные изменения: закрепить правило об обязательной процессуальной перепроверке доказательств, подтверждающих виновность лица; предусмотреть механизм процессуального закрепления материалов доследственной стадии с обеспечением их оспаривания стороной защиты. Только системная корректировка доказательственных основ позволит превратить сокращенное дознание в эффективный и справедливый инструмент, обеспечивающий баланс между процессуальной экономией и правами участников.

Список литературы

1. Колесников К. В., Облицов В. А., Юрастов Ф. В. К вопросу о дифференциации уголовно-процессуальной формы дознания и дознания в сокращенной форме // Эпомен. 2019. № 26. С. 116–122.

2. Озерова Ю. С., Кирикова М. В. Нужно ли дознание в сокращенной форме как отдельная форма расследования? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 146–151.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249. с изм. и доп. в ред. 29.12.2025.
4. Хисматуллин И. Г. Производство дознания в сокращенной форме: проблемы теории и практики // Право и государство: теория и практика. 2018. № 8 (164). С. 141–145.
5. Шпагина Ю. В. Некоторые размышления об уголовно-процессуальной форме (на примере дознания в сокращенной форме) // Академическая мысль. 2023. № 3 (24). С. 55–58.

ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

К. Д. Чернизова

Научный руководитель: С. А. Достовалов, *канд. юрид. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
kristina-moiseeva-2003@yandex.ru

В статье исследуется правовая природа прокурорского надзора за исполнением наказания, рассматривается специфика и инструменты работы прокуратуры при реализации уголовных наказаний. Особое внимание уделяется анализу ключевых направлений и актов реагирования, а также оцениваются особенности надзора за исполнением прав осужденных, законностью применения мер воздействия в условиях закрытой пенитенциарной системы.

Ключевые слова: прокурорский надзор за исполнением законов, прокуратура по надзору за исполнением наказаний, реализация уголовных наказаний, особенности надзора за исполнением законов, осужденные.

Актуальность темы прокурорского надзора за исполнением уголовных наказаний в современных условиях не вызывает сомнений. Исполнение наказания является важной точкой в реализации принципов уголовного права, и одновременно началом реализации принципов уголовно-исполнительного права, цели которого направлены на исправление осужденных. Защитой их прав, согласно статье 12 УИК РФ, занимаются в том числе и органы прокуратуры [1]. Однако современная пенитенциарная система сталкивается с рядом вызовов: рост численности спецконтингента с различными формами социально-опасных заболеваний, рецидивная преступность и необходимость внедрения новых механизмов, таких как пробация, требуют повышенного внимания к законности. Несмотря на то, что надзор за исполнением законов был передан прокуратуре более 40 лет назад, за этот период сформировались не только определенные аспекты в работе, но и проблемы, заключающиеся в сложности контроля над исполнением законности, особенно в закрытых условиях мест лишения свободы [2, с. 281]. Особые субъекты, права которых необходимо защищать, и вопросы, связанные с исправлением осужденных в период отбывания наказания, также усложняют работу органов прокуратуры, что требует постоянного совершенствования надзорных механизмов.

Цель работы: выявление ключевых направлений деятельности прокурора, приоритетных направлений и особенностей надзора.

Для достижения поставленной цели в работе были использованы как общенаучные методы (анализ, синтез, системно-структурный подход), так и частнонаучные (формально-юридический метод толкования правовых норм, сравнительно-правовой анализ нормативных актов и ведомственных приказов).

Реализация целей органов прокуратуры и особенности прокурорского надзора за исполнением законов при реализации уголовных наказаний берут свое

начало из нормативно-правовой базы. В основе данной иерархии стоит Конституция РФ, гарантирующая права, свободы, равенство перед законом и судом, а также право на получение квалифицированной юридической помощи.

Главная цель реализации ФЗ «О прокуратуре РФ» заключается в определении прав органов прокуратуры по надзору за исполнением законов на отслеживание законности действий администрации колоний и СИЗО, а также актов реагирования прокурора. Помимо вышеперечисленных актов стоит также выделить Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными «Правила Нельсона Манделы», направленные на защиту прав осужденных, на основе которых строятся некоторые приказы РФ, касающиеся осужденных к лишению свободы и на основе которых органы прокуратуры за исполнением законов основывают свою работу.

Одним из направлений методик надзора выступает методика надзора за законностью нормативно-правовых актов, издаваемых поднадзорными органами и должностными лицами, она заключается в разработке методических рекомендаций надзора за законностью правовых актов, издаваемых ФОИВ и СК РФ, а также надзора за исполнением законов. В соответствии с приказами Генерального прокурора РФ прокуроры обязаны обеспечивать активное участие прокурорских работников в подготовке нормативных правовых актов (НПА), затрагивающих права и свободы осужденных, посредством своевременного изучения проектов НПА, участия в работе комитетов и комиссий по проверке НПА, своевременного направления в адрес руководителей органов замечаний и предложений по их устранению.

В пределах своих полномочий прокуратура проводит 4 вида проверок НПА: 1) сплошные, призваны проанализировать НПА за определенный период; 2) целевые, призваны проверить НПА по определенным критериям и вопросам; 3) проверка законности конкретных НПА; 4) комплексная проверка НПА, проверяющая как законность НПА, так и исполнение закона [3, с. 30].

Наиболее сложной представляется четвертая проверка, направленная на надзор за исполнением законности. Данная проверка всегда носит правовой характер в пределах комплекса взаимосвязанных действий ФОИВ.

В рамках проведения данной проверки анализируются такие показатели, как законность и обоснованность действий сотрудников ФОИВ и осужденных, на основе которых прокуратура отвечает на вопросы: имело ли место нарушение закона, в чем оно проявлялось, какие доказательства свидетельствуют об этом, какой ущерб был причинен и каковы последствия данного нарушения закона.

Особое внимание в ходе прокурорских проверок уделяется нарушениям: при регистрации заявлений осужденных об оказании им содействия; консультирование осужденных по вопросам пробации; оказание помощи при подготовке документов осужденными; оценка индивидуальной нуждаемости осужденных; осуществление воспитательной работы; рассмотрение жалоб осужденных на невежливое обращение с ними должностных лиц; обжалование действий должностных лиц; вызов осужденных для проведения разъяснительной беседы и т. д. [4, с. 216–217].

При доказательстве факта нарушения закона прокурор обязан принять меры для устранения данного нарушения, проявляющиеся через акты прокурорского реагирования и акты прокурорского надзора. Акт прокурорского реагирования направляется органам или должностным лицам в связи с нарушением закона, акт прокурорского надзора применяется прокурорами при реализации именно надзорной функции.

К актам прокурорского надзора, согласно ФЗ «О прокуратуре РФ», относят протест прокурора, представление прокурора, постановление прокурора, предостережение о недопустимости нарушения закона [5].

Протест прокурора можно назвать официальным возражением прокурора на правовой акт, противоречащий закону.

Представление прокурора об устранении нарушений закона, в отличие от протеста, не указывает на ошибки в законе, а фактически понуждает орган или учреждение устранить ошибки.

Постановление прокурора — следующий вид акта реагирования, зачастую содержит указания, решения или распоряжения по вопросам, касающимся предоставления рекомендаций и заключений или проведения мероприятий, связанных с прокурорской деятельностью.

Предостережение о недопустимости нарушения закона является актом прокурорского реагирования, направленным на предупреждение преступлений и пресечение готовящихся противоправных действий, о которых прокурора вправе уведомить как сотрудники системы исполнения наказаний, так и сами осужденные.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты и выводы могут быть использованы для совершенствования деятельности прокурорских работников, специализирующихся на надзоре за исполнением наказаний. Выявленные особенности применения актов реагирования позволяют оптимизировать работу по восстановлению прав осужденных и повышению эффективности воспитательного воздействия.

Прокурорский надзор за исполнением законов при реализации исполнения уголовных наказаний представляет собой достаточно сложный и многогранный процесс, действующий в условиях закрытой пенитенциарной системы.

Ключевой особенностью работы данной прокуратуры служит разделение надзора, с одной стороны, за осужденными, с другой — за деятельностью администрации исправительных учреждений и органов. Подобное разделение формируется на основе реализации различных методик проверок и актов прокурорского реагирования.

Таким образом, эффективность надзора определяет, станет ли наказание инструментом исправления в рамках закона. Его совершенствование требует развития профилактических форм работы для обеспечения подлинной законности в уголовно-исполнительной системе.

Список литературы

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : ФЗ РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198. С изм. и допол. в ред. 17.12.2025.
2. Исакова Т. И. К предмету прокурорского надзора в сфере исполнения мер принуждения без изоляции от общества // Вестник науки. 2025. Т. 3, № 4 (85). С. 281–283.
3. Прокурорский надзор за исполнением федерального законодательства / Е. Н. Асташкина [и др.]. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2023. 120 с.
4. Ковалев О. Г. Актуальные вопросы соблюдения закона при реализации исполнительной пробации учреждениями УИС // Право и управление. 2024. № 3. С. 215–218.
5. О прокуратуре Российской Федерации : ФЗ РФ от 17.01.1992 № 2202-1 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472. С изм. и доп. в ред. 29.12.2025.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

С. С. Черных

Научный руководитель: Е. А. Гром, *ст. преподаватель*
Донбасский государственный университет юстиции (ДГУЮ Минюста России),
г. Донецк, Россия
lana.chernykh.00.00@mail.ru

В работе рассмотрены современные механизмы предупреждения рецидивной преступности в России. Проанализированы и обобщены уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и социальные меры профилактики рецидива. Сформулированы предложения по совершенствованию системы предупреждения рецидивной преступности в современных условиях.

Ключевые слова: рецидивная преступность, предупреждение преступности, ресоциализация, пробация, профилактика.

Предупреждение рецидивной преступности на протяжении многих лет является одной из наиболее актуальных проблем уголовной политики Российской Федерации. Судебная статистика демонстрирует относительную стабильность в динамике преступлений, совершаемых ранее осужденными лицами [1] (рисунок).

Такие показатели свидетельствуют о недостаточной эффективности применяемых мер наказания и профилактики, а также о наличии системных проблем в сфере социальной адаптации осужденных после освобождения. По мнению ряда авторов, на рецидив можно и нужно влиять комплексным путём, выбирая меры противодействия с учётом интересов и личностных особенностей преступника [2, с. 353]. **Целью статьи** является выявление действующих

механизмов предупреждения рецидива и определение основных направлений их совершенствования.

Методы и инструменты исследования: статистический метод, анализ и обобщение точек зрения ученых и практиков по вопросу профилактики рецидивной преступности.

Результаты исследования. В уголовном праве России рецидив преступлений определяется как совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершённое умышленное преступление. Рецидив характеризуется устойчивостью и повышенной общественной опасностью, что закреплено в ст. 18 УК РФ, определяющей понятие и виды рецидива преступлений [3, ст. 18]. В зависимости от степени общественной опасности законодатель выделяет простой, опасный и особо опасный рецидив.

Профессор Н. В. Мирошниченко с коллегами отмечают, что «уголовно-правовые методы противодействия рецидивной преступности достаточно скудны» [2, с. 349]. Законодатель не использует в полную силу потенциал уголовно-правовых норм в части индивидуализации и дифференции наказания. Лица, совершающие повторные преступления, как правило, обладают устойчивыми антисоциальными установками и криминальным опытом. Уголовно-правовое реагирование на повторные преступления строится с учётом признания рецидива обстоятельством,отягчающим наказание [3, ст. 63], а также специальных правил его назначения, установленных ст. 68 УК РФ, однако их применение не всегда обеспечивает достижение целей наказания, сформулированных в ст. 43 УК РФ, прежде всего в части исправления осуждённых и предупреждения новых преступлений [3, ст. 43, 68].

С криминологической точки зрения, понятие рецидивной преступности несколько шире. Оно охватывает все повторные преступления и представляет собой устойчивое социальное явление, обусловленное совокупностью социально-экономических, психологических и правовых факторов. К числу основных причин рецидива относят низкий уровень социальной адаптации осуждённых, отсутствие стабильного дохода, негативное влияние криминальной среды, а также недостаточную эффективность исправительного воздействия в местах лишения свободы в силу перегруженности кадрового состава.

Следует отметить, что ориентация на репрессивные меры не приведёт к снижению уровня рецидивной преступности, что указывает на необходимость сочетания наказания с мерами социальной коррекции. Существенное значение в предупреждении рецидива имеют меры, реализуемые в рамках уголовно-исполнительной системы. К ним относятся воспитательная работа, профессиональное обучение осуждённых, их привлечение к труду, а также психологическая помощь. Эффективность указанных мер прямо зависит от уровня информационного, материально-технического обеспечения учреждений, укомплектованности и квалификации персонала.

Важную роль в предупреждении рецидивной преступности играют социальные механизмы, направленные на ресоциализацию лиц, освобождённых из мест лишения свободы. К ним относят: трудоустройство, обеспечение жильём, медицинскую и психологическую помощь, а также административный надзор.

Перспективным, но дискуссионным направлением сегодня остается становление института пробации, обеспечивающего сопровождение осуждённых и освобождённых лиц, а также координацию деятельности различных государственных и общественных структур. Так, ряд авторов отмечают, что интеграция в отечественное законодательство и практику системы пробации затруднена ввиду недопонимания сущности пробации и перспектив создания системы. Сегодня более правильным «видится применение отдельных пробационных технологий в отношении отдельных категорий преступников, поведение которых возможно изменить» [4, с. 147].

Среди основных проблем реализации механизмов предупреждения рецидивной преступности следует выделить: недостаточное межведомственное взаимодействие, дефицит социальных программ и ограниченные возможности постпенитенциарного сопровождения. Для повышения эффективности профилактики рецидива представляется целесообразным дальнейшее изучение успешного опыта других государств по развитию системы пробации, расширение программ социальной адаптации, а также научное обоснование внесения изменений в действующее уголовное, уголовно-исполнительное и пробационное законодательство.

Совершенствование системы предупреждения рецидивной преступности предполагает повышение эффективности назначения уголовных наказаний за счёт более последовательной реализации принципа индивидуализации с учётом степени криминальной деформации личности и риска повторного преступного поведения [2, с. 352]. Целесообразным будет расширение использования криминологического и психологического прогнозирования как на стадии назначения, так и на стадии исполнения наказания, что позволит разрабатывать индивидуальные программы исправительного воздействия в отношении осуждённых-рецидивистов. Активизация применения наказаний, не связанных с лишением свободы, при наличии эффективных механизмов контроля и социального сопровождения также может способствовать сохранению социальных связей и снижению вероятности повторного совершения преступлений. Одновременно необходимо совершенствовать систему подготовки осуждённых к освобождению с приоритетом формирования навыков правомерного поведения, социальной ответственности и самостоятельной жизнедеятельности.

Особое внимание следует уделить развитию устойчивого межведомственного взаимодействия уголовно-исполнительной системы с органами социальной защиты, занятости, здравоохранения и институтами гражданского общества для обеспечения комплексного постпенитенциарного сопровождения лиц, освобождённых из мест лишения свободы. Перспективным следует признать внедрение риск-ориентированного подхода к предупреждению рецидивной преступности, предусматривающего дифференциацию профилактических мер в зависимости от уровня криминологического риска, а также дальнейшее совершенствование правового регулирования постпенитенциарной поддержки и контроля [5, с. 260–266].

Выводы и рекомендации. Эффективная профилактика рецидива возможна лишь при условии системного подхода, сочетающего индивидуализацию

уголовно-правового воздействия, развитие альтернативных наказаний, совершенствование уголовно-исполнительной политики и комплексное постпенитенциарное сопровождение. Лишь комплексность и последовательность реализации мер позволит повысить результативность уголовной политики и уровень общественной безопасности.

Список литературы

1. Судебная статистика РФ. URL: <https://sudstat.ru/stats/ug/t/12/s/12> (дата обращения: 10.02.2026).
2. Общая характеристика мер, направленных на предупреждение рецидивной преступности / Н. В. Мирошниченко [и др.] // Юридическая наука. 2025. № 4. С. 349–353. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-mer-napravlennyh-na-preduprezhdenie-retsedivnoy-prestupnosti> (дата обращения: 14.02.2026).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026). Ст. 18, 43, 63, 68. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/4ae34ba05e23456a1e99b9163a0703c0f4e125a4/ (дата обращения: 15.02.2025).
4. Маслов В. А. Противодействие рецидивной преступности в России: проблемы и перспективы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 1 (63). С. 134–154. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-retsedivnoy-prestupnosti-v-rossii-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 15.02.2026).
5. Антонян Ю. М. Криминология : учебник для бакалавров. 2-е изд. М. : Юрайт, 2015. 523 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Е. В. Чернявский

Научный руководитель: Н. А. Тимошенко, *канд. юрид. наук, доцент*
Донецкий государственный университет (ДонГУ), г. Донецк, Россия
e.v.chernyavsky@gmail.com

В статье исследуется трансформация уголовно-правовой политики и криминогенной обстановки в Российской Федерации в условиях специальной военной операции. На основе анализа статистических данных и новых составов преступлений (диверсия, добровольная сдача в плен, дискредитация ВС РФ) выявляются проблемы квалификации и правоприменения. Сформулированы рекомендации по совершенствованию законодательства и тактики противодействия современным преступным угрозам.

Ключевые слова: специальная военная операция, диверсия, террористический акт, добровольная сдача в плен, преступления против военной службы, криминологическая трансформация, уголовно-правовая политика, квалификация преступлений, безопасность государства.

Начало специальной военной операции (СВО) 24 февраля 2022 года выступило мощным фактором, трансформирующим не только политический ландшафт, но и систему общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Как справедливо отмечают А. Е. Михайлов и Д. А. Зыков, подобные социальные изменения неизбежно детерминируют преступность, однако влияние СВО на криминогенную обстановку оказалось двойственным и противоречивым [1].

Актуальность исследования обусловлена двумя основными факторами. Во-первых, резкой активизацией противоправной деятельности, направленной против основ конституционного строя и безопасности государства. Зафиксирован экспоненциальный рост диверсий (с 1 преступления в 2021 г. до 154 в 2023 г.), а также увеличение количества преступлений террористической направленности [2]. Во-вторых, стремительной адаптацией уголовного законодательства к новым реалиям: введены новые составы преступлений (ст. 280.3, 207.3, 352.1 УК РФ) и модернизированы существующие нормы [3, 4]. Отсутствие устоявшейся судебной практики и разъяснений Пленума Верховного Суда по целому ряду новых составов (например, по ст. 352.1 УК РФ и разграничению диверсии и теракта) создает сложности в правоприменении, что требует глубокого научного анализа [2, 4].

Целью настоящего исследования является комплексный анализ трансформации уголовно-правовой политики и криминологической реальности в Российской Федерации в условиях проведения СВО, а также выработка рекомендаций по совершенствованию мер противодействия новым видам преступных посягательств.

Методологическую основу исследования составили как общенаучные (анализ, синтез, системно-структурный подход), так и частнонаучные методы познания.

Сравнительно-правовой метод: использован при анализе смежных составов преступлений (например, добровольная сдача в плен, дезертирство и оставление части [4], а также диверсия и террористический акт [2]).

Статистический метод: применен для обработки данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ, сведений МЧС России и результатов социологических опросов ВЦИОМ [1, 2].

Формально-юридический метод: позволил провести анализ новелл уголовного законодательства, введенных в 2022–2024 гг. [3, 4].

Метод конкретно-социологических исследований (опрос): использован для выявления тактических особенностей применения силы сотрудниками правоохранительных органов [5].

Практическая и теоретическая значимость исследования

Теоретическая значимость работы заключается в комплексном осмыслении влияния вооруженного конфликта (СВО) на структуру преступности и систему уголовного права. Выявлены тенденции криминологической трансформации: снижение общеуголовной преступности на фоне консолидации общества вокруг власти, но резкий рост «политической» и террористической преступности, детерминированной внешним вмешательством [1].

Практическая значимость состоит в возможности использования результатов исследования:

- в правоприменительной деятельности: для квалификации преступлений, разграничения смежных составов (например, при отграничении диверсии от теракта), а также в тактике задержания правонарушителей, находящихся в специфических состояниях [2, 5];

- в законотворческой деятельности: предложения по уточнению постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 в части разъяснения целей диверсионной деятельности [2];

- в профилактической работе: рекомендации по виктимологической профилактике и противодействию вовлечению молодежи в диверсионную деятельность [2].

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы и рекомендации.

Констатация криминологического сдвига. СВО привела к дуализму криминогенной обстановки. С одной стороны, наблюдается рост доверия к власти и снижение протестного потенциала (с 18 % готовых протестовать в феврале 2022 г. до 10 % — в марте 2022 г.), что позитивно сказывается на общественной безопасности. С другой стороны, произошла активизация враждебных спецслужб, что выразилось в четырехкратном росте числа осужденных за госизмену и беспрецедентном росте числа диверсий [1, 2].

Проблема квалификации диверсий. Действия по поджогу военных комиссариатов, вертолетов и объектов инфраструктуры обладают признаками как диверсии (ст. 281 УК РФ), так и террористического акта (ст. 205 УК РФ). Основное отличие кроется в субъективной стороне (цель), что крайне сложно доказать на практике. В связи с этим предлагается дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 разъяснениями о критериях

разграничения указанных составов, а также о квалификации действий лиц, вовлеченных в такие преступления путем обмана или шантажа [2].

Новые вызовы в сфере воинских преступлений. Возвращение в УК РФ состава добровольной сдачи в плен (ст. 352.1 УК РФ) является оправданной мерой в условиях боевых действий. Анализ показывает необходимость четкого разграничения данного деяния со смежными составами (ст. 337, 338 УК РФ) по объективной стороне (место совершения — район боевых действий) и цели. Важным представляется дальнейшее развитие примечания к статье, гарантирующего освобождение от ответственности для лиц, не совершивших иных преступлений в плену и вернувшихся в часть [4].

Анализ правоприменительной практики фиксирует тревожную тенденцию вовлечения в диверсионную деятельность социально уязвимых категорий: несовершеннолетних (пример с поджогом вертолета в Омске 15-летними подростками) и женщин (учительница истории, совершившая поджог военкомата). Это требует активизации адресной профилактической работы среди молодежи, а также повышения виктимологической бдительности граждан [2].

Работа с лицами, совершающими противоправные действия в условиях СВО (включая диверсантов, возможно находящихся в состоянии опьянения), требует от сотрудников правопорядка специальных навыков. Исследования подтверждают, что наиболее эффективными приемами задержания являются ограничение свободы передвижения («рычаг руки наружу» — 35 %, «загиб руки за спину толчком» — 25 %), что должно учитываться в программах профессиональной подготовки [5].

Условия СВО требуют от государства гибкой и оперативной реакции в сфере уголовной политики. Прделанная законодателем работа по адаптации УК РФ к новым вызовам является значительной, однако требует дальнейшего совершенствования как на уровне доктринального толкования, так и в правоприменительной практике, особенно в части квалификации преступлений террористической и диверсионной направленности.

Список литературы

1. Михайлов А. Е., Зыков Д. А. О некоторых криминологических аспектах специальной военной операции на Украине // Аграрное и земельное право. 2024. № 4 (232). С. 381–383.
2. Алтухов Н. С. Диверсии как новый вид террористической угрозы. Ростов н/Д : Ростовский институт ВГУЮ, 2024.
3. Юдников К. В. Правовое обеспечение специальной военной операции // Государство и право : материалы 61-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 17–26 апреля 2023 года. Новосибирск : ИПЦ НГУ, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2023. С. 233–234.
4. Комарова П. А. Уголовно-правовая характеристика добровольной сдачи в плен (ст. 352.1 УК РФ) // Уголовное право: вопросы теории и практики :

сборник докладов Всероссийского студенческого научно-практического круглого стола с международным участием, Санкт-Петербург, 17 февраля 2023 года / Под ред. Е. Н. Рахмановой, Е. А. Писаревской, М. А. Дворжицкой. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. С. 95–98.

5. Горина А. Д., Мартин А. А. Особенности применения боевых приемов борьбы в отношении лиц, находящихся в состоянии наркотического опьянения // Омская академия МВД России.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

А. Н. Чичкина

Научный руководитель: Г. В. Сёмина, *канд. филос. наук*
Камчатский кооперативный техникум (ККТ),
г. Петропавловск-Камчатский, Россия
semina_galya@mail.ru

В век стремительно развивающихся технологий киберпреступность становится серьезной проблемой. Преступники используют компьютеры и интернет для своей незаконной деятельности с целью получения дохода, поэтому криминалистам приходится учиться работать с новыми видами доказательств — цифровыми следами. Эти следы, оставленные в интернете или на компьютерах, теперь играют важную роль в расследовании компьютерных преступлений.

Ключевые слова: цифровая криминалистика, киберпреступность, блокчейн-технологии, цифровые доказательства, уголовное законодательство, анализ больших данных, нейротехнологии, IoT.

Цифровая криминалистика — область, которая изучает цифровые данные для раскрытия преступлений. Среди важных вопросов, требующих решения, — проблема необратимости изменений данных. При изменении данных их невозможно вернуть в исходное состояние. Это означает, что при работе с ними необходимо проявлять особое внимание и осторожность. Также нужно учитывать разнообразие форматов носителей, когда информация может храниться на различных устройствах: на компьютерах, смартфонах, жестких дисках и т. д. Каждое устройство имеет свои особенности и важно уметь работать с каждым из них. Немаловажным является и доказательство происхождения и целостности информации. Подлежит доказыванию тот факт, что данные действительно принадлежат подозреваемому и не были изменены, для этого понадобятся специальные методы и инструменты. При этом у анализируемых данных значительный объем: современные гаджеты могут хранить большие объемы информации, поэтому необходимо уметь быстро и эффективно обрабатывать их. Для работы с цифровыми доказательствами требуется специальное программное обеспечение для извлечения и анализа данных.

Действующее законодательство не всегда учитывает специфику цифровой криминалистики. Это создает сложности во время использования цифровых доказательств в суде. Данные проблемы нуждаются во внимании и решениях, чтобы цифровая криминалистика могла эффективно помогать в раскрытии преступлений. Таким образом, улучшение методов обработки цифровых доказательств является актуальной задачей для эффективного расследования компьютерных преступлений.

Авторами М. Г. Амировой и А. Г. Таиловой были рассмотрены современные криминалистические аспекты использования цифровых технологий в процессе

раскрытия и расследования преступлений. Было проанализировано влияние цифровизации на трансформацию криминалистической науки и практики, исследованы новые возможности и вызовы, связанные с внедрением искусственного интеллекта, больших данных, блокчейн-технологий и других инновационных решений, в деятельность правоохранительных органов [4, с. 27]. Проблема совершенствования методов обработки цифровых доказательств для повышения эффективности расследований преступлений, связанных с использованием информационных технологий, достаточно актуальна. Для ее решения необходимо соотнести эволюцию цифровой криминалистики и анализ электронных доказательств с возможностями российского уголовно-процессуального законодательства на предмет соответствия современным требованиям. Следует использовать методы компьютерной криминалистики для сбора цифровых доказательств, анализа файловых систем и мониторинга активности пользователей. Для выявления и нейтрализации угроз применять специализированное программное обеспечение, лабораторное оборудование, а также средства анализа вредоносного кода.

Исследование, проведенное З. И. Харисовой, позволяет определить основные проблемы, связанные со сбором цифровых доказательств, а также сформировать направления совершенствования указанной деятельности, хранения и использования цифровых данных, развития систем сертификации специалистов, расширения перечня используемых программных технико-криминалистических средств, развития платформ безопасного хранения цифровых доказательств, а также создания нейросетевого криминалистического кластера данных с возможностью оперативного поиска и анализа криминалистически значимой компьютерной информации и формирования на ее основе эффективных методик расследования [2, с. 116].

В исследовании Я. А. Климовой предлагается конвергенция современных IT-технологий и криминалистической деятельности, способствующая развитию цифровой криминалистики и появлению новых направлений исследований. Особо подчеркивается роль нейротехнологий в расследовании преступлений. Автор делает вывод, что особенности использования IT-технологий преступниками обуславливают специфику расследования преступлений. Выделяются основные способы применения современных технологий при совершении различных преступлений: цифровых технологий как орудия совершения преступления, современного оборудования и программного обеспечения в качестве средства совершения преступления, виртуального пространства как места совершения преступлений. Акцентируется внимание на растущей популярности метавселенных, создающих предпосылки для совершения киберпреступлений, таких как кибербуллинг, киберфизическое насилие, хищение персональных данных и др. [3].

В работе А. Г. Холевчук и А. В. Савченко исследованы особенности использования цифровых доказательств в процессе расследования преступлений. Рассматриваются вопросы становления и развития цифровой криминалистики, имеющей непосредственное отношение к сбору и анализу электронных доказательств. Определены некоторые проблемы в области цифровой

криминалистики. Раскрыты особенности хранения пользовательских данных на различных устройствах (Amazon Echo; iPhone Health), а также учтены основные пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, связанные с производством отдельных следственных действий [1, с. 149]. Разработанная схема стадий цифрового преступления (создание вредоносного ПО → распространение → атака → последствия) направлена на структурированный анализ и определение ключевых точек сбора доказательств, что позволяет активно использовать ее для дальнейших исследований.

Теоретическое изучение эволюции цифровой криминалистики и ее роли в современных правоохранительных органах способствует выявлению пробелов и несоответствий в уголовно-процессуальном законодательстве, касаемых цифровых доказательств. В дальнейшем необходима разработка предложений по улучшению криминалистических методов работы с новыми типами цифровых устройств и сервисов (IoT, блокчейн, метавселенные). Согласно исследователям И. П. Ситниковой и М. В. Сомовой, «формирование междисциплинарной области криминалистики и судебных исследований блокчейн-технологий представляет собой относительно новое направление, возникшее на пересечении традиционной криминалистики и информатики. Оно ориентировано на изучение особенностей проведения расследований преступлений, совершенных с использованием распределенных баз данных и смарт-контрактов» [5, с. 1465]. Таким образом, необходимо создать базу для повышения квалификации специалистов в области компьютерной криминалистики путем введения специальных образовательных программ. А эффективность расследования компьютерных преступлений повысится за счет использования современных технологий анализа больших данных. Эффективное использование цифровых доказательств напрямую зависит от уровня развития криминалистических методов и экспертизы, поэтому пересмотр действующего уголовно-процессуального законодательства с учетом специфики работы с цифровыми данными даст желаемые результаты. Дальнейшее развитие технологий (IoT, блокчейн, метавселенные) будет способствовать разработке стандартизированных подходов к расследованию и анализу больших данных как важному направлению развития цифровой криминалистики.

Таким образом, необходимо обеспечить постоянное развитие криминалистики через внедрение инновационных методов анализа данных и стандартизацию подходов к исследованию цифровых устройств. Важнейшим условием здесь должна стать адаптация уголовно-процессуального законодательства к современным технологическим реалиям.

Список литературы

1. Холевчук А. Г., Савченко А. В. Проблемы использования цифровых средств доказывания при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 5. С. 149 – 154.

2. Харисова З. И. Проблемы и пути совершенствования деятельности по собиранию цифровых доказательств при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 116–126.
3. Климова Я. А. Цифровая конвергенция в криминалистике // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 105–110.
4. Амирова М. Г., Таилова А. Г. Криминалистические аспекты цифровых технологий // Human Progress. 2025. Т. 11, № 6. С. 27.
5. Ситников И. П. Криминалистические и судебные экспертизы в области блокчейн-технологий: проблемы и перспективы // Вестник науки. 2025. Т. 3, № 5 (86). С. 1465–1473.

ПОХИЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ

А. В. Шевчук, *обучающийся*, Н. В. Кондраткова, *канд. экон. наук, доцент*
Новосибирский государственный университет экономики и управления
«НИНХ» (НГУЭУ), г. Новосибирск, Россия
shevchuknastya.37@gmail.com

В статье исследуются проблемы квалификации похищения человека и его разграничения с незаконным лишением свободы. Рассматриваются доктринальные подходы к определению объективных признаков состава, позиции Верховного Суда Российской Федерации и типичные ошибки правоприменительной практики. На основе проведенного анализа делается вывод о необходимости законодательного закрепления легального определения похищения человека для обеспечения единообразия квалификации.

Ключевые слова: свобода личности, похищение человека, незаконное лишение свободы, проблемы квалификации преступлений, варианты их разрешения.

Лаконичный подход законодателя к конструированию нормы о похищении человека породил массу трудностей для правоприменителя, связанных как с установлением признаков состава, так и его отграничения от таких схожих деяний, как незаконное лишение свободы, торговля людьми или захват заложников. Частично решению возникающих на практике проблем способствовали разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, но часть все также требует глубокого теоретического анализа и выработки единообразных подходов к толкованию уголовного закона, что обуславливает актуальность темы исследования. Целью исследования является выявление трудностей, возникающих при квалификации деяния, предусмотренного ст. 126 УК РФ.

При проведении исследования применялся формально-юридический метод. В качестве инструментов исследования использовались: законодательные акты РФ, судебная практика, а также научная и учебная литература.

Законодательная неопределенность понятия «похищение человека» порождает неоднозначную судебную практику, приводит к нарушению принципа законности. В доктрине уголовного права неоднократно предпринимались попытки его унификации путем выделения существенных признаков. Тем не менее единство в понимании самой природы этих признаков до сих пор отсутствует, а спектр научных подходов остается широким.

В разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации *под похищением человека* понимается его незаконные захват, перемещение и последующее удержание. По мнению Е. В. Авдеевой, похищение определяется как противоправное деяние, заключающееся в скрытом или открытом завладении человеком, его принудительном перемещении за пределы привычной среды обитания (места жительства или временного нахождения) и последующем содержании в изоляции от внешнего мира [1]. И. А. Миронова делает акцент на способе «посредством обмана либо применения физической силы» [2].

Г. В. Тарасенко придерживается сходной позиции: так, захват, по его мнению, совершается с применением насилия или угрозы его применения [3].

Важно отметить, что большинство авторов сходятся во мнении, что похищение представляет собой комплексное действие, состоящее из трех последовательных этапов: захвата, перемещения и удержания потерпевшего. Вместе с тем многие высказывают сомнения относительно самостоятельного значения каждого из указанных элементов. Например, Л. В. Иногамова-Хегай утверждает, что отдельное выделение этапа удержания излишне, поскольку сам процесс захвата и перемещения предполагает обязательное последующее удерживание жертвы, делая данное обстоятельство естественным следствием первых двух действий.

В доктрине уголовного права одним из наиболее сложных вопросов выступает отграничение составов преступлений, закрепленных в ст. 126 и 127 УК РФ. Главные трудности в правоприменительной практике возникают при квалификации субъективной стороны деяния, а именно — при установлении направленности умысла виновного лица. При похищении человека умысел субъекта охватывает не только противоправное изъятие и принудительное перемещение потерпевшего, но и последующее его насильственное удержание. А при незаконном лишении свободы удержание, как правило, имеет ситуационную природу, не сопряжено с изменением пространственного статуса жертвы.

Однако на практике данное различие далеко не всегда носит очевидный характер. Например, суд первой инстанции ошибочно квалифицировал принудительное перемещение потерпевшего Ш. как незаконное лишение свободы, посчитав, что у виновных изначально не было цели удерживать его в другом месте (Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2019 г. по делу № 2-4/2018). ВС РФ указал на ошибку, напомнив, что законодательная конструкция состава похищения человека сформулирована как формальная. Преступление считается оконченным в момент захвата и начала перемещения вопреки воле жертвы. Длительность удержания и мотивы (в том числе последующее возникновение умысла на убийство) для квалификации содеянного как похищения значения не имеют. Поскольку Ш. был насильно захвачен, помещен в машину и вывезен за город, а решение об убийстве возникло уже в ходе удержания, действия виновных надлежит квалифицировать как похищение человека.

К тому же отдельные исследователи отмечают сложности при отграничении похищения от незаконного лишения свободы в случае, когда потерпевший самостоятельно следует к месту удержания [4]. Так, подсудимые, пригласив потерпевшего к себе домой с целью принуждения к исполнению договоренности по оплате штрафных санкций и возмещения убытков, удерживали последнего на протяжении нескольких дней, пристегивали наручниками и применяли к нему насилие, не опасное для жизни (постановление Волоколамского городского суда Московской области от 28 августа 2025 г. по делу № 1-139/2025). Действия были квалифицированы по ст. 127 УК РФ как незаконное лишение свободы, поскольку удержание потерпевшего началось в тот момент, когда он уже находился в квартире. Исходя из логики ПП ВС РФ от 24.12.2019 № 58

«О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми», квалификация дана неверно, поскольку захват осуществлялся путем обмана, потерпевший добровольно прибыл в место удержания, будучи введенным в заблуждение относительно истинных намерений виновных, то есть в целях исполнения требований о возврате долга.

Не менее значимым остается вопрос, связанный с применением примечания к статье 126 УК РФ, согласно которому лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от ответственности. В доктрине сложились две полярные позиции относительно толкования добровольного освобождения в контексте достижения целей преступника. Согласно первой, добровольность напрямую зависит от временных рамок достижения цели — пока требования не предъявлены или не удовлетворены, освобождение может быть признано таковым [5]. Согласно второй позиции, цель похищения не должна влиять на признание освобождения добровольным, поскольку она находится за рамками состава преступления.

Проведенный анализ свидетельствует о сохраняющейся неопределенности содержания состава преступления, предусмотренного статьей 126 УК РФ. Отсутствие легальной дефиниции похищения человека обуславливает множественность научных трактовок и нестабильность правоприменительной практики, что негативно отражается на соблюдении принципа законности и единообразия судебных решений. Диспозиция ст. 127 УК РФ в целом сформулирована через отрицание («не связанное с похищением»), что также порождает проблемы. Представляется целесообразным раскрыть в примечании к статье 126 УК РФ понятие «похищение человека», а также изложить критерии добровольности освобождения похищенного.

Список литературы

1. Авдеева Е. В. Уголовно-правовая охрана свободы личности в Российской Федерации. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2015. 166 с.
2. Филёв С. И. Некоторые проблемы применения уголовного законодательства об ответственности за похищение // Синергия Наук. 2020. № 47. С. 323–327.
3. Тарасенко Г. В. К вопросу об уголовной ответственности за незаконное лишение свободы и похищение человека // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 107–109.
4. Кондраткова Н. В. Похищение человека: вопросы квалификации // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2016. № 4 (10). С. 55–59.
5. Учебник по уголовному праву. URL: https://sdo.academy-skrf.ru/extbook/up_osb/public_html/page21.html (дата обращения: 28.02.2026).

УДК 349.2

**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗЫВАНИЮ
В СПОРАХ О ПРИЗНАНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ
ОТНОШЕНИЙ ТРУДОВЫМИ**

Д. М. Анисимов, *обучающийся*, М. Е. Анисимова, *преподаватель*
Новосибирский юридический институт (филиал)
Томского государственного университета (НЮИ (ф) ТГУ),
г. Новосибирск, Россия,
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
2229754@bk.ru

В настоящей работе проанализированы актуальные тенденции судебной практики в спорах о признании гражданско-правовых отношений трудовыми. Цель исследования — выявить проблемные аспекты доказывания по данной категории споров. Достижение поставленной цели будет осуществляться через применение сравнительно-правового анализа судебной практики.

Ключевые слова: трудовой договор, гражданско-правовой договор, трудовые отношения.

На протяжении последних нескольких лет экономическая обстановка в России складывается не лучшим образом. Естественным следствием этого становится стремление предпринимателей, использующих наёмный труд, снизить свои издержки. Одним из таких способов стала практика подмены трудового договора гражданско-правовым. Это позволяет предпринимателям не только существенно снизить издержки на социальные и налоговые отчисления за работника, но также упростить процедуру увольнения сотрудника.

В качестве способа установления истинного характера правоотношений между нанимателем и исполнителем в Трудовой кодекс РФ была введена ст. 19.1, которая предусматривает возможность переквалификации гражданско-правового договора в трудовой. Кроме того, устанавливается опровержимая презумпция, согласно которой неустранимые сомнения о признании отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, толкуются в пользу наличия трудовых отношений. Но, как показывает судебная практика, закрепление даже такой презумпции не позволило полностью решить проблему нарушения прав работников. В качестве подтверждения этого факта обратимся к судебной практике Верховного Суда РФ.

В первом деле предметом внимания Верховного Суда РФ стал вопрос исчисления срока исковой давности по рассматриваемой категории споров [1]. В рамках этого дела суд кассационной инстанции отказал в удовлетворении требований работника о взыскании причитающихся выплат, сославшись на

ст. 392 Трудового кодекса РФ. Суд кассационной инстанции при принятии решения исходил из того, что требование о выплате причитающихся работнику выплат должно было быть заявлено в течение года с момента наступления просрочки со стороны работодателя.

Направляя дело на новое рассмотрение, Верховный Суд РФ отметил, что отношения между истцом и ответчиком были признаны трудовыми только на основании решения суда, в связи с чем годичный срок обращения в суд с исковыми требованиями о взыскании задолженности по заработной плате и других выплат, причитающихся работнику, не пропущен.

Представленной позиции придерживается не только Верховный Суд РФ, но также и И. А. Прасолова, отмечая: к указанным требованиям подлежат применению сроки, установленные ч. 1 ст. 392 Трудового кодекса РФ и исчисляемые с момента установления факта наличия трудовых отношений, их рассмотрение возможно в рамках одного судебного процесса совместно с требованиями о признании таких отношений трудовыми [5, с. 64].

Таким подходом судебной практики устраняется правовая коллизия, не позволяющая добиться того, на что направлен Трудовой кодекс РФ — защита прав работников.

Основной тезис дела, в котором Верховный Суд РФ устанавливал соотношение договора подряда, оказания услуг, а также трудового договора [2], заключался в том, какие обстоятельства необходимо исследовать при установлении фактической сущности заключенного договора.

По мнению суда второй кассационной инстанции, в круг этих обстоятельств входит ряд вопросов: была ли сохранена хозяйственная самостоятельность истца при выполнении действий в пользу ответчика с сохранением исполнительского риска или истец выполнял задания ответчика под его контролем и управлением в рамках основного вида экономической деятельности последнего? был ли истец интегрирован в организационный процесс ответчика? подчинялся ли истец установленному в организации режиму труда, графику работы? распространялись ли на истца указания, приказы, распоряжения работодателя? предоставлял ли ответчик истцу имущество для выполнения им работы? каким образом оплачивалась работа истца и являлась ли оплата работы для истца единственным или основным источником доходов?

В другом деле Верховный Суд РФ исследовал вопрос соотношения агентского и трудового договора [3]. Выделяя обстоятельства, подлежащие доказыванию, суд взял за основу доводы, изложенные в представленном выше определении, лишь дополнив их.

Для признания сложившихся между сторонами спора отношений трудовыми, помимо прочего, необходимо было установить: осуществлялись ли истцом по агентским договорам какие-либо действия, в том числе юридические, по поручению и за счет принципала за обусловленное в договорах вознаграждение или истцом выполнялись определенные трудовые функции, входящие в обязанности работника в должности менеджера по займам.

Таким образом, из представленных примеров следует, что не имеет значения, каким именно видом договора был оформлены отношения между сторонами.

Судам необходимо установить истинный характер сложившихся отношений, исходя из их содержания и значения для сторон.

С учётом представленных разъяснений Верховного Суда РФ нельзя не отметить, что проблема не теряет своей актуальности. Справедливо будет подчеркнуть, что причиной тому являются не только работодатели и их стремление сократить издержки, но и отношение работников. Последним выгоднее заключить именно гражданско-правовой договор, так как уровень предлагаемой заработной платы в таком случае увеличивается.

Более того, отдельными авторами предлагаются рекомендации практического плана по минимизации рисков признания гражданско-правовых отношений трудовыми. Например, Н. А. Бекетова обращает внимание работодателей на положения договора оказания услуг, количество таких договоров и т. д. [4, с. 128].

Список литературы

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2024 № 64-КГ24-4-К9. URL: <https://cloud.consultant.ru> (дата обращения: 08.10.2025).
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.04.2023 № 58-КГ22-15-К9. URL: <https://cloud.consultant.ru> (дата обращения: 08.10.2025).
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.02.2023 № 56-КГ22-36-К9. URL: <https://cloud.consultant.ru> (дата обращения: 08.10.2025).
4. Бекетова Н. А. Основания для признания договора с самозанятым трудовым договором: что учитывают суды и контролирующие органы // Кадровик-практик. 2024. № 8. С. 126–138.
5. Прасолова И. А. Сроки обращения в суд за признанием отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями // Хозяйство и право. 2025. № 10. С. 61–70.

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ НА РОССИЙСКОЕ ТРУДОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В. В. Базаркина, *обучающийся*, И. Г. Ратникова, *преподаватель*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
reg1file2@gmail.com

В работе рассматривается, как международные нормы действуют и реализуются в российском трудовом праве, а также способы их воздействия на трудовое законодательство. В частности, анализируются конвенции Международной организации труда. Цель работы — исследовать степень влияния международных норм на российское трудовое право, установить соответствие международных стандартов и внутренних трудовых актов.

Ключевые слова: соответствие российских актов международным нормам, российское трудовое право, дискриминация в сфере труда, принудительный труд, судебная практика.

В эпоху глобализации взаимодействие между международным и национальным правом усиливается, что часто приводит к возникновению коллизий между нормами, а разрешение таких вопросов требует понимания механизмов взаимодействия международного и национального трудового права. Исследование данной темы позволяет разработать рекомендации по улучшению существующей правовой системы и обеспечить соответствие современным мировым тенденциям.

Международные правовые нормы при их ратификации фактически имеют прямое действие, но, с другой стороны, могут иметь и опосредованное значение, что говорит о их неоднозначном влиянии в правовой системе России. Чтобы понять влияние международных стандартов на внутреннее трудовое право, необходим анализ способов взаимодействия этих нормативно-правовых актов.

Существует два способа взаимодействия внутреннего трудового права и международных трудовых норм: имплементация международных актов о труде во внутреннем праве и принятие внутреннего трудового законодательства с учётом международных актов. В первом способе имплементация международных актов во внутреннее трудовое законодательство происходит после принятия государством обязательств по исполнению договора, когда этот договор становится частью национальной правовой системы. Значит ли это, что самоисполнимые международные договоры имеют прямое действие на территории РФ? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, приведем примеры из нормативно-правовой базы. Основное правило: во время деятельности государства по реализации международных актов договор становится частью российской правовой системы. В ч. 4 ст. 15 Конституции РФ прямо указано: «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы». В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 09.12.2025)

«О применении судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» говорится, что «... положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно» и что «... Международные договоры, которые имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации, применимы судами...». Так, положение из Конституции и Пленума Верховного Суда РФ доказывают, что самоисполнимые международные договоры имеют прямое действие в Российской Федерации. В свою очередь принятие внутреннего трудового законодательства с учетом международных актов может осуществляться как при непосредственном консультативном участии международных организаций, так и без их непосредственного участия.

Так, в качестве примера из юридической литературы непосредственного участия, основанного на влиянии международной организации, можно привести обращение Правительства РФ в авг. 2001 г. к МОТ с просьбой предоставить замечания на проект ТК РФ, принятый 21 дек. 2001 г. Государственной думой РФ. Из научной литературы становится известно, что в дальнейшем замечание от международной организации было учтено при составлении окончательного текста вступившего в силу ТК РФ. Примером без непосредственного участия международных организаций в подготовке законопроектов является ст. 75 ТК РФ «Трудовые отношения при смене собственника имущества организации». Причём основные заимствования в статье до сих пор сохраняются: например, ограничение права нового собственника на увольнение работников, что следует из п. 2 ст. 75: «Смена собственника имущества организации не является основанием для расторжения трудовых договоров с другими работниками организации».

Таким образом, в толковании данной статьи до сих пор существуют сложности, которые были следствием слишком поверхностного заимствования международных актов. Для преодоления правовой неопределённости, затруднений в судопроизводстве, по мнению автора статьи, рекомендуется ввести в трудовое законодательство *процедуру уведомления работников о смене собственника* и разъяснить им права в отказе от продолжения работы, а также рекомендуется изучить возможность ратификации Российской Федерацией международного акта «Директивы Совета Европейского союза 2001/23/ЕС от 12.03.2001 г. „О сближении законодательства государств-членов относительно защиты прав работников в случаях передачи предприятий, бизнеса или части предприятия, или бизнеса“».

Дабы разобраться в соответствии международных стандартов и внутренних трудовых актов, необходимо проанализировать ратифицированные конвенции и внутренние трудовые акты российского законодательства.

Конвенция № 29 Международной организации труда, ратифицированная СССР 04.07.1956 г., даёт определение принудительного труда, исключения, не входящие в этот термин, а в связи с принятием Протокола в 2014 г. также

добавлялись и другие пункты: усиление обязательств государств в предотвращении такого труда, меры по защите жертв и их доступ к правовой защите и другие меры [3].

Конвенция № 105 «Об упразднении принудительного труда» отменяет некоторые формы принудительного труда, все ещё разрешённые Конвенцией № 29 1930 г., и перечисляет формы такого труда, подлежащие запрету [4]. В Трудовом кодексе заимствование обеих конвенций заметно в ст. 4 [2]. В отрыве от текста конвенций в статье Трудового кодекса РФ «Запрещение принудительного труда» даётся не очень логичное, по мнению автора, понятие принудительного труда: «... это выполнение работы под угрозой применения какого-либо наказания (насильственного воздействия)» [1]. В Конвенции № 29 термин *принудительный или обязательный труд* означает «всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания и для которой это лицо *не предложило добровольно своих услуг*».

Таким образом, на основе анализа можно определить, что ст. 4 ТК РФ соответствует двум конвенциям, так как закрепляет запрет на принудительный труд и перечисляет ряд запрещённых форм, но внесённые законодателем изменения в целях адаптации нормы к национальным реалиям говорят, следуя научной юридической литературе, о недостатке конкретики в нормах и о пробеле в кодексе, возникающих на основе применения этой нормы, — например, судами.

Сравним следующие конвенции МОТ и положения из ТК РФ:

— Конвенция МОТ № 111 «Относительно дискриминации в области труда и занятий» [5];

— ТК РФ, ст. 3 «Запрещение дискриминации в сфере труда».

В Конвенции № 111 сказано о дискриминации в области труда и занятий. Она была ратифицирована спустя три года после её издания (1958 г.) и вводила определение дискриминации и её исключения, а также устанавливала обязательства государств-участников и предусматривала особые случаи, не относящиеся к дискриминации. Выполнение обязательств Россией этой конвенции было очень неоднозначным. Так, следуя примеру из юридической литературы [1], её автор отмечает, что «... комитет экспертов МОТ не один раз выносил вопрос применения Россией этой Конвенции на рассмотрение вышестоящей инстанции». После этой ситуации в скором времени была введена ст. 3 ТК РФ. Причём отсутствие в ст. 3 чёткого определения дискриминации с учётом специфических требований, связанных с определённой работой, в национальном трудовом законодательстве несомненно затрудняло правоприменительную практику, заставляя судей выбирать между международной нормой и Трудовым кодексом. Однако после нововведений в статье излагается, что «не являются дискриминацией установление различий, исключений, предпочтений, а также ограничение прав работников, которые определяются свойственными данному виду труда требованиями», т. е. она предусматривает эти моменты и закрывает возможное возникновение коллизий. Таким образом, ст. 3 ТК РФ с названными изменениями в настоящее время в общем соответствует Конвенции МОТ № 111.

Вывод: часть международных норм, ратифицированных Россией, имеет искажения во внутреннем трудовом праве, а национальное законодательство нуждается в доработке и требует ратифицирования некоторых международных договоров, что сказано в приведённом выше анализе. Однако принятые изменения в законодательстве заметно улучшают общее положение и повышают соответствие Трудового кодекса международным конвенциям. Выявление таких коллизий, приведённых в данной статье, позволяет разработать рекомендации по улучшению национальной правовой системы и обеспечить соответствие мировым нормам.

Список литературы

1. Лютов Л. Н. Российское трудовое законодательство и международные трудовые стандарты: соответствия и перспективы совершенствования: научно-практическое пособие. М. : АНО, 2012. 128 с.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. 06.02.2026) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».
3. Конвенция № 29 Международной организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда» (принята в Женеве 28.06.1930 на 14-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».
4. Конвенция № 105 Международной организации труда «Об упразднении принудительного труда» (принята в Женеве 25.06.1957 на 40-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».
5. Конвенция № 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий» (принята в Женеве 25.06.1958 на 42-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».

ПРАВОВОЙ СТАТУС МНОГОДЕТНОЙ СЕМЬИ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Д. М. Безбородов, А. А. Левашова

Научный руководитель: А. Г. Чернецова, *ст. преподаватель*
Сибирский институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (СИУ РАНХиГС),
г. Новосибирск, Россия
dbezborodov-23@ranepa.ru, levashovaarina198@gmail.com

В статье анализируется правовой статус многодетной семьи в Новосибирской области в контексте федерального и регионального законодательства. Рассматриваются региональные меры социальной поддержки в различных сферах и выявляются системные проблемы их реализации, включая несовершенство законодательной техники, сложности правоприменения и организационные барьеры. Авторами предлагаются пути совершенствования регионального законодательства и правоприменительной практики для обеспечения полноценной защиты прав многодетных семей.

Ключевые слова: многодетная семья, правовой статус, социальная поддержка, Новосибирская область, региональное законодательство, льготы, проблемы реализации, право социального обеспечения.

В современной России семья признается фундаментальной ценностью, подлежащей особой государственной защите. Принятие Указа Президента РФ от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» [1] (далее — Указ Президента РФ № 63) стало важным этапом унификации подходов к определению статуса многодетной семьи на федеральном уровне. Однако многодетные семьи, будучи наиболее уязвимой категорией с точки зрения риска бедности, нуждаются в комплексной системе мер социальной поддержки. Финансово-правовой аспект этой проблемы, по мнению О. Юстуса, заключается не только в выделении средств, но и в эффективности механизмов их доведения до конечных получателей, что напрямую влияет на уровень благосостояния семей [5, с. 95]. Новосибирская область обладает развитой нормативной базой в данной сфере, однако анализ правоприменительной практики 2024–2025 гг. свидетельствует о наличии системных проблем, препятствующих полной реализации гарантированных мер. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления причин разрыва между декларируемыми государством гарантиями и реальной способностью многодетных семей воспользоваться ими, а также потребностью в выработке практических рекомендаций по совершенствованию правоприменительной практики.

Целью исследования является комплексный анализ проблем реализации правового статуса многодетных семей в Новосибирской области на основе изучения правоприменительной практики 2024–2025 гг. [2] и разработка рекомендаций

по повышению эффективности системы мер социальной поддержки. Методологическую основу составили общенаучные (анализ, синтез) и специально-юридические методы: формально-юридический (при анализе федерального и регионального законодательства), сравнительно-правовой, а также метод анализа правоприменительной практики.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении дефектов системы реализации правовых норм, которые коренятся в глубинных механизмах правоприменения и межведомственного взаимодействия. Как справедливо отмечает А. В. Афтахова в контексте анализа социальной защиты материнства, декларирование прав без отлаженной системы их реализации нивелирует усилия государства по охране семьи [4, с. 160]. Практическая значимость состоит в том, что сформулированные выводы и рекомендации могут быть использованы органами власти Новосибирской области для оптимизации административных процедур и повышения реальной доступности мер поддержки.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Федеральное законодательство, в частности, Указ Президента РФ № 63 и региональный Закон Новосибирской области от 06.12.2013 № 380-ОЗ «О порядке и условиях предоставления компенсаций расходов на оплату жилого помещения и (или) коммунальных услуг отдельным категориям граждан, проживающих на территории Новосибирской области» [3], в который в 2024 году внесены существенные изменения (включая требование о наличии гражданства РФ для всех членов семьи), закрепляют обширный перечень мер поддержки в сферах образования, ЖКХ, здравоохранения и транспорта. К числу таких мер относятся: первоочередной прием детей в дошкольные учреждения, бесплатное питание в школах, ежегодная выплата на школьную форму (4 тыс. рублей), компенсация расходов на ЖКУ в размере 30–50 %, право на бесплатное получение земельных участков или денежную компенсацию взамен них, транспортные льготы, бесплатное лекарственное обеспечение детей до 6 лет, а также приоритетное заключение социальных контрактов. Важной новеллой 2024 года стало законодательное закрепление обязанности органов власти информировать многодетные семьи о полагающихся мерах поддержки. Однако правоприменительная практика демонстрирует системный разрыв между обещанными гарантиями и реальностью.

Наиболее остро стоит жилищная проблема: дело семьи Жигло из Краснообска в мае 2025 года наглядно показало, что норма о предоставлении жилья определенной площади становится фикцией при отсутствии реального муниципального жилищного фонда. Семья с пятью детьми, официально признанная нуждающейся в помещении площадью от 102 кв. м, получила отказ и предложение ветхой однокомнатной квартиры — такие ситуации вынуждают граждан обращаться в суды.

Не менее тревожна тенденция массовых необоснованных отказов в выплатах. В июле Генеральный прокурор РФ рассматривал жалобу семьи Максимовых, в отношении которой региональным отделением Фонда пенсионного и социального страхования РФ систематически выносились отказы в предоставлении мер социальной поддержки. В качестве оснований для отрицательных решений

приводились аргументы о превышении установленного лимита доходов, а также ссылки на недостоверность предоставленных сведений, не нашедших впоследствии фактического подтверждения. В результате надзорных мероприятий действия территориального органа были признаны незаконными, а семье была произведена выплата в размере, превышающем 150 тыс. рублей. Аналогичные нарушения, включая отказы мэрии в выплатах взамен земельных участков и детских пособий, регулярно фиксируются прокуратурой, что свидетельствует о системном сбое в межведомственном взаимодействии.

Серьезным барьером остается низкая осведомленность граждан о своих правах. Из 47 обращений многодетных семей на «прямую линию» губернатора в августе 2025 года 20 касались именно проблем с получением пособий и нехватки информации. Отсутствие единого информационного портала и проактивного информирования вынуждает семьи самостоятельно преодолевать бюрократические преграды. Механизм предоставления земельных участков также остается крайне неэффективным: очереди растянуты на годы, а участки часто выделяются без инфраструктуры. Оперативное вмешательство депутатов Законодательного собрания в июне 2025 года, смягчивших условия для получения денег вместо участка и введших субсидии на газификацию до 200 тыс. рублей, косвенно признает массовость этих проблем. Переход на электронное подтверждение статуса через Госуслуги также сопровождается техническими сбоями из-за некорректного межведомственного обмена данными.

Таким образом, анализ правоприменительной практики демонстрирует, что основные трудности многодетных семей обусловлены не столько проблемами в законодательстве, сколько неспособностью государственных структур обеспечить реальный доступ к установленным льготам. Преодоление ситуации требует смены приоритетов: переход от количественного расширения списка льгот к качественному повышению эффективности правоприменения.

В этой связи представляется необходимым реализовать комплекс мер.

1. Требуется переход к проактивному информированию семей через портал Госуслуг, чтобы сведения о выплатах поступали автоматически.

2. Необходимо наладить безупречный электронный документооборот между ведомствами, исключая противоречия в базах данных.

3. Муниципалитеты должны нести реальную ответственность за неисполнение жилищных обязательств, а очереди на земельные участки должны обеспечиваться комплексным развитием территорий с подведением инфраструктуры.

4. Требуется разработка единого навигатора по мерам поддержки — удобного информационного ресурса, содержащего пошаговые инструкции по получению льгот.

Только реализация этих мер позволит перевести декларативные гарантии в плоскость реальной поддержки многодетных семей, минимизировав разрыв между законом и правоприменительной практикой.

Список литературы

1. О мерах социальной поддержки многодетных семей : Указ Президента РФ от 23.01.2024 № 63 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 5. Ст. 665. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_467710/ (дата обращения: 18.02.2026).
2. О социальной поддержке многодетных семей на территории Новосибирской области : Закон Новосибирской области от 06.10.2010 № 533-ОЗ (с изм. на 9 июля 2025 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/5442703?ysclid=mm1y4dot7l814817605> (дата обращения: 20.02.2026).
3. О порядке и условиях предоставления компенсаций расходов на оплату жилого помещения и (или) коммунальных услуг отдельным категориям граждан, проживающих на территории Новосибирской области : Закон Новосибирской области от 06.12.2013 № 380-ОЗ (с изм. от 28 ноября 2024 г.). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=172025615&backlink=1&&nd=172032778&ysclid=mm1y9y01t8339723700> (дата обращения: 22.02.2026).
4. Афтахова А. В. К вопросу о социальной защите материнства в Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 160–168.
5. Юстус О. И. Финансово-правовые аспекты обеспечения интересов многодетных семей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 266–276.

КОНКРЕТИЗАЦИЯ РАБОЧЕГО МЕСТА КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОГО УСЛОВИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА: ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ И ПУТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ

Л. Д. Болгунов, Я. Ю. Акимова

Научный руководитель: Е. М. Черных, *преподаватель*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
leonidbolgunov@mail.ru

В работе исследована проблема отсутствия в Трудовом кодексе РФ требования об обязательном указании конкретного рабочего места в трудовом договоре. Проанализировано соотношение категорий «место работы» и «рабочее место», выявлены правоприменительные риски и сформулированы конкретные предложения по изменению законодательства. Обоснована необходимость закрепления пространственной индивидуализации труда как условия обеспечения правовой определённости трудового правоотношения.

Ключевые слова: рабочее место, трудовой договор, место работы, перевод и перемещение, правовая определённость, изменение условий труда.

Актуальность темы. Современное трудовое законодательство детально регламентирует содержание трудового договора, однако пространственный элемент исполнения трудовой функции остаётся неопределённым. Статья 57 ТК РФ закрепляет обязанность указания места работы, но не требует индивидуализации рабочего места. Между тем именно рабочее место является пространственной основой реализации трудовой функции, объектом специальной оценки условий труда и критерием дисциплинарной ответственности.

Рост числа трудовых споров, связанных с перемещением работников, изменением условий труда и увольнением за прогул, свидетельствует о наличии нормативного пробела. Отсутствие договорной фиксации рабочего места усиливает дискрецию работодателя и снижает предсказуемость правового положения работника. В условиях трансформации форм занятости данная проблема приобретает системный характер и требует законодательного решения.

Цель исследования. Обоснование необходимости закрепления конкретного рабочего места в качестве обязательного условия трудового договора и разработка предложений по совершенствованию трудового законодательства Российской Федерации.

Методы исследования: формально-юридический анализ норм трудового законодательства, системный метод для выявления межотраслевых связей, сравнительно-правовой подход при оценке моделей пространственной индивидуализации труда, а также анализ правоприменительной практики.

Теоретическая значимость. Исследование развивает представление о пространственном элементе трудового правоотношения как самостоятельном компоненте его индивидуализации. Обоснована необходимость включения рабочего

места в систему существенных условий трудового договора, что позволяет уточнить содержание принципа стабильности условий труда.

Практическая значимость. Сформулированные предложения могут быть использованы при подготовке изменений в Трудовой кодекс РФ, а также при разработке локальных нормативных актов работодателей. Реализация предложенной модели способна снизить количество трудовых споров и повысить определённость дисциплинарной и переводной практики.

Выводы и рекомендации. Анализ ст. 57 ТК РФ показал, что законодатель ограничился указанием места работы, под которым понимается организация либо её структурное подразделение. Вместе с тем ст. 209 ТК РФ закрепляет определение рабочего места как пространства, где работник должен находиться в связи с работой и которое находится под контролем работодателя. Налицо нормативное расхождение: ключевой элемент исполнения трудовой функции не включён в перечень обязательных условий договора [2].

Отсутствие договорной фиксации рабочего места приводит к размыванию границы между переводом и перемещением. Согласно ст. 72.1 ТК РФ, перемещение допускается без согласия работника при неизменности условий трудового договора. Поскольку рабочее место не признано таким условием, изменение пространственной локализации труда осуществляется без получения согласия работника. В итоге происходит фактическая трансформация условий труда без применения процедурных гарантий [2].

Проанализирована и проблема дисциплинарной ответственности. Прогул предполагает отсутствие работника на рабочем месте. Если рабочее место не определено договором, доказательственная база строится на локальных актах и распоряжениях работодателя. Это снижает степень правовой определённости и допускает расширительное толкование понятия *отсутствие* [3].

Особое значение рассматриваемый вопрос приобретает в сфере охраны труда. Специальная оценка условий труда проводится применительно к конкретным рабочим местам. При отсутствии их договорной индивидуализации работник может быть перемещён в зону с иными характеристиками условий труда без формального изменения договора. Это позволяет варьировать фактическую среду труда при сохранении прежних договорных условий [4].

Было показано, что включение рабочего места в перечень обязательных условий не ограничивает хозяйственную деятельность работодателя [5]. Механизм изменения условий труда уже предусмотрен ст. 74 ТК РФ. Закрепление рабочего места лишь переводит изменение пространственного параметра в правовую процедуру, обеспечивая баланс интересов сторон [2].

Предлагается дополнить ч. 2 ст. 57 ТК РФ положением следующего содержания: «Трудовой договор должен содержать указание конкретного рабочего места работника с определением адреса объекта, структурного подразделения и пространственной локализации либо границ обслуживаемой территории» [2].

Одновременно целесообразно внести изменения в ст. 72.1 ТК РФ, установив, что изменение рабочего места, определённого трудовым договором, признаётся переводом, за исключением случаев, когда договором предусмотрен подвижной или разъездной характер работы [2].

Для мобильных категорий работников предлагается закрепить конструкцию «рабочее место с определённым периметром», позволяющую указывать территорию, маршрут либо объект обслуживания. Для дистанционных работников возможно указание населённого пункта либо формулы исполнения обязанностей по месту нахождения работника.

Рассмотренный подход усиливает пространственную определённость трудового правоотношения, снижает конфликтность и формирует более предсказуемую модель регулирования. Вследствие этого обеспечивается согласованность норм о трудовом договоре, переводе и дисциплинарной ответственности, что способствует укреплению принципа стабильности условий труда и повышению качества правоприменительной практики, не затрагивая важные конституционные права [1].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом действующих поправок) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1.
3. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2 (в действующей ред.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 4.
4. О специальной оценке условий труда : ФЗ от 28.12.2013 № 426-ФЗ (в действующей ред.) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6991.
5. Рехтина И. В., Василенко Ю. Е. «Рабочее место» и «место работы» как правовые категории: соотношение и взаимосвязь // Юрислингвистика. 2025. № 38 (49). С. 30–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabochee-mesto-i-mesto-raboty-kak-pravovye-kategorii-sootnoshenie-i-vzaimosvyaz> (дата обращения: 26.02.2026).

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА НА УЛУЧШЕНИЕ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ

В. А. Галиулина, *обучающийся*, А. А. Егорычева, *преподаватель*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
veronikagaliulina8@gmail.com

В работе проведен анализ проблем использования материнского капитала на улучшение жилищных условий на основе судебной практики.

Ключевые слова: использование материнского капитала, улучшение жилищных условий, решение по делу.

Наиболее востребованным направлением использования средств материнского капитала является улучшение жилищных условий. Статья 10 Закона № 256-ФЗ в системной связи с пунктами 2, 3 Правил направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий, утвержденных постановлением Правительства РФ от 12 декабря 2007 года № 862, устанавливает исчерпывающий перечень соответствующих направлений.

Актуальность темы заключается, прежде всего, в ее высокой социальной значимости. Материнский капитал — это не просто форма государственной поддержки, а конституционная гарантия социального обеспечения семей с детьми, закрепленная ст. 7 и 38 Конституции Российской Федерации. В связи с этим любые проблемы в его получении или использовании напрямую затрагивают фундаментальные права и интересы граждан, а их судебная защита становится вопросом реализации конституционных принципов справедливости и социального государства. Анализ судебной практики позволяет выявить наиболее уязвимые места в законодательном регулировании и правоприменительной деятельности [1].

Цель исследования: анализ проблем использования материнского капитала на улучшение жилищных условий на основе судебной практики.

В процессе исследования применялся комплекс общенаучных и частнонаучных методов: формально-юридический (для анализа норм права), сравнительно-правовой (для сопоставления различных правовых позиций), метод системного анализа (для рассмотрения материнского капитала как элемента системы социального обеспечения).

Важным этапом в расширении правовых возможностей граждан стало постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2022 г. № 56-П, которым было признано неконституционным ограничение, не позволявшее направлять средства материнского капитала на реконструкцию иных объектов капитального строительства, предназначенных для постоянного проживания, кроме объектов ИЖС. Данная правовая позиция свидетельствует о тенденции к расширительному толкованию законодателем понятия «улучшение жилищных

условий» с целью максимальной адаптации программы к реальным потребностям семей [2].

Проблема — приобретение жилого помещения с использованием кредитных средств до рождения второго ребенка и последующее погашение ипотеки материнским капиталом. Типичной остается ситуация, когда семья, имея одного ребенка, приобретает жилье в ипотеку, а после рождения второго ребенка направляет средства материнского капитала на его погашение. Правовая проблема возникает при определении размера долей, которые должны быть выделены членам семьи. В соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ средства материнского капитала носят строго целевой характер и должны быть обеспечены долями в праве собственности на жилье в размере, пропорциональном сумме капитала. Однако на практике возникает вопрос: должны ли доли выделяться только в пределах суммы, погашенной маткапиталом, или же с учетом всей стоимости жилья?

Приведем пример решения по делу № 2-456/2023 одного из районных судов г. Екатеринбурга. Семья приобрела квартиру в ипотеку до рождения второго ребенка, внося первоначальный взнос за счет средств мужа. После получения сертификата супруги погасили часть кредита материнским капиталом. Социальный фонд России (СФР) потребовал выделить доли жене и детям в размере, пропорциональном всей сумме маткапитала к общей стоимости квартиры. Суд поддержал позицию СФР, указав, что поскольку средства материнского капитала были направлены на погашение обязательства по приобретению всего объекта недвижимости, то и право на долю возникает в отношении всей квартиры, а не только в части, условно «очищенной» от кредита, что создает правовую проблему для супруга, который изначально инвестировал свои личные средства, но вынужден существенно уменьшить свою долю в пользу других членов семьи [3].

Проблема — невыделение долей детям в установленный срок как основание для взыскания средств материнского капитала в доход бюджета. Наиболее массовая и серьезная проблема — неисполнение нотариального обязательства о выделении долей детям после использования маткапитала. СФР активно подает иски о признании использования средств нецелевым и о взыскании их суммы в доход федерального бюджета.

Приведем пример решения по делу № 2-1123/2024 Арбитражного суда Краснодарского края. Семья использовала средства материнского капитала для покупки квартиры в 2019 году, но доли детям выделены не были. В 2024 году СФР подал иск о взыскании. Суд удовлетворил иск, несмотря на доводы ответчиков о тяжелом финансовом положении и намерении выделить доли в будущем. Проблема здесь заключается в абсолютном характере данного обязательства и отсутствии у судов дискреции освободить от ответственности при наличии уважительных причин. Единственным способом избежать взыскания является фактическое исполнение обязательства до вынесения судебного решения, что подтверждается более ранней практикой, но в данном случае семья не успела этого сделать.

Проблема — использование материнского капитала для погашения ипотеки при отсутствии залога на приобретенное жилье. Новой тенденцией можно назвать споры, связанные с направлением средств материнского капитала на погашение целевых займов, обеспеченных залогом иного имущества, а не того, которое было приобретено или построено на эти средства.

Приведем пример постановления Арбитражного суда Дальневосточного округа по делу № А73-12345/2023. Семья взяла целевой заем на строительство дома у кредитного потребительского кооператива. В качестве обеспечения по займу был предоставлен залог иного объекта недвижимости, принадлежащего семье. СФР отказал в направлении материнского капитала на погашение этого займа, аргументируя тем, что приобретенное (построенное) жилье не находится в залоге, а значит, отсутствует прямая связь между использованием средств и конкретным жилым помещением. Суды трех инстанций поддерживали СФР, указав, что одним из условий направления средств является обременение приобретаемого жилого помещения залогом в пользу кредитора, что создает проблему для семей, которые используют альтернативные источники финансирования строительства, не желая обременять строящийся объект ипотекой.

Проблема — приобретение жилья, формально соответствующего санитарным и техническим нормам, но фактически непригодного для постоянного проживания семьи. Суды продолжают сталкиваться с проблемой оценки не самого факта приобретения жилья, а его качества с точки зрения реального улучшения условий.

Пример — апелляционное определение Свердловского областного суда по делу № 33-5678/2024. Семья использовала материнский капитал для покупки квартиры в аварийном состоянии в доме, подлежащем капитальному ремонту. СФР, проведя проверку, подал иск о нецелевом использовании, представив заключение о непригодности жилья для круглогодичного проживания (отсутствие отопления, разрушение несущих конструкций). Суд первой инстанции встал на сторону семьи, указав, что квартира является объектом жилого фонда и формально имеет правоустанавливающие документы. Однако апелляционная инстанция отменила решение, согласившись с СФР, и удовлетворила иск. Проблема заключается в отсутствии четких законодательных критериев «улучшения условий» с качественной точки зрения, что приводит к оценочной деятельности суда и СФР в каждом конкретном случае [4].

Проведенный анализ судебной практики демонстрирует, что проблемы использования материнского капитала на улучшение жилищных условий носят не только технический, но и фундаментальный характер. Отсутствие детализированного законодательного регулирования многих аспектов приводит к тому, что правовые позиции формируются непосредственно в судебных спорах, что создает правовую неопределенность для семей и требует от них высокой степени правовой грамотности при реализации своего права на материнский капитал.

Практическая ценность работы заключается в том, что ее результаты и выводы могут быть использованы в нескольких основных сферах: в нормотворческой деятельности, в правоприменительной практике в судебной деятельности.

Список литературы

1. Конституция РФ от 12.12.1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022
2. По делу о проверке конституционности пункта 2 части 1 статьи 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с жалобой гражданки А. А. Дробковой : постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2022 № 56-П // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (часть III). Ст. 496.
3. Гавриленко К. В., Гусакова Ю. С. Материнский капитал как одна из мер государственной поддержки семей, имеющих детей // Флагман науки. 2023. № 11 (11). С. 633.
4. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : ФЗ от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 19.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Е. И. Давыденко, *обучающийся*, К. В. Шипунова, *обучающийся*,
М. Г. Чельцова, *канд. пед. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
kater1na.davydencko@yandex.ru, cristinashipunova@yandex.ru

В работе проведен комплексный анализ правового регулирования труда несовершеннолетних граждан Российской Федерации. Выявлены проблемные аспекты дифференциации рабочего времени, оплаты труда, недопущения дискриминации и обеспечения гарантий социального страхования, сформулированы предложения по совершенствованию трудового и социального законодательства. Обоснована необходимость усиления контроля и конкретизации правовых механизмов защиты несовершеннолетних работников.

Ключевые слова: труд несовершеннолетних, соматические права, социальное обеспечение, трудовой договор, рабочее время, дискриминация по возрасту, оплата труда, социальное страхование, гарантии прав работников, государственная политика занятости молодежи.

Актуальность исследования обусловлена трансформацией современного социального государства и усилением роли прав и свобод человека как базовой ценности конституционного строя Российской Федерации. В условиях демографических вызовов, цифровизации экономики и роста молодежной занятости особое значение приобретает правовое регулирование труда несовершеннолетних как элемента системы соматических прав, тесно связанного с обеспечением физического и психического здоровья личности. Одновременно институт социального обеспечения граждан выступает гарантией реализации конституционного принципа социального государства (ст. 7 Конституции РФ [1]), обеспечивая компенсацию социальных рисков, в том числе утраты трудоспособности, безработицы и иных обстоятельств. Наличие пробелов и коллизий в регулировании труда несовершеннолетних, а также рисков дискриминации по возрастному признаку (ст. 3 Трудового кодекса РФ [2]) свидетельствует о необходимости комплексного научного анализа.

Целью исследования является комплексное осмысление правового регулирования труда несовершеннолетних и социального обеспечения граждан в Российской Федерации с выявлением теоретических и практических проблем и формулированием предложений по совершенствованию законодательства.

Для достижения поставленной цели использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, статистический методы, а также анализ правоприменительной практики и международных стандартов.

Правовое регулирование труда несовершеннолетних в России основывается прежде всего на ст. 63 ТК РФ, устанавливающей общий минимальный возраст для заключения трудового договора — 16 лет. Допускается труд с 15 и 14 лет при соблюдении дополнительных условий, включая согласие законных представителей и отсутствие вреда здоровью и образованию. Для лиц, не достигших

14 лет, заключение трудового договора возможно с организациями культуры и искусства при условии отсутствия ущерба нравственному развитию. Продолжительность рабочего времени определяется ст. 92 и 94 ТК РФ: не более 35 часов в неделю для лиц от 16 до 18 лет и не более 24 часов — для лиц до 16 лет. Вместе с тем анализ показывает недостаточную дифференциацию регулирования применительно к младшим возрастным группам, что создает неопределенность в сфере детского творчества и медиапроизводства.

Особое значение имеют нормы ст. 265 ТК РФ, запрещающие привлечение несовершеннолетних к работам с вредными и опасными условиями труда, а также к деятельности, способной причинить вред их нравственному развитию. Обязательность предварительных медицинских осмотров закреплена в ст. 266 ТК РФ. Однако практика свидетельствует о случаях подмены трудовых отношений гражданско-правовыми договорами либо использованием режима самозанятости, что снижает уровень гарантий и фактически выводит несовершеннолетних из сферы действия трудового законодательства.

Проблемным является вопрос оплаты труда. Статья 271 ТК РФ закрепляет право, а не обязанность работодателя производить доплату несовершеннолетним до уровня оплаты труда взрослых работников при сокращенном рабочем времени. Такая диспозитивность способствует рискам дискриминации и эксплуатации. Анализ зарубежного законодательства (в частности, Германии и Франции) демонстрирует более жесткие механизмы контроля и ответственности работодателей, включая значительные штрафные санкции.

Связь трудовых прав с институтом социального обеспечения проявляется в том, что несовершеннолетние работники приобретают статус застрахованных лиц в системе обязательного социального страхования. В соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [3] периоды работы включаются в страховой стаж при уплате страховых взносов. Тем самым формируется долгосрочная социальная защита. Одновременно государственная политика занятости молодежи реализуется на основании распоряжения Правительства РФ от 14.12.2021 № 3581-р [4], предусматривающего меры содействия трудоустройству несовершеннолетних.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования сформулированных выводов при разработке поправок в ТК РФ и законодательство о социальном обеспечении, а также в деятельности органов государственной власти и инспекций труда.

Теоретическая значимость состоит в уточнении места трудовых прав несовершеннолетних в системе соматических прав и в обосновании их комплексной правовой природы.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы и рекомендации. Во-первых, необходимо внести изменения в ст. 92 и 94 ТК РФ, установив более детализированную градацию рабочего времени для лиц младше 14 лет, участвующих в творческой деятельности, с четким закреплением максимальной продолжительности ежедневной занятости. Во-вторых, целесообразно изменить редакцию ст. 271 ТК РФ, закрепив обязанность

работодателя обеспечивать оплату труда несовершеннолетнего не ниже уровня оплаты труда совершеннолетнего работника соответствующей квалификации при пропорциональном пересчете, что устранил предпосылки дискриминации. В-третьих, требуется усиление контроля за использованием режима самозанятости несовершеннолетними путем установления дополнительных гарантий и надзора со стороны государственных органов. В-четвертых, представляется обоснованным включение отношений, связанных с трудом несовершеннолетних, в перечень объектов общественного контроля в соответствии с Федеральным законом от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [5]. В-пятых, необходимо развивать механизмы правового просвещения молодежи в сфере трудовых и социальных прав.

Таким образом, правовое регулирование труда несовершеннолетних и система социального обеспечения граждан образуют взаимосвязанную подсистему социально-трудового права, направленную на защиту соматических и социальных прав личности. Совершенствование данной подсистемы требует системного подхода, сочетающего законодательные изменения, развитие механизмов контроля и укрепление гарантий недопущения дискриминации и эксплуатации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изм. от 1.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Российская газета. 2001. № 256.
3. О страховых пенсиях : ФЗ от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Российская газета. 2013. № 296.
4. Об утверждении Долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 14.12.2021 № 3581-р (ред. от 17.01.2024) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 51. Ст. 8941.
5. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : ФЗ от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. 2014. № 163.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ АУТСОРСИНГА И АУТСТАФФИНГА

Е. Д. Егорова

Научный руководитель: И. А. Белова, *канд. юрид. наук, доцент*
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы
(ГрГУ им. Я. Купалы), г. Гродно, Беларусь
egorovalizaveta05i17@gmail.com

В статье поставлена цель изучения понятий аутсорсинга и аутстаффинга и проведение их сравнительного анализа. В силу отсутствия в Республике Беларусь законодательного закрепления данных форм привлечения и использования трудовых ресурсов в рамках исследования определена их сущность, а также установлены схожие черты и различия.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, аутсорсинг, аутстаффинг, правовое регулирование аутсорсинга, правовое регулирование аутстаффинга.

Трудовое законодательство Республики Беларусь регламентирует достаточно широкий круг форм занятости, которые можно отнести к категории нестандартных, например: труд домашних работников, дистанционная работа, работа на дому, занятость на условиях неполного рабочего времени, временная и сезонная занятость. Тем не менее в Беларуси существует практика организации работы некоторых предприятий с применением нормативно незакрепленных форм использования трудовых ресурсов, а именно аутсорсинга и аутстаффинга. В силу отсутствия законодательного закрепления данных форм необходимо в рамках исследования сущности и правовых аспектов данных институтов осуществить их разграничение и определение посредством сравнительно-правового метода исследования.

В ряде научных публикаций в сфере изучаемого вопроса под *аутсорсингом* понимают «...выполнение отдельных функций (производственных, сервисных, информационных...) или бизнес-процессов внешней организацией, обладающей необходимыми для этого ресурсами на основе долгосрочного соглашения»: Б. А. Аникин, И. Л. Руда [1]. Сущность аутсорсинга заключается в поручении непрофильных или вспомогательных функций, задач и процессов специализированным сторонним компаниям. Специалисты, непосредственно работающие в интересах заказчика, не трудоустроены у него, а находятся в кадровом составе аутсорсинговой организации.

В свою очередь, по мнению белорусских авторов, при аутстаффинге происходит «вывод своих сотрудников за штат, оформление их в штат другой организации, а затем заключение договора с этой организацией на предоставление работников» [2, с. 49].

Рассмотрим ключевые общие черты аутсорсинга и аутстаффинга.

1. Гибкость в управлении персоналом. Обе модели предоставляют предприятию возможность быстро регулировать количество задействованных трудовых

ресурсов в зависимости от текущих проектов без необходимости соблюдения длительных и сложных процедур найма или сокращения собственного штата.

2. Перевод рисков на внешнюю организацию. Заказчик в значительной степени минимизирует риски, связанные с трудовым законодательством: своевременное начисление заработной платы, споры с сотрудниками, оплата больничных листов, отпусков и др. «Ведь заказчик не состоит в трудовых отношениях с предоставленным ему персоналом. Нанимателем выступает аутстаффиговая или аутсорсинговая компания. Именно она отвечает перед работниками за нарушение трудового законодательства» [3].

3. Место работы привлекаемых сотрудников. Выполняющие делегированные задачи работники официально числятся в штате исполнителя.

4. Наличие трехсторонних правоотношений. В обоих случаях выстраивается своего рода треугольник отношений: заказчик — исполнитель (аутсорсер или аутстаффер) — работник.

5. Заключение гражданско-правового договора для оформления отношений. Опосредуются данные правоотношения путем заключения двух договоров. Между предприятием-заказчиком и компанией-исполнителем, т. е. двумя юридическими лицами, заключается исключительно гражданско-правовой договор. Для оформления отношений конкретного специалиста с его нанимателем, которым выступает аутсорсинговая или аутстаффиговая фирма, составляется трудовой договор. Это отличает данные институты от классического найма, где возникают договорённости опосредуются одним соглашением.

6. Отсутствие специального правового регулирования и недостаточная правоприменительная практика. Такие явления, как аутсорсинг и аутстаффинг, прямо не урегулированы белорусским законодательством. Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее — ГК РБ) не содержит определения договора аутсорсинга и аутстаффинга (или договора по предоставлению персонала). Однако имеет место применение общих положений об обязательствах и о договорах (раздел 3 ГК Республики Беларусь). Исходя из сущности отношений сторон при аутсорсинге и аутстаффинге, сделаем вывод, что юридически их можно оформить посредством договора оказания услуг (п. 1 ст. 733 ГК) [4]. Отсюда такой договор, согласно п. 1, 3 ст. 393 ГК Республики Беларусь, является возмездным [4]. Следовательно, при его заключении и исполнении необходимо руководствоваться установками гражданского права, в частности:

- главами 27–29 ГК Республики Беларусь (общие положения о договорах);
- главой 39 ГК Республики Беларусь (возмездное оказание услуг).

Аутсорсинг и аутстаффинг, несмотря на определенную схожесть, являются двумя самостоятельными понятиями. Выделим следующие фундаментальные отличия.

1. Модель взаимодействия с персоналом и его статус. При аутсорсинге предоставление сторонних специалистов на выполнение делегированных работ является неотъемлемой частью услуги. Как правило, подобные задачи выполняются людьми, ранее никак не связанными с заказчиком, вследствие чего они мало внедрены во внутренний рабочий коллектив, процессы фирмы.

При аутстаффинге «компания-аутстаффер становится формальным работодателем для сотрудников и берет на себя всю юридическую ответственность...», а такой персонал, в сущности, сохраняет свое «прежнее рабочее место», функции и задачи, а также остается интегрирован в рабочий процесс и управляется непосредственно своей компанией [5, с. 693].

2. Цели заказчика. Ученые справедливо отмечают, что цели использования анализируемых кадровых оптимизаций достаточно схожи. Предприятия имеют намерения сконцентрироваться на своем основном роде деятельности, свести к минимуму издержки, обеспечить качество процесса, высвободить ресурсы, разгрузить штатных работников. Однако в рамках аутстаффинга выделяется особо важная специфика: желание вовлечь в рабочий процесс экспертов, профессионалов в выбранной области и тем самым решить задачу оптимизации управления кадрами. По мнению отдельных исследователей, цель — не делегировать бизнес-процесс, а занять сотрудника на конкретное рабочее место и на определенный срок; акцент на том, что аутстаффинг не всегда предполагает экономическую выгоду для заказчика. Аутстаффинг — услуга недешевая, поэтому как таковой цели «снизить расходы» при выборе аутстаффинга нет. В отличие от ситуации с аутсорсингом, где этот факт будущей минимизации издержек может сыграть ключевую роль при заключении соответствующего договора.

3. Степень контроля заказчика над рабочим процессом. В случае, когда заказчик обращается за аутсорсинговыми услугами, он обговаривает с исполнителем конкретную задачу, и зачастую сам процесс выполнения порученного не вызывает его интерес. Закономерно, что предприятие-заказчик передает руководство выполнением определенной функции третьей стороне, подразумевая утрату прямого контроля. Для клиента имеет значение лишь конечный результат, что он получает в итоге. В то же время сущность формата аутстаффинга кроется в способе управления ресурсами и контроля над ними: как корпорация координирует выбранных работников, интегрирует их в свою деятельность и контролирует выполнение ими задач. Внешний персонал работает под непосредственным руководством фирмы-клиента.

Таким образом, аутсорсинг и аутстаффинг являются хотя и схожими в некоторых моментах институтами, но функционально отличными инструментами увеличения эффективности деятельности как отдельных компаний и государств, так и мировой экономики в целом.

Данные формы использования трудовых ресурсов базируются на общих принципах: стремление к росту конкурентоспособности, передача непрофильных функций и сопутствующих рисков специализированным провайдерам, а также повышение гибкости и адаптивности компании.

Выбор конкретной модели зависит от стратегических задач заказчика. Если имеется нужда передать целый бизнес-процесс, отдельные задачи для оптимизации работы фирмы и при этом снизить затраты, выбирается аутсорсинг. При необходимости оперативно привлечь человеческий капитал для решения

внутренних задач на благо бизнесу, не расширяя собственный штат, разумнее будет прибегнуть к аутстаффингу.

Однако из-за отсутствия правового закрепления анализируемые институты еще недостаточно распространены в Беларуси. Более того, нормативных определений национальное законодательство не содержит, поэтому дальнейшее исследование аутсорсинга и аутстаффинга становится актуальной задачей для белорусской научной мысли.

Список литературы

1. Аникин Б. А., Рудая И. Л. Аутсорсинг и аутстаффинг: высокие технологии менеджмента: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2009. 320 с.
2. Трудовое право: учеб. пособие / коллектив авторов; под ред. Л. И. Липень, Б. Б. Синькова. Минск : Амалфея, 2025. 316 с.
3. Ивашко Я. М. Что такое аутстаффинг и для чего он используется. URL: <https://ilex.by/news/autstaffing-komu-i-dlya-chego-nuzhen/> (дата обращения: 09.02.2026).
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 г. // ИПС ЭТАЛОН (дата обращения: 18.11.2025).
5. Михайлов А. А., Тихонов А. И., Дегтярев Б. А. Аутстаффинг персонала как форма социально-трудовых отношений // Московский экономический журнал. 2019. № 8. С. 692–705.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ (НА ПРИМЕРЕ г. НОВОСИБИРСКА)

М. Д. Жигинас, *обучающийся*, Е. И. Пилипчак, *ст. преподаватель*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
rita.zhiginas@bk.ru

Данная статья отражает теоретическую основу реализации социальной помощи многодетным семьям в рамках деятельности некоммерческих организаций, имеющих социальную направленность деятельности.

Ключевые слова: многодетная семья, социальная поддержка, социально ориентированные некоммерческие организации, благотворительные фонды.

Семьи с детьми — это основная категория, которая находится под особым контролем государства [1]. В свою очередь, государство предоставляет помощь и реализует разнообразные программы для улучшения качества жизни российских семей. Российская система социальной поддержки состоит не только из государственных органов социальной защиты населения, но и в том числе некоммерческих организаций, которые внесены в реестр поставщиков социальных услуг и имеют право на оказание социальной помощи и поддержки разным категориям населения, в частности семьям с детьми, особенно многодетным семьям.

Многодетные семьи, согласно указу Президента РФ, это семьи, имеющие трех и более детей, статус которых устанавливается бессрочно [2]. Многодетные семьи зачастую сталкиваются с рядом социальных проблем, в основном это проблемы бытового, воспитательного, социального, жилищного и материального аспекта. Они приводят к необходимости получения социальных услуг, мер социальной поддержки. Согласно законодательству Российской Федерации, их реализует ряд учреждений системы социальной защиты населения, в том числе некоммерческие социально ориентированные организации.

В настоящее время многодетные семьи являются главным объектом социальной и демографической политики государства. Институт социальной поддержки, социальной защиты многодетных семей постоянно претерпевает правовые и организационные изменения, поэтому важно изучить и проанализировать разнообразные механизмы организации помощи данной категории за счет деятельности некоммерческих организаций (НКО), что обуславливает цель нашего исследования.

Социальная поддержка многодетных семей в настоящее время имеет разнородный характер, деятельность некоммерческих организаций социального типа направлена на достижение социально значимых задач, решение социальных проблем семей, обратившихся за помощью. К НКО относятся

благотворительные фонды, общественные организации, автономные некоммерческие организации и др.

НКО играет важную роль в системе социальной защиты многодетных семей и выступает как дополнительный инструмент и механизм, который направлен на вывод семей из трудной жизненной ситуации, организацию профилактических мероприятий, предоставление гуманитарной, психологической, материальной и иной помощи и поддержки.

В городе Новосибирске насчитывается более 50 социально ориентированных некоммерческих организаций, но лишь некоторые из них реализуют помощь для многодетных семей. Например, благотворительный фонд «Солнечный город» исследует причины семейного неблагополучия, внедряет эффективные технологии помощи родителям и детям, чтобы у каждого ребенка было счастливое и полноценное детство [3].

НКО «Фонд помощи» реализует разнообразные акции для поддержки нуждающегося населения, в том числе многодетным семьям. В рамках акции «Продуктовые наборы» обеспечивают семьи товарами первой необходимости. Волонтеры фонда формируют и доставляют продуктовые наборы, включающие крупы, масло, сахар, консервы, чай и другие продукты длительного хранения. Данный фонд реализует помощь по подготовке детей из многодетных семей к учебному году, предоставляя необходимые канцелярские принадлежности [4].

АНО ЦПМС «МногоМама» ведет работу на территории всех субъектов нашей страны. Многодетные семьи при обращении в данный центр могут получить комплексную поддержку. Например: обеспечение продуктами питания, товарами первой необходимости и одеждой; организацию культурного отдыха и досуга, а также путешествий для всей семьи; восстановление и поддержание здоровья; реализацию права на получение образования, дополнительное обучение и спортивные секции; доступное жилье; помощь в организации занятости подростков; юридическую и психологическую поддержку; экстренную круглосуточную помощь семьям в сложной жизненной ситуации и профилактике социального сиротства [5].

Отметим, что это не весь перечень социально ориентированных некоммерческих учреждений, чья работа направлена на помощь многодетным семьям, семьям с детьми, семьям, воспитывающим детей-инвалидов. Заметим, что для получения помощи от данных учреждений многодетной семье не нужно предоставлять документы, подтверждающие нуждаемость, — помощь предоставляется безвозмездно, на добровольной основе. В целом направления деятельности НКО достаточно схожи, данные организации в основном предоставляют натуральную, материальную помощь либо реализуют воспитательную и профилактическую деятельность.

Не все государственные социальные учреждения имеют возможность предоставления подобного спектра социальной помощи, особенно если речь идет о помощи детям из многодетных семей с особенностями здоровья или организации досуга для детей, поэтому в практике работы государственных социальных учреждений существует взаимодействие с благотворительными фондами и другими социальными партнерами для решения проблем клиентов.

Работа благотворительных учреждений, общественных организаций и других некоммерческих организаций, чья деятельность социально ориентирована, достаточно сложна, кропотлива и специфична. Выполняя роль дополнительного инструмента по реализации социальной помощи и поддержки, они значительно разгружают систему государственной системы социальной защиты населения, а, следовательно, улучшают качество и условия жизни многодетных семей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. с изм. от 1.07.2020 // Рос. газета. 1993. № 237.
2. О мерах социальной поддержки многодетных семей : Указ Президента РФ от 23.01.2024 № 63. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_467710/ (дата обращения: 28.02.2026).
3. Сайт благотворительного фонда «Солнечный город». URL: <https://sgdeti.ru/> (дата обращения: 28.02.2026).
4. Сайт благотворительного фонда «Фонд помощи». URL: <https://фонд-помощи.рф/category/projects/semiam/> (дата обращения: 28.02.2026).
5. Сайт АНО ЦПМС «МногоМама». URL: <https://mnogomama.com/> (дата обращения: 28.02.2026).

ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН НА ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

К. Э. Истомина, *обучающийся*, Е. А. Мазур, *обучающийся*,
Г. В. Жук, *ст. преподаватель*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
karina.istomina45@gmail.com

В данной статье рассматривается актуальная проблема защиты конституционного права граждан на пенсионное обеспечение в Российской Федерации. Целью работы является систематизация знаний о способах защиты пенсионных прав, выявление системных проблем и определение перспективных направлений совершенствования законодательства и правоприменения.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, пенсионные права граждан, пенсионная реформа, страховая пенсия, судебная защита, трудовой стаж.

Право на пенсионное обеспечение является одним из основных социальных прав граждан, закрепленных в ст. 39 Конституции Российской Федерации, и выступает неотъемлемым элементом социального государства, каковым провозглашена Россия в ст. 7 Основного закона [1]. Это право — важнейшая гарантия материальной поддержки в старости, при наступлении инвалидности, в случае потери кормильца и в иных установленных законом случаях. Стабильность и справедливость пенсионной системы напрямую влияют не только на уровень социального благополучия в обществе, но и на доверие граждан к государственным институтам в целом. Однако, несмотря на наличие разветвленной системы законодательства в данной сфере, граждане нередко сталкиваются с нарушением своих прав, что делает тему их защиты чрезвычайно актуальной в условиях продолжающейся трансформации пенсионной модели и демографических вызовов. Сложность и многоуровневость пенсионного законодательства, многократные реформы, переход от распределительной к распределительно-накопительной системе, а затем внедрение балльной системы, а также зачастую формальный подход со стороны уполномоченных органов создают благодатную почву для многочисленных споров и конфликтов.

Основу правового регулирования пенсионного обеспечения составляют федеральные законы от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», от 28.12.2013 № 424-ФЗ «О накопительной пенсии», а также множество подзаконных актов, постановлений Правительства и разъяснений ведомств. Единым оператором, ответственным за назначение, перерасчет и выплату пенсий, с 1 января 2023 года является Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации (СФР) [5]. Именно с решениями и действиями (или бездействием) этого органа у граждан чаще всего возникают разногласия. К наиболее распространенным проблемам, вынуждающим граждан искать

защиты, можно отнести отказ во включении в страховой (трудовой) стаж определенных периодов трудовой и иной общественно полезной деятельности.

Особенно часто споры возникают по поводу так называемых «нестраховых» периодов: служба в армии по призыву, уход одного из родителей за каждым ребенком до достижения им возраста полутора лет, уход за инвалидом I группы, а также периодов работы до 2002 года, подтверждение которых затруднено из-за утери архивных документов работодателями или некорректных записей в трудовых книжках. Наряду с этим нередко встречается и неправильное исчисление размера пенсии. Современная формула расчета страховой пенсии по старости достаточно сложна для понимания обычного гражданина [2]. Ошибки могут возникать на этапе конвертации пенсионных прав, приобретенных до 2002 года, при учете заработной платы или при неверном применении повышающих коэффициентов. Еще одной значительной проблемой является отказ в назначении досрочной страховой пенсии по старости лицам, работавшим во вредных и опасных условиях труда по Спискам № 1 и 2.

Действующее законодательство предусматривает несколько механизмов защиты нарушенных пенсионных прав. Первым этапом является досудебный, или административный порядок. Гражданин, не согласный с решением территориального органа СФР, имеет право подать жалобу в вышестоящий орган СФР в течение месяца со дня получения оспариваемого решения. Однако на практике часто вышестоящий орган проявляет «ведомственную солидарность» и формально подходит к рассмотрению жалобы, поддерживая позицию своего территориального подразделения, что вынуждает гражданина переходить к следующему этапу защиты [3].

Когда административные механизмы исчерпаны или не приносят желаемого результата, гражданин вправе обратиться в районный суд с административным иском заявлением в порядке, установленном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ), об оспаривании решения, действия или бездействия СФР. Предметом иска может быть признание незаконным отказ в назначении пенсии, требование о включении спорных периодов в стаж, перерасчет размера пенсии или понуждение к назначению пенсии с определенной даты.

Судебная практика по пенсионным спорам весьма обширна и, что важно, в большинстве случаев складывается в пользу граждан при условии предоставления ими убедительной доказательной базы. Преимущество судебной защиты заключается в более широких возможностях по сбору и оценке доказательств, а также в особенностях распределения бремени доказывания в административном процессе. Согласно КАС РФ, именно на государственный орган, в данном случае на Социальный фонд России, возлагается обязанность доказать законность и обоснованность своего оспариваемого решения. Гражданину же достаточно доказать факт нарушения его прав и предоставить имеющиеся у него свидетельства своей правоты [3].

В суде, в отличие от формализованного подхода СФР, можно использовать весь спектр доказательств: не только официальные документы, такие как

трудовая книжка или справки о зарплате, но и архивные выписки, приказы о приеме и увольнении, расчетные листы, членские билеты профсоюза, характеристики с места работы и, что особенно ценно, свидетельские показания. Показания двух и более свидетелей, работавших вместе с истцом, могут подтвердить факт, период и характер его трудовой деятельности [4]. Это играет решающую роль при доказывании стажа за 90-е годы, когда в условиях экономической нестабильности многие предприятия были хаотично ликвидированы, а их архивы утеряны не по вине работника. Суды, руководствуясь принципами социального государства и справедливости, закрепленными в Конституции РФ, и опираясь на правовые позиции Конституционного Суда РФ, часто исходят из презумпции добросовестности гражданина. Судебная практика выработала подход, согласно которому формальные неточности в документах (ошибки в названии должности, отсутствие печати) не должны лишать гражданина права на пенсию, если совокупность других доказательств подтверждает его правоту. Таким образом, суд осуществляет не формальную, а комплексную оценку всех обстоятельств дела, восполняя пробелы в документах и защищая сущностное право человека на социальное обеспечение.

В заключение следует отметить, что система защиты пенсионных прав граждан в России, включающая как административные, так и судебные механизмы, в целом функционирует, однако имеет ряд системных недостатков: государство в лице законодателя устанавливает сложные правила, а в лице исполнительного органа (СФР) зачастую формально их применяет, что массово порождает споры, разрешать которые приходится судебной власти, когда судебная защита остается наиболее эффективным, а порой и единственным инструментом восстановления социальной справедливости.

Для повышения эффективности этой системы и снижения нагрузки на суды необходимы системные, превентивные меры. Требуется дальнейшее совершенствование законодательства в сторону упрощения процедур подтверждения стажа и заработка, возможно, путем введения правовых презумпций в пользу гражданина в случаях, когда документы утеряны не по его вине. Критически важной задачей является полномасштабная цифровизация архивов и углубление межведомственного электронного взаимодействия, что позволит СФР проактивно запрашивать необходимые сведения без участия гражданина. Крайне важным представляется повышение уровня правовой грамотности населения и, что не менее значимо, качество консультационной работы самого Социального фонда на этапе, предшествующем назначению пенсии, чтобы минимизировать количество ошибок и отказов. Наконец, необходимо усилить ответственность должностных лиц за необоснованные и формальные отказы в реализации законных прав граждан, возможно, путем введения ведомственных показателей, оценивающих не экономию средств от отказов, а количество отмененных в суде решений. Конечной целью должно стать построение такой системы, в которой обращение в суд для защиты пенсионных прав станет исключительной мерой, а не распространенной практикой.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.01.2026).
2. О страховых пенсиях : ФЗ от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (часть I). Ст. 6965.
3. Мачульская Е. Е. Право социального обеспечения в России : учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 453 с.
4. Комментарий к Федеральному закону «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» / под ред. Ю. В. Воронина. М. : Норма, ИНФРА-М, 2022. 320 с.
5. Социальный фонд России : официальный сайт. URL: <https://sfr.gov.ru/> (дата обращения: 26.01.2026).

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ
СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: УСЛОВИЯ,
СЛУЧАИ ВЫПЛАТ И СПОРНЫЕ СИТУАЦИИ**

К. В. Казакова, В. А. Госсен, Д. А. Евсикова

Научный руководитель: Г. В. Жук, *ст. преподаватель*

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),

г. Новосибирск, Россия

ksenia909@list.ru

В данной работе анализируется современное состояние и нормативно-правовое регулирование системы обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов. Цель работы: выявление правовых коллизий в правоприменительной практике и разработке рекомендаций по совершенствованию механизмов социальной защиты лиц, исполняющих служебный долг в условиях повышенного риска.

Ключевые слова: обязательное государственное страхование, законодательство, страхователь, страховщик, единовременное пособие, коллизия правовых норм.

В системе государственного страхования в Российской Федерации особое место занимает институт обязательного обеспечения жизни и здоровья личного состава органов внутренних дел. Данная модель функционирует на некоммерческой основе: государство берет на себя роль страхователя, а реализация выплат осуществляется через уполномоченную государственную организацию. Такой подход гарантирует социальную защищенность сотрудников, которые являются ключевым активом правоохранительной структуры. Эффективная система страховых выплат является важным фактором престижа службы и кадровой стабильности в органах внутренних дел. В условиях реформирования силовых структур и необходимости привлечения квалифицированных кадров государственные гарантии становятся главным инструментом мотивации и социальной защищенности.

Целью страхования является компенсация вреда, причинённого жизни и здоровью сотрудников при выполнении служебных обязанностей, а также материальная поддержка их семей в случае гибели сотрудника. Эта помощь регулируется Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового...».

В соответствии с ФЗ № 52-ФЗ, субъектами страхования выступают сотрудники органов внутренних дел, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, войск национальной гвардии, органов принудительного исполнения; страхователем выступают федеральные органы исполнительной власти, в которых сотрудники проходят службу; страховщик — страховая организация, имеющая лицензию на осуществление обязательного государственного страхования и заключившая договор со страхователем. Срок действия

договора по закону — не менее одного календарного года. Финансирование происходит за счёт средств, выделяемых страхователям из соответствующих бюджетов [1].

На основании положений ч. 3 ст. 43 Федерального закона № 3-ФЗ, близкие родственники погибшего представителя МВД наделяются правом на получение солидарной материальной компенсации, общий объем которой составляет 3 млн рублей. Указанные средства распределяются между всеми законными претендентами в симметричных долях. Данный механизм финансовой защиты активируется, если фатальные последствия для здоровья наступили по причине ранений или приобретенных патологий, связанных с профессиональной деятельностью или периодом прохождения службы. Действие этой нормы охватывает и случаи, когда бывший сотрудник уходит из жизни в течение года после расторжения контракта при условии, что причиной смерти стал ущерб здоровью, ранее послуживший основанием для признания его негодным к дальнейшему выполнению служебных обязанностей [1].

Наряду с обязательным гражданским страхованием (ОГС) здоровья обязательным является и страхование жизни, гарантирующее финансовую поддержку близким сотрудника полиции в случае его гибели при исполнении обязанностей [2]. Согласно федеральному законодательству, выгодоприобретателями в такой ситуации признаются следующие члены семьи: официальный супруг или супруга; родители (либо усыновители); бабушка и дедушка, если они фактически воспитывали и содержали сотрудника более трех лет из-за отсутствия родителей. Также право на выплаты имеют мачеха и отчим, если период воспитания и содержания составлял не менее пяти лет. В перечень получателей включены несовершеннолетние дети, дети-инвалиды (получившие инвалидность до 18 лет) и совершеннолетние дети до 23 лет, которые обучаются по очной форме [1]. Все указанные нормы закреплены в Федеральном законе № 52-ФЗ.

Сложность вопросов, возникающих в области ОГС жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов (в первую очередь в рамках Федерального закона № 52-ФЗ от 28.03.1998), представляет собой одну из наиболее запутанных проблем административного и гражданского права. Нередко коллизии правовых норм в данной сфере обусловлены противостоянием между социальными обязательствами государства и экономическими интересами страховых организаций [3].

1. Коллизия статуса. Противоречие между понятиями «период прохождения службы» и «исполнение служебных обязанностей». Закон трактует страховой случай широко: гибель или увечье в любой момент прохождения службы. Это гарантирует непрерывную защиту застрахованного. На практике страховые компании и ведомства нередко сужают понятие, признавая страховым случаем лишь события, произошедшие при непосредственном исполнении обязанностей. На этом основании отказывают в выплатах при травмах в быту, в выходные и т. п., ссылаясь на отсутствие связи с профессией.

2. Коллизия «двойного возмещения». Возникает в сфере социального обеспечения государственных служащих в связи с наличием двух видов выплат: страховой и единовременного пособия. Законодательство предусматривает

право сотрудника на получение обеих сумм, однако на практике возникает спор о взаимоотношении этих гарантий. Правоприменительная практика демонстрирует противоречивые подходы.

Для эффективного устранения текущих проблем в системе ОГС сотрудников ОВД требуется всесторонний подход. Он должен включать в себя пересмотр законодательной базы, внедрение цифровых технологий.

1. Улучшение законодательства и права. Нужно законодательно установить более ясные правила, чтобы отличать травмы, полученные на работе, от тех, что произошли в быту. Предлагается считать травму полученной по службе по умолчанию, если она произошла в рабочее время. Это снимет с сотрудника обязанность доказывать, что травма связана со службой.

2. Переход к единому государственному страховщику (государственная монополия). Создание государственного агентства. Одним из самых действенных шагов может быть отказ от услуг частных страховых компаний в пользу одного государственного органа, который будет заниматься страхованием (например, на базе государственного казначейства или специальной государственной компании). Такой подход устранил коммерческую выгоду (стремление сэкономить на выплатах) и сделает систему ориентированной на социальные нужды.

В заключение хочется отметить, что система обязательного государственного страхования личного состава силовых структур является ключевым инструментом в структуре их социальных гарантий. Данный правовой институт обеспечивает финансовую стабильность сотрудников и их семей при возникновении профессиональных рисков, связанных с ущербом здоровью или утратой жизни.

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что существующий механизм страхового обеспечения в целом эффективен, однако требует дальнейшего совершенствования. Основные проблемы сосредоточены в области толкования страховых случаев и определения условий, при которых событие признается связанным со служебной деятельностью. Выявление ряда спорных ситуаций, возникающих на стыке административного и гражданского права, в частности, сложности при разграничении страховых случаев и бытовых травм. Устранение правовой неопределенности в этих вопросах позволит сделать систему более прозрачной и справедливой.

Список литературы

1. Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел ...» : ФЗ от 28.03.1998 № 52-ФЗ (послед. ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18259/?ysclid=mlhsqnivwx347582643 (дата обращения: 26.01.2026).
2. Бондарёв Ю. А. Право военнослужащих и сотрудников правоохранительных

- органов на возмещение вреда, причинённого их жизни и здоровью, в соответствии с нормами о страховых выплатах по обязательному государственному страхованию // Общество и право. 2010. № 1. С. 106–113.
3. Кирилловский О. В., Мельникова Н. А. Правовое регулирование мер социальной защиты в отношении защищаемых лиц из числа сотрудников уголовно-исполнительной системы и пути его совершенствования // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 2 (37). С. 76–87.

**ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР КОМИССИЙ
ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ
К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ
ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ ДЕТЕЙ**

Д. С. Колесник, *обучающийся*, М. В. Чельцов, *канд. пед. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
miki7575@mail.ru

В статье актуализируется проблема низкой эффективности мер воздействия, применяемых комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН) к родителям, не исполняющим обязанности по воспитанию детей. Сложившаяся правоприменительная практика демонстрирует преобладание формального подхода, который не обеспечивает реального исправления ситуации в семье и должной защиты прав ребенка. В исследовании рассматриваются теоретико-правовые основы деятельности КДН, анализируются меры воздействия, применяемые к родителям (предупреждение, административный штраф по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, направление материалов в органы опеки). В заключение делается вывод о том, что реализация профилактического потенциала КДН возможна за счет внедрения индивидуальных программ реабилитации семьи, усиления межведомственного взаимодействия и привлечения к работе комиссий квалифицированных психологов и социальных работников.

Ключевые слова: комиссия по делам несовершеннолетних, родители, административная ответственность, воспитание детей, профилактика безнадзорности, защита прав детей, неисполнение родительских обязанностей, статья 5.35 КоАП РФ, субъекты профилактики, эффективность.

Актуальность исследования. Институт семьи и детства является приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации. Конституция РФ провозглашает, что материнство, детство, семья находятся под защитой государства [2]. Одним из ключевых звеньев в системе профилактики семейного неблагополучия и защиты прав несовершеннолетних выступают комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — КДН, комиссии). Наделенные широкими полномочиями, КДН призваны не только применять меры административного воздействия к родителям, но и координировать работу всех органов системы профилактики.

Однако, несмотря на законодательно закрепленный статус, эффективность деятельности рассматриваемых комиссий в последние годы вызывает обоснованную критику как со стороны ученых-правоведов, так и со стороны практических работников. Проблема заключается в том, что меры, применяемые к родителям за неисполнение обязанностей по воспитанию детей (предупреждение, административный штраф), зачастую носят формальный характер и не приводят к реальному исправлению ситуации в семье. Более того, формальность часто усугубляет семейное неблагополучие и семейные кризисы, порождает рецидивы правонарушений и ставит под угрозу права и законные

интересы ребенка. В этой связи особую актуальность приобретает поиск путей повышения эффективности работы КДН и совершенствования механизмов административного воздействия на родителей.

Цель статьи — выявить системные правовые и организационные проблемы в деятельности КДН, снижающие эффективность применяемых к родителям мер, и предложить направления для совершенствования механизма административного воздействия и профилактической работы с семьями.

Методы и инструменты исследования. Исследование проводилось на основе анализа положений Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Семейного кодекса РФ, а также обобщения правоприменительной практики и научных публикаций по проблеме профилактики семейного неблагополучия. Основными методами выступили формально-юридический анализ и системный подход к изучению межведомственного взаимодействия субъектов профилактики.

Обзор научной литературы по проблеме. Проблематика деятельности комиссий по делам несовершеннолетних достаточно широко освещена в научной литературе. Значительный вклад в исследование правового статуса и полномочий КДН внесли такие ученые, как Е. В. Марковичева, рассматривающая административно-правовой статус комиссий, и Н. Н. Штыкова, анализирующая эволюцию законодательства в данной сфере. Вопросы эффективности профилактической работы поднимаются в работах Л. М. Пчелинцевой, которая акцентирует внимание на необходимости усиления воспитательной функции и межведомственного взаимодействия.

В то же время многие авторы, включая О. В. Петренко, отмечают, что на практике деятельность КДН сводится преимущественно к формальному рассмотрению протоколов об административных правонарушениях, что не позволяет в полной мере реализовать профилактический потенциал комиссий. Т. Н. Федорова указывает на недостаточную психологическую подготовку членов КДН для работы с кризисными семьями. А. В. Рогова акцентирует внимание на несоразмерности штрафных санкций глубине социальных проблем. Недостаточно исследованным остается вопрос о реальном влиянии мер административной ответственности на изменение поведения родителей и внедрении восстановительных технологий в деятельность КДН, что и обуславливает актуальность настоящей работы.

Результаты исследования, практическая значимость и обсуждение. Правовую основу деятельности КДН составляет Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4]. К мерам воздействия, которые КДН может применять к родителям за неисполнение обязанностей по воспитанию детей, относятся: объявление предупреждения (выносится при малозначительности деяния или при первом нарушении); возбуждение ходатайства о привлечении родителей к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35

КоАП РФ (неисполнение обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних) [1]; направление материалов в органы опеки и попечительства для решения вопроса о лишении или ограничении родительских прав в соответствии со статьями 69 и 73 Семейного кодекса РФ [3]; проведение профилактических бесед, постановка семьи на контроль (учет), подготовка ходатайств о направлении родителей в специализированные службы (наркологам, психологам).

Анализ правоприменительной практики и научных источников позволяет выделить ряд системных проблем, к которым, по нашему мнению, следует отнести: предупреждение, воспринимаемое как формальность, не влекущая реальных последствий; штраф (зачастую минимален и несоизмерим с глубиной проблемы). Также для неблагополучных семей уплата даже небольшого штрафа ложится дополнительным бременем, усугубляя материальное положение ребенка, а не стимулирует родителей к исправлению [5, с. 46].

Совокупность указанных и ряда других объективных факторов, формирующихся в результате отсутствия единых баз данных и координации действий между субъектами профилактики, а также из-за недостатков опыта и психолого-педагогической подготовки, ведут к бюрократизации всего процесса и снижают эффективность работы КДН.

Выводы и рекомендации. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что существующая модель работы КДН в части применения мер к родителям за неисполнение обязанностей по воспитанию детей требует существенной модернизации. Формальный подход, доминирование карательной функции над профилактической, ограниченность реальных рычагов воздействия и слабая координация между ведомствами не позволяют достичь главной цели — защиты прав ребенка и оздоровления обстановки в семье.

Эффективность работы КДН может быть повышена путем смещения акцента с карательной на восстановительную и реабилитационную функции, внедрения индивидуальных программ сопровождения семьи, усиления межведомственного взаимодействия на основе единых информационных систем и привлечения к работе комиссий квалифицированных специалистов психолого-педагогического профиля. Реализация предложенных направлений будет способствовать реальной защите прав детей, снижению уровня семейного неблагополучия и, как следствие, уменьшению числа правонарушений как среди родителей, так и среди несовершеннолетних.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок от 04.10.2022) // Российская газета. 1993. 25 дек.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : ФЗ от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
5. Рогова А. В. Административная ответственность родителей за неисполнение обязанностей по воспитанию детей: проблемы теории и практики // Российская юстиция. 2021. № 7. С. 45–48.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН

Е. К. Кривчикова, *обучающийся*, М. Г. Чельцова, *канд. пед. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
redersartschoo@gmail.com

Статья посвящена анализу современного состояния нормативно-правового регулирования социального обеспечения граждан в Российской Федерации. Рассматриваются ключевые источники правового регулирования, выявляются системные проблемы законодательной разрозненности и противоречивости, а также формулируются предложения по совершенствованию правового механизма реализации социальных прав граждан.

Ключевые слова: социальная защита населения, источники права, нормативно-правовое обеспечение, федеральный закон, региональное законодательство, международная конвенция.

Актуальность исследования обусловлена конституционно закреплённым статусом Российской Федерации как социального государства и возрастающей значимостью эффективного правового обеспечения социальных прав в условиях социально-экономической нестабильности. В соответствии с ч. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации государственная политика направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, а ст. 39 Конституции РФ [1] гарантирует каждому социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных предусмотренных законом случаях. Несмотря на нормативное закрепление данных положений, правоприменительная практика свидетельствует о наличии существенных проблем в их реализации, что обуславливает необходимость комплексного научного анализа действующей системы правового регулирования социального обеспечения.

Целью исследования является выявление особенностей и проблем нормативно-правового регулирования социального обеспечения граждан в Российской Федерации, а также обоснование направлений его дальнейшего совершенствования. Для достижения поставленной цели в работе применяются формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой и аналитический методы исследования, позволяющие комплексно оценить действующее законодательство и практику его применения.

Нормативно-правовая база социального обеспечения в Российской Федерации носит многоуровневый и эпизодический характер. Основополагающее значение в данной сфере является часть Конституции Российской Федерации, положения которой определяются в федеральных законах подзаконных нормативных правовых актов. К числу центральных федеральных законов относятся ФЗ от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», ФЗ от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [3], ФЗ от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного

социального страхования» [4], ФЗ от 30 ноября 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», а также ФЗ от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [5].

Указанные нормативные акты регулируют различные системы социального обеспечения, включая пенсионное обеспечение, социальные пособия, социальные услуги и меры адресной поддержки.

Существенную роль в правовом регулировании социальной сферы играют международные договоры Российской Федерации. В частности, Конвенция Международной организации труда № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения», ратифицированная Федеральным законом от 3 октября 2018 г. № 349-ФЗ, закрепляет международные стандарты социального обеспечения, обязательные для национальной правовой системы [2]. В силу ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Российской Федерации, что усиливает значение международных социальных стандартов при формировании внутреннего законодательства.

Несмотря на обширность нормативной базы, действующее законодательство в сфере социального обеспечения характеризуется рядом проблемных аспектов. Одной из ключевых проблем является отсутствие единого кодифицированного акта, комплексно регулирующего отношения в сфере социального обеспечения. В настоящее время соответствующие нормы содержатся более чем в ста пятидесяти федеральных законах и значительном количестве подзаконных актов, что затрудняет их системное восприятие и применение. Разрозненность правового регулирования приводит к дублированию норм, коллизиям и пробелам, что негативно отражается на доступности социальной помощи для граждан.

Дополнительной проблемой является несогласованность полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Российской Федерации. Социальное обеспечение относится к предметам совместного ведения, однако различия в уровне бюджетной обеспеченности регионов обуславливают существенную дифференциацию объема и качества предоставляемых социальных гарантий. Практика показывает, что региональное законодательство зачастую более детально регулирует отдельные меры социальной поддержки, однако отсутствие единых федеральных стандартов приводит к неравенству граждан в зависимости от места проживания.

Особое значение приобретает проблема адресности социальной помощи. Законодательство последовательно ориентируется на предоставление мер поддержки с учётом уровня доходов граждан, что соответствует принципу социальной справедливости, однако на практике усложнение процедур подтверждения нуждаемости и избыточная бюрократизация затрудняют реализацию социальных прав, особенно для пожилых граждан и лиц с инвалидностью. Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации свидетельствует о необходимости учета фактических жизненных обстоятельств при разрешении споров о праве на социальные выплаты, что указывает на недостаточную определённость действующих норм.

Практическая и теоретическая значимость исследования заключается в возможности использования сформулированных выводов при дальнейшем совершенствовании законодательства о социальном обеспечении, а также в учебном процессе при изучении дисциплин конституционного и социального права. Результаты исследования могут быть учтены при разработке нормативных правовых актов, направленных на систематизацию социальной сферы.

Выводы и рекомендации. Современное нормативно-правовое регулирование социального обеспечения граждан в Российской Федерации нуждается в комплексной реформе. Представляется целесообразным разработать и принять единый кодифицированный акт — Социальный кодекс Российской Федерации, который позволил бы систематизировать разрозненные нормы, установить единые стандарты социальной поддержки и чётко разграничить полномочия между уровнями публичной власти. Кроме того, требуется дальнейшее развитие механизмов цифровизации социальных услуг при одновременном обеспечении надлежащей защиты персональных данных, а также упрощение административных процедур предоставления социальной помощи. Реализация указанных мер будет способствовать более полному воплощению конституционных принципов социального государства и обеспечению истинной защищенности граждан.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изм.) // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. О минимальных нормах социального обеспечения : Конвенция № 102 Международной организации труда (заключена в г. Женеве 28.06.1952) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 23. Ст. 3589.
3. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : ФЗ от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Российская газета. 1995. № 234.
4. Об основах обязательного социального страхования : ФЗ от 16.07.1999 № 165-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Российская газета. 1999. № 139.
5. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : ФЗ от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Российская газета. 2013. № 295.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В ЖИЛИЩНОЙ СФЕРЕ

А. С. Куликова

Научный руководитель: Е. В. Колодина, *доцент*

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

(Алтайский филиал РАНХиГС), г. Барнаул, Россия

skjgjdhdhbfhf@yandex.ru

В данной работе проведен анализ современного состояния реализации жилищных прав детей-сирот в Российской Федерации. Рассмотрены статистические данные, выявлены основные причины нарушений прав детей-сирот и предложены пути совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: социальное государство, социальная поддержка, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, жилищные права, жилищный сертификат.

Конституция РФ провозглашает Россию социальным государством, что предполагает создание условий для достойного развития личности. Приоритетным направлением реализации данного принципа является поддержка наиболее уязвимой части населения, к которой относятся дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей (далее — дети-сироты). Ключевым компонентом системы социального обеспечения данной категории граждан является закрепленное в Конституции Российской Федерации право на жилище. Согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, данное право обладает преимущественным значением среди иных социальных гарантий, обеспечивая доступность жилого помещения как необходимого условия реализации основных потребностей личности и достойного уровня существования, что обуславливает возложение на государство обязанности по предоставлению бесплатного жилья социально уязвимым группам, в частности детям-сиротам [1]. В этой связи настоящее исследование является актуальным и нацелено на выявление проблемных аспектов реализации жилищных прав детей-сирот и выработку научно обоснованных предложений, направленных на совершенствование механизмов их правовой защиты.

Нормативной базой, обеспечивающей жилищные права детей-сирот, служат Конституция РФ и Жилищный кодекс (в частности ст. 109.1 ЖК РФ), гарантирующие предоставление жилья по договорам социального найма, что соотносится и с международными актами. Детализация этих гарантий содержится в Федеральном законе от 21.12.1996 № 159-ФЗ (далее — Федеральный закон) [2], ст. 8 которого устанавливает, что по достижении 18 лет, а в случае, если законодательством субъекта РФ это допускается, то ранее этого возраста, дети-сироты единожды обеспечиваются благоустроенным жильем из

специализированного фонда после окончания пребывания в учреждениях, обучения, службы или освобождения из мест лишения свободы, за исключением случаев, когда проживание в имеющемся жилье невозможно.

Воздействие на социальную сферу, в том числе и на положение детей, оказывает специальная военная операция. Негативным последствием стал рост числа детей, фактически лишившихся родительского попечения. По данным Министерства просвещения РФ, по состоянию на 2024 год число несовершеннолетних лиц, лишённых родительского попечения, достигло более 340 тыс. человек, причём у 208 630 представителей данной категории право на получение жилого помещения уже приобретено, однако реализация его пока не состоялась. Из указанного числа 87 600 являются лицами старше 23 лет [3]. При этом в большинстве регионов жилье данной категории граждан предоставляется преимущественно по судебным решениям, не исполняющимся в среднем свыше трех лет.

Одним из путей решения проблемы предоставления жилья детям-сиротам стало введение системы выдачи жилищных сертификатов, начавшееся в 2021 году. Сертификаты предоставляют сиротам возможность самим выбрать себе жилье среди предложений рынка недвижимости, используя, таким образом, альтернативный способ обеспечения жилым помещением. В частности, региональными нормативными актами устанавливается, что дети-сироты, достигшие 23-летнего возраста и состоящие в списке на получение жилья, вправе претендовать на однократную социальную выплату, удостоверяемую именным свидетельством (жилищным сертификатом), для приобретения благоустроенного жилого помещения.

Однако анализ действующего законодательства и складывающейся правоприменительной практики свидетельствует о наличии проблем в механизме обеспечения жильем детей-сирот, среди которых можно выделить следующие.

1. Длительный период ожидания получения социальной выплаты на приобретение жилого помещения в собственность. Согласно данным Счетной палаты, по состоянию на декабрь 2019 года срок предоставления жилья детям-сиротам в ряде регионов превышал десятилетний рубеж: в Кемеровской области он достигал 12 лет, в Забайкальском крае — 14 лет, а в Республике Крым — свыше 20 лет [4]. Столь длительное ожидание вынуждает детей-сирот обращаться за защитой своих прав в судебные инстанции, причем в 12 субъектах РФ (включая Калининградскую, Новгородскую области и Еврейскую автономную область) предоставление квартир осуществляется исключительно на основании судебных решений. Согласно более позднему отчету, в период с января 2023 по июль 2025 года численность детей-сирот, не обеспеченных жильем в установленный срок, сократилась на 5,6 % (со 190,8 до 180,1 тыс. человек), однако в Якутии, Челябинской и Тверской областях задолженность перед данной категорией граждан, напротив, увеличилась. Подобная ситуация обусловлена преимущественно длительностью процедур закупки жилья, несоблюдением застройщиками договорных сроков, дефицитом благоустроенных квартир на вторичном рынке и иными факторами.

2. Дефицит жилищного фонда. Объекты, предлагаемые на вторичном рынке, зачастую не соответствуют санитарным нормам или не обладают необходимым уровнем благоустройства. Возникает ситуация, при которой выделяемых бюджетных средств недостаточно для приобретения имеющегося жилья по рыночным ценам, что свидетельствует о несбалансированности механизмов финансирования. Существенным пробелом правового регулирования выступает запрет на направление средств жилищного сертификата на участие в долевом строительстве. В Республике Бурятия проблема с обеспечением сирот жильем проявляется в нежелании продавцов участвовать в торгах [5].

3. Существенный пробел в правовом регулировании: норма, согласно которой дети-сироты, не поставленные своевременно на жилищный учет, по достижении 23 лет могут утратить право на получение жилого помещения. В соответствии с федеральным законом, формирование списка детей-сирот построено на заявительном порядке. В случае неподачи заявления законными представителями детей-сирот заявление о включении в список детей-сирот подают органы опеки и попечительства, исполняющие в отношении этих детей свои полномочия. Однако такое положение порождает правовую неопределенность, поскольку может трактоваться как право, а не обязанность соответствующих органов. Положение усугубляется низкой правовой грамотностью самих детей-сирот, не позволяющей им эффективно защищать свои жилищные интересы.

На основе проведенного анализа предлагаются следующие рекомендации.

1. Необходимо обеспечить целевое финансирование строительства жилья для детей-сирот, что предполагает формирование специализированных фондов, аккумулирующих бюджетные средства, а также создание условий для привлечения частных инвестиций посредством предоставления государственных льгот и гарантий.

2. Одним из перспективных направлений представляется осуществление реконструкции и адаптации имеющегося жилого фонда (бывших общежитий и школьных зданий) в пригодные для проживания помещения, предназначенные специально для детей-сирот, наряду с вовлечением в хозяйственный оборот неиспользуемых земельных участков, находящихся в собственности государства и муниципалитетов.

3. Создание специализированных региональных программ, целью которых является упрощение процесса покупки недвижимости на вторичном рынке, в том числе путем отмены конкурентных процедур. Важнейшим аспектом выступает организация регулярного правового просвещения воспитанников детских учреждений непосредственно внутри образовательных организаций, направленное на приобретение ими необходимых юридических знаний для самостоятельной защиты своих прав.

Важно отметить, что вопрос жилищного обеспечения детей-сирот особенно актуален в современных социальных и экономических реалиях, и эффективное его разрешение должно создать благоприятные условия для комфортной жизни и успешной социальной адаптации данной категории граждан.

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 509-О-О // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».
2. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей : ФЗ от 21.12.1996. № 159-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 52. Ст. 5880.
3. Поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Министерство просвещения Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/orphans (дата обращения: 22.02.2026).
4. Счетная палата: численность детей-сирот, не обеспеченных жильем, сокращается, но темпы недостаточны // Счетная палата Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://ach.gov.ru/checks/chislennost-detey-sirot-ne-obespechennykh-zhilem-sokrashchaetsya> (дата обращения: 22.02.2026).
5. Балтатарова С. Б. Некоторые правовые проблемы предоставления жилья для детей-сирот // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 5 (81). С. 256–259.

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

А. Р. Синчишина, Я. М. Яковлева

Научный руководитель: Г. В. Жук, *ст. преподаватель*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
sin.anna22.07@mail.ru, yana_yakovleva_07@inbox.ru

Данная статья посвящена основным формам устройства детей, оставшихся без попечения родителей в России. Цель работы заключается в рассмотрении форм по устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова: Семейный кодекс РФ, несовершеннолетние дети, форма устройства, попечение, права детей, ребенок, родительские права.

В настоящее время в связи с обстановкой в стране значительное число несовершеннолетних детей остаются без попечения родителей. Также существуют обстоятельства, при которых матери отказываются от новорожденных. Для таких случаев предусмотрены особые формы устройства детей.

Правовое регулирование устройства детей осуществляется множеством нормативно-правовых актов, к ним относятся: Конституция Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации и иные нормативно-правовые акты. Центральным актом является Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» от 4.04.2008 № 48-ФЗ [3].

Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 № 159-ФЗ закрепляет понятие «дети, оставшиеся без попечения родителей» [2].

Раздел 6 ст. 123 Семейного кодекса РФ устанавливает следующие формы устройства для детей, оставшихся без попечения родителей: усыновление (удочерение), опека или попечительство, приемная семья, патронатная семья (в случаях, предусмотренных законами субъектов РФ), специализированные учреждения (дома ребенка, детские дома, школы-интернаты и другие организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей) [1].

Усыновление (удочерение) — это процедура, которая проводится судом и устанавливает между усыновителем и ребенком отношения, которые схожи с родительскими: ребенок приобретает все права и обязанности, свойственные родному ребенку, включая также и наследственные.

Опека и попечительство — это безвозмездная форма устройства. Опека назначается над детьми, не достигшими 14 лет, а попечительство — над детьми от 14 до 18 лет. Опекун (попечитель) назначается органом опеки и попечительства и имеет практически все права родителя. Ребенок сохраняет свои фамилию, имя и отчество, а биологические родители не освобождаются от обязанностей по содержанию [3].

Приемная семья представляет собой возмездную форму устройства. При данной форме передача ребенка осуществляется посредством договора между органом опеки и попечительства и приемными родителями. Приемные родители получают вознаграждение и пособие на содержание ребенка [1].

Патронатная семья — форма устройства, применяемая в отдельных субъектах РФ в соответствии с местным законодательством. Ребенок передается на воспитание в семью на основании договора, в котором указаны условия, срок, права и обязанности участников. Патронатный воспитатель обязан защищать права и интересы ребенка, но не является его законным представителем. Эта форма, в частности, является переходной к опеке или усыновлению [1].

Если по какой-либо причине не удалось устроить ребенка в семью, несовершеннолетний устраивается в специализированные учреждения. Дети помещаются под присмотр в образовательные, медицинские организации или организации, оказывающие социальные услуги. Данная форма является временной, то есть пребывание ребенка в таких организациях осуществляется до решения вопроса об усыновлении, установления опеки, попечительства или устройства в приемную либо патронатную семью [4].

Главы 19–22 Семейного кодекса РФ дают полную регламентацию всех процедур по устройству детей.

По последним сведениям Министерства просвещения РФ (на 2024 год), общая численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей сократилась на 5 % по сравнению с предыдущим годом, в том числе 307 205 человек находятся на воспитании в семьях, 29 542 ребенка — под надзором в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в отношении 3 308 человек исполнение обязанностей опекуна или попечителя возложено на органы опеки и попечительства, были устроены в семьи 41 612 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Анализ законодательства и правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что наиболее благоприятной формой устройства детей является усыновление (удочерение). Данная форма полностью приравнивает ребенка к кровному, обеспечивая ему все права и обязанности члена семьи. Это создает наиболее крепкую и стабильную связь, что является фундаментом для развития ребенка. В отличие от временных форм или пребывания в учреждениях, усыновление (удочерение) предполагает создание постоянной семьи на всю жизнь. Это критически важно для психологического благополучия, формирования привязанностей и полноценного развития личности ребенка. Само по себе обозначение как «приоритетной» формы Министерством просвещения РФ говорит о ее признанной эффективности и желательности как для общества, так и для государства, поскольку она наилучшим образом отвечает интересам ребенка. С юридической точки зрения ребенок максимально защищен, обретает право на наследование и лишается статуса «сироты». С психологической точки зрения только усыновление дает ребенку чувство полноценной и стабильной семьи, так как при опеке или приемной семье всегда сохраняется риск возврата ребенка в учреждение или вмешательства биологических родителей.

Основными проблемами для отказа родителей от детей являются отсутствие материальной поддержки от государства в семьях с малым количеством детей и злоупотребление психоактивными веществами. В связи с отсутствием материальной поддержки необходимо создать более благоприятные условия для молодых семей, чтобы появление ребенка не стало для них тяжелой ношей. Злоупотребление психоактивными веществами не позволяет родителям обеспечить хорошие условия и осуществлять должный уход за ребенком, в таких случаях следует проводить профилактические беседы и предоставлять доступ к медицинской и психиатрической помощи в лечении зависимостей.

Для того, чтобы человек, решивший взять на попечение ребенка, смог понять, какая форма ему подходит, необходимо опираться не только на свои способности и мнение, но и учитывать особенности детей. Для таких случаев создаются Школы приемных родителей. Такие школы помогают понять готовность человека к такой большой ответственности и уберечь его от неверных решений, развить сильные стороны и узнать слабые для обеспечения хорошего воспитания ребенка в новой семье.

Важно понимать, что не всегда ребенок идет на контакт с первой попытки, для установления хороших взаимоотношений нужно приложить большие усилия, проявлять терпение, понимание и любовь.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid (дата обращения: 26.01.2026).
2. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей : ФЗ от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 15.12.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/?ysclid=mlhs4ha2q8444792581 (дата обращения: 26.01.2026).
3. Об опеке и попечительстве ФЗ от 4.04.2008 № 48-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/?ysclid=mlhs5sopvt427806785 (дата обращения: 26.01.2026).
4. Агапов С. В. Семейное право. М. : Юрайт, 2024. 208 с.

ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ КАК ПРИЧИНА ПРОБЛЕМ СО СТРАХОВЫМИ ВЫПЛАТАМИ ПРИ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЯХ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

А. В. Трусихина, *обучающийся*, М. Е. Мазова, *преподаватель*
Нижегородский экономико-технологический колледж (НЭТК),
г. Арзамас, Россия
adelinka.solnce@mail.ru

В статье поднимается вопрос о том, как конфликты в трудовых коллективах сказываются на возможности работников получать страховое обеспечение от производственных травм. Анализ судебных решений за 2023–2025 годы показывает, что несчастные случаи на производстве редко бывают случайными — они часто становятся следствием давних проблем в организации труда. Авторы предлагают классификацию таких конфликтов и рассматривают, как они влияют на судебную практику.

Ключевые слова: социальное страхование, травмы на производстве, трудовые конфликты, судебная практика, ответственность работодателя, страховые выплаты, Социальный фонд России.

В современной России частью системы социальной защиты населения является обязательное социальное страхование, которое подразумевает под собой комплекс мер, компенсирующих последствия изменения материального или социального положения граждан по причине наступления страхового случая. Одна из подобных мер — выплата при наступлении несчастных случаев на производстве.

Сегодня при рассмотрении судебных споров о выплатах или о признании случая страховым судье приходится не только изучить медицинские документы и акты расследования. Перед ним встает ряд вопросов, влияющих на объективное и правильное разрешение дела: «В каких условиях человек работал? Выполнял ли работодатель свои обязанности? Есть ли в произошедшем его вина?». На наш взгляд, главная проблема в том, что Социальный фонд России работает по законам страховой компании. А страховщик всегда считает деньги и старается лишний раз не платить. Вышеизложенные факты подтверждают актуальность нашего исследования.

Рассмотрение видов трудовых конфликтов из судебной практики 2023–2025 гг. и анализ их влияния на страховое обеспечение в целом является целью нашего исследования. Для изучения вышеуказанного правового явления мы использовали общенаучные методы, такие как анализ, синтез, сравнение. А также специфический метод — социолого-правовой: анализ документов и опрос.

Теоретическая значимость научной статьи заключается в том, что результаты нашего исследования могут быть первым шагом к дальнейшему изучению отдельных проблем травматизма при выполнении своих трудовых обязанностей, а также возможных путей их разрешения [3]. Практическая значимость исследования определяется выявлением особых случаев, когда травматизм работника как страховой случай приобретает особый характер и роль в государстве. Такие знания способствуют расширению научной базы профильного обучения.

Анализируя юридическую литературу по данной тематике, стоит отметить, что исследователи обычно разбирают статьи 125-ФЗ либо собирают судебные решения по разным категориям дел. Судебная практика по подобным делам позволяет выделить несколько групп конфликтов.

Конфликты по причине переработок. Трудовое законодательство запрещает работать более 40 часов в неделю. Но реальность такова, что большинство работников соглашается на сверхурочные часы работы по причине недостаточной оплаты труда. Люди работают сутками, и это никак не компенсируется отдыхом. От постоянной усталости внимание рассеивается, и травмы случаются чаще. В судах потом встает вопрос: считать травму производственной, если человек покалечился после 12-часовой смены? Согласно ст. 14 закона № 125-ФЗ о вине работодателя [2]. Приведем показательный пример: в одном деле суд установил, что работник упал и разбился, потому что у него упала реакция после долгой смены. Суд учел данное обстоятельство и дело решилось в пользу истца — суд увеличил сумму выплат (решение Приокского районного суда г. Нижний Новгород от 28.07.2020 по делу № 2–120/2020) [4].

Конфликты на почве малооплачиваемой работы. К сожалению, на сегодняшний день остается острой проблема оплаты труда на уровне МРОТ. Работники часто не уходят на лечение по причине оплаты пособия по нетрудоспособности по минимальной ставке, которая не дает возможности полноценно вылечиться: купить лекарства, продукты.

До сих пор остаются распространенными случаи «неофициального трудоустройства», когда работник получает зарплату «в конверте» и без документов, связывающих его с работодателем. Поэтому мелкие травмы скрывают, лечатся сами, а на опасные работы соглашаются за доплату. В будущем, когда травма дает о себе знать и перерастает в хроническое заболевание, идут в суд доказывать, что это от работы. А доказательств уже нет — ни документов, ни своевременного расследования.

Конфликты по причине нарушений охраны труда. В Конституции РФ говорится о следующем: «Россия — социальное государство, где должны создаваться условия для достойной жизни и охранять труд» [1]. Однако в большинстве организаций работодатель не выдает защитные средства, принуждает работать на сломанном оборудовании, проводит инструктажи для галочки — это прямой путь к травмам. В таких случаях Фонд сначала платит пострадавшему, а потом взыскивает эти деньги с работодателя через суд [2].

Конфликты по причине психологической обстановки в коллективе. К сожалению, травля, дискриминация и постоянные скандалы на работе не редкость. Люди живут в стрессе, поэтому могут ошибаться, не замечая опасности, возникают драки на рабочем месте. Самые сложные споры, когда надо отличить производственную травму от бытовой.

По материалам дела: случилась драка из-за премии, и один сотрудник пострадал. (Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.02.2025 № 8Г-27637/2024) [5]. Перед судьей встает непростая задача, ведь нужно разобраться: это рабочий момент или личные разборки? В зависимости

от правильного и объективного исследования всех нюансов зависит исход дела: получит человек страховку или нет.

Конфликты по поводу объема помощи. Часто люди не согласны с размером выплат или с тем, что Фонд отказывается оплачивать дорогое лечение — современные протезы, новые операции. Идут в суд. В последние годы суды часто встают на их сторону, даже если в перечнях такого лечения нет. Судьи рассуждают просто: смысл страхования — вылечить человека, а не действовать только в рамках инструкций.

Конфликты из-за отсутствия обучения и перспектив. Когда у работников нет карьерного роста, желание работать продуктивно пропадает, поэтому работу свою выполняют некачественно, инструктажи по охране труда подписывают не читая. Работодатели, в свою очередь, экономят на обучении лиц, впервые подписавших с ними трудовой договор. Как итог — новые сотрудники получают травмы, поскольку их просто никто не обучил. А суды учитывают: если человека плохо обучили, это вина работодателя.

Проанализировав материалы судебных решений, можно проследить две важные тенденции.

1. Суды перестали формально подходить к тому, где и когда случилась травма. Если раньше работник оказался не на рабочем месте и не в рабочее время, значит, травма считалась непроизводственной. Сегодня судьи стали подходить иначе к разрешению подобной категории дел. Возьмем вахтовиков. Человек приехал на объект, живет в поселке, который предоставил работодатель. Отдыхает между сменами, идет в душ или просто спускается с кровати и ломает руку. Вопрос: это производственная травма или нет? Суды говорят: да, производственная. Почему? Потому что работодатель сам привез его туда, поселил и обязан отвечать за него круглосуточно, пока идет вахта. Работник не может уехать, не может жить где-то еще — он находится там по условиям договора. Значит, ответственность работодателя не заканчивается, когда закончилась смена.

Конкретный пример — дело А40-275 789/2021 рассматриваемого Арбитражным судом Москвы 4 мая 2022 года. Обстоятельства дела: мужчина утром вставал с кровати, упал и травмировался. Работодатель провел расследование и признал случай производственным. А СФР отказался выплачивать компенсацию в связи с тем, что мужчина не присутствовал на рабочем месте. Суд встал на сторону работодателя и объяснил простую вещь: по трудовому договору работник обязан находиться в этом поселке в период отдыха. То есть само его пребывание там — уже часть трудовых отношений. Раз он там законно, по заданию работодателя, значит, и травма считается связанной с производством.

Кстати, похожая логика начинает работать и с «удаленщиками». Если человек работал из дома, выполнял задание и в процессе банально споткнулся о провод или упал с кресла, то суды все чаще говорят: это тоже страховой случай. Потому что он в этот момент исполнял трудовые обязанности, просто физически находился не в офисе, а дома.

2. Судам общей юрисдикции дано право самостоятельно решать: какие выплаты взыскивать, даже если нет нормативно-правовой базы. На данный момент Верховный Суд не дал четких разъяснений по многим спорным вопросам.

Например, как считать выплаты при неофициальном трудоустройстве или когда надо платить за экспериментальное лечение. По этой причине суды могут решать одинаковые дела по-разному.

Важно отметить главную тенденцию судов: «стали больше думать о людях, а не о формальностях».

В заключение можно сделать вывод, что проблемы с получением страховки от производственных травм — это не только ошибки в расчетах или неправильно составленные акты, но и комплекс глубинных социально-экономических факторов. За многими судебными разбирательствами прослеживается целый ряд латентных конфликтов и дисфункций: хроническая интенсификация труда и сверхнормативная занятость работников; неудовлетворительный уровень оплаты труда, не соответствующий степени профессионального риска; ненадлежащее исполнение работодателем обязанностей по обеспечению безопасности производственного процесса, а также устойчиво неблагоприятный психологический климат в трудовых коллективах, порождающий стресс и снижение контроля за опасностями. Совокупность указанных факторов, усугубленная последующими сложностями при реализации права на страховые выплаты, формирует системную проблему социальной защиты пострадавших.

Суды постепенно начинают это понимать и чаще встают на сторону пострадавших. Но суд не может предотвратить травму, он только разбирает то, что уже случилось. Чтобы решить проблему по-настоящему, надо менять систему: привязать страховые взносы к реальным расходам на лечение, обновлять списки того, что положено пострадавшим, и работать над тем, чтобы конфликтов на работе было меньше. Пока этого нет, суды будут завалены исками, и им придется в каждом случае восстанавливать справедливость вручную.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний : ФЗ от 24.07.1998 № 125-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19559/.
3. Елин А. М., Пашин Н. П., Григорьева С. М. Производственный травматизм: анализ состояния в Российской Федерации и на предприятии обрабатывающей отрасли // Экономика труда. 2025. Т. 12, № 5. С. 783–802.
4. Решение Приюкского районного суда г. Нижний Новгород от 28.07.2020 по делу № 2-120/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QaciwIVtiuZw/>.
5. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.02.2025 № 8Г-27637/2024. URL: <https://base.garant.ru/344831400/>.

ДЕНЕЖНЫЕ ВЫПЛАТЫ ПОСЛЕ СМЕРТИ РАБОТНИКА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

К. В. Яковенко, *обучающийся*, Н. А. Плахотина, *д-р юрид. наук, профессор*
Луганский государственный университет им. Владимира Даля
(ЛГУ им. В. Даля), г. Луганск, Россия
yakovenko4062006@gmail.com

В статье представлен анализ правового механизма осуществления денежных выплат после смерти работника с целью определения наилучшего способа урегулирования данных правоотношений. Предлагается новый механизм, который будет обеспечивать социальные гарантии членам семьи работника в случае его смерти. Предложена новая редакция правовой нормы, направленная на устранение противоречий и повышение определенности правоотношений.

Ключевые слова: трудовые правоотношения, смерть работника, члены семьи, денежные выплаты.

В течение всей жизни люди в той или иной степени сталкиваются с трудовыми правоотношениями. Это обусловлено современными реалиями, которые почти невозможно представить без реализации трудоспособным населением своей способности к труду. Система правоотношений в сфере организации и применения наемного труда по своей природе включают в себя множество различных правоотношений, которые возникают между работником, работодателем и иными субъектами. В юридической литературе можно встретить классификацию правоотношений по их соотношению с трудовыми правоотношениями, где выделяются три группы: правоотношения, предшествующие трудовому правоотношению; правоотношения, сопутствующие трудовому правоотношению; правоотношения, вытекающие из трудового правоотношения [1, с. 89]. И, по сути, одними из значимых правоотношений, вытекающих из трудовых, являются отношения работодателя и близких умершего работника. Значимость таких правоотношений проявляется в нормах трудового законодательства, которые предоставляют некоторые гарантии работнику не только во время трудовых правоотношений, но и после их прекращения. В действующем Трудовом кодексе РФ, а именно в ст. 141, представлена одна из гарантий, относящаяся к комплексу правоотношений, вытекающих из трудовых. Однако при анализе данной нормы подход законодателя видится не вполне четким, что создает правовую неопределенность.

Необходимо разобраться в данной норме трудового законодательства с целью определения оптимального способа правового урегулирования соответствующих правоотношений. Также важно четко определить субъектный состав, который задействован в данных правоотношениях, сроки возникновения и прекращения этих правоотношений. Для достижения этой цели будут использованы такие научные методы исследования, как анализ и синтез.

Сама правовая норма излагается законодателем следующим образом: «Заработная плата, не полученная ко дню смерти работника, выдается членам его

семьи или лицу, находившемуся на иждивении умершего на день его смерти. Выдача заработной платы производится не позднее недельного срока со дня подачи работодателю соответствующих документов» [2, ст. 141]. По своей сути норма является, с одной стороны, коллизией, а с другой стороны — создает некоторую правовую неопределенность. Если анализировать текст данной нормы, то первое, что она затрагивает, — это заработную плату. В норме упоминается термин «заработная плата», которая имеет сложную структуру, так как в данное понятие входят компенсационные, стимулирующие выплаты, базовый оклад и другое. Вместе с тем, как правильно отметила прокуратура Ярославской области, существуют и иные суммы, которые могли бы быть выплачены непосредственно работнику. К ним относится, в частности, компенсация за неиспользованные отпуска [3]. Исходя из этого видится не совсем понятным, что именно будет выплачиваться близким умершего работника. В тексте нормы также ничего не сказано о размере данных выплат, что создает неясность. Рассматривая данную норму далее, мы видим следующую часть, где говорится: «... не полученная ко дню смерти работника...». Данная трактовка является недостаточно полной, поскольку, согласно действующему законодательству, наряду с биологической смертью аналогичные правовые последствия влечет за собой «юридическая смерть» физического лица — признание его умершим. Следует заметить, что при закреплении оснований прекращения трудовых правоотношений отечественный законодатель вполне обоснованно учел этот факт [2, ст. 83]. Считаю целесообразным, чтобы механизм признания умершим был отражен в качестве юридического факта и в ст. 141 Трудового кодекса РФ.

Далее норма говорит о субъектном составе данных правоотношений: «...выдается членам его семьи или лицу, находившемуся на иждивении умершего на день его смерти...». Однако видится не совсем ясным трактовка законодателем понятия «члены семьи». Членами семьи могут признаваться, согласно гражданскому праву, дети и родители супругов [4, ст. 1142]. Однако в ст. 141 Трудового кодекса нет никаких пояснений относительно того, кому именно из членов семьи полагаются данные выплаты, в каком порядке и в каком соотношении эти «члены семьи» должны между собой делить полагающиеся выплаты. Кроме того, в ст. 141 Трудового кодекса говорится, что право на выплаты имеют иждивенцы, причем в норме сказано, что право имеют либо члены семьи, либо лица, находящиеся на иждивении. Логико-лексическая связка в виде альтернативного союза предполагает обращение только к одной из очерченных альтернатив. Это делает субъективный состав еще более неопределенным, так как если использовать аналогию с наследственным правом, иждивенцы имеют равные права с членами семьи. Исходя из этого, в тексте анализируемой правовой нормы более правильным будет использование логической связки «и» вместо «или».

В заключительном предложении ст. 141 Трудового кодекса говорится: «...Выдача заработной платы производится не позднее недельного срока со дня подачи работодателю соответствующих документов». Данная формулировка создает неясность для тех лиц, которым будут полагаться данные выплаты,

и срок подачи заявления. Не совсем понятно, в течение какого срока заинтересованные лица могут изъявить свое желание на получение денежных выплат. Возможно, законодатель предполагает, аналогично гражданскому законодательству, что данный срок составляет 6 месяцев [4, ст. 1154]. Однако если это действительно так, то в тексте нормы должна присутствовать ссылка на гражданское законодательство либо же четкое указание данного срока. Кроме того, не совсем понятно, какие необходимы документы, подтверждающие право на получение данных выплат. «Соответствующими документами» может выступать свидетельство о смерти работника, либо решение суда о признании работника умершим, либо документы, подтверждающие родство, и др. Также не вполне понятно, необходимо ли в этом случае заявление заинтересованных лиц. Наличие множества нечеткостей, заложенных в анализируемой норме трудового законодательства, создает неясность касаясь многих важных аспектов, необходимых для реализации этой нормы.

Поэтому целесообразным видится качественная переработка содержания ст. 141 Трудового кодекса. Если законодатель предполагал согласованность данной нормы с действующим гражданским законодательством, требуется сделать ссылку на его нормы либо конкретизировать основополагающие аспекты, раскрыть субъектный состав, срок реализации права на выплаты и указать все прямо в тексте этой нормы.

Предлагаем следующий подход изложения данной нормы Трудового законодательства, который бы устранил несоответствия и внес ясность. К выплатам, которые полагаются после смерти работника, логично было бы отнести общий комплекс невыплаченных средств, которые, в соответствии с трудовым законодательством, полагался работнику до момента его смерти. На наш взгляд, закрепление исчерпывающего перечня данных выплат усложнит восприятие данной нормы для граждан. Поэтому было бы целесообразным использовать в законодательстве такое понятие, как «общий комплекс невыплаченных средств». Для обнародования информации о смерти работника следует предоставить право любому из родственников и иждивенцев написать заявление, адресованное работодателю, в котором бы сообщалось о факте смерти работника либо признании его погибшим в соответствии с судебным решением, с приложением документов, подтверждающих данный факт (свидетельство о смерти). Данное заявление должно быть основанием для открытия работодателем счета в банке, на который идет перечисление денежных средств, которые полагались работнику. В дальнейшем по окончании процесса наследования эти средства распределялись бы в равных долях между наследниками умершего работника. С учетом органичной связи права на получение выплат, причитающихся умершему работнику, с институтом наследования, считаем, что сроком для подачи заявления работодателю, которое бы устанавливало факт смерти работника, должен быть период в шесть месяцев. Именно такой срок устанавливается Гражданским кодексом РФ, а именно ст. 1154 ГК РФ, для вступления в наследство всех заинтересованных лиц. Срок предоставления денежных выплат работодателем, на наш взгляд, следует оставить таким же, какой

заложил изначально законодатель, однако добавив важное уточнение: «в течение семи календарных дней».

С учетом представленных обоснований предлагаем следующую редакцию ст. 141 Трудового кодекса РФ: «Работодатель обязан перечислить общий комплекс денежных средств, полагающийся работнику, на отдельный банковский счет в течение семи календарных дней с момента уведомления одним из наследников о факте смерти работника. Данную денежную сумму все наследники имущества умершего работника получают в равных долях по окончании процесса наследования. Для обнародования смерти работника необходимо заявление одного из наследников, а также документ, подтверждающий факт смерти работника, именуемый свидетельством о смерти. Срок обнародования факта смерти работника равняется шести месяцам».

Такой подход к изложению содержания этой нормы видится более целесообразным, полным и четким. Такое изложение поможет в будущем избежать неясности и урегулирует данные правоотношения в полной мере, сделав более понятным механизм реализации и субъективный состав этих правоотношений. Также такой подход будет способствовать общей системности и согласованности законодательства Российской Федерации.

Список литературы

1. Трудовое право : учебник в 2 томах. Т. 1. «Общая часть» / Л. И. Лазор [и др.]; под общ. ред. Л. И. Лазор. Луганск : Изд-во Луганск, нац. унив. им. В. Даля, 2017. 464 с.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации. М. : Омега-Л, 2022. 285 с.
3. О выплате зарплаты, не полученной ко дню смерти работника. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_76/activity/legal-education/explain?item=92440047 (дата обращения: 12.10.2025).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 12.10.2025).

УДК 340.12

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

С. Ф. Алиева, *обучающийся*, А. А. Штокалова, *ст. преподаватель*
Донбасский государственный университет юстиции
(ДГУЮ Минюста России), г. Донецк, Россия
samira29062007s@yandex.ru

В работе исследуется трансформация понятия государственного суверенитета в контексте исторического развития государственно-правовых институтов. Анализируются основные этапы формирования суверенитета, его классическое понимание и современные интерпретации в условиях глобализации. Особое внимание уделяется противоречию между традиционным принципом верховенства государственной власти и возрастающей ролью международного права.

Ключевые слова: государство, суверенитет, теория государства и права, правовая система, глобализация, власть, право.

Понятие государственного суверенитета на протяжении длительного времени остаётся одним из ключевых в теории государства и права. Как правило, суверенитет связывается с определяющими характеристиками государства и отражает верховный характер его власти, её независимость от внешнего влияния, а также исключительное право государства осуществлять публичную власть в границах своей территории. [1]. Государство без суверенитета не может самостоятельно формировать законодательство, обеспечивать внутреннюю безопасность, проводить внешнюю политику. На протяжении всей истории значение суверенитета постепенно уточнялось. В разные периоды понятие трактовалось по-разному, что говорит о его эволюционном характере.

В средневековый период власть носила децентрализованный характер. Монархи, феодалы, церковь и городские общины обладали собственными источниками законности, а правовое регулирование основывалось на сочетании традиций, религиозных норм и привилегий. Отсутствие единого центра власти препятствовало формированию целостного правового пространства и устойчивой государственной системы. Лишь в процессе формирования абсолютистских монархий суверенитет стал ассоциироваться с верховной властью правителя, не ограниченной ни внешними, ни внутренними факторами [2]. Государство в этот период выступало главным источником права, а закон рассматривался как волевое решение монарха.

С конституционализма началось существенное переосмысление суверенитета. Верховная власть стала рассматриваться не как личное право монарха, а как публичная функция, подчинённая закону. Источником суверенитета всё чаще признавался народ, а государство выступало как инструмент реализации общественных интересов [3]. Конституция превратилась в инструмент

ограничения полномочий органов власти, а разделение властей послужило гарантом предотвращения узурпации верховенства в единственном центре принятия решений. Именно тогда идея суверенитета приобрело правовую основу и прочно связалось с концепцией правового государства.

В XX столетии концепция суверенитета столкнулась с новыми испытаниями, вызванными усилением сферы международного права и активизацией сотрудничества между государствами. После завершения Второй мировой войны начался процесс значительного вовлечения стран в деятельность международных институтов, признания юридической силы международных договоров и полномочий международных судебных органов [4]. Это свидетельствовало о добровольном принятии государством частичного отказа от собственных полномочий ради совместного достижения безопасности, поддержания порядка и защиты прав граждан совместно с другими государствами. Суверенитет утратил свою исключительно внутреннюю природу и получил дополнительное международное содержание.

Развитие процессов глобализации способствовало укреплению данной тенденции. Экономическая интеграция, транснациональные корпорации, цифровизация и универсализация прав человека существенно изменили традиционные механизмы государственной власти. Государства всё чаще вынуждены согласовывать внутренние решения с международными стандартами, особенно в сфере защиты прав человека, экологической политики, финансового регулирования и информационной безопасности [5]. В результате суверенитет перестаёт быть исключительно территориальным и приобретает многоступенчатый характер, включающий национальный, региональный и международные уровни регулирования.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью понимания данных изменений в рамках теории государства и права.

Современное государство уже не может рассматриваться как полностью самостоятельная система, изолированная от внешнего правового пространства. Напротив, его надёжность во многом зависит от способности успешно взаимодействовать с международными институтами и приспосабливаться к глобальным правовым тенденциям. В этой связи возникает потребность в обновлении теоретических знаний о суверенитете как фундаментальной категории государственно-правовой науки.

Целью данного исследования является теоретический анализ эволюции понятия государственного суверенитета и обнаружение аспектов его функционирования в современных правовых системах. Во время проведения работы использовалось несколько методов: историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой и элементы системного анализа. Это помогло проследить, как понятие суверенитета менялось в разные исторические периоды, сравнить классические и современные подходы к нему и понять, какие тенденции прослеживаются сегодня.

Проведённый анализ показал, что современный суверенитет стал больше функциональным. Государство, сохраняя формальную независимость, передает часть полномочий наднациональным структурам, что говорит о преобразовании

суверенитета, который теперь выполняет комплексную функцию, включая страну в глобальные правовые процессы.

На данный момент важность состоит в понимании взаимосвязи национального и международного права. Их дисбаланс способен спровоцировать внешнюю изоляцию либо внутренние конфликты.

Суверенитет утратил характер абсолютизма и стал универсальной системой, функционирующей в условиях глобализации. Современное государство уже не способно существовать изолированно, его жизнеспособность напрямую зависит от взаимодействия с нормами международного права.

Подобная позиция позволяет государству сбалансированно комбинировать национальные приоритеты с международными обязанностями, что имеет важнейшее значение в условиях сегодняшних глобальных политических и экономических вызовов.

Данное исследование помогает яснее представить, что такое суверенитет в современном мире. Оно показывает, что государственная власть — это живая подвижная система, существующая в тесной связи законов разных стран друг с другом. Ценность данной работы в том, что её результаты можно использовать при изучении «Теории государства и права», «Конституционного права» или «Международного права», при анализе современной политики и правовых изменений в государствах.

В заключение можно сказать, что суверенитет остаётся главным признаком государства, но теперь он выглядит иначе и реализуется совсем не так, как раньше. Современное государство уже не может действовать само по себе и должно учитывать правовую взаимозависимость с другими странами, поэтому нужен более гибкий и адаптивный подход к власти. Если учитывать эти изменения, можно создавать более устойчивые и рабочие модели развития государства, которые соответствуют современным мировым условиям и защищают интересы своей страны.

Список литературы

1. Марченко М. Н. Теория государства и права : учебник. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011208014/ (дата обращения: 03.02.2026).
2. Чиркин В. Е. Государствоведение : учебник. URL: [https://www.kspmr.idknet.com/LIBRARY/bpreview/d913d104-e07a-f793\(609\).pdf](https://www.kspmr.idknet.com/LIBRARY/bpreview/d913d104-e07a-f793(609).pdf) (дата обращения: 03.02.2026).
3. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. URL: <https://urait.ru/index.php/book/teoriya-gosudarstva-i-prava-559640> (дата обращения: 03.02.2026).
4. Кутафин О. Е. Конституционное право Российской Федерации. URL: <https://uristinfo.net/2010-12-18-14-34-28/123.html?ysclid=ml6o9kprdu691572655> (дата обращения: 03.02.2026).
5. Алексеев С. С. Теория права. URL: <http://ebs.prospekt.org/book/28448> (дата обращения: 03.02.2026).

ПРАВОВОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

П. В. Бабкова, *обучающийся*, Р. А. Осипов, *канд. юрид. наук, доцент*
Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА),
г. Саратов, Россия
babkowapolna5858@gmail.com

В статье рассматривается сущность правового прогнозирования как особой разновидности юридической деятельности. Исследуется значение правового прогнозирования в современной юридической практике. Проводится анализ влияния правового прогнозирования на правотворческий и правореализационный процессы.

Ключевые слова: правовое прогнозирование, юридическое прогнозирование, юридическая деятельность, юридическая практика, правовая система, правовые отношения, правовая культура.

В современных условиях улучшение государственного управления не представляется возможным без развития его прогностической части и укрепления связи между прогнозированием и планированием. В данном контексте прогноз — это вероятностное суждение о будущем (перспективном и желательном) состоянии правовой системы государства. Правовое прогнозирование направлено на непрерывный мониторинг права как в статике, так и в динамике, а прогностическое рассуждение предполагает как те явления и процессы, которые могут быть, так и те, что должны быть. Правовое прогнозирование — это теоретическая и практическая деятельность в социально-правовой сфере, направленная на выявление тенденций развития правовой системы на заданную перспективу с целью выработки предложений по её совершенствованию [1, с. 13–14]. Данная деятельность способствует решению проблем общества в долгосрочной и среднесрочной перспективах путём исследования правовых явлений и процессов, происходящих под влиянием экономических, политических, социальных, идеологических, культурных и иных факторов, и разработки наилучших путей развития правовой системы законодательства и его отраслей. Тем не менее в науке отмечают, что существующая слабость системного подхода мешает предвидению всех границ правового пространства [2, с. 15].

Большое значение приобретает вектор отклонений от правовых взглядов и норм, который стремительно расширяется и приводит к формированию новых правовых моделей. Данное явление в науке указывается как «нормальное», так как правовая модель не может существовать неопределенно долгое время в неизменном состоянии, поскольку призвана отражать объективные общественные потребности и приспосабливаться к регулированию новых отношений, что обусловлено неизбежным возникновением явлений и событий, ранее находившихся вне сферы правового регулирования. С целью принятия верных и результативных решений, снижения риска разработки и принятия фиктивных норм, некорректного отражения общественных отношений и потребностей в

праве необходимо обратить внимание на недостатки механизма правоприменения. Вместе с тем правоприменение выявляет и слабые стороны правовых регуляторов, их консерватизм и ошибки. Для преодоления существующих недостатков механизма правоприменения необходимо разрабатывать прогнозы, в том числе юридические, предвидеть риски как теневые угрозы лаконичному регулированию общественных отношений [2, с. 11 – 16]. В связи с этим составление в рамках общего прогнозного сценария подвижной схемы правового обеспечения на сегодняшний день является наиболее предпочтительным [3, с. 7].

Правовое прогнозирование должно охватывать следующие элементы: систему законодательства, правореализацию и правовое сознание, и проводить работу в соответствующих направлениях деятельности.

В рамках первого направления деятельности представляется насущно необходимым выделять в качестве базиса законодательного процесса правовое прогнозирование как самостоятельный этап законодательной деятельности, в рамках которого требуется разработка на его основе среднесрочного и долгосрочного планов законодательных работ для включения их в государственную программу, определяющую стратегию социально-экономического развития РФ.

Второе направление деятельности — правореализация — является самым объемным, поскольку охватывает деятельность государственных органов, должностных лиц, общественных организаций. Особую роль в вопросах предупреждения, выявления и пресечения правонарушений играет деятельность сотрудников органов предварительного расследования. Внедрив в их рабочие процессы алгоритмы, разработанные на базе искусственного интеллекта и основанные на данных статистики за последние 10–20 лет, прогнозирующие территориальную протяженность, временную продолжительность правонарушений, их виды в таких зонах или «горячих точках», предполагается повышение качественных показателей работы служащих (снижение уровня преступности, предотвращение преступлений, включая более тяжкие в «опасных» зонах с повышенной преступностью и др.) и формирование благоприятной статистики по результатам работы.

Рассматривая третье направление, нам стоит анализировать его с точки зрения усиления национальной безопасности РФ. Отдельное внимание необходимо уделить состоянию культуры в стране, в частности системе ценностей, напрямую влияющей на правосознание граждан, а именно, их отношение к закону, институтам права, правонарушениям, юридической ответственности и др. В условиях меняющейся шкалы ценностей, не до конца сформированного и разобщенного аксиологического фундамента трудно достижимо не только верное отражение государственных, общественных, коллективных и индивидуальных интересов в полиэтничной и многоконфессиональной России, но и достижение в полной мере важнейшего результата правового воспитания и соответствующей социализации — возникновения у индивида внутренней мотивации соблюдать закон и установленные в обществе правила. В связи с этим большое значение приобретает правовое воспитание, стимулирующее правомерное поведение в едином правовом, социальном и культурном поле Российской Федерации.

Правовое воспитание неразрывно связано с образованием, начиная с дошкольного возраста и продолжающееся на протяжении всей жизни человека. Несмотря на положительные тенденции в области развития правового и патриотического воспитания молодого поколения россиян, наряду с этим в науке отмечают следующие проблемы: «недостаточное внимание к правовому образованию и воспитанию в школах и вузах... низкий уровень правовой культуры у родителей... недостаточное количество доступной информации о законах и правилах поведения в обществе... недостаточная ответственность за нарушение законов и правил поведения в обществе... недостаток эффективных механизмов правовой защиты» [4, с. 145–146]. Реализация «разговоров о важном», проведение мероприятий в школах, связанных с историей российской государственности, становлением и развитием права, оставляет желать лучшего, поскольку многие педагоги не обладают достаточным уровнем знаний и пониманием, как устроены институты государства и права, чтобы грамотно и безошибочно донести ребенку соответствующую информацию.

Оценить состояние правовой культуры можно по пяти основным критериям: «знание законов и правил поведения в обществе... уважение к правам других людей... наличие или отсутствие гражданской позиции... отношение к коррупции... и отношение к национальным и религиозным различиям» [4, с. 145]. По мнению Н. В. Быковой, состояние правовой культуры молодежи «не может быть охарактеризовано как оптимальное» [4, с. 145], но автор отмечает, что на данный момент появились и функционируют «многочисленные проекты и программы, направленные на повышение уровня правовой культуры и правосознания среди молодежи, что позволяет надеяться на улучшение ситуации в будущем» [4, с. 145].

С помощью социального и правового прогнозирования, а также мониторинга правосознания населения страны возможно определить потребности и интересы россиян, их предполагаемую реакцию на издание того или иного закона, принимать верные решения с точки зрения управления, а также меры по повышению уровня правосознания, доверия к власти, в том числе к институтам государства и права, и как итог — создание условий для благополучной жизни в современном обществе.

На сегодняшний день правовое прогнозирование в России не регулируется никаким нормативно-правовым актом на федеральном уровне, хотя фактически данная деятельность осуществляется, например, в Совете Федерации и Государственной думе Российской Федерации, а также в Российской академии наук на базе института государства и права. Тем не менее, согласно существующим правовым нормам, планирование законодательной деятельности ограничено законопроектами, выносимыми на рассмотрение в Государственную думу РФ. На уровне субъектов встречается упоминание «правового прогнозирования» в законах соответствующего уровня. Так, например, согласно ст. 3 Закона Краснодарского края, «в рамках правотворчества органов государственной власти Краснодарского края осуществляется: а) прогнозирование правотворчества; б) планирование правотворческих работ» [5]. Также глава 3 полностью

посвящена прогнозированию правотворчества в субъекте: дано понятие, определены задачи, объекты такой деятельности и очерчен круг субъектов.

Учитывая особенности развития России, представляется возможным с учётом повсеместного, урегулированного и эффективного правового прогнозирования преодоление правовых пробелов, коллизий, избежание многочисленных правок нормативно-правовых актов, повышение качества законотворческой деятельности, создание необходимых для государства норм, в том числе отвечающих потребностям и ожиданиям россиян, проведение мониторинга правосознания населения страны. Это представляется возможным путем разработки и принятия Федерального закона Российской Федерации «О правовом прогнозировании».

Список литературы

1. Агамиров К. В. Понятие и значение юридического прогнозирования // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 3. С. 13–17.
2. Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы и риски : монография. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2023. 240 с.
3. Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3 (207). С. 5–16.
4. Быкова Н. В. Правовое воспитание в России на современном этапе // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2024. № 1. С. 143–150.
5. О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края : Закон Краснодарского края от 6 июня 1995 года № 7-КЗ (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/23901007/> (дата обращения: 01.03.2026).

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

В. М. Вахрушева

Научный руководитель: С. Г. Горин, *канд. ист. наук, доцент*
Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СИУ РАНХиГС), г. Новосибирск, Российская Федерация
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК), г. Новосибирск, Россия
16vika2007@gmail.com

Статья посвящена некоторым аспектам трансформации образовательной парадигмы под влиянием технологий искусственного интеллекта (ИИ). В работе рассматривается переход от традиционной модели «преподаватель — источник (субъект), обучающийся — приемник (объект)» к персонализированному и управляемому обучению, где ИИ выступает в роли аналитика, ассистента и репетитора. В статье делается вывод о том, что эффективное использование ИИ возможно лишь при смене образовательных методов: от запретов ИИ к обучению и этичному взаимодействию с интеллектуальными системами.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация образования, персонализация обучения, EdTech, педагогический дизайн, критическое мышление, адаптивное обучение.

Введение и постановка задачи. Мы живем в эпоху, когда границы между человеческим разумом и машинными вычислениями становятся все более проницаемыми. Искусственный интеллект (ИИ) перестал быть фантастикой и стал повседневным инструментом. Однако нигде его внедрение не вызывает столько споров и надежд, как в сфере образования. Вопрос сегодня заключается не в том, нужно ли использовать ИИ в обучении, а в том, как делать это грамотно, этично и эффективно, чтобы не подменить живой процесс познания его технологической симуляцией.

Традиционная парадигма образования, построенная по принципу «преподаватель — источник (субъект), обучающийся — приемник (объект)», переживает кризис. В мире, где быстро растет объем информации, невозможно и бессмысленно заучивать энциклопедические данные. ИИ в этом контексте выступает не просто как «подсказчик», а как катализатор смены ролей: учитель превращается в наставника-фасилитатора, а ученик — в исследователя, управляющего своим обучением [1].

Рассмотрим преимущественные факторы использования ИИ в процессе обучения

Персонализация обучения. Усиливаются возможности адаптивных платформ для выстраивания индивидуальных траекторий с учетом темпа и когнитивных особенностей обучающегося.

Трансформация ролей. Изменяются функции преподавателя (от транслятора знаний к фасилитатору) и обучающегося (от пассивного слушателя к исследователю).

Развитие критического мышления. Формируется феномен «пром프트-инжиниринга» как нового навыка, а также важность верификации данных, полученных от нейросетей.

Практические аспекты внедрения. Появляются возможности автоматизации рутинных задач преподавателя, изменения его роли (рис. 1).

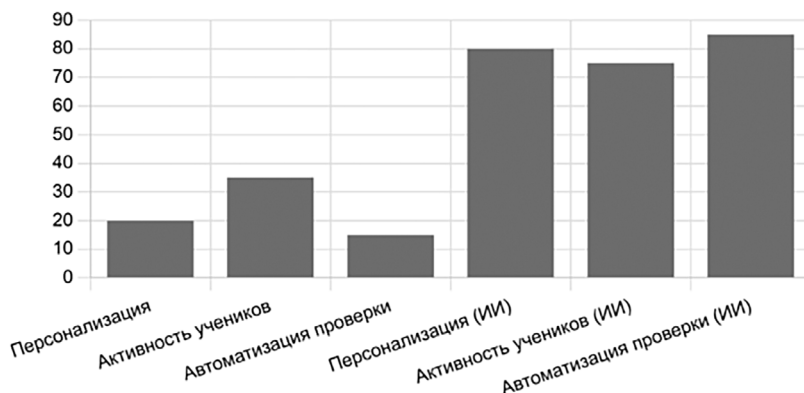

Рис. 1. Сравнение традиционного и ИИ-обучения

Главная проблема современного образования — усредненность. Один преподаватель одновременно не может подстроиться под различный темп и уровень подготовки двадцати-тридцати обучающихся в группе. ИИ может решить эту проблему через адаптивные платформы (подобно системам, анализирующим действия пользователя в рекомендательных сервисах). Алгоритмы машинного обучения способны отслеживать, какие именно темы вызывают у обучающегося затруднения, сколько времени он тратит на решение той или иной задачи и какого типа ошибки совершает чаще всего. На основе этих данных система предлагает индивидуальные учебные траектории. Например, если обучающийся не справился с заданием, ИИ генерирует персональный блок повторения, подбирает аналогии и меняет уровень сложности, пока пробел не будет устранен. Те, кто справился с заданием, в свою очередь, получают материалы повышенной сложности или междисциплинарные задания, не ожидая, пока подтянется вся группа.

ИИ-помощники (такие как ChatGPT, Bing Copilot или специализированные боты) меняют роль преподавателя как единственного носителя истины. Обучающийся получает возможность задать любой вопрос и не бояться насмешки. Он может просить объяснить сложную тему несколько раз разными словами, пока не поймет. Приложения с ИИ позволяют практиковать разговорную речь без страха совершить ошибку перед собеседником. Нейросети анализируют произношение, исправляют грамматику в реальном времени и даже адаптируют лексику под интересы обучающегося.

Использование ИИ в обучении — это мощнейший тренажер для критического мышления. Чтобы получить качественный ответ от нейросети, ученик должен научиться правильно формулировать запрос (промпт). ИИ поможет ему конкретизировать структуру, стиль, ключевые тезисы. Это превращает процесс получения информации в диалог. При этом обучающийся должен понимать, что необходимо верифицировать полученный ответ: нет ли ошибок, не устарели ли данные. Таким образом, акцент смещается с запоминания информации на умение ее критически оценивать и интерпретировать [2].

ИИ дает доступ к образованию для тех, кто раньше был исключен из образовательной системы по разным причинам. Например, специальные алгоритмы распознают речь и переводят ее в текст для слабослышащих, озвучивают учебники для слепых, помогают детям с дислексией структурировать мысли или читать сложные тексты. Технологии снимают барьеры, делая знание доступным независимо от физических и когнитивных особенностей человека.

Вместе с тем не исключены и деструктивные факторы влияния ИИ для обучающихся, риски и этические вызовы. Могут обостряться проблемы, связанные с плагиатом, алгоритмической предвзятостью, появлением «цифровой лени», что приводит к утрате социальных навыков [3].

Значение для образовательного субъекта. Преподаватели проводят значительную часть рабочего времени за бумажной работой: бюрократическая оптимизация программ, проверка заданий и тестов, составление отчетов и т. д. Здесь ИИ может выступить в роли идеального ассистента. Системы на базе ИИ могут проверять не только задания и тесты, но и анализировать научные тексты (на наличие плагиата, структуру, аргументацию), давая преподавателю готовый аналитический срез. ИИ незаменим также при генерации учебного контента (рис. 2).

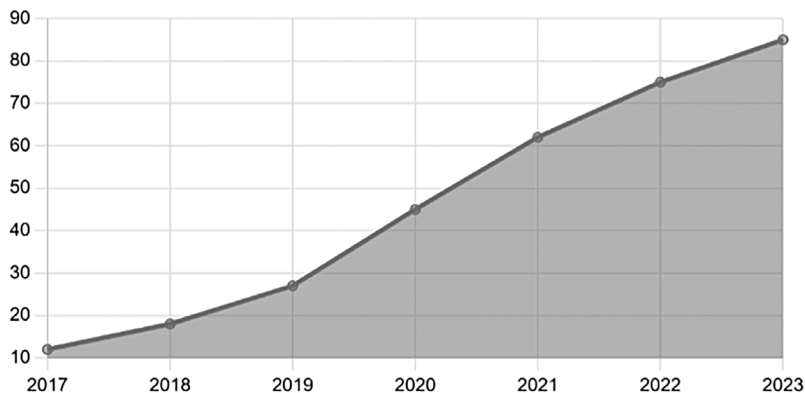

Рис. 2. Рост внедрения ИИ в образовательные процессы

Заключение. Использование искусственного интеллекта в учебном процессе — это не просто внедрение новой техники, это смена образовательной

парадигмы. Мы переходим от модели «образование как подготовка к жизни» к модели «образование как сама жизнь», где учиться необходимо постоянно, адаптируясь к новым условиям. Главная образовательная задача сегодня — не запрещать обучающему пользоваться нейросетями (что, на наш взгляд, невозможно), а научить его делать это конструктивно, показав разницу между «найти готовый ответ» и «исследовать проблему с помощью инструмента». В этом симбиозе человека и машины рождается новый тип грамотности — адекватная работа с интеллектуальными системами, которая и будет определять успешность человека в XXI веке.

Список литературы

1. Айвазян С. А. Искусственный интеллект в образовании: перспективы и вызовы // Педагогическое образование. 2022. № 3.
2. Воронич А. В. Цифровая трансформация образования: роль ИИ // Высшее образование сегодня. 2023. № 2.
3. Каплан С. П. Интеграция ИИ в образовательный процесс: методологические аспекты. М. : Academia, 2022.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ В ЭПОХУ ЦИНЬ И ХАНЬ: ПРИЧИНЫ БОЛЬШЕЙ УСТОЙЧИВОСТИ ИМПЕРИИ ХАНЬ

И. А. Вильбик

Научный руководитель: М. Ю. Шматов, *ст. преподаватель*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
vilbikilona04@gmail.com

В работе проводится сравнительный анализ политических систем династий Цинь и Хань, а также выявляются ключевые факторы, способствующие большей исторической устойчивости Хань. Исследование раскрывает механизмы интеграции элит, особенности комбинации легизма и конфуцианства, рассматривает социально-экономические меры, благодаря которым династия Хань существовала более четырех столетий.

Ключевые слова: Древний Китай, династия Цинь, династия Хань, политическая система, государственная устойчивость, легизм, конфуцианство, идеологическая интеграция, сравнительный анализ, централизация.

Актуальность исследования обоснована несколькими причинами.

1. Исторический анализ государственного строительства. Исследование трансформации от краткосрочной централизации Цинь (221–206 гг. до н. э.) к долговременной стабильности Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) позволяет выявить основные принципы поддержания устойчивости государственных систем в целом. Это служит классическим примером того, как военная сила без социальной основы уступает место более гибкому управлению.

2. Циклы и «династические государства». Период поздней древности (по терминологии В. В. Башкеева и М. Ю. Ульянова) иллюстрирует типичную для Китая модель «династического государства», где смена династии приводила к изменению управленческой системы. Анализ причин падения Цинь и процветания Хань важен для понимания дальнейшей двухтысячелетней истории китайской имперской власти.

3. Кризис авторитарных управленческих моделей. Империя Цинь является ярким примером крайностей централизации и жесткого администрирования (легизм), что привело к истощению социальных ресурсов и распаду. В то время как опыт Хань наглядно демонстрирует эффективность объединения строгих институтов Цинь с мягкими идеологическими механизмами (конфуцианство).

Цель исследования — выявление и комплексный анализ основных факторов, обеспечивших политическую и социальную устойчивость империи Хань по сравнению с империей Цинь, а также определение значения ханьского опыта для последующего развития китайской государственности.

Методы и инструменты исследования.

Исследование основывается на комплексном междисциплинарном подходе.

1. *Историко-генетический метод*: анализ эволюции политических институтов от Цинь к Хань, подчеркивающий как преемственность, так и нововведения, а именно изменение идейной и социальной политики.

2. *Сравнительно-исторический анализ*: сопоставление политических систем по ключевым параметрам, таким как отношения центра и провинций, идейная база, методы легитимации власти и её социальная опора.

3. *Институциональный анализ*: изучение государства как «династического», где фигура императора является центральной, а система управления рассматривается как совокупность различных институтов (налоги, армия, чиновничество).

4. *Источниковедческий анализ*: опора на данные «нормативных историй» (Чжэн Ши) — «Исторических записок» Сыма Цяня и «Истории (Западной) Хань» Бань Гу, а также на их современные научные интерпретации [1, 2]. Также используются статистические данные и учёт как инструменты управления.

Причины устойчивости империи Хань.

Империя Хань, основанная Лю Баном (Гао-цзу), смогла удержать власть благодаря пересмотру политики Цинь, сохранив ее технические достижения. Устойчивость обеспечивали следующие факторы.

1. Политический компромисс с элитами (удельная система).

Лю Бан не мог сразу опираться на мощный центральный бюрократический аппарат, который ещё не был создан. Он решился на сохранение старых региональных элит через создание уделов, что позволило стабилизировать ситуацию.

2. Идеологическая гибкость и объединение (конфуцианство и легизм).

Хань отказалась от чистого легизма, выбрав реформированное конфуцианство, которое адаптировалось под нужды империи. Это обеспечило поддержку образованного слоя, который получил доступ к власти.

3. Новая модель сакральной легитимации и региональной идентичности.

Лю Бан создавал новую иерархию, где имперская культура сосуществовала с местными традициями, а сам основатель династии был сакрализован.

4. Экономическая и социальная база (поддержка крестьян и местных кланов).

Хань уменьшила налоги и ослабила наказания, что восстановило сельское хозяйство и заручилось поддержкой большинства населения.

5. Изменения в военной системе.

Хань отказывалась от массовой мобилизации, создавая профессиональную армию, что снизило социальное напряжение и уменьшило риск быстрого захвата власти местными военными лидерами.

6. Учет и контроль при помощи статистики.

Хань развила систему учета, позволяя эффективно перераспределять ресурсы и регулировать цены, что сделало управление функциональным [3].

Практическая и теоретическая значимость исследования.

Теоретическая значимость: работа расширяет понимание феномена «конфуцианско-легистского государства», которое, по современным исследователям

(Чжао Динсинь), определило устойчивую политическую структуру Китая на протяжении двух тысячелетий. Исследование уточняет критерии устойчивости и хрупкости древних империй, показывая, что военной или административной мощи (как в Цинь) без идеологической легитимации и поддержки элит недостаточно для долговременного существования.

Практическая значимость: понимание механизмов интеграции элит, компромисса между центром и регионами, а также государственной идеи в поддержании стабильности может оказаться полезным и в современных политических исследованиях, и в практике государственного управления.

Исследование позволяет сделать следующие **выводы**.

1. Причина падения Цинь заключается не в слабости государства, а в его чрезмерной жесткости — полагание только на принуждение и игнорирование человеческого аспекта сделали систему негибкой и уязвимой.

2. Устойчивость Хань — это обеспечение сочетания:

— *идеологического*: легистская эффективность законов с конфуцианской моралью дало власти легитимацию;

— *экономического*: снижение налогов и поддержка частной инициативы способствовали восстановлению экономики;

— *политического*: компромисс с элитами и постепенное укрепление централизации сделали систему стабильной.

Рекомендации.

1. Углубить сравнительный анализ правовых систем Цинь и Хань для обнаружения преемственности в репрессивных методах.

2. Исследовать влияние внешнеполитических факторов на консолидацию общества вокруг династии Хань.

3. Продолжить работу с новыми археологическими находками, такими как бамбуковые таблички, которые могут внести ясность в управление того времени.

Итак, империя Хань не просто сменила Цинь, а создала новую политическую модель — конфуцианско-легистское государство.

Список литературы

1. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. II: Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н. э. III в. н. э.) / отв. ред. Л. С. Переломов; Ин-т Дальнего Востока РАН. М. : Наука : Восточная литература, 2016. 687 с.
2. История китайской цивилизации: в четырех томах. Т. 2: Цинь, Хань, Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии (221 до н. э. 581) / гл. ред. тома Чжан Чуаньси; пер. с кит. под ред. И. Ф. Поповой; РАН, Ин-т восточных рукописей. М. : Шанс, 2021. 606 с.
3. Льюис М. Э. Империи Древнего Китая: от Цинь к Хань: великая смена династий [пер. с англ. С. А. Белоусова]. М. : Центрполиграф, 2016. 413 с.

ФЕНОМЕН КЛИПОВОГО МЫШЛЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: ПОИСК ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ

Т. Д. Гашникова, *обучающийся*, С. Г. Горин, *канд. ист. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
sergey.g.gorin@gmail.com

Актуальность статьи обусловлена противоречием между клиповым мышлением учащихся и традиционной образовательной парадигмой. Цель работы — анализ данного феномена и обоснование интерактивных методов обучения как способа совершенствования процесса. На основе теоретического анализа в статье показана необходимость смены роли педагога с пассивного источника на организатора познавательного процесса для развития критического мышления.

Ключевые слова: клиповое мышление, клиповое сознание, цифровое поколение, образование, визуализация, педагогическая концепция, искусственный интеллект.

Клиповое мышление — это комплексный психолого-педагогический феномен, ставший адаптационной реакцией человека на массивный рост информации. Его ключевые характеристики в своих научных трудах выделяют такие отечественные исследователи, как Т. В. Семеновских, Ф. И. Гиренок, И. С. Кузнецов, О. А. Петрова и другие [2, 5, 6].

1. Фрагментарность. Объективная среда воспринимается как набор разрозненных, логически не связанных фактов и образов, что приводит к искажению полной картины мира. Это свойство непосредственно проистекает из «клиповой культуры», описанной Э. Тоффлером как культура, построенная на быстрой смене слабо связанных информационных фрагментов [1]. Ф. И. Гиренок, вводя понятие «клиповое сознание», связывал его с реакцией на отрывочные, эмоционально заряженные послылы.

2. Высокая скорость переключения предполагает способность и потребность быстро менять фокус внимания между разными задачами и информационными потоками [2]. Данная особенность, которую можно рассматривать как проявление когнитивной гибкости, с одной стороны, обеспечивает высокую адаптивность к многозадачной среде, однако именно она лежит в основе быстрой утомляемости студентов и их неспособности к длительной концентрации на учебном материале, что подтверждает двойственную природу феномена, его образовательную токсичность.

3. Визуальная доминанта. Преобладание образного, визуального типа восприятия среди учащихся над другими формами на первый взгляд облегчает усвоение учебного материала, однако впоследствии может проявляться как дисфункция. Как показало исследование И. С. Кузнецова, среди студентов более половины являются ярко выраженными «визуалами» [4].

4. Эмоциональность и алогичность. Оценка информации осуществляется не через осознание её достоверности и глубины, а по эмоциональному отклику,

который она вызывает. Сущность данного свойства раскрывается также через критический анализ и затрудненность в умении устанавливать причинно-следственные связи [5].

Таким образом, традиционная образовательная парадигма, основанная на принципах линейности, системности и последовательности (от простого к сложному), может вступить в противоречие с клиповым сознанием современного учащегося, истоки которого, на наш взгляд, будучи уже сформированным ранее, проявляются еще на начальном этапе образовательного процесса.

В своем педагогическом наблюдении В. В. Павлова и С. А. Полевой подтверждают проблему периода концентрации внимания и быстрой утомляемости при изучении сложных дисциплин у студентов с клиповым мышлением. Отмечается, что обучающиеся испытывают значительные проблемы с конспектированием, выделением главной мысли, логическим структурированием материала и работой с длинными смысловыми конструкциями [5]. Как отмечается А. П. Авдеевой и Ю. А. Сафоновой, подобный тип мышления — прямое порождение «клиповой культуры», сформированной телевидением, рекламой и интернет-средой, в частности, её гиперссылками, социальными лентами, а также набравшими массовую популярность короткими видеороликами [1]. На наш взгляд, этот недостаток можно отнести также к традиционным лекциям-презентациям.

Основываясь на приведенной выше краткой аргументации проблемы засилья клипового мышления в образовательной среде, мы полагаем, что перед педагогом стоит задача не пассивного приспособления к данному феномену и не его игнорирования, а выработки такой стратегии преподавания, которая позволит трансформировать особенности клипового восприятия в ресурс для развития системного мышления.

Презентации, традиционно используемые в лекциях для студентов, дробят образовательный контент на отдельные слайды, а обучающийся, усваивает не целостную концепцию, а набор разрозненных, не связанных логически фактов. Слайды становятся теми самыми «клипами», между которыми отсутствует логическая связь. У студента создается ощущение, что он понял материал, однако это понимание часто оказывается поверхностным. Просмотр презентации — это пассивный процесс, сходный с просмотром телевизора. В результате знания носят мозаичный, поверхностный характер, эффективно не усваиваются.

По нашему мнению, стандартной ошибкой преподавателя в лекции-презентации является дублирование одного и того же текста на слайде и в речи. Это не усиливает, а, наоборот, рассеивает внимание студента, так как он вынужден одновременно читать текст и слушать говорящего, что приводит к когнитивной перегрузке и мешает построению ментальной модели знания. Отметим также, что презентации, как правило, в их массовом исполнении предлагают готовые выводы. Они не передают различные парадоксы, сомнения, размышления автора, пришедшего к конкретному умозаключению, альтернативных точек зрения и прочее. Зачастую преподаватели переносят текст из учебника на слайды. Данная проблема усугубляется активным внедрением технологий.

Использование нейросети только для создания слайдов укрепляет привычку к готовым ответам и мешает студентам учиться мыслить самостоятельно. На наш взгляд, такой подход неэффективен — он компрометирует саму идею цифровизации образования, которая должна заключаться в изменении формата учебной деятельности в сторону интерактива, а не в смене носителя информации.

Таким образом, в рамках данной проблемы задача современного образовательного субъекта — не идти на поводу у клипового мышления обучающегося, а гармонично его использовать для развития недостающих навыков (анализа, синтеза, системного мышления, полемики, риторики и др.). Но для этого, на наш взгляд, необходима смена учебной парадигмы концепции.

Рассмотрим подробнее, какие именно активные и интерактивные методы обучения, по мнению исследователей, способны выступить альтернативой пассивному просмотру и трансформировать фрагментарность восприятия в инструмент познания [3, 6].

1. Проблемные лекции и «лекции-расследования»: преподаватель не передает знания, а создает проблемную ситуацию. Студенты самостоятельно, используя различные источники, ищут пути ее решения, а преподаватель выступает в роли регулятора.

2. Моделирование и анализ реальных профессиональных ситуаций, которые требуют комплексного подхода, выявления скрытых проблем и поиска неочевидных решений.

3. Длительная самостоятельная или групповая работа над созданием конкретного продукта. Данный метод группового проекта учит планированию, глубокому погружению в тему, работе в команде и ответственности за результат.

4. Дискуссии и дебаты формируют навык аргументации, учат слушать оппонента, критически и толерантно оценивать разные точки зрения, аргументировать и отстаивать свою позицию.

5. Вместо разрозненных слайдов рекомендуется использовать структурно-логические схемы и блок-схемы, которые наглядно демонстрируют алгоритмы, причинно-следственные связи и процессы.

6. «Цифровой детокс» как сознательное ограничение «цифрового потребления» среди учащихся.

7. Использование практики глубокого чтения художественной и научной литературы с последующим обсуждением и написанием эссе.

8. Метод парадоксов, когда студентам предлагаются два взаимоисключающих утверждения, что провоцирует когнитивный или интеллектуальный конфликт и стимулирует самостоятельный поиск истины.

Важно заметить, что данные методы апеллируют к сильным сторонам клипового мышления (быстрая реакция, визуальность, эмоциональность), но, несмотря на это, вынуждают студента выстраивать логические связи.

Таким образом, клиповое мышление — это объективная реальность современного образовательного процесса. Однако механическое упрощение и дробление материала в угоду клиповому восприятию, сводящее обучение к пассивному просмотру слайдов, представляет собой, на наш взгляд, деструктивный подход.

Такая стратегия не развивает мышление, а закрепляет его фрагментарность, формируя у студентов лишь иллюзию знания вместо целостного понимания предмета. Презентации не стоит использовать как основной и доминирующий инструмент преподавания, потому что они культивируют пассивность, фрагментарность и иллюзию знания.

Подлинная задача образования в условиях новых вызовов — не только умение образовательного субъекта креативно передавать информацию, но и научить правильно работать с ней. Это возможно только через активное вовлечение студента в учебную деятельность с помощью интерактивных методов, визуализации, развивающей системное мышление, что позволяет целенаправленно формировать «критический интеллект», способный противостоять манипуляциям в эпоху клиповой культуры. Именно поэтому большинство из приведённых нами методов обучения рекомендуется реализовывать на практике в качестве осознанных элементов учебного процесса, восстанавливающих способность к длительной концентрации внимания и рефлексии. Только сменив акцент с трансляции «готовых истин» на совместный поиск решений, образование сможет превратить вызов клипового мышления в точку роста для новой интеллектуальной культуры.

Список литературы

1. Авдеева А. П., Сафонова Ю. А. Универсальные характеристики клиповой культуры // Вестник университета. 2023. № 6. С. 186–194.
2. Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. М. : Проспект, 2015. 280 с.
3. Ефимова Г. З., Семенов М. Ю. Цифровой детокс молодежи (на примере использования социальных сетей) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 572–581.
4. Кузнецов И. С. Теория и практика проведения и исследования клипового мышления у учащихся : выпускная квалификационная работа магистра. 2020.
5. Полевой С. А., Павлова В. В. Особенности обучения студентов с клиповым мышлением // Открытое образование. 2017. Т. 21, № 2. С. 56–67.
6. Семеновских Т. В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. № 5 (24). С. 134.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «СУВЕРЕНИТЕТ»

В. Р. Захарова

Научный руководитель: С. П. Шатилов, *канд. юрид. наук, доцент*
Сибирский государственный университет путей сообщения (СГУПС),
г. Новосибирск, Россия
valleriaa623@gmail.com

В статье исследуется эволюция концепции государственного суверенитета от античности до современности. Рассматриваются ключевые этапы: зарождение элементов суверенитета в античности, формирование концепции абсолютной власти монарха (Боден, Макиавелли), теории общественного договора (Гоббс, Локк) и народного суверенитета (Руссо), философские подходы Канта и Гегеля. Анализируются вызовы XX–XXI веков: влияние принципа самоопределения народов, трансформация суверенитета в ЕС, проблема непризнанных государств и реализация суверенитета в современной России. Делается вывод о трансформации суверенитета из абсолютной категории в сложное качество, реализуемое в рамках международного права.

Ключевые слова: государственный суверенитет, народный суверенитет, эволюция государственности, верховенство власти, Жан Боден, общественный договор, Вестфальская система, национальное государство, международное право, глобализация, интеграционные процессы, Европейский Союз, наднациональные институты, непризнанные государства, Конституция РФ.

Актуальность исследования обусловлена трансформацией миропорядка в XXI веке, когда глобализация и международное право ставят под сомнение классический суверенитет. Его переосмысление необходимо для понимания перспектив государства и международных отношений.

Методологическую основу составляют историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, позволяющие проанализировать эволюцию суверенитета от античности до современных моделей.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения результатов для анализа пределов суверенитета России, внешнеполитических стратегий, статуса непризнанных государств и в образовательном процессе.

Суверенитет представляет собой фундаментальную категорию политико-правовой мысли, являясь неотъемлемым признаком любого государства. В общепринятой трактовке под суверенитетом понимается верховенство, самостоятельность и независимость государственной власти как внутри страны, так и на международной арене. Однако данное понятие не статично: на протяжении многих столетий его значение претерпевало серьезные изменения под влиянием событий, побуждавших мыслителей переосмысливать критерии власти и независимости стран [4].

Становление понятия суверенитета было неразрывно связано с эволюцией государственности. В античности понятие суверенитета в современном понимании отсутствовало, можно говорить лишь о генезисе его отдельных элементов.

Древнегреческое понятие «элевтерии» переносилось на города-полисы и рассматривалось как возможность автономного существования, способность обеспечивать территориальную целостность и осуществлять самоуправление. Однако, как отмечают исследователи, в античной Греции и Риме понятие суверенитета не было необходимым, поскольку государству не противостояло никакой другой претендующей на власть силы [2].

Подлинный синтез понятия суверенитета начался в эпоху позднего средневековья со становлением национальных государств. Идея формировалась как реакция на феодальную раздробленность для обоснования централизованной власти монарха.

Становление понятия связывают с именем Марсилия Падуанского. В трактате «Защитник мира» он предвосхитил идеи народного суверенитета, утверждая, что источником власти является народ, а право издавать законы принадлежит всем гражданам.

Становление светской рационалистической концепции суверенитета связывается с именами Никколо Макиавелли и Жана Бодена. Обосновывая необходимость политического объединения разобщенных владений, Макиавелли провозгласил высшим интересом интерес государства, которому должны подчиняться все остальные. Жизнеспособное государство, по Макиавелли, — это государство, в котором обеспечивается неограниченная власть монарха-суверена, хотя сам термин он не употребляет [3]. Жан Боден, идеолог государства нового типа, ввел понятие суверенитета как постоянной и абсолютной власти государства. Он определял суверенитет как политическое превосходство власти на своей территории, подчеркивая его неотчуждаемость и неделимость. Главный признак суверенной власти — способность издавать законы.

Дальнейшее развитие концепция получила в трудах Гоббса и Локка. Гоббс в «Левиафане» обосновал абсолютную суверенную власть необходимостью преодоления анархии через общественный договор. Локк же совершил революционный сдвиг: суверенитет перестал быть наследственным свойством монарха и стал производным от народа, который делегирует государству власть. В его теории формируется институт народного суверенитета.

Практическую реализацию суверенитет получил в Вестфальской модели 1648 года, закрепившей принцип территориального верховенства.

В трудах Жан-Жака Руссо суверенитет был переосмыслен как выражение всеобщей воли народа. Мыслитель обосновал его ключевые свойства — неотчуждаемость, неделимость и верховенство. Значение теории Руссо заключается в разрыве с традицией сакральности королевской власти: именно в этот период произошло разделение суверенитета на государственный и народный.

Развивая понятие, Иммануил Кант обосновывал различие между народным и государственным суверенитетом, ставя под вопрос неизбежность последнего, и выходил на идею всемирно-гражданского состояния. Георг Гегель, в противоположность Канту, отстаивал идею абсолютной ценности государственного суверенитета. Государство для Гегеля является осуществлением духовной свободы, выступая как нравственно целое и единое. В противоположность Руссо

и Канту Гегель не выводит суверенитет из воли народа, а связывает его непосредственно с идеей государства, рассматривая его как душу общества и абсолютное самоопределение [1].

В XX веке концепция народного суверенитета приобрела новое измерение. Устав ООН 1945 года закрепил право народов на самоопределение, которое трактуется как способность самостоятельно определять свой политический статус. Это предоставило колониальным странам международно-правовую основу для борьбы за независимость и вывело народный суверенитет за внутрисударственные рамки.

В XX–XXI веках суверенитет сталкивается с новыми вызовами. В современной трактовке он означает верховенство власти, подчиненной праву, и самостоятельность государства в рамках международного права. Приоритет международного права становится условием равенства государств.

Наиболее ярко трансформация суверенитета проявляется в интеграционных процессах, например, в Европейском союзе, где происходит размывание основ классического суверенитета. Принцип субсидиарности означает закрепление ограниченного суверенитета по отношению к государствам-членам ЕС. Объединяя государства, эта организация сосредоточила значительную часть элементов их суверенитета: регулирование торговли, валютно-финансовую сферу, трудовое законодательство. По мере глобализации национальное государство вынуждено делиться полномочиями с другими государствами, добровольно ограничивая собственные возможности. Это не означает, что государство прекращает существование, однако некоторые исследователи полагают, что оно сохраняется в качестве одного из звеньев механизма регулирования глобальных процессов [5].

Юрген Хабермас рассматривает суверенитет как сложную систему взаимоотношений государства, народа и личности. В условиях глобализации происходит транснационализация народного суверенитета: на наднациональном уровне (как в ЕС) государства подчиняются общему праву, сохраняя монополию на власть и разделяя суверенитет с гражданами. Однако на практике эта конструкция искусственна: на национальном уровне целостность государства по-прежнему определяется системой ценностей граждан.

Особую остроту проблема суверенитета приобретает в контексте непризнанных государств, которые, обладая признаками государственности, лишены статуса полноправных субъектов международных отношений.

В современной России ключевой задачей остается построение системы взаимодействия народного и государственного суверенитета. Согласно Конституции, носителем суверенитета является многонациональный народ, что предполагает волеизъявление на всех уровнях власти. Примером проявления народного суверенитета стал Конституционный референдум 2020 года.

Таким образом, эволюция понятия «государственный суверенитет» представляет собой сложный процесс, отражающий развитие государственности от античности до современности. Зародившись как обоснование абсолютной власти монарха, концепция прошла через идею народного суверенитета

и получила воплощение в Вестфальской системе, чтобы в современную эпоху столкнуться с вызовами глобализации. Суверенитет перестает быть абсолютным, превращаясь в сложное качество, реализуемое в рамках международного права. Дискуссии вокруг непризнанных государств и появление новых видов суверенитета подтверждают, что классическое понимание этой категории уже недостаточно для анализа современных международных отношений. Суверенитет остается ключевым элементом государственности, требующим постоянного переосмысления и адаптации к новым глобальным реалиям.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. Москва, 1990. 464 с.
2. Клименко О. А., Мирзоев А. К. К вопросу об эволюции понятия государственного суверенитета в истории правовой мысли (основные вехи развития от античности до современности) // Мир политики и социологии. 2016. № 3. С. 30–37.
3. Темнов Е. И. Макиавелли. Москва, 1979. 72 с.
4. Чунихина Т. Н. Эволюция и современная трактовка понятия «государственный суверенитет» // Кубанские исторические чтения : материалы II Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Краснодар, 26 мая 2011 года / Краснодарский центр научно-технической информации. Филиал ФГУ «Российское энергетическое агентство», Социально-гуманитарный вестник (г. Краснодар), Краснодарское отделение Российского общества интеллектуальной истории; Ответственные редакторы Курусканова Н. П., Улезко Б. В. Краснодар : Краснодарский центр научно-технической информации, 2011. С. 175–178.
5. Шишков Ю. В. Государство в эпоху глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 1. С. 3–13.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. А. Зюзь

Научный руководитель: С. П. Шатилов, *канд. юрид. наук, доцент*
Сибирский государственный университет путей сообщения (СГУПС),
г. Новосибирск, Россия
arinazuz082@gmail.com

В данной работе проведен анализ института злоупотребления правом в современной России, особое внимание уделено проблеме шиканы и злоупотреблений процессуальными правами. Рассмотрены теоретические подходы к пониманию данного феномена, выявлены ключевые сложности его квалификации в правоприменительной практике, связанные с доказыванием субъективной стороны недобросовестного поведения. По итогам исследования сформулированы предложения по совершенствованию гражданского и гражданского процессуального законодательства, направленные на обеспечение баланса интересов участников оборота и повышение стабильности правовых отношений.

Ключевые слова: злоупотребление правом, шикана, недобросовестность, пределы осуществления гражданских прав, принцип добросовестности, гражданский оборот, злоупотребление процессуальными правами, искусственные споры, судебная практика, защита прав.

В условиях динамично развивающегося гражданского оборота все более остро встает вопрос применения правовых средств, наносящих ущерб контрагентам. Базовым ориентиром частноправового регулирования служит принцип добросовестности, обязывающий участников вести себя честно и осмотрительно. Однако, невзирая на законодательное утверждение данного принципа, феномен использования права во зло продолжает расшатывать устойчивость оборота и подрывать равновесие интересов сторон [5, с. 184]. Наибольшую опасность в этом ряду представляет шикана — поступки, совершаемые с единственным умыслом — нанести вред другому участнику. Риск подобного поведения заключается в том, что урон причиняется путем осуществления субъективного права, не выходя при этом за предписанные законом пределы [2, с. 50]. Актуальность исследования обусловлена проблематикой юридической оценки таких актов в судах и разобщенностью подходов к определению недобросовестности. Целью данной работы выступает развернутое исследование института злоупотребления правом и подготовка рекомендаций по корректировке нормативного регулирования. В методологическую базу включены общенаучные методы познания, а также специально-юридические инструменты. Теоретическая значимость состоит в углублении знаний о природе злоупотребления правом, прикладная ценность — в возможности внедрения полученных результатов в законотворческую и судебную практику.

В науке гражданское право нет единого мнения касательно определения понятия «злоупотребление правом», активно обсуждается его соотнесение с категорией «недобросовестность» [5, с. 184]. Фундаментальное определение

дано В. П. Грибановым, который акцентировал внимание на том, что этимологически слово «злоупотребление» связано с понятием «зло», поэтому под ним следует понимать реализацию права во вред [1, с. 336]. Подобный подход квалифицирует злоупотребление как специфический вид поведения, при котором лицо, реализуя принадлежащее ему право, посягает на защищаемые законом интересы окружающих. На уровне Конституции РФ запрет на осуществление прав в ущерб другим зафиксирован в ч. 3 ст. 17. Развивая эту норму, ст. 10 ГК РФ определяет границы осуществления гражданских прав, устанавливая прямой запрет на шикану, обход законодательства с противоправной целью, а также прочие формы очевидно недобросовестных действий.

В доктрине злоупотребление правом рассматривается как сложный юридический феномен, который одновременно является и императивным предписанием (ограничением), и критерием, устанавливающим рамки субъективного права, то есть объем допустимой свободы управомоченного лица [3, с. 4–5]. Отсутствие в ст. 1 ГК РФ (основных началах гражданского права) прямого указания на недопустимость злоупотребления правом создает определенные трудности для его последовательного воплощения в правоприменительной реальности [3, с. 12]. Коварство шиканы заключается во внешней правомерности действий субъекта: пока не выявлена их целенаправленность на ущемление интересов других, они остаются юридически «незаметными» и, соответственно, ненаказуемыми [2, с. 50]. Это формирует зону правовой неопределенности, где различие между разрешенным и запрещенным становится малозаметным.

Основная проблема при установлении шиканы лежит в области подтверждения субъективной стороны — обнаружения прямого умысла нарушителя [5, с. 185]. Так как непосредственные доказательства умысла обычно отсутствуют, суды вынуждены оперировать набором косвенных улик и фактических данных, оценивая действия стороны в совокупности со всей ситуацией. Высшие судебные инстанции пояснили, что отказ в охране права возможен, если подтверждено, что поступки лица были ориентированы на ущемление интересов других лиц. При этом отсутствие в законе указания на исключительность такой цели дает возможность расценивать шикану как деяния, где намерение причинить ущерб является главенствующим, пусть даже присутствуют и другие мотивы [2, с. 51]. Значительной трудностью остается слабая юридическая подготовка: потерпевшие часто не знают о своем праве оспорить поступки недобросовестного лица, а нарушители полагаются на безнаказанность [2, с. 51]. Иллюстрацией может выступать случай, когда взыскатель намеренно не предъявляет исполнительный документ, чтобы создать дополнительные сложности для должника; такие действия суд может считать злоупотреблением [2, с. 52].

Данная проблема не менее характерна и для процессуальных отношений. Несмотря на то, что ч. 1 ст. 35 ГПК РФ обязывает добросовестно пользоваться процессуальными правами, легальное толкование злоупотребления ими отсутствует. Как отмечает А. В. Юдин, злоупотребление процессуальными правами — это намеренные недобросовестные действия, внешне напоминающие реализацию права, но осуществляемые для ущемления прав иных участников

процесса или срыва работы суда [4, с. 209–210]. Чаще всего встречаются такие формы, как торможение судебного разбирательства путем регулярных неявок, заявление немотивированных ходатайств, подача надуманных исков (имитация спора), а также обжалование актов суда только с целью затягивания их вступления в силу. Наибольшую угрозу представляют собой фиктивные споры — иски, соответствующие формальным требованиям, но направленные на достижение скрытых противоправных целей (например, легализация недвижимости, уклонение от налогов или вывод имущества). Такие поступки снижают авторитет судебной власти и дискредитируют саму идею правосудия.

Проведенное исследование показывает, что проблема злоупотребления правом имеет сложный, междисциплинарный характер. Оценочный подход ст. 10 ГК РФ и нечеткость критериев добросовестности создают значительные трудности при применении права. Ключевыми задачами остаются: доказывание умысла в делах о шикане и формирование эффективных способов борьбы со злоупотреблениями в суде. По результатам работы можно выдвинуть следующие идеи по улучшению законодательства. Для повышения императивности запрета целесообразно изменить формулировку п. 2 ст. 10 ГК РФ, сделав санкцию безусловной: при несоблюдении требований п. 1 настоящей статьи суд отказывает лицу в защите его права [3, с. 17]. Кроме того, нужно дополнить ст. 1 ГК РФ прямым указанием на недопустимость злоупотребления правом, что поставит его в один ряд с базовыми принципами гражданского права. Для ликвидации пробелов в процессуальном праве следует закрепить в ГПК РФ легальную дефиницию злоупотребления процессуальными правами и примерный перечень самых частых видов таких нарушений.

Для борьбы с фиктивными исками предлагается установить материальную ответственность для истца (к примеру, штраф) по образцу санкций, предусмотренных за ложный донос (ст. 306 УК РФ). Чтобы предотвратить затягивание слушаний, следует расширить дискреционные права суда по назначению защитника при систематическом отсутствии ответчика и на законодательном уровне уточнить последствия повторной неявки представителя без уважительных оснований. Необходимо продолжать обобщение и изучение судебной практики вышестоящими инстанциями для создания единых критериев квалификации злоупотреблений и формирования понятных ориентиров для нижестоящих судов. Применение этих мер будет способствовать поддержанию справедливого баланса интересов сторон, повышению стабильности гражданских правоотношений и росту доверия к судебной системе.

Список литературы

1. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М. : Статут, 2001. 411 с.
2. Колесников О. П. Правомерная форма злоупотребления правом в современной России // Современное право. 2007. № 2. С. 50–52.

3. Рыженков А. Я. Принцип недопустимости злоупотребления правом в гражданском праве России // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 112 (08). С. 1–22.
4. Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. М. : Волтерс Клувер, 2009. 360 с.
5. Яковлев П. А. Злоупотребление правом в современных гражданских правоотношениях // Вестник науки. 2025. Т. 4, № 4 (85). С. 184–189.

«МЕРТВЫЕ НОРМЫ» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Д. К. Капранчук

Научный руководитель: А. А. Никитчик, *канд. юрид. наук*
Омская ордена Почета академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации (ОмА МВД России), г. Омск, Россия
diana.kapranchuk@inbox.ru

В данной статье исследуется феномен «мертвых норм» в российском законодательстве через призму теоретических подходов дореволюционных, советских и современных правоведов. Анализируются причины нереализованности правовых предписаний, среди которых выделяются недостатки юридической техники, избыточность государственного вмешательства и отсутствие надлежащего содействия со стороны правоприменительных органов.

Ключевые слова: правовая норма, правовое регулирование, «мертвые нормы», правотворчество, законодательство.

Современное российское законодательство отличается высокой динамичностью, что напрямую влияет на сам правотворческий процесс. Увеличение объема нормативной базы приводит к появлению значительного количества правовых норм, которые так и не получают должной реализации. Случаи, когда законодатель неверно определяет пределы правового регулирования или когда общественные отношения перестают соответствовать диспозиции нормы, наглядно иллюстрируют проблему существования так называемых «мертвых норм».

Зачастую причиной нереализованности регулятивного потенциала юридической нормы становится некорректная формулировка самого текста статьи, в которой она закреплена. В свою очередь, принцип правовой определенности, находящий воплощение в ст. 1, 18, 19 Конституции Российской Федерации, требует от законодателя ясности, определенности и избежания двусмысленности правовых норм.

Однако проблема эффективности правореализации не исчерпывается лишь качеством юридической техники. Так, отдельные недостатки последней могут быть восполнены в процессе интерпретационной деятельности высших судебных инстанций. Другими словами, даже норма, имеющая текстуальные изъяны, способна сохранить свою действенность, если встретит необходимое содействие со стороны правоприменительных органов и будет скорректирована в актах официального толкования.

При этом некорректным может являться не только изложение нормы, но и само решение законодателя урегулировать те или иные отношения, когда вмешательство государства избыточно, преждевременно или вовсе не требуется. Примечательно, что необходимость соблюдения указанных правил подчеркивал еще Ш. Л. Монтескье: «Когда закон не нуждается в исключениях, ограничениях и видоизменениях, то всего лучше обходиться без них. Такие подробности

влекут за собою новые подробности», что также подчеркивает проблему существования «неэффективных» норм [1].

Наряду с этим проблема «мертвых норм» длительное время находится во внимании российского научного сообщества, в частности, дореволюционного юриста С. А. Муромцева. Правовед обращал внимание на то, что даже закрепленная в законе норма не гарантирует желаемого поведения субъектов. Иллюстрируя этот тезис, он указывал на «бессилие юридических норм, направленных против ростовщичества, разврата и т. п.» [2, с. 77]. Как считал С. А. Муромцев, законодателью далеко не всегда достаточно просто предписать желаемый порядок вещей, чтобы он действительно воплотился в жизнь. В связи с этим мыслитель предлагал различать нормы «действующие» (реально работающие) и «мертвые» (не находящие применения).

Рассматривая юридическую норму в ее соотношении с «правопорядком», С. А. Муромцев выделял различные степени их несоответствия. Наибольший интерес представляет случай, когда норма не просто отклоняется от правопорядка, но и направлена на защиту противоположных, «враждебных» ему начал. Именно такое полное противоречие, согласно правоведу, и определяет сущность и содержание «мертвой нормы» [2, с. 80].

«Мертвым нормам» С. А. Муромцев противопоставляет право иного рода — «фактическое, действующее на практике» [2, с. 81]. К нему ученый относил реальные договорные отношения, семейные и земельные связи, то есть те явления, которые могут существовать и развиваться без прямого закрепления в тексте закона.

Исследовательский интерес к проблемам реализации права сохранялся и в советской юриспруденции. Так, С. А. Сидоров отмечает, что «мертвая норма» даже после вступления в силу не отражает реальных обстоятельств и объективных возможностей участников общественных отношений. Более того, возникает конфликт между нормативным содержанием прав и обязанностей, закрепленных в законе, и их действительным содержанием, которое, согласно мнению исследователя, определяется социальными ролями носителей, а не текстом правовой нормы [3, с. 206].

В контексте правоприменительной практики показательным является обращение к гл. 26 Уголовного кодекса РФ «Экологические преступления», действующей с 1 января 1997 года. Несмотря на то, что данная глава включает 19 статей, предусматривающих ответственность за различные экологические преступления, столь обширный перечень составов не обеспечивает надлежащей защиты соответствующей сферы общественных отношений. Данный тезис подтверждается результатами анализа официальной судебной статистики.

Три статьи данной главы — ст. 248, 257 и 259 УК РФ — никогда не применялись. Частота применения остальных составов также остается крайне низкой. Исключение составляют лишь ст. 256 и 260 УК РФ, по которым количество осужденных составило 1 255 и 1 060 человек соответственно. Для сравнения: по ст. 250 УК РФ было осуждено всего 2 лица, а по ст. 251 УК РФ — 4 лица [4]. Изложенные данные свидетельствуют о том, что гл. 26 УК РФ служит характерным

примером «мертвых норм» в российском праве. Отсутствие либо крайне низкая интенсивность правоприменения по большинству статей указывают на неэффективность существующего регулирования. Подобная ситуация закономерно ставит вопрос о том, насколько соблюдались требования к качеству законодательной техники при создании данных норм.

В связи с этим уместно обратиться к позиции В. М. Баранова, который подчеркивал важность «законодательного стиля» как неотъемлемой части «ресурсного обеспечения нормотворчества» [5, с. 228, 225]. По мнению ученого, несоблюдение определенного «стиля» при создании нормы права способно предопределить ее дальнейшую нежизнеспособность.

Повышение качества российского законодательства и обеспечение стабильности правового регулирования обуславливают необходимость выработки единого подхода к квалификации и устранению «мертвых норм». В связи с этим обоснованным представляется переход от доктринального осмысления данного феномена к его законодательной фиксации (независимо от конкретного терминологического обозначения). Легальное определение понятия послужит основой для создания правового института, регламентирующего порядок выявления и отмены устаревших или нежизнеспособных предписаний, что будет способствовать повышению уровня системности и эффективности законодательства.

Список литературы

1. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения; общ. ред. и вступ. статья М. П. Баскина. М. : Политиздат, 1955. 799 с.
2. Муромцев С. А. Избранные труды. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 383 с.
3. Стругова Е. В. К вопросу о реализации права и «мертвых нормах» в российском законодательстве // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2016. № 6. С. 201–207.
4. Судебная статистика РФ : официальный сайт. Москва. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/> (дата обращения: 02.03.2026).
5. Юридическая техника : учебник / под ред. В. М. Баранова. М. : Проспект, 2021. 648 с.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ФУНКЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Э. А. Касьянова, В. А. Суворова

Научный руководитель: А. П. Петров-Рудаковский, *канд. экон. наук, доцент*
Белорусский государственный университет транспорта (БелГУТ),
г. Гомель, Беларусь
evelinakasianova05@gmail.com

В статье обосновывается, что обеспечение национальной безопасности — это главная функция современного государства. Она носит комплексный характер и охватывает военную, политическую, экономическую, информационную и другие сферы.

Ключевые слова: национальная безопасность, функции государства, государственная политика, комплексная безопасность, устойчивое развитие.

В условиях трансформации мировой политической системы, усложнения структуры угроз и усиления взаимозависимости государств обеспечение национальной безопасности становится центральной функцией современного государства. Если в классическом понимании *безопасность* ассоциировалась преимущественно с военной защитой территории и суверенитета, то в XXI веке она приобрела комплексный характер, охватывающий политические, экономические, информационные, технологические, экологические и гуманитарные измерения.

Актуальность исследования данной темы обусловлена множеством факторов. Наряду с традиционными военными конфликтами усиливается значение международного терроризма, киберугроз и информационных атак в силу высокого уровня технологий, экономических санкций и торговых войн в современных развитых государствах, биологических и эпидемиологических рисков, транснациональной преступности, климатических и экологических вызовов и угроз внутри самого государства для себя.

Обострение геополитической конкуренции, региональные конфликты, пересмотр принципов международного права и кризис институтов коллективной безопасности усиливают неопределённость стратегической среды. Таким образом, исследование обеспечения национальной безопасности приобретает особую значимость как в теоретическом, так и в прикладном аспекте.

Цель настоящего исследования — комплексный анализ содержания и механизмов обеспечения национальной безопасности как системообразующей функции современного государства, а также разработка рекомендаций по совершенствованию государственной политики в данной сфере.

В исследовании применены системный и структурно-функциональный подходы, позволившие рассмотреть национальную безопасность как целостную и интегрирующую функцию государства. Также проведён контент-анализ понятий в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. В качестве

инструментов использованы стратегические документы, правовые источники, официальные статистические данные и научные публикации.

Исследование обосновывает положение о том, что обеспечение национальной безопасности является системообразующей функцией государства, объединяющей все ключевые направления его деятельности, раскрывает комплексный характер безопасности и взаимосвязь внутренней устойчивости с внешней защищённостью. Практическая ценность работы заключается в возможности использования выводов при совершенствовании государственной политики, корректировке стратегических документов и повышении эффективности межведомственного взаимодействия в сфере безопасности.

Согласно Концепции национальной безопасности, принятой Республикой Беларусь в 2024 году, национальная безопасность — состояние защищённости национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее ее устойчивое развитие [1]. Это также означает защищённость личности, общества и государства; состояние, обеспечивающее реализацию конституционных прав граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие страны.

Понятие «национальная безопасность» — это термин, в котором скрыты и другие секторы безопасности государства. Он включает в себя политическую, экономическую, научно-технологическую, социальную, демографическую, биологическую, информационную, военную и экологическую безопасность. Таким образом, безопасность приобретает комплексный характер.

Функции государства — это главные направления его деятельности. Издревле сложилось так, что государство нужно для того, чтобы управлять экономикой, заботиться о людях, защищать порядок внутри страны и охранять её от врагов снаружи. Однако, если рассматривать национальную безопасность как совокупность вышеприведенных структурных компонентов, то обеспечение национальной безопасности и есть главное направление деятельности государства, так как оно включает в себя все известные функции государства. Далее рассмотрим, почему так происходит.

Обеспечение военной безопасности издавна являлось базовым элементом национальной безопасности государства. Оно предполагает наличие достаточного оборонного потенциала для предотвращения агрессии и защиты территориальной целостности и суверенитета страны как самостоятельной и сильной нации на мировой арене.

Экономическая безопасность характеризует способность национальной экономики функционировать независимо от внешнего давления и обеспечивать внутреннюю и внешнюю устойчивость к экономическим угрозам в неблагоприятные периоды.

Цифровая трансформация усилила зависимость государства от информационных систем. Угрозы в данной сфере включают в себя кибератаки на критическую инфраструктуру, информационные войны, манипулирование общественным сознанием, утечку стратегических данных. Следовательно, информационная безопасность — это защита информационной инфраструктуры и информационных

ресурсов от информационных угроз.

Политическая безопасность — это состояние защищённости конституционного строя, легитимности государственной власти и устойчивости политической системы от внутренних и внешних дестабилизирующих факторов. Соответственно защищённость в политическом плане — это управляемость государства и предсказуемость его развития.

Социальная безопасность отражает уровень защищённости населения от социальных рисков — бедности, безработицы, социальной маргинализации, конфликтов и резкой поляризации общества. Это мир и отсутствие напряженности в обществе.

Экологическая безопасность — это защищённость окружающей среды и населения от угроз природного и техногенного характера. Экологические риски носят долгосрочный характер и напрямую влияют на экономическую и социальную стабильность.

Биологическая безопасность предполагает защиту государства и населения от биологических угроз в виде эпидемий, пандемий, биотерроризма, распространения опасных инфекций. Она тесно связана с социальной и экологической безопасностью, так как затрагивает людей, флору и фауну.

Демографическая безопасность связана с устойчивостью воспроизводства населения и сохранением человеческого потенциала страны. Снижение демографического потенциала отражается на численности трудоспособного населения, а демографическое старение создает долгосрочные социально-экономические риски и влияет на обороноспособность государства и ее развитие и положение в мире, ведь молодые люди — это новые идеи.

Научно-техническая безопасность отражает способность государства обеспечивать технологический суверенитет и конкурентоспособность в условиях глобальной инновационной конкуренции. Отставание в научно-технической сфере приводит к стратегической уязвимости во всех остальных сферах безопасности, особенно в военной, цифровой и экономической.

Обеспечение национальной безопасности — это не изолированная деятельность силовых структур, а комплексная государственная стратегия, охватывающая все сферы функционирования общества. Современное государство должно обеспечивать военную защиту, гарантировать экономическую устойчивость, поддерживать политическую стабильность, защищать информационное пространство, инвестировать в технологическое развитие и формировать устойчивое и сплочённое общество.

Таким образом, обеспечение национальной безопасности — это обеспечение как внутренней, так и внешней ее защищённости во всех вышепересмотренных сферах. Поэтому обеспечение такой безопасности означает безопасность государства на всех уровнях и во всех сферах, что и является главной функцией государства.

В современных условиях необходимы: усиление стратегического прогнозирования угроз, развитие технологического суверенитета, совершенствование координации государственных органов и поддержание демографической

и социальной стабильности как долгосрочной основы национальной безопасности.

Список литературы

1. Решение Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 № 5. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/> (дата обращения: 19.02.2026).

ЛЕГИЗМ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИКУ ИМПЕРИИ ЦИНЬ

Е. А. Ковяткина

Научный руководитель: М. Ю. Шматов, *ст. преподаватель*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
kovyatkinaelizabetha05@gmail.com

В данной работе рассматривается, как учение легизма позволило объединить разрозненные царства Древнего Китая, создать эффективную административную систему и способствовало технологическому развитию. Как репрессии и социальное истощение привели к краху династии Цинь всего за 15 лет. Многие легистские принципы (централизованное управление, бюрократия) оказали глубокое влияние на последующую эволюцию китайской государственности, будучи интегрированными в конфуцианскую идеологию (концепция «внутри легизм, снаружи конфуцианство») на протяжении многих веков.

Ключевые слова: Древний Китай, легизм, философия, империя Цинь.

Легизм — это влиятельное политико-философское учение Древнего Китая, возникшее в IV—III веках до н. э. в период внутренней нестабильности, получивший название Сражающихся царств. На фоне хаоса и многочисленных войн возникла потребность в строгом, централизованном управлении, в основе которого нужны были единые и общеобязательные правила. Легизм (от *lex* — закон) во многом стал противовесом конфуцианству, апеллировавшему к морали и традициям. Для легистов важнее всего были закон (фа), строгая дисциплина и неограниченная власть монарха [1].

Изучение легизма актуально для понимания причин трансформации разрозненного Китая в единую централизованную империю. Это учение создало основу китайской государственности: административную систему, бюрократию и налогообложение, которые в той или иной форме просуществовали более двух тысяч лет.

Благодаря высокому уровню развития китайской историографии и книжной культуры нам хорошо известны основоположники учения и их ключевые труды.

1. Гуань Чжун — советник правителя царства Ци, первым выдвинул концепцию управления страной на основе «закона/образца» (фа).

2. Шан Ян — основоположник легизма, инициатор реформ, усиливших авторитет государства. Составленные им проекты реформ и указов вошли в трактат «Шан цзюнь шу» («Книга правителя области Шан»).

3. Хань Фэйцзы — систематизатор легистской теории (сборник «Ханьфэйцзы»).

В основе учения лежат следующие ключевые понятия.

1. Фа — закон/норма: ясные, публичные, одинаково применяемые правила и санкции; правовой механизм управления.

2. Шу — административные приёмы, методики управления: секреты канцелярской техники, контроль над чиновниками, манипуляция информацией.

3. Ши — власть, положение, политическая сила: институциональная мощь правителя, его привилегированная позиция и способность навязывать исполнение.

Методы реализации.

1. Кодификация законов и публичное их провозглашение.

2. Масштабные административные реформы (деление территории для эффективного управления, должности, налоги).

3. Единые меры, письменность, стандартизация.

4. Жёсткие карательные меры.

5. Ликвидация политической оппозиции и ограничение идеологических конкурентов (цензура, запрет на свободное философское учение, особенно конфуцианское).

Основоположники легизма объясняли потребность в жёстких методах управления «злой природой человека»: они считали людей эгоистичными и стремящимися лишь к личной выгоде. Поэтому воспитать человека (как учил Конфуций) было для них невозможно и не нужно. Людей можно лишь контролировать через страх наказания.

Природа действия закона (фа) была двойственна: «два рычага управления» — награда за заслуги и наказание за малейший проступок. При этом законы провозглашались общеобязательными, их необходимо было чётко и понятно прописывать, чтобы не допустить двойного толкования. Достаточно прогрессивная философия для той эпохи — этим и объясняется большое число её сторонников.

Высшими провозглашались интересы государства как силы, способной остановить междоусобицы и обеспечить порядок, запрос на который был колоссальным в Сражающихся царствах. Соответственно и отбор управленцев должен был осуществляться не по принципу знатности или образованности, а исходя из их конкретных заслуг перед государством — это открывало социальные лифты для представителей практически всех сословий, достаточно было лишь преданности правителю. При этом в обществе вводилась коллективная ответственность — за проступки одного человека несла ответственность вся его община; это усиливало взаимный контроль подданных друг за другом, облегчая государству выполнение полицейских функций.

В экономической сфере поощрялось развитие сельского хозяйства и всего того, что способно обеспечивать армию. Материальные интересы подданных были в фокусе внимания правителя; за обеспечение необходимых благ требовалась лояльность законам и главе государства, который воплощал в себе высшего радателя за спокойствие страны (и многие китайцы именно этого и ждали от идеального властелина) [2].

В отличие от морально-нравственно ориентированного конфуцианства и даосизма с его идеологией ухода от любых сложных политических проблем, легизм предлагал жесткий, но реалистичный план преодоления раздробленности. Это и стало причиной его победы в державе Цинь в III веке до н. э.

Первым в полной мере реализовал идеи легизма на практике правитель упомянутого царства Цинь, принявший титул Цинь Шихуанди (первый император Цинь). С помощью своего советника, легиста Ли Сы, он провел радикальные преобразования.

1. Ликвидация раздробленности путём уничтожения старых границ царств и разделения Китая на 36 округов во главе с назначаемыми из столицы чиновниками.

2. Стандартизация мер и весов, письменности и даже размера телег. Всё это связало страну и административно, и экономически.

3. Идеологический террор против конфуцианцев: массовые казни и сожжение книг (кроме медицинских и гадательных, т. е. тех, в которых власть видела практический интерес).

4. Грандиозное строительство, присущее большинству ирригационных империй Востока с мобилизационным типом хозяйства: мобилизация миллионов подданных позволила построить Великую Китайскую стену, сеть дорог и грандиозный заупокойный комплекс с терракотовой армией. Все это делалось ценой колоссальных человеческих жертв.

Легизм помог Китаю консолидироваться в своих цивилизационных границах, упорядочить систему управления и даже совершить технологический рывок — единые стандарты способствовали развитию ремёсел и торговли. При этом профессиональная система сбора налогов пополняла государственную казну, что позволяло реализовывать масштабное строительство. В известном смысле многовековая экономическая мощь Китая как «мастерской мира» была заложена ещё в те годы.

Однако мобилизационная экономика истощала людские и материальные ресурсы страны — земледельцы, оказавшиеся на великих строительствах, уже не могли выращивать необходимые объёмы урожая. Гонения на мудрецов и книги привели Китай к культурной катастрофе. Всё это вылилось в стремительное падение легитимности некогда спасшей страну династии Цинь — она правила всего 15 лет (221–206 гг. до н. э.). После смерти Цинь Шихуанди империя быстро пала вследствие народных восстаний. И виной тому тоже был легизм.

Тем не менее учение вошло в историю как одна из первых в мире политических доктрин, способствующих выходу из затяжного кризиса государства. Ряд принципов централизованного государства, актуальных в Китае и ряде других стран, восходят именно к учению Шан Яна. Следующая (и более устойчивая) династия Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) опиралась на конфуцианство, но интегрировала государственнические принципы легизма в свою идеологию [3]. Таким образом, сам легизм показал способность к трансформации. Этот синтез («внутри легизм, снаружи конфуцианство») стал политическим фундаментом Китая на последующие два тысячелетия — именно в эту эпоху Китай перестал быть изолированным конгломератом стран Восточной Азии и обрёл мировую известность благодаря своим знаниям, технологиям и колоссальным экономическим возможностям [4].

Список литературы

1. Рубин В. А. Проблемы развития политической мысли древнего Китая в книге Л. Вандермерша «Формирование легизма» // Народы Азии и Африки. 1968. № 2. С. 181 – 190.
2. Васильев Л. С. Государство и частный собственник в теории и практике легизма // Общество и государство в Китае : 5-я научная конференция. М., 1974.
3. Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981. 334 с.
4. Набойченко А. О. Конфуцианство и легизм во времена правления Цинь // Власть книги: библиотека, издательство, вуз. 2023. № 7 (23). URL: <https://www.dvfu.ru/library/almanac-power-books/-vypusk-7-23/Набойченко23.pdf> (дата обращения: 16.03.2026).

**ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ПРАВА (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ
И КАЗАХСТАНСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ПРАВА)**

С. А. Купцова

Научный руководитель: Ю. В. Дружинина, *канд. ист. наук, доцент*
Новосибирский государственный педагогический университет (НГПУ),
г. Новосибирск, Россия
vera.buhovec@yandex.ru

В статье представлены результаты сравнительного анализа содержания разделов по теории государства и права в российских и казахстанских школьных учебниках права. Выявлено, что российский учебник делает акцент на историко-теоретическом подходе и эволюции правовых идей, в то время как казахстанский транслирует прагматичный подход освоения норм национальной правовой системы. Оба подхода отражают общие задачи правового образования и специфику государственно-правовых приоритетов каждой страны.

Ключевые слова: учебник, право, теория государства и права.

С древних времен людей интересовал вопрос, что такое право и что такое государство. Философы, мыслители и в Древнем Риме, и в Древнем Востоке так или иначе затрагивали эти вопросы. Выдвигали суждения, теории о роли и месте права и государства в жизни каждого человека и общества в целом. Этот вопрос интересовал их прежде всего потому, что право и государство и в древнем, и в современном обществах касаются каждого из нас [1, с. 11].

В процессе исследования использовались общенаучные методы: анализ и синтез учебного материала, обобщение выявленных особенностей, а также принцип историзма, позволивший рассмотреть содержание учебников в контексте образовательных и государственно-правовых традиций каждой страны. Основным методом выступил сравнительный анализ.

Результаты настоящей работы имеют как теоретическое, так и практическое значение. Теоретическая значимость заключается во вкладе в теоретические аспекты методики преподавания права. Практическая значимость состоит в том, что выводы исследования могут быть использованы преподавателями, методистами и разработчиками учебной литературы для совершенствования школьных курсов права в России и Казахстане.

Целью статьи является сравнительный анализ содержательных аспектов изложения теории государства и права в российских и казахстанских школьных учебниках.

В качестве материала для исследования были отобраны: российский учебник «Право» за 10–11 классы [4] и казахстанские учебники «Основы права» за 10–11 классы [2, 3].

В России учебник «Право» издан для 10–11 классов в одном томе, содержащем пять частей: от истории и теории права до правовой культуры. В Казахстане учебники разделены по классам: 10 класс включает пять разделов, от «Право

и государства» до раздела «Международное право», 11 класс состоит из двух частей, повторяющих и углубляющих тематику 10 класса.

Таким образом, ключевое отличие заключается в структуре: российский учебник представляет собой единый системный курс, а казахстанский разделён на два года обучения с последовательным усложнением материала.

Российский учебник по праву построен по принципу от истоков к современности. Первая глава посвящена историко-теоретическим основам: в ней рассматриваются основные теории происхождения государства и права, вклад таких мыслителей, как Платон, Аристотель, Цицерон, Гоббс, Локк, а также развитие правовых систем от Античности до современной России.

Вторая глава — «Право» — сосредоточена на ключевых понятиях теории государства и права: сущности, признаках, функциях и формах государства, природе права, его системе и источниках.

Российский учебник «Право» содержит не только исторические аспекты теории государства и права, но и предоставляет старшеклассникам материал для освоения правовых основ на базовом или углубленном уровне. Это закладывает прочную основу для их будущей жизни в рамках правового поля.

В предисловии к казахстанскому учебнику «Основы права» 10 класса написано: «Цель данного предмета — дать объективные знания о праве, государстве, правовой системе; сформировать способность анализировать правовые нормы, деятельность органов государственной власти; ознакомить с основными отраслями права; обучить практическим навыкам, с помощью которых можно защищать свои права, исполняя обязанности. В итоге изучение предмета направлено на формирование правового сознания и правовой культуры» [2, с. 4].

Первая глава учебника для 10 класса, озаглавленная «Основные понятия о праве и государстве», призвана ввести учащихся в фундаментальные аспекты двух ключевых категорий — права и государства, их характерные признаки и функции, различные источники права, сущность государственности, а также структуру правовой системы и её основные отрасли.

В 11 классе школьников из Казахстана знакомят со следующими темами в рамках первого раздела «Право и государство»: законодательство, правовая культура, государство в политической системе общества; развитие правового государства и гражданского общества в Республике Казахстан; защита прав человека в Республике Казахстан; судебная система Республики Казахстан.

Проведенный сравнительный анализ российского и казахстанского учебников позволяет говорить, что они содержат общую цель правового образования в обеих странах — формирование у учащихся школ системных знаний о государственно-правовой реальности и воспитание правовой культуры. Вместе с тем результаты анализа позволили выявить и различия в акцентах изложения вопросов о государстве и праве в учебниках стран-партнеров. Так, в российском учебнике основной подход к изложению содержания — историко-теоретический. Он делает акцент на генезисе и эволюции правовых и политических идей. В казахстанском учебнике «Основы права» главный подход — прагматичный и системно-ориентированный, делается акцент на структуре и применении

действующих норм. При анализе выявилась структурная особенность изложения материала в учебниках: в России концентрированное издание для 10–11 классов с единой сквозной логикой, а в Казахстане — модульное построение, отдельные учебники для 10 и 11 классов с повторяющейся (но углубляющейся) структурой разделов. В российском учебнике акцент делается на том, что право является продуктом интеллектуальной и исторической эволюции (вклад мыслителей, специфика развития в разных цивилизациях). В казахстанском учебнике право представлено как инструмент регулирования общественных отношений и защиты прав в конкретном государстве.

Таким образом, российская модель преподавания права делает акцент на историко-философском контексте, формируя теоретическую базу правосознания. Казахстанская модель ориентирована на прикладное освоение национальной правовой системы, развивая практические компетенции. Оба подхода взаимодополняемы и отражают как общие цели правового просвещения, так и специфику образовательных традиций каждой страны. Их сравнительный анализ важен для совершенствования методик преподавания, позволяя сочетать теоретическую глубину с практической направленностью.

Список литературы

1. Абдулаев М. И. Теория государства и права : учебник для высших учебных заведений. СПб. : Питер, 2014. 1007 с.
2. Основы права. Учебник 10 класс / А. С. Ибраева [и др.]. Алматы : Мектеп, 2019. 297 с.
3. Основы права. Учебник 11 класс / А. С. Ибраева [и др.]. Алматы: Мектеп, 2025. 153 с.
4. Никитин А. Ф., Никитина Т. И. Право. 10–11 классы. М. : Дрофа, 2019. 409 с.

ПРИНЦИП ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ: ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЙ

Е. А. Тимошенко

Научный руководитель: Н. А. Бабичева, *канд. юрид. наук, доцент*
Донецкий государственный университет (ДонГУ), г. Донецк, Россия
n.timowenko@mail.ru

В работе исследуется проблема соблюдения принципа верховенства права при введении режимов чрезвычайного и военного положения. На основе теоретико-правового анализа выявляются недостатки действующего законодательства, связанные с фрагментарностью правового регулирования и конкуренцией специальных режимов. Обосновывается необходимость систематизации и унификации правовых норм для обеспечения баланса между интересами национальной безопасности и защитой конституционных прав граждан.

Ключевые слова: верховенство права, правовое государство, чрезвычайное положение, военное положение, пределы ограничения прав, специальные правовые режимы, конституционные гарантии, систематизация законодательства.

Актуальность темы исследования обусловлена эскалацией глобальных угроз в современных условиях, требующих от государства оперативного применения экстраординарных мер управления. Как справедливо отмечают С. Б. Немченко и Е. В. Хрулева, современная действительность характеризуется не только геополитической напряженностью, но и ростом числа чрезвычайных ситуаций (ЧС) природного, техногенного и биолого-социального характера, включая трансграничные пандемии. Пандемия COVID-19 наглядно продемонстрировала, что ограничительные меры, затрагивающие конституционные права граждан (на свободу передвижения, предпринимательскую деятельность, труд), становятся реальностью, требующей четкого правового обоснования [1].

Особую остроту проблеме придают текущие геополитические процессы. Как указывается в материалах конференции «Безопасность — 2024», сегодня, когда коллективный Запад объявил Россию своим главным военным противником, недружественные страны пытаются применить различные методы для дестабилизации общества. В этих условиях потребность в безопасности актуализируется на всех уровнях — индивидуальном, общественном и государственном [2]. Это требует не только усиления обороноспособности, но и совершенствования правовых механизмов, включая законодательство о гражданской обороне и защите от ЧС.

Правовая неопределенность пределов допустимых ограничений и наличие конкурирующих специальных режимов (чрезвычайное положение, военное положение, режим контртеррористической операции) создают риски как для устойчивости правопорядка, так и для защиты прав личности, что обуславливает необходимость теоретико-правового анализа данных институтов.

Целью настоящей работы является теоретико-правовой анализ пределов ограничения прав и свобод человека в условиях специальных правовых режимов, выявление системных недостатков их правового регулирования и разработка предложений по совершенствованию законодательства для обеспечения принципа верховенства права.

Методологическую основу исследования составили как общенаучные методы (анализ, синтез), так и специально-юридические методы познания. Посредством формально-юридического метода были проанализированы положения Конституции РФ, федеральных конституционных законов от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» и от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении», а также смежного отраслевого законодательства (ФЗ № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», ФЗ № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от ЧС»). Особое внимание уделено анализу последних изменений в Федеральном законе «О гражданской обороне», направленных на повышение оперативности реагирования. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить основания, процедуры введения и перечни ограничительных мер при различных режимах, выявив их конкуренцию и дублирование, что подробно рассматривается в современной научной литературе. В работе также анализируются правовые позиции Конституционного Суда РФ (постановление № 49-П от 25.12.2020), подтвердившего конституционность ограничительных мер в период пандемии.

Практическая и теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость работы заключается в уточнении понятийного аппарата и выявлении противоречий в концептуальных подходах к ограничению прав человека в условиях особых правовых режимов. Как отмечается в исследованиях, «режим при ЧС отличается от режима чрезвычайного положения», что требует самостоятельного правового регулирования. Кроме того, анализ понятия «безопасность» как сложного многогранного социального явления, имеющего конкретно-исторический характер, позволяет глубже понять детерминанты современной правовой политики в этой сфере [3].

Практическая значимость состоит в том, что сформулированные выводы и рекомендации могут быть использованы.

Для законодателей: в процессе кодификации и унификации законодательства о специальных правовых режимах; для правоприменителей — при разрешении коллизий, возникающих в связи с действием различных нормативных актов в условиях кризиса; для ученых-правоведов — в качестве основы для дальнейших исследований проблем имплементации принципа верховенства права в экстремальных ситуациях.

Выводы и рекомендации. *Необходимость актуализации законодательства.* Действующее законодательство о чрезвычайном и военном положении, сформированное в иных исторических условиях, обнаруживает признаки неэффективности. Как отмечает О. А. Габова, после введения военного положения выяснилось, что нормы, принятые 20 лет назад, оказались недостаточно эффективными, что потребовало их оперативной доработки [3]. Аналогичная

ситуация гипотетически возможна и с режимом чрезвычайного положения, который не вводился с 1994 года. Это проявляется в сложности оперативно-го применения и в конкуренции с более гибкими режимами (режимом повышенной готовности или режимом ЧС), что снижает эффективность правового регулирования.

Проблема систематизации и конкуренции режимов. Выявлена избыточность и фрагментарность правовых режимов, преследующих схожие цели. ФКЗ «О чрезвычайном положении» и специальные законы (№ 35-ФЗ, № 68-ФЗ) фактически регулируют сходные общественные отношения, но с разной процедурой введения. Органам власти оперативнее ввести режим контртеррористической операции или ЧС, чем запускать сложную процедуру введения чрезвычайного положения через указ Президента и его утверждение Советом Федерации. Для обеспечения принципа правовой определенности требуется систематизация разрозненных норм и создание единого кодифицированного акта, который четко установит исчерпывающий перечень оснований для введения экстраординарных мер, их иерархию и критерии соразмерности ограничений.

Оптимизация процедур и обеспечение прозрачности. Ключевым направлением реформирования должно стать упрощение и унификация процедур введения специальных режимов при одновременном усилении парламентского и судебного контроля. Положительным примером здесь выступают предлагаемые изменения в законодательство о гражданской обороне, которые наделяют вышших должностных лиц субъектов РФ правом вводить в действие соответствующие планы, а также создавать межведомственные штабы для координации действий [4]. Это свидетельствует о движении в сторону большей оперативности и гибкости. Опыт пандемии COVID-19 показал, что ограничения, вводимые на уровне субъектов РФ, должны быть соразмерны угрозе и подконтрольны судебной власти. Правовые механизмы должны быть прозрачными и понятными для граждан, что является условием легитимности государственного принуждения и соблюдения принципов правового государства даже в условиях кризиса.

Список литературы

1. Немченко С. Б., Хрулева Е. В. Об ограничении конституционных прав и свобод граждан в чрезвычайных ситуациях в современных условиях // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 4. С. 45 – 52.
2. Безопасность. 2024. Проблемы техносферной безопасности современного мира : сб. материалов XXIX Всерос. студенч. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Иркутск, 24 – 26 апреля 2024 г.). Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2024. 274 с.
3. Габова О. А. Специальный административно-правовой режим чрезвычайного положения // Актуальные проблемы теории и истории государства и права : сборник научных статей. Кемерово : Кузбасский институт ФСИН России, 2024. С. 45 – 52.

4. Часов Д. В., Тимофеева С. С. Изменения в законодательстве о гражданской обороне и защите от чрезвычайных ситуаций // Безопасность. 2024 : материалы XXIX Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 24–26 апреля 2024 года. Иркутск : Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2024. С. 254–256.

МЕХАНИЗМЫ КАНОНИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПОМЕСТНЫМИ ЦЕРКВАМИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ XX ВЕКА

С. Д. Цыплаков

Научный руководитель: С. М. Цыплакова, *канд. культурологии, доцент*
Новосибирский государственный педагогический университет (НГПУ),
г. Новосибирск, Россия
nikitinats@yandex.ru

В статье рассматриваются механизмы канонического регулирования отношений между поместными православными церквями в условиях геополитических трансформаций XX века. Анализируются вопросы автокефалии, канонической территории, соборности, церковной дипломатии в контексте влияния государственных и национальных факторов на межцерковное взаимодействие. Цель исследования — выявить основные канонико-правовые инструменты сохранения единства православной церкви в период масштабных политических изменений.

Ключевые слова: поместные православные церкви, каноническое право, автокефалия, каноническая территория, соборность, церковная дипломатия, геополитические трансформации XX века.

Актуальность темы обусловлена усилением межправославных противоречий в условиях геополитических трансформаций XX века, повлиявших на статус и взаимодействие поместных церквей. Цель исследования — проанализировать канонико-правовые механизмы регулирования отношений между ними в условиях политических и национальных трансформаций. В работе использованы историко-правовой и сравнительный методы, а также анализ нормативных источников. Теоретическая значимость заключается в систематизации механизмов межцерковного регулирования, а практическая — в возможности использования результатов в исследованиях по церковной истории и каноническому праву.

XX век стал периодом масштабных политических и территориальных изменений: распад империй, формирование национальных государств, мировые войны, идеологическое противостояние в мире — всё это существенно повлияло на структуру и внешние связи православной церкви. В этих условиях особую роль приобрели канонические механизмы, направленные на сохранение догматического и еucharистического единства при изменении политической среды.

Основанием межцерковных отношений в православной традиции выступают каноны древней церкви и постановления Вселенских соборов. Как подчёркивает Н. А. Поляков, основу взаимодействия составляют нормы, регулирующие еucharистическое общение, признание канонической территории, а также соблюдение принципа соборности [1]. Нарушение этих принципов и становится в основном причиной кризисов и расколов.

С догматико-канонической точки зрения единство церкви предполагает сочетание административной самостоятельности поместных церквей и их принадлежности к единой Вселенской церкви, при этом каноническое право выступает

связующим звеном, объединяющим божественное и человеческое начала, что является основой межконфессионально-культурного диалога [2]. В этом контексте автокефалия рассматривается не как абсолютная независимость, а как форма внутреннего самоуправления при сохранении единства веры и литургического общения. Проблема автокефалий в контексте православия стала одной из центральных в XX веке. С. В. Мячин указывает на отсутствие универсально закреплённого механизма её дарования [3]. Это обусловило различия в интерпретации канонической традиции и усилило напряжённость в условиях формирования новых государств, давивших на церковь ради возникновения «национальных» автокефалий. Изменение государственных границ в XX веке поставило вопрос о перераспределении церковной юрисдикции над отдельными территориями. В числе ключевых проблем выделяются споры о канонической территории и возникновение параллельных структур. Ярким примером данного процесса стал фактор массовой эмиграции из России после революции 1917 года: на одной территории (например, в Париже) возникло множество параллельных юрисдикций. В одном географическом пространстве одновременно сосуществовали приходы Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ), Западноевропейский экзархат русских приходов под омофором Константинополя и приходы Московского патриархата. Таким образом, А. Н. Лецинский показывает, что подобные явления были обусловлены не только каноническими разногласиями, но и социально-политическими факторами, что требовало комплексного подхода к их урегулированию [4].

В странах Балканского региона формирование национальных государств сопровождалось укреплением связи религиозной и национальной идентичности. В результате канонические вопросы нередко оказывались включёнными в процессы нациестроительства, что усложняло межцерковное взаимодействие. Существенное влияние на межцерковные отношения оказал государственный фактор. Исследования внешнеполитической деятельности Русской православной церкви в послевоенный период свидетельствуют о координации её международной активности с государственными структурами. Документальные материалы подтверждают институционализированное взаимодействие церкви и государства в вопросах контактов с Восточными патриархатами.

А. В. Мазырин, анализируя отношения Русской церкви с Константинопольским патриархатом в начале XX века, подчёркивает значительную роль политических обстоятельств в возникновении напряжённости и фактического разрыва отношений [5]. В условиях международных кризисов каноническое регулирование приобретало характер сложного баланса между верностью традиции и необходимостью институционального выживания.

Традиционным механизмом разрешения споров в православной экклезиологии остаётся соборность. В богословско-канонической традиции подчёркивается, что окончательное разрешение межцерковных конфликтов возможно на общецерковном уровне через согласованное решение поместных церквей [2]. Попытки подготовки Всеправославного собора в 1960-е годы сопровождались дискуссиями о процедуре предоставления автокефалии и границах юрисдикции, однако политическая ситуация затруднила достижение консенсуса [3].

Историографический анализ показывает, что регулирование отношений между поместными церквями в XX веке осуществлялось через совокупность взаимосвязанных механизмов: применение древних канонов и их актуальное толкование; догматико-каноническое обоснование принципа единства; признание или непризнание автокефалии; её политико-правовую интерпретацию; урегулирование споров о канонической территории и параллельных структурах; учёт национального фактора; использование церковной дипломатии; влияние политических обстоятельств на межцерковные отношения [4, 5].

Обобщая результаты исследования, можно сделать вывод, что каноническое регулирование в XX веке стало динамическим процессом, в котором незыблемые догматы веры адаптировались к радикальным геополитическим изменениям. Несмотря на внешние вызовы, каноническая традиция подтвердила свою устойчивость как главный механизм сохранения целостности православия через институты соборности, автокефалии и соблюдение границ канонических территорий. Опыт столетия показывает, что разрешение юрисдикционных кризисов (включая проблему параллельных структур) требует сочетания канонической строгости и исторической гибкости. Стратегическим приоритетом остается совершенствование общецерковных процедур и укрепление соборного взаимодействия, что позволит институционализировать ответы на современные вызовы и обеспечить стабильность межправославных отношений в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Поляков Н. А. Основные условия отношений между Поместными Православными Церквями: канонический анализ // *Праксис*. 2023. № 1 (10). С. 139–148.
2. Цыплаков С. Д. Божественное и человеческое начало в каноническом праве как основа межконфессионально-культурного диалога // *Первые шаги в науке : материалы V Международной студенческой научной конференции*, Курск, 17 ноября 2025 года. Курск : Курский государственный медицинский университет, 2025. С. 109–116.
3. Мячин С. В. Вопрос о предоставлении автокефалии и автономии в Православной церкви в связи с созывом Всеправославного собора в 60-х годах XX века // *Вестник Оренбургской духовной семинарии*. 2023. № 2 (27). С. 155–165.
4. Лещинский А. Н. Параллельные структуры в православии: генезис и противоречия в отношениях с поместными церквями // *Религиоведение*. 2009. № 2. С. 97–109.
5. Мазырин А. В. Патриарх Тихон и Константинопольская патриархия: к вопросу о причинах фактического разрыва отношений // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской православной церкви*. 2015. № 6 (67). С. 9–37.

ПРАВОВОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОКАЗАНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Д. Д. Юданов, *обучающийся*, Р. А. Осипов, *канд. юрид. наук, доцент*
Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА),
г. Саратов, Россия
ioudd@yandex.ru

Статья посвящена исследованию существенных признаков правового прогнозирования института оказания бесплатной юридической помощи. Цель исследования — охарактеризовать особенности прогностической деятельности как формы совершенствования законодательства в области обеспечения граждан данным видом правовой помощи.

Ключевые слова: бесплатная юридическая помощь, государственная система оказания бесплатной юридической помощи, негосударственная система оказания бесплатной юридической помощи, правовое прогнозирование, правовой прогноз.

Оказание бесплатной юридической помощи как разновидности юридической деятельности прямо пропорционально влияет на состояние социальной справедливости, как элемент правозащитного механизма в российском правовом и социальном государстве индицирует доступ к правосудию. Указанный институт характеризуется социальной ориентированностью и восприимчивостью к изменениям количества и содержания правовых проблем и вопросов, волнующих социально незащищенные категории граждан, что, как следствие правотворческой деятельности, отражается в расширении адресатов рассматриваемого вида правовой помощи и случаев её оказания [1, с. 30–31]. В связи с данными обстоятельствами особую роль играет правовое прогнозирование как особая форма совершенствования законодательства в области обеспечения граждан данным видом правовой помощи и методологический прием осуществления исследуемого вида юридической деятельности.

В целом сама по себе прогностическая деятельность, являясь разновидностью научно-практических исследований правовых явлений и процессов, обеспечивает повышение устойчивости и предсказуемости правовой системы посредством использования определенной методологии [2, с. 26]. В этой связи правовой прогноз может мыслиться как обязательный элемент в первую очередь законотворческого процесса.

Стоит отметить, что правовой прогноз — это не только результат сложной многогранной деятельности соответствующих специалистов, но и форма правового моделирования объекта исследования [3, с. 46–47]. В контуре рассматриваемого в представленном исследовании направления прогностической деятельности в результате её осуществления представляется оптимально возможная модель развития института бесплатной юридической помощи, отвечающая государственной политике и существующему запросу общества.

Дифференцируя направления и возможности правового прогноза, К. В. Агамиров выделяет три уровня анализируемого вида деятельности: прогнозирование

развития законодательства в целом, совершенствования отдельных отраслей, их институтов и норм, а также правовое поведение личности [4, с. 18–19]. Применительно к рассматриваемой сфере правоотношений стоит отметить, что правовой прогноз затрагивает два уровня (направления): институциональный (материальный прогноз) и социологический (процессуальный прогноз).

Первый представлен исследованием отдельных аспектов анализируемого института и предложениями по совершенствованию законодательства в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью. Основой (источником) указанной прогностической деятельности служат не только состояние системы оказания рассматриваемого вида правовой помощи, представленное в нормативных и доктринальных положениях, но и статистические данные и доклады Минюста России и субъектов исследуемого вида юридической деятельности. В подобном прогностическом исследовании представляется оптимально возможная социально ориентированная модель института бесплатной юридической помощи, обеспечивающая реальную возможность защитить свои права и законные интересы, восстановить социальную справедливость в обществе.

Второй уровень связывается с поведением субъектов оказания исследуемого вида правовой помощи и субъектов права на её получение. Данный тип правового прогноза определяет предпосылки и обстоятельства, при которых субъекты соответствующих правоотношений будут соблюдать установленные нормативные предписания [4, с. 288–289]. В представленном ракурсе прогностическая деятельность исходит из анализа аналогичных институциональному уровню источников информации, а также учета сложившейся практики реализации норм законодательства в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью (например, опросных листов, заполняемых гражданами по результатам рассмотрения их обращений, материалов по отказу в оказании соответствующей помощи и др.).

Необходимо подчеркнуть, что юридической теорией выдвинута и иная типология прогностической деятельности: в зависимости от исходного начала и цели рассматриваемого вида правового исследования выделяют поисковый и нормативный прогноз [5, с. 12].

Первый вид основывается на моделировании при сложившейся тенденции развития правового явления или процесса его вероятностного будущего состояния. Такого типа прогноз призван выявить возможную проблемную ситуацию и представить возможные пути её преодоления, что положительно сказывается на совершенствовании исследуемого объекта. Применительно к анализируемой области правоотношений возможно отнести к поисковому прогнозу, например, исследование модели системы оказания бесплатной юридической помощи в условиях цифровой трансформации рассматриваемого правового института.

В свою очередь, в рамках нормативного прогноза через определение желаемой модели будущего состояния правового явления или процесса разрабатывается система последовательных действий по совершенствованию исследуемого объекта. Подобная прогностическая деятельность по развитию института бесплатной юридической помощи может быть представлена, например, в виде

формирования «дорожной карты» по возможному расширению категорий граждан, имеющих право на её получение, в связи с изменением демографической картины российского общества.

Таким образом, правовое прогнозирование, являясь неотъемлемым элементом специальной юридико-экспертной деятельности, способствует совершенствованию правовых явлений и процессов на различных уровнях. В целях наиболее исчерпывающего и качественного исследования института оказания бесплатной юридической помощи и построения вероятностной будущей его модели мы считаем необходимым не ограничиваться только юридическими изысканиями в рамках прогностической деятельности. Правовой прогноз должен быть интегрированным, основываться не только на нормативных, доктринальных и практических, но и социологических и других аспектах исследуемого объекта. По нашему мнению, подобный подход положительно скажется на развитии рассматриваемого института, обеспечивая социальную ориентированность и восстанавливая социальную справедливость.

Список литературы

1. Юданов Д. Д. Стандартизация оказания бесплатной юридической помощи юридическими клиниками: вопросы теории и практики // Роль юридической клиники в системе оказания бесплатной юридической помощи: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 ноября 2024 года. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. С. 30–34.
2. Никитин А. А., Кондрашов Ю. А. Принципы правового прогнозирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2006. № 6 (167). С. 25–32.
3. Закоморный И. В. Отдельные теоретические и практические аспекты юридического прогнозирования (часть 1) // Представительная власть. XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2004. № 4 (58). С. 45–48.
4. Агамиров К. В. Проблемы юридического прогнозирования: методология, теория, практика : монография; под науч. ред. Р. В. Шагиевой. М. : Юркомпани, 2015. 408 с.
5. Анохин А. Н., Курабцева А. П. О значении юридического прогнозирования в совершенствовании системы правового регулирования // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70), № 4. С. 11–18.

Научное издание

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ
МОЛОДЕЖНЫЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ
им. профессора Н. Н. ПРОТОПОПОВА
в рамках II Юбилейного молодежного
форума «Траектория успеха», приуроченного
к 70-летию со дня основания Сибирского
университета потребительской кооперации
(СибУПК)**

*Сборник материалов
Часть 3*

Новосибирск
24 – 26 марта 2026 года

Под ред. Э. А. Новосёловой

*Редакторы В. И. Дмитриева, Е. В. Добровольская,
Е. А. Федосеева, А. А. Филичева
Компьютерная верстка А. М. Бабушкина*

Подписано в печать 27.04.2026. Формат 60×84/ 16. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Печ. л. 21,5. Уч.-изд. л. 19,99. Заказ № 34.

Типография Новосибирского государственного технического университета.
630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20.